

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. АКМУЛЛЫ
РОССИЙСКИЙ ИСЛАМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЦДУМ РОССИИ**

ВАЛЕРИЙ СЕМЕНОВИЧ ХАЗИЕВ

**ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И
ПЕДАГОГИКА ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НОВОЙ
РОССИИ**

(итоги последнего десятилетия)

УДК
ББК
Х

Печатается по решению редакционно-издательского совета Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

Хазиев Валерий Семенович. История, философия, антропология и педагогика исламского образования новой России (итоги последнего десятилетия). Монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – ? с.

Монография посвящена краткой истории (1990 – 2013 гг.), мировоззренческим основаниям и достижениям новой российской системы исламского образования. Материал собран, систематизирован и отредактирован из переработанных выступлений автора на конференциях, «круглых столах», семинарах, рабочих совещаниях и других заседаниях, посвященных государственно-конфессиональным отношениям в целом и системе исламского образования в частности. Для создания единой логики изложения и мировоззренческого обоснования пути развития системы исламского образования новой России в работу включены также фрагменты различных публикаций (тезисы докладов, статей и монографий) автора, в том числе и работы, написанные в соавторстве, с любезного разрешения коллег.

Если кратко резюмировать пройденный за двадцать с небольшим лет путь становления системы исламского образования новой России, можно сказать, что создана почти с нуля новая, современная отечественная (российская) система исламского образования – патриотичная, с гражданской ответственностью, адаптированная к нашей социальной системе и к нашему менталитету. Это достижение позволяет удовлетворять потребности России в исламских кадрах своими силами. Единственный недостаток современного состояния исламского образования новой России – отсутствие (пока!) выдающихся личностей (богословов, теологов, философов) ранга Аль-Газали и Аль-Кинди, Абу-Ханифы и Аль Бируни, Аль-Фараби и Ибн-Сины. Они, несомненно, будут, ибо мы - не скудеющая на таланты страна. Но для их появления нужен философский, антропологический и социологический фундамент, создаваемый трудом многих. Автор надеется, что данная работа также станет частью этой плодородной почвы. Одному человеку все и сразу сделать невозможно. Но нужно с чего-то начинать. Нужна хотя бы общая схема. Этим если и не оправдывается, то, по крайней мере, объясняется структура работы и определенная ее фрагментарность. История и итоги системы исламского образования новой России, контуры ее философских, антропологических, социологических и педагогических основ – таково содержание глав и параграфов предлагаемой книги.

Рецензенты:

Д.ф.н., профессор Мухамедьянов Самат Абдрахимович

Д.п.н., профессор Бенин Владислав Львович

ISBN

© Издательство БГПУ, 2013

© Хазиев В.С., 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4-14
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НОВОЙ РОССИИ	
§ 1. Историческая память в становлении российской системы мусульманского образования.....	15-29
§ 2. Элементы и функции системы исламского образования новой России.....	29-46
§ 3. Религиозное образование о целостном мире и человеке.....	47-59
ГЛАВА 2. ФИЛОСОФИЯ КАК РУКОВОДСТВО К ПОЗНАНИЮ И ЖИЗНИ	
§ 1. Философия как наука.....	60-93
§ 2. Философия как учение об истинном человеке в Абсолюте.....	93-98
§ 3. Истина человеческого бытия.	98-112
ГЛАВА 3. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТИННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ	
§ 1. Трагедия онтологической истины.....	113-122
§ 2. Античные и средневековые учения об онтологической истинности человека.....	122-135
§ 3. Онтологическая истинность человека в русской философии..	136-147
ГЛАВА 4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ "ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ЧЕЛОВЕКЕ"	
§ 1. У истоков социоантропогенеза.....	148-165
§ 2. Эмпиризм духовной жизни.....	165-177
§ 3. Хаос и космос в эпосе башкир "Урал-батыр".....	177-197
ГЛАВА 5. УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК	
§ 1. Онтология и метафизика педагогики	198-213
§ 2. Умный на Голгофу не пойдет.....	213-218
§ 3. Слово об учителе.....	218-226
§ 4. Антропология и педагогика Абу-Ханифы.....	226-233
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	234
ЛИТЕРАТУРА	235

ВВЕДЕНИЕ

Тот, кто не знает свою историю и не ценит достижения прошлых поколений, не способен в полной мере положительно воспринимать и ценить настоящее, а также прогнозировать безопасное будущее.

Маршрут пройденного за последние двадцать лет (1990-2010 гг.) пути становления новой российской системы исламского образования, если без конкретных и многообразных деталей, а только по узловым моментам, достаточно прозрачен, ясен и понятен. Я бы выделил пять этапов, которые условно можно было бы назвать: «начальный» (1989-1994гг.), «за опытом за границу» (1994-2000 гг.), «адаптация чужого опыта» (2000-2005 гг.), «выработка принципов и формирование собственной системы исламского образования» (2005-2012 гг.) и планы на перспективное будущее.

Общий смысл деятельности субъектов (мусульманской уммы, отдельных муфтиятов, различных групп и отдельных людей) формирования этой социальной образовательной системы определялся современной российской действительностью, самой общественной жизнью. Для того, чтобы жизнь общества и отдельных людей не попадала в тупик и не оборачивалась пустой тратой времени и сил, необходимо чутко следить за реальными процессами. В этом кипящем котле социальных инноваций зарождаются потребности общества и людей с их проблемами, в нем же можно увидеть и пути решения этих проблем, найти ответы на вызовы времени. Мудрый политик или социальный субъект не тот, кто прочитал много умных книг и пытается, ломая и круша все вокруг, втиснуть в надуманные идеалы общественного устройства реальную действительность. Это, как уже давно известно, утопический подход, который неизбежно приведет к жертвам и трагедиям, какими бы громкими словами о стремлении к всеобщему благу, справедливости, свободе, материальному благополучию всех ни сопровождался. Жизнь необходимо улучшать, руководствуясь не взятыми из старых фолиантов мудрыми мыслями (их, безусловно, надо знать, ибо это – один из критериев профессионализма лидера), тем более не взятыми с потолка или высосанными из пальца, даже не взятыми из самых благих намерений, а мыслями, идеями, полученными из творческого наблюдения за процессами реальной жизни социума. А это не просто. Это – тяжкий труд истинного познания и честного отношения к себе и к обществу. Иного не дано. Другой путь – путь профанации, дилетантизма и субъективизма, благими намерениями которого, как известно, вымощена дорога в ад.

В творческом познании и применении полученных знаний к жизни общим критерием должен быть один – счастье человека, земное и, если кто в это верит, вечное. Счастье – это когда человек может жить в согласии с самим собой, с окружающими его людьми и с миром; когда обеспечена в обществе стабильность и безопасность его естественных и неотъемлемых ценностей: жизни, здоровья, свободы, материального благополучия семьи. Сказать иначе: счастье – это когда человек жив, здоров, свободен, его семья материально обеспечена и когда он живет в согласии с собой, с людьми и с остальным миром.

Субъекты формирования современной российской системы исламского образования вынуждены были прийти к этим выводам о философских основаниях

своей деятельности, так сказать, «по ходу дела». Можно с гордостью утверждать, что это им удалось. Если подводить краткий итог двадцати лет пути развития, явно видно, что создана современная отечественная система исламского образования – патриотичная, с гражданской ответственностью, адаптированная к государственному языку и культуре; к истории и традициям исповедующим ислам народов; к нашей экономике; к нашему правовому пространству; к российской политической системе и даже к особенностям наших природных условий.

В итоге были сформулированы основные принципы современного мусульманского образования новой России.

1. Российская система мусульманского образования (РСМО) должна сохранять и приумножать гуманистические идеалы и ценности ислама. При этом возникали дискуссии о "модернизации" ислама или исламской системы образования. К слову сказать, в ходе этих дискуссий неожиданно пришли к выводу, что догматичность, стабильность, константность, консерватизм, историческая инвариантность идеалов и ценностей религии есть как раз ее достоинство, позитив, отличающий религию от науки, которая неустанно бежит вперед, меняется, дополняется, изменяется, уточняется. Должно же быть в нашей жизни что-то стабильное и исторически инвариантное! Модернизируется не религия, а система образования.

2. РСМО должна быть российской, а не "египетской", "турецкой", "иранской", "марокканской", "тунисской", "индонезийской" или еще какой-либо другой, т.е. должна быть адаптирована к душе, духовной жизни, речи, быту, моде, национальной кухне – одним словом, к материальной и духовной культуре наших народов. И здесь возникали дискуссии. Например, о праве российских женщин-мусульманок глядеть прямо в глаза мужьям, вместе с которыми прошли через земной ад: голод, войну, спасая детей и мужей. Трагическая история страны, ее граждан, драматическая судьба женщин России накладывают свой отпечаток на гендерные и семейные отношения. К слову сказать, это тоже не новость. Права и роль в обществе, скажем, казашки-мусульманки резко отличаются от прав и роли узбечки-мусульманки. Трудно представить узбечку, скачущую на коне и камчой оценивающей женихов. Российские мусульмане любят своих женщин – матерей, жен, дочерей – иначе, чем турки, египтяне, иранцы, что бы они про них не говорили и чему бы нас не учили в отношениях между мужчинами и женщинами. Тем более, что в каждой из этих стран тоже есть свои различия в отношениях людей, в том числе и в семьях.

3. РСМО должна сочетать научное и духовное образование, т.е. должна быть адаптированной к современной жизни, т.е. должна быть подготовкой "мусульманской интеллигенции", а не только мусульман-богословов, т.е. профессиональных священнослужителей. Были дискуссии о том, что в исламских образовательных учреждениях всех уровней, кроме богословских, должны быть и факультеты профессиональной подготовки: врачей, юристов, экономистов, журналистов, писателей, инженеров, филологов, историков и т.д.

4. РСМО должна быть современной: компьютерная техника, информационные технологии, новые организационные и методические

формы. Шли активные дискуссии о дистанционном образовании, об использовании электронных учебников, об академической и университетской мобильности, о системе кредитов, об индивидуальной траектории обучения и компетентностном подходе и др. Речь не об огульном отрицании других подходов, практиковавшихся в прошлом, а о том, чтобы, сохранив все ценное из прошлого, создать новое, соответствующее вызовам современной жизни. Попытки "привить" средневековые формы жизни без изменений к реалиям современной повседневности – не просто очевидная глупость, а попытка реализовать невозможное. Достаточно посмотреть на историю самого Арабского халифата или историю Османской империи, чтобы увидеть, что ислам во всех аспектах изменялся соответственно изменяющимся социальным реалиям. В этом плане интересна теория, возникшая в Турции во времена реформ Ататюрка, о "доарабском исламе".

5. РСМО должна опираться на философскую антропологию, рассматривающую человека как единого в своей антиномичной, дихотомичной сущности, как существо телесное и духовное, конечное и вечное, рациональное, чувственное, трансцендентное. Были дискуссии о концепции "целостного человека" и недостатках традиционной (деятельностной) педагогики. Усложнение социального бытия неизбежно ведет к разделению труда, к дифференциации общества и специализации деятельности. "Частичный" человек – вынужденная мера социума, ибо никто не в силах за одну короткую человеческую жизнь охватить все стороны материальной и духовной культуры истории человечества. Но в каждом островке индивидуальной жизни должны быть право и свобода выбора из всего исторически наличного, что каждый человек сочтет нужным для своего счастья.

6. РСМО должна представлять единство воспитания и обучения, причем доминировать должно воспитание. Проходили чрезвычайно интересные дискуссии об общенаучных и иррациональных методах обучения и воспитания, скажем, в кадимизме и джадидизме, о чем тоже будет подробнее сказано ниже в данной книге. Учить того, кто не приобрел "человеческие качества", невозможно, его можно лишь дрессировать, используя насилие или манипулируя его естественными рефлексам. Педагогика начинается с воспитывающего обучения, или обучающего воспитания. Основная задача образования – образовать в "человеке человеческое".

7. РСМО должна опираться на три "вечных кита" педагогики: истину (ум), красоту (чувство) и добро (душу). Шли дискуссии о соотношении понятия "компетенция", пришедшего в отечественную педагогику вместе с Болонским процессом, трехуровневой системой обучения, с кредитами и прежним педагогическим понятием ЗУН (знание, умение, навыки). В конце концов, сошлись на том, что нужно считать компетенции обучаемого синтезом ЗУН. Получилось определение, что компетенция – это знания, умения и навыки, которые обучаемый способен самостоятельно творчески развивать и применять на практике соответственно изменяющейся обстановке и конкретным реалиям жизни.

8. РСМО должна сочетать семейное и школьное (официальное) обучение и воспитание. Возникали дискуссии о роли, правах и обязанностях родителей и учителей. Эти споры продолжаются до сих пор, внося определенный разлад в отношения "дети-родители-учителя". Трудно определить, где проходит граница между правовыми и моральными нормами в этих отношениях, какое место занимает родительская и педагогическая любовь к детям. Но в большинстве участников дискуссий сходятся: воспитание и обучение детей должно быть общим делом не только родителей и учителей, но и всего общества в целом. Государство должно оказывать всяческую помощь как домашнему воспитанию ребенка, так и школьному.

9. РСМО должна формировать патриотизм и толерантность. Дискуссии о толерантности были, пожалуй, самые горячие. Отношение к людям иной веры должно быть таким же гуманным, как и к единоверцам. Отношение к людям в различных ситуациях не должно зависеть от предмета этих отношений. Пример с продавцом на рынке, который в махалле ведет себя совсем иначе, чем на рынке. Для мусульманина должна быть неприемлема норма, которую диктуют рыночные отношения: "ислам кончается там, где начинается рубль". Старик для молодого мусульманина должен быть уважаемым старшим, хоть в мечети, хоть на рынке, даже если без чалмы и других признаков, указывающих, что он мусульманин. Обсуждали тему о мусульманах, которые уезжают в другой город или даже регион, чтобы «оторваться по полной». Мусульманин он или нет? Эти дискуссии напоминали идущие со Средних веков споры в исламе о том, можно ли считать мусульманином человека, совершившего тяжкий грех.

10. РСМО должна исходить из цели – счастье человека, земное и вечное. Споры возникали только о том, как понимать «счастье». Один из вариантов рабочего определения приводится в этой книге.

Ясно, что эти десять принципов не исчерпывают все возможные аспекты. Здесь даны лишь общие эскизы очертаний современного исламского образования новой России.

С чего начинали? В конце 80-х и в начале 90-х годов прошлого века, когда диктатура пролетариата вместе с ее идеологической диктатурой ослабла и стало возможным реализовать свободу совести и выбора вероисповедания, начали восстанавливать и строить храмы, мечети, синагоги, молитвенные дома и т.д. Сразу встал вопрос о кадрах. Прерванная почти на сто лет историческая память давала о себе знать. Интерес (потребность) к религии, к вере в обществе был, а профессионально удовлетворять эту потребность было некому. Приглашать из-за границы тогда не позволяла бедность. При тех "талонных" условиях особенно не разгуляешься. Как всегда, выручила творческая смелость российских людей, привыкших самим подсобными средствами решать свои проблемы. Над этим способом по сей день еще подшучивают. Если речь конкретно об исламе, то неожиданно обнаружили в себе духовный потенциал оставшиеся без работы вчерашние парторги колхозов и совхозов, оставшиеся без средств существования пенсионеры, в большинстве своем люди образованные. Мечети приобрели, пусть хоть «самодельных», имамов, а безработные – вместе с надеждой и, хоть небольшой, кусок хлеба. Новые муллы начали работать так, как им

представлялось правильным, кто и что помнил из рассказов родителей, кто и где услышал, кто сам на ходу что-то выдумывал. Я думаю, если шутить над этим, то только по-доброму. Эти люди, взявшие на себе ответственность в те смутные времена, проявили гражданскую смелость. Еще для многих было неясно, чем все это обернется. Не было до конца ясно, ушла ли диктатура пролетариата безвозвратно в прошлое. Поклонимся и скажем спасибо всем, кто осмелился тогда поднять выроненную почти сто лет назад эстафету веры в Бога. Честь им и хвала! Но жизнь не останавливается, каждый шаг открывает новое пространство, подталкивает вперед. Этот период можно назвать первым этапом и придумать ему название: типа – «начальный» или просто «первый».

Через малое время жизнь уже не просто говорила, а кричала, что НЕ ХВАТАЕТ ЗНАНИЙ. Где их взять? Понятно, там, где историческая память об исламе не прерывалась. Стали уезжать на учебу за границу, при этом особенно не вникая, какие есть различия в разных странах как в толковании ислама, так и в особенностях исламского образования. Казалось, что ислам – он и «в Африке ислам». Середина 90-х годов прошлого столетия ознаменовалась потоками таких выездов на учебу. В той исторической ситуации такие поездки были в основном стихийные: кто как мог и хотел. Кто официально по направлению муфтиятов, которые сами тогда проходили этап формирования и становления, кто самостоятельно, кто по приглашению, кто по совету и с помощью родителей, короче, кто как мог. Это был второй этап – «обучение кадров за границей».

Третий этап, можно, видимо, считать промежуточным. Ибо этот этап, во-первых, был коротким. Во-вторых, ознаменовался осознанием того, что, хотя основные символы веры ислама канонические, система образования в разных странах разная; в Марокко не совсем такая, как, скажем, в Алжире или Тунисе, а в Египте не такая, как в Саудовской Аравии, Кувейте или Турции, а в Иране или Индонезии имеются свои особенности. Выпускники разных вузов разных стран по возвращении в Россию начали создавать такую систему образования, которой обучались сами. Это на первых порах вызывало недопонимание. Но этап рефлексии прошел быстро, ибо стала очевидной простая мысль: если в каждой мусульманской стране есть свои нюансы в системе исламского образования, адаптированная к истории и культуре страны, то российская система образования должна быть СВОЕЙ. Речь не о сути ислама, это другой вопрос. Речь идет об особенностях системы образования, адаптированная к государственному языку и культуре; к истории и традициям исповедующим ислам народов; к нашей экономике; к нашему правовому пространству; к российской политической системе и даже к особенностям наших природных условий; патриотичная, с гражданской ответственностью. Надо отдать должное уму и патриотичности коллег, которые, уяснив себе эту ситуацию, быстро изменили свое понимание сути дела, проявили гибкость, дипломатичность, способность к компромиссам, ибо критерием, как было уже сказано выше, служила одна ценность – польза в самом широком гуманитарном смысле общества в целом и каждого отдельного человека, гражданина нашей страны. То, что во вред, автоматически исключалось из стремления внедрить в жизнь.

Четвертый этап. Предыдущие три этапа можно было бы объединить общим названием «подготовительный этап». За это время был определен социально-политический статус религиозных организаций в Российской Федерации, была создана материальная база религиозных организаций и их образовательных учреждений, разработаны правовые и другие нормативные положения. Настал этап формирования самой системы обучения и воспитания духовных кадров в частности и исламской интеллигенции в целом.

На этом этапе пришло на помощь государство. Власть осознала, что стихийное формирование новой исламской системы образования чревато не просто недостатками метода «проб и ошибок», а может нанести вред укреплению общества, внести раздоры не только в самой системе исламской педагогики, не только в умме, но и в среде поликонфессионального населения России. Власть приняла правильное решение: формированием новой российской системы исламского обучения и воспитания должны заниматься профессиональные педагоги и менеджеры: светские и мусульманские. Так возникла широкомасштабная федеральная программа подготовки в государственных вузах исламской интеллигенции. По этому поводу существует много всяких некритических домыслов и слухов, поэтому следует сказать несколько слов специально о целях и задачах этого проекта. Точное название проекта звучит так: «Комплексный проект подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама, содействия развитию исламского образования, формирования толерантного сознания и профилактики экстремизма средствами просвещения». Уже в названии четко обозначены направления работы, цели и задачи проекта. Государственным вузам в Москве (Московский государственный лингвистический университет), Санкт-Петербурге (Санкт-Петербургский государственный университет), Казани (в начале проекта Казанский социально-педагогический университет, впоследствии – Приволжский государственный федеральный университет), Нижнем Новгороде (Нижегородский государственный университет), Уфе (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы), Пятигорске (Пятигорский государственный лингвистический университет)¹ было поручено при подготовке специалистов по Государственным образовательным стандартам выделить специальности и группы для дополнительного образования по «углубленному изучению истории и культуры ислама». В этих потоках могли быть студенты таких специальностей, как лингвисты, юристы, обществоведы, социологи, культурологи, политологи, журналисты и т.д. Студенты проходили подготовку, кроме обычного государственного образования, по углубленному изучению истории и культуры ислама. Для реализации этой задачи государственным вузам пришлось обратиться к уже имеющимся исламским образовательным учреждениям: университетам, институтам, медресе. Так возникло партнерство, реализуемое в области образования на основе российских правовых норм, в пределах правового пространства Российской Федерации: законов, Постановлений правительства, Распоряжений министерств и т.д. Преподаватели исламских образовательных

¹ О силе и возможностях этих вузов подробно можно узнать на их сайтах в интернете.

учреждений (граждане России, о чем критики этой деятельности почему-то часто забывают) приглашались для помощи «по углубленному изучению истории и культуры ислама» на основе индивидуальных договоров в государственные вузы с выполнением всех правовых требований к специалистам, работающим в государственных высших учебных заведениях. То есть, нужно: кроме исламского, обязательное государственное высшее образование, желательно педагогическое; выполнение всех уставных требований государственного университета; соблюдение норм учебных программ и планов, утвержденных Министерством образования и науки РФ, Советом университета, Советом факультета, кафедрой; соблюдение расписания и т.д. и т.д. Никакой речи о преподавании в государственных вузах «закона божьего» или «подготовки мулл», как некоторые комментаторы это называли в силу своей неинформированности и торопливости, быть не могло. Началась нормальная подготовка исламской интеллигенции, возрождение этой социальной страты, уничтоженной в трагический период истории нашей страны. Исламский интеллигент – это человек, гражданин России, в душе которого высшие гуманистические идеалы и ценности ислама, а в руке – высокого качества профессия. Это человек, гражданин Российской Федерации, который живет в российском социуме, руководствуясь высшими духовными ценностями добра, истины и красоты в отношениях с людьми, проявляя этническую, религиозную, политическую, бытовую и т.д. толерантность, являясь образцом высокого профессионализма в отрасли своей практической работы. Под словом «интеллигент» подразумевается **человек, божественный свет в душе которого делает его чувства, мысли, слова и дела добрыми, красивыми и милосердными**. Если это определение понятия «интеллигент» дать без конфессиональной составляющей, суть, как мне представляется, изменится не особенно сильно: **интеллигент – это человек, который вобрал в себя все доброе, красивое и истинное из культуры своего народа (или народов) и творчески их развивает и приумножает совокупным усилием своих чувств, мыслей, слов и дел**.

В любом варианте интеллигентность – гуманистическое ядро жизни как отдельных людей, так и общества в целом. Если углубляться в философские, психологические, культурологические, педагогические и другие детали, то необходимо будет сказать, что интеллигентность не обуславливается исключительно ни образованием, ни социальным статусом, ни классовой, национальной и расовой принадлежностью, ни богатством и бедностью и т.д. Среди всех перечисленных групп могут встречаться люди интеллигентные и неинтеллигентные.

Тема была поднята не сегодня и не вчера.

Обсуждая вопрос об интеллигенции, невозможно обойти категорию "духовность". Во-первых, потому что интеллигент – носитель истинной духовности. Во-вторых, потому что интеллигентность может возникнуть лишь у человека, который с детства приобщен к духовным идеалам и ценностям.

Что же касается духовности, то здесь вопрос еще более сложный. Определение духовности невозможно без понимания сущности человека, без таких понятий, как "жизнь и смерть", "смысл и цель жизни", "ценности и идеалы бытия и

познания", "счастье", "любовь", "долг", "свобода", "честь", "достоинство", "патриотизм" и т.д. Схема проста: быть духовным – значит быть интеллигентным и счастливым. Но как найти эту истину?

Голова кружится: где, в каком из этих вариантов кроется истинная духовность, обуславливающая интеллигентность человека, ведущая к справедливому обществу, где люди будут телесно и духовно здоровыми?! Может, коранические науки укажут путь, вымощенный этой мозаикой великолепных и мудрых идей...

В книге нет готового ответа, кроме той формально-логической рабочей дефиниции интеллигентности, что была дана выше: интеллигентность – это истинный божественный свет в душе человека, который делает чувства, мысли, слова и дела добрыми, красивыми и милосердными.

Почему возник вопрос о формировании исламской интеллигенции в России в начале XXI столетия?

Необходимость формирования такой социальной прослойки сегодня обусловлена двумя причинами. Первая возникает из негативных исторических основ: советская власть почти полностью уничтожила мусульманскую интеллигенцию вместе с исламской церковью. Вторая – позитивная: немалую часть населения РФ ныне составляют народы (по некоторым данным до 20%), история и культура которых была несколько веков тесно связана с исламом и которые нуждаются в современной мусульманской интеллигенции для возрождения и дальнейшего прогрессивного развития своей культуры и своей истинно гуманистической духовности². Уточнение «в самом широком смысле» означает, что речь идет не только о формировании корпуса исламской духовной (религиозной) интеллигенции, то есть только священнослужителей, а о подготовке людей светских специальностей: учителей, врачей, инженеров, художников, музыкантов, писателей, журналистов, людей рабочих специальностей и т.д. Это должны быть люди, являющиеся мастерами своего дела и носителями высших гуманистических идеалов и ценностей ислама в душе. Напомню, эта книга посвящена проблемам создания современной российской системы исламского образования – естественно, в рамках современного российского правового пространства. Это даже и не обсуждается. Мы живем не в диком «Гуляй-поле», а в государстве. Такое понимание уже намечает контуры той модели современной системы мусульманского образования, о которой пойдет речь далее. Исламские образовательные учреждения должны готовить специалистов гражданских профессий на уровне современных требований и одновременно дать исламское образование. По аналогии с тем, как в педагогических вузах готовят биологов, историков, математиков, химиков, географов, художников, музыкантов, филологов, психологов и т.д., которые в отличие от классических университетов получают еще педагогическое образование. В учебных планах педвузов «учительский блок» занимает до 40% времени и нагрузки студентов. Подобно этому в исламских, например, институтах, академиях и университетах исламское обучение может занимать до 50% времени подготовки. Это детали. Серьезные, но детали, и их можно решить

² Более подробно о категориях «истина», «онтологическая и гносеологическая истина», а также «духовность» будет сказано ниже.

по-всякому. Например, продлив сроки обучения. Есть и другие варианты. Схема достаточно проста и ясна. Допустим, в «Российском государственном теологическом университете», если таковой возникнет, будет несколько институтов: христианский, исламский, буддистский, иудейский и т.д. В каждом решаются аналогичные вопросы применительно к своей конфессии. Далее. В исламском институте могут быть несколько факультетов: педагогический, юридический, экономический, филологический и т.д. с различными вариантами дополнительных курсов – медицинских, психологических, спортивных, военных, музыкальных, художественных и т.д. Новшеством здесь является только конфессиональная составляющая, а все остальное не ново. Такие светские модели университетов были и есть. Организация и методика известная, хорошо и профессионально разработанная, к счастью, еще не до конца разрушенная, не совсем забытая, хоть и в изуродованном виде, но сохранившаяся. Если не государственные, то такие университеты, как сейчас «де факто» есть, могут быть при духовных управлениях. Имеющиеся инициативно созданные в начале 90-х годов, они, к сожалению, не удовлетворяют современным требованиям университетского уровня, даже с оговоркой «духовный». В том виде, в каком они есть, они свою функцию выполнили и должны развиваться дальше. Они были созданы для экстренного заполнения нехватки священников в начале 90-х годов, на этапе «начальный», когда демократические преобразования позволили восстанавливать старые и строить новые мечети, открывать при них мектебы и медресе.

Вопрос, который я слышу наиболее часто: "Зачем это надо?"

Ответ. Нравится это кому-то или нет, но в нашу жизнь вошли религия и церковь. Вероятно, надолго. Стихийно формирующееся явление часто приобретает уродливые и злые формы. Ничто не терпит пустоты: ни природа, ни общество, ни жизнь человека. Там, где нет сознательного отношения и управления, там возникают чаще всего проблемы, решение которых потом требует больших усилий и времени. Нередко даже трагических жертв.

В связи со сказанным приведем один пример. Введение в школах предмета "Основы религиозных культур и светской этики" вызвало если не протест, то неудовольствие. Почти у всех: у родителей, у учителей, у граждан. Изучение в течение года (в пятом классе) этого предмета мало что изменит. Скорее всего, и к лучшему, и к худшему. Несмотря на годичный эксперимент, новый предмет плохо подготовлен: и организационно, и методически, и по содержанию, и т.д. Это так. Но с одним упреком нельзя согласиться в корне. Говорят: введение в школах этого предмета посеет рознь между детьми. Никогда! Не учителя учат детей вражде по религиозному признаку. Это произойдет стихийно, если государство оставит без внимания реально сложившуюся ситуацию с религией. Россиянам необходимо научиться жить в многоконфессиональном пространстве, как жили много веков в полиэтничном и многонациональном. Кто этому научит? Самодеятельные пророки, эмиры, шаманы, равви, халифы, новоиспеченные будды и т.д.? Те, кто полон амбиций, агрессии, недовольства, зла или профессиональные учителя? Ответ, думаю, ясен. То, что делает государство, может быть, не самый лучший вариант. Но бездействие государства в воспитании

детей в духе толерантности, взаимного уважения, познавательного интереса друг к другу еще хуже. Учителя в этой ситуации призваны как раз учить разумному и доброму пониманию стихийно сформировавшихся религиозных различий между гражданами нашей страны. Религиозное воспитание детей должно быть обязанностью родителей. Но таких грамотных и гуманных родителей еще нужно вырастить. Этим и занимаются (и должны заниматься) сегодня учителя с будущими родителями, формируя у наших детей идеалы и ценности духовности и интеллигентности.

Этим и многим другим, имеющим отношение к теме, занимаются вузы-партнеры Республики Башкортостан (БГПУ им. М. Акмуллы и РИУ ЦДУМ России), участвующие в названном выше проекте подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама и содействия развитию исламского образования.

Так сложилось сегодня, что подготовка духовных кадров, т.е. профессиональных священнослужителей – задача образовательных учреждений духовных управлений. Это вариант, который сложился стихийно, в силу обстоятельств. С точки зрения автора этой работы, не самый лучший, совершенный, отвечающий современным требованиям России. Возможен другой вариант, несколько более сложный и, безусловно, более трудоемкий и затратный, но зато перспективный. Автор публично отстаивал и отстаивает этот второй путь, когда в исламских университетах будет идти подготовка не только духовных лиц, но и специалистов светских профессий: воспитателей дошкольных учреждений, учителей, психологов, юристов, врачей, ветеринаров, агрономов, пчеловодов, специалистов информационных технологий и компьютерной техники, историков, социальных работников, музыкантов, филологов, программистов и пр. В медресе могли бы учить и рабочим специальностям: маляров, штукатуров, плиточников, слесарей, токарей, сантехников, сварщиков, шоферов, трактористов и пр. Жизнь каждого человека таит непредсказуемые повороты в силу объективных и субъективных обстоятельств. Выпускник духовного образовательного учреждения, если он не сложится как профессиональный священнослужитель, мог бы иметь профессию, чтобы заработать себе на жизнь, вместо того, чтобы начинать опять с нуля.

Сотрудничество вузов-партнеров доказало буквально за несколько лет свою взаимовыгодность. Профессиональные работники государственных вузов за последние годы оказали существенную помощь исламским образовательным учреждениям, чтобы они вписались, во-первых, в правовое образовательное пространство Российской Федерации, во-вторых, в современный уровень достижений российской и мировой педагогики. В этом же направлении стал работать созданный в этот же период Совет по исламскому образованию. Юридическая, учебно-методическая, научная, кадровая помощь государственных вузов способствовала тому, что современная новая российская система исламского образования прочно встала на ноги. Появились свои собственные профессиональные педагоги и администраторы системы исламского образования новой России. Они уже могут сами удовлетворять потребности России в подготовке духовных кадров. Это главный итог четвертого этапа.

Если указать, хотя бы приблизительно и с массой различных оговорок, хронологические рамки каждого этапа, картина была бы такая: 1) начальный период охватил 1989-1995 гг.; 2) этап обучения за границей – 1995-2000 гг.; 3) этап адаптации к российской действительности – 2000-2005 гг., 4) этап формирования российской системы исламского образования – 2005-2012 гг.

Пятый этап развития новой российской системы образования ориентирован на будущее. На взгляд автора этой книги, российская система исламского обучения и воспитания должна естественным образом вписаться в ткань российского социума, стать надежной социальной и духовной защитой граждан, служить прогрессивному развитию России на благо каждого человека. Укрепление и развитие гуманистической основы и творческого потенциала должны сделать нашу систему исламского образования привлекательной не только для мусульман всего мира, но и всех людей планеты. Следующий этап должен породить плеяду ярких личностей в области теории и практики ислама, учиться к которым желали бы ехать со всего мира.

У любой образовательной системы, кроме традиционной задачи – подготовки кадров, существует еще одна не менее важная социальная функция – формирование определенных ценностных ориентиров общества, повышение уровня социальной грамотности населения, влияние на систему общественных отношений. В связи с этим новая российская система исламского образования должна направлять свои усилия на формирование у всех граждан (и прежде всего у подрастающего поколения) высокой духовности, нравственной чистоты, истинного патриотизма и интернационализма, гуманного и толерантного отношения ко всем людям, независимо от их убеждений и конфессиональной принадлежности.

Структура книги соответствует замыслу. Сначала, в первой главе, коротко рассказать об истории последних двадцати лет становления системы исламского образования новой России, подчеркивая, что в основе должен лежать ясно осознаваемый критерий – ради счастья каждого отдельного человека. Во второй и третьей главах по замыслу хотелось дать более развернутое видение места и роли человека в обществе и мироздании. Обосновать, что особый смысл бытия (жизни земной и вечной) человека вытекает из того исключительного положения, что лишь человек способен, во-первых, определить диапазон своего бытия в масштабах, в терминах религии, от Сатаны до Бога; во-вторых, единственный элемент мироздания, который вносит в мироустройство добро и красоту, придает миропорядку разумный характер, т.е. делает его истинным. Четвертая глава, опирающаяся на философию целостного человека, дает антропологическое обоснование и конкретизацию области применения теории "целостного человека". Пятая глава, завершающая, как бы снова возвращает к началу книги, где говорится, что глубокие и точные знания прошлого и настоящего – главные условия успехов в деятельности. Историческая память – средство для прыжка из прошлого через настоящее в будущее.

ГЛАВА 1.

ИСТОРИЯ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НОВОЙ РОССИИ

Социальный идеал, на который ссылаются все реформаторы всех времен, – счастье человека. Идеал бесспорный: все, что вредит человеку, что не в пользу его материального и духовного существования и развития, не имеет права на поддержку со стороны здравомыслящих людей (гуманистов). Не станем углубляться в споры о том, что такое счастье в данном моменте, это увело бы далеко в сторону от нашей темы. Отметим лишь, что для счастливой жизни необходимы как внешние условия (например, материальная обеспеченность, безопасность), так и внутренние (душевная гармония, т.е. согласие с собой, с людьми, с миром). Но этот идеал нам нужен как ориентир, как маяк, бросающий направляющий луч на нашу деятельность по формированию современной системы мусульманского образования.

§ 1.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Как было сказано во Введении, за исторической памятью об исламской системе образования обратились, кто сохранил и развивал эту систему, то есть поехали учиться туда, где исламское образование непрерывно существует уже не одно столетие. Необходимый и полезный шаг. Параллельно шла и другая работа. Историческая память бесследно не исчезает. Она хранится не только в живом сознании людей. Память живет также в документах и книгах. Чтобы формировать систему исламского образования, необходимо не только вспоминать ее, но и заглянуть в документы, порыться в архивах, на библиотечных полках. Нам необходимо было найти материалы о том, как выглядело исламское образование в прежней, досоциалистической России. В рамках названного во Введении Комплексного федерального проекта к этой работе (восстановление исторической памяти) подключились сотни лучших научных умов³ (профессора, доценты, научные сотрудники) не только государственных университетов-участников проекта, но и ученые академических структур, музеев, библиотек, архивов, инициативные участники. Собирали по крохам то, что сохранилось. Читали, обсуждали, комментировали, анализировали, отбирали то, что могло быть использовано для становления исламской системы образования новой России. Оказалось, что есть много интересного. В данном фрагменте пойдет речь лишь об одном интересном явлении в мусульманском⁴ образовании начала двадцатого века – джадидизме. Реформаторский подход, если он имеет четкие гуманистические ориентиры, нужен всегда, ибо жизнь не стоит на месте. Необходимо только правильно понять то, что происходит в реальной жизни полезного для людей, полезного для их счастья. Джадидизм как часть исторической памяти может быть полезен тем, кто искренне и честно хочет

³ Список участников только одного года работы проекта и только в одном регионе (Республике Башкортостан) дан в ежегодном отчете, который можно посмотреть на сайте по адресу <http://islam.bspu.ru/>

⁴ Употребление выражения «мусульманское образование» наряду с «исламское образование» свидетельствует о том, что даже аппарат рабочих понятий вырабатывался, отбирался, уточнялся по ходу работы. Для демонстрации этого я сохранил в тексте это словосочетание, по смыслу синонимичное с «исламское образование».

создания современной системы исламского образования новой России, и всем тем, кто участвует в формировании современной российской исламской интеллигенции.

Теоретические вопросы: что собой представляет историческая память по форме и по содержанию, что является ее объектом и кто выступает ее субъектом, какими методами накопления, хранения, трансляции она осуществляется, – мы в данной работе обсуждать не будем. Ограничимся лишь одной демонстрацией того, как, на наш взгляд, социальное явление, исторически когда-то возникшее, развившееся в социуме, достигнув своего исторического пика, ушло из действительности как реальность, но осталось как историческая память. И уже в таком новом виде и качестве входит в социум, является элементом действительности, оказывает влияние на конкретные реалии современной жизни. Ниже речь пойдет о познании, понимании и уяснении того, как нации из социальной реальности превратились в историческую память и что дает обществу и людям такая трансформация социальной реальности в духовную. Такая иллюстрация необходима, на наш взгляд, для определения позиции по двум другим, кроме образовательной, частям федерального проекта. **«Комплексный проект подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама и содействия развитию исламского образования»** предполагает в себе еще и формирование толерантного сознания, и профилактику экстремизма средствами просвещения. Если обобщить мозаику конкретных случаев не толерантного поведения и различных проявлений экстремизма отдельных граждан, накопленных в рамках работы в названном Комплексном проекте за последние годы, то обнаруживается две достаточные простые, даже можно сказать, банальные их причины:

1. Житейская неустроенность, предполагающая и отсутствие работы, и отсутствие жилья, и отсутствие возможности общения с ровесниками, и отсутствие душевного покоя, и неопределенность завтрашнего дня, и страх, конкретный (например, служба в армии) и просто страх неизвестно чего, и проблемы отношений с учителями и родителями, и проблемы отношений с противоположным полом, и проблемы отношений с ровесниками, отсутствие четких и ясных целей повседневной жизни, неразвитое мировоззренческое осознание своей жизни и т.д. и т.п.

2. Юридическая безграмотность молодежи и населения в целом. Многие не могут понять границу между банальным хулиганством и экстремизмом в юридическом поле. Часто поступки, кажущиеся их субъектам простым протестным поведением по случайному и частному вопросу, подпадают под статью об экстремизме.

Для решения этих задач вузы-партнеры осуществляют комплекс профилактических мероприятий средствами просвещения⁵: повышение квалификации государственных служащих, занятых в сфере государственно-конфессиональных отношений; специальная работа по повышению педагогической, психологической, юридической квалификации имамов-мухтасибов и имамов-хатибов; встречи, семинары, мастер-классы для

⁵ В этом фрагменте текста использован материал отчета вузов-партнеров за 2012 г., в подготовке которого принимали участие Амирова Л.А., Бакаев Р.С., Балягова Г.В., Даниловский Э.Р., Даянова Э.М., Тимербулатов З.М., Тимерханов А.Ш., Фаизов Г.Б., Якупов А.И.

руководителей общественных организаций, работающих с молодежью, в особенности с верующей молодежью; осуществляется также повышение квалификации и профессиональная переподготовка (на базе государственных университетов) кадров первичного и среднего звена органов власти и местного самоуправления, общественных организаций и СМИ для работы с молодежью и религиозными объединениями в регионах со значительной долей мусульманского населения. В рамках деятельности вузов-партнеров созданы выездные группы специалистов (педагоги, юристы, психологи, представители духовенства, Министерства образования, Министерства молодежной политики, Совета по государственно-конфессиональным отношениям), которые работают в районах Башкортостана по укреплению позиций традиционного для Поволжья и Урала толерантного ислама и разоблачению идеологий радикальных религиозных течений. В течение только одного года было охвачено более десяти тысяч жителей 24 городов и районов Республики Башкортостан. Участниками этих встреч стали директора, завучи, учителя и старшеклассники общеобразовательных учреждений, студенты вузов и ссузов, работники культуры и искусства, руководители молодежных общественных объединений, деятели религиозных конфессий и представители местной власти. Большой интерес у них вызвали доклады об отличительных чертах традиционного для России толерантного ислама от ваххабизма, других радикальных течений мусульманской религии, о фактах пресечения правоохранительными органами террористических актов на территории Республики Башкортостан и о путях улучшения межрелигиозных и государственно-конфессиональных отношений в России. В ходе живого общения с населением были даны компетентные ответы на многочисленные вопросы по вышеуказанным проблемам. Просветительскую деятельность с целью профилактики религиозного экстремизма, на наш взгляд, необходимо еще более активизировать, проводить ее повсеместно, постоянно и на профессиональной основе. Об этом красноречиво говорят и пожелания администраций городов и районов республики. В связи с этим руководство БГПУ им. М. Акмуллы в июне 2012 года обратилось к межведомственному Совету общественной безопасности Республики Башкортостан с конкретными предложениями. В частности, мы предложили предусмотреть в проекте республиканской целевой программы по профилактике терроризма и экстремизма на 2014-2018 годы широкомасштабную информационно-просветительскую работу по истории и культуре традиционного для России толерантного ислама и профилактике религиозного экстремизма во всех городах и районах республики. Такое живое общение с населением об истинных ценностях традиционного ислама, а также о путях противостояния пагубному влиянию различных радикальных исламских идеологий на мировоззрение современной молодежи чрезвычайно важно для сохранения мира и согласия в нашем обществе. Утеря исторической памяти сегодня проявляется, как видно из практики повседневной жизни, и в стихийно протестных и даже экстремистских формах.

Историческая память помогает не только восстановить традиционную (гуманистическую, толерантную) духовность, но также понять, какие требования должны быть предъявлены к участникам Комплексного проекта. Они тоже достаточно просты:

- А. Профессионализм.
- Б. Толерантность.
- В. Понимание социального значения того, чем занимаешься.
- Г. Доброта.
- Д. Уважение к личности.
- Е. Любовь ко всем людям как к «своим».

Историческая память, как видим, не только учит, но и воспитывает.

2.

В рамках восстановления исторической памяти о системе мусульманского образования в досоциалистической России необходимо, безусловно, обратить внимание на джадидизм.

Оставлю в стороне различные толкования джадидизма как социально-исторического феномена и различные политические и идеологические оценки. В данном случае джадидизм интересует нас как исторический опыт, который может помочь создать современную систему мусульманского образования.

Чем в теоретическом и практическом опыте джадидизма можно воспользоваться?

Вот некоторые, на мой взгляд, главные характеристики того, что предлагали и что успели сделать сторонники джадидизма и что может быть использовано сегодня:

■ **гуманизм как антипод всякого ригоризма, нетерпимости, неуважения к другим**

Российская система мусульманского образования (РСМО) должна сохранять и преумножать гуманистические идеалы и ценности ислама. При этом необходимо учитывать и четко разграничивать два момента. Во-первых, речь идет о модернизации не ислама как религии, а системы мусульманского образования. Это осознавалось и подчеркивалось многими представителями джадидизма. Во-вторых, религия стоит на догматах и догмах, т.е. на истинах, которые не меняются. В этом позитив религии, отличающий ее от науки, которая по существу своему постоянно стремится расширить, уточнить, углубить свои истины. Человеку для полноты бытия нужны обе стороны;

■ **патриотичность**

РСМО должна быть российской, а не "египетской", "турецкой", "иранской", "индонезийской" или еще какой-то другой, т.е. должна быть адаптирована к душе, духовной жизни, речи, быту, моде, национальной кухне – одним словом, к материальной и духовной культуре наших народов. И патриотизм не в том, чтобы кричать, говорить и писать почаще и побольше: «я патриот», а исходить в повседневной деятельности из принципа «не навредить» своим гражданам и, как следствие этого, – своей стране. Вспомним тот самый маяк, идеал, о котором говорили выше. То, что истины религии – догматы, не подлежащие ревизии, не означает необходимости, ломая современную жизнь людей, перекраивать настоящее по лекалам средневековых социальных стандартов времен халифата в духе салафитов⁶. Истинно в религии и в науке то, что не может само по себе вредить человеку; то, что способствует его счастью;

■ **просвещение и образование – критерии прогресса**

РСМО должна сочетать научное и духовное образование, т.е. должна быть адаптированной к современной жизни, т.е. должна быть подготовкой "мусульманской интеллигенции", а не только мусульман-богословов, т.е. профессиональных священнослужителей. Выпускники медресе им. М. Султановой (г. Уфа) будут получать наряду с духовным и светское образование. Совместно с Институтом профессионального образования и информационных технологий Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы разработана программа подготовки среднего профессионального образования по специальности «Информационные технологии». Если наряду с духовным образованием исламские образовательные учреждения будут готовить врачей, инженеров, учителей начальных классов и воспитателей дошкольных учреждений, журналистов, социологов, филологов, экономистов, историков, юристов и т.д., то такая система станет привлекательной не только для граждан нашей страны, но заинтересует и зарубежных абитуриентов;

■ **духовные ценности ислама должны быть практически полезны**

⁶ Салафиты (от араб. [سلف](#) — «предки, предшественники») требовали понимать религию так, как ее понял пророк Мухаммед и его сподвижники, требовали возвращения к Корану и сунне, отвергая позднейшие наслоения

Для этого РСМО должна быть современной: компьютерная техника, информационные технологии, новые организационные и методические формы. Наряду с оживленными дискуссиями о дистанционном образовании, о potfolia, об электронных учебниках, об академической и университетской мобильности, о системе кредитов, об индивидуальных траекториях обучения, о компетентностном подходе и др. идет и оживленная работа в этом направлении, о чем чуть ниже будет сказано более подробно на конкретном материале отчета вузов-партнеров за один-единственный (2012) год.

■ **научное познание обладает приоритетом перед религиозным, т.к. они не противоречат друг другу**

РСМО должна опираться на философскую антропологию, рассматривающую человека как единого в своей антиномичной, дихотомичной сущности, как существо телесное и духовное, конечное и вечное, рациональное, чувственное, трансцендентное. В этом вопросе интересен не только опыт джадидизма. Можно взглянуть вглубь истории до Средних веков. Например, учение средневековых перипатетиков, в частности, аль-Фараби дает удивительно глубокий философский материал для понимания глубинного единства абсолютных истин мироздания. Да и в целом средневековый арабо-мусульманский рационализм дал в философии прекрасные образцы успешного познания с помощью рациональных и иррациональных методологий и методов⁷;

■ **единство обучения и воспитания**

РСМО должна представлять единство воспитания и обучения, причем доминировать должно воспитание. При этом, кроме рациональных методов должны использоваться и иррациональные. Опыт воспитания, опирающийся на иррациональные методы воздействия на душу человека, известны давно: молчание (исихазм), молитва, плач, слезы, покаяние, исповедь и т.д. Это видно даже в спорах кадимистов⁸ с джадидистами⁹;

■ **единство истины (ум), красоты (чувство) и доброты (душа)**

РСМО должна обязательно включать обучение и воспитание этике благотворительного поведения. А это было одним из обязательных моментов обучения и воспитания в джадидизме. Они требовали единства этического и эстетического, морали и искусства, добра и красоты. Отметим, что участниками проекта разрабатываются темы, посвященные исламской архитектуре, музыке,

⁷ См.: Хазиев В.С. Онтологическая истинность бытия и познания в средневековом исламском рационализме. Уфа. 2013.

⁸ Кадимизм (от араб. «кадим» – старый) – консервативное течение в обществе и исламе. В образовании являлись сторонниками схоластической системы.

⁹ Джадидизм (от араб. «джадид» – новый) – течение в обществе и исламе, выступающее за прогрессивные реформы путем просвещения, развития тюркских языков и культуры. Его сторонники выступали за равноправие женщин, говорили о необходимости включения в мусульманское образование светских дисциплин, достижений науки. Крупнейшие представители: [Шигабутдин Марджани](#), [Хусаин Фаизханов](#), [Исмаил Гаспринский](#), [Муса Бигеев](#), [Ризаэтдин Фахретдинов](#), [Мифтахетдин Акмулла](#), [Мухаметсалим Уметбаев](#), [Зайнулла Расулев](#).

См. также: Абдуллин Я.Г. Джадидизм, его социальная природа и эволюция // Из истории татарской общественной мысли. Казань, 1979; Батыев С.Г. Татарский джадидизм и его эволюция // История СССР, 1964, № 4; Мухаметшин Р. Джадидизм: время поиска новых подходов // Татарстан, 1995, № 9-10.

прикладной живописи, адабам¹⁰ профессиональной деятельности и семейной жизни и т.д., что отражено в списках ежегодных отчетов;

■ единство семейного и школьного (официального) обучения

РСМО должна сочетать семейное и школьное (официальное) обучение и воспитание, способствуя разработке правовых норм о роли, правах и обязанностях родителей, учителей и учеников. Семья семье – рознь. Но общим должны быть естественные права ребенка на жизнь, на заботу о его здоровье, на материальную обеспеченность, на любовь родителей, на уважение его личности, на безопасность во всех смыслах: физическая, духовная, информационная, экологическая и т.д.;

■ конечная цель джадидизма – та, о чем говорили в начале: счастье человека в земной и вечной жизни

Жизнь человека в новой России стала не просто динамичной, а непрерывно трансформирующейся, изменяющейся. Поэтому, чтобы не потеряться в мире и не потерять себя, не потерять гуманистические идеалы и ценности смысла жизни, необходимо иметь внутри себя, в своей душе духовные (нравственные, эстетические, аксиологические, гносеологические, онтологические) константы. А этого можно достигнуть только тогда, когда есть ясное понимание места человека в мироздании, о чем подробнее речь пойдет во второй главе данной книги.

3.

Историческая память функционально многогранна. Она – и воспоминание о прошлом, и советчик в настоящем, и предостережение от ошибок и неосторожных, торопливых решений, и часть духовной жизни, и генетическая связь с прошлым и будущим, и субстанция душевных (психологических) состояний: чувств, мыслей, потребностей, интересов, целей, фантазий, воображения, воли, намерений, опасений, страхов, надежд. Специальное исследование исторической памяти – тема обширная, интересная и самостоятельная. Здесь мы постараемся продемонстрировать лишь одну функцию исторической памяти: замена в сознании человека знаний о реальном предмете воспоминаниями.

Главная мысль, анализу и доказательству которой посвящена данная часть параграфа, если упростить ее до одного-единственного высказывания, звучит парадоксально: в XXI веке наций как социальных реальностей (исторически конкретных форм общностей людей) уже нет, а национальные проблемы и конфликты обостряются. Этот фрагмент нам необходим, чтобы представить некоторые нюансы того, как историческая память может влиять на современную жизнь людей, на принятие ими тех или иных экономических, политических, конфессиональных и других решений. Оказывается, прошлое влияет на настоящее не только через материальное (в терминах марксизма – производительные силы) и культурное наследие, но и через содержание памяти, т.е. через чисто психологический элемент духовной жизни людей.

Для иллюстрации возьмем конкретный пример из реальной жизни одного из регионов Российской Федерации – Республики Башкортостан, где проживают

¹⁰ Адаб – похвальный образ поведения. Совокупность норм нравственной жизни. Воспитание через литературу, шире – через культуру с помощью просвещения.

более ста этнических групп. Крупнейшими по количеству являются русские, башкиры и татары. На примере последних и остановимся. Сначала несколько общих замечаний.

Национально-культурные проблемы татар в Башкортостане имеют много общего с проблемой русских в Латвии, турков в Германии, корейцев в Японии, индонезийцев в Австралии, мексиканцев в США, алжирцев во Франции или французов в Алжире. Этот список можно было бы продолжить. В каждом конкретном случае у этих проблем есть свои специфические (расовые, этнические, экономические, политические, конфессиональные, языковые, исторические и другие) особенности – это несомненно. Но немало и общих черт. Выявлению единичных и общих моментов можно посвятить многотомную монографию.

Что это значит? Что означает этот факт распространенности аналогичных проблем разных народов по всей планете? Какие мировоззренческие и методологические выводы можно сделать из этого факта для понимания национально-культурных проблем татар Башкортостана?

На наш взгляд, анализ национально-культурных проблем народов, компактно живущих за пределами традиционных территорий (государств или "земель обетованных"), необходимо осуществлять обязательно на фоне и с учетом тех основных событий, которые происходят на планете в целом на рубеже нового тысячелетия. Другими словами, этот анализ должен быть, во-первых, современным. Применительно к теме нашей работы – не с позиций времен исламизации татар, не с позиций времен завоевания Иваном Грозным Казани, а с позиций современных исторических реалий и категорий познания. Во-вторых, этот анализ должен быть глобальным, т.е. вплетенным в контекст общих тенденций развития человечества на планете. Мы живем в Башкортостане, который входит в состав России, лежащей на двух континентах планеты Земля – все взаимосвязано. Рассуждать о сегодняшних татарах как о народе времен исламизации (тысячелетней давности) или периода их покорения Московским царством в анализе современных социальных реалий – явная методологическая ошибка, необоснованное включение в одну историческую ситуацию элементов из другой эпохи. У объективной реальности есть свои законы и правила, как они есть и в методологии и методах их познания. Истинные знания, о чем мы будем говорить в этой работе отдельно, получаются тогда, когда, во-первых, сам объект онтологически истинный, во-вторых, субъект познания тоже должен быть онтологически истинным, в-третьих, сам путь познания также должен быть истинным¹¹. Познание летательных аппаратов амбициозным дилетантом с помощью более или менее знакомых ему методов селекции огурцов априори чревато ложными гносеологическими результатами. Нельзя рассуждать так: буду познавать как мне заблагорассудится и нравится, а если познанию это мешает, тем хуже для него.

Кустарный анализ с амбициозных позиций тех или иных групп татарской интеллигенции в Башкортостане даст заведомо искаженную и неверную картину,

¹¹ Более подробно об «онтологической истине» см.: Хазиев В.С. Роса истины. Уфа. 2012.

на основе которой получатся и неверные рекомендации. Есть такие позиции, в которых смакуются вольная степная жизнь в юртах и как хорошо, лежа на кошме под открытым небом, пить кумыс. Это все хорошо, но только в выходные и праздничные дни. В рабочие дни татарам, как и другим народам, необходимо заниматься современными промышленными и аграрными технологиями, электронной и лазерной техникой и атомной энергетикой, космосом, генной инженерией – так и никак иначе, если не хотим, чтобы наш народ остался на задворках истории. Такова современная ситуация – нравится она каким-то группам или нет. Анализ национально-культурных проблем татар Башкортостана должен осуществляться в общем контексте тех конкретных исторических реалий, которые есть в республике, в России, на планете.

Примером учета одного глобального процесса может служить наметившаяся конфронтация между глобалистами и антиглобалистами.

Глобалисты выступают за интернационализацию планетарного социума с единым доминантным центром, на роль которого претендуют США и его союзники как носители исторически высших экономических, политических, правовых, моральных, религиозных и других ценностей.

Антиглобалисты ратуют за многополярный, мозаичный мир с локальными центрами и теми же самыми ценностями, но ни на кого не похожими и оригинальными. Вот система координат для нового планетарного раскола. Не успело человечество вздохнуть после кошмара гонки вооружения между социалистической и капиталистической системами, как формируются контуры нового чудовища.

Любая крайность опасна. В мировоззренческом и методологическом плане противостояние глобалистов и антиглобалистов как раз пример исторически обветшалого механистического (метафизического, догматического, линейного, примитивного) мышления.

Реальный процесс интернационализации планетарного бытия человечества прервать невозможно (разве что уничтожив все современные средства связи и транспорта). Но формирование новой планетарной общности вовсе не означает монотонного единообразия. Нелинейному (диалектическому) мышлению давно известна категория многообразного единства. Более того, известно, что тоталитарное единообразие возможно лишь путем внешнего давления или насилия. Единство многоликости более жизнеспособно и потенциально богато тенденциями развития, хотя и с массой неожиданно возникающих проблем, требующих оперативного решения.

Кроме современности и глобальности при анализе национально-культурных проблем необходимо учитывать еще одно положение, которое также известно человечеству с античных времен. Еще Парменид в IV веке до н.э. заметил, что вещи и события имеют как бы две группы свойств: "фюзисные" (эмпирические, чувственно познаваемые) и "метафюзисные" (теоретические, умопознаваемые). Первая группа свойств характеризует объект более со стороны динамичности, изменчивости, развития. Вторая – со стороны инвариантности, стабильности, устойчивости.

При анализе наций (а также и национально-культурных проблем) как социальной реальности необходимо учитывать то, о каких характеристиках идет речь – "фюзисных" или "метафюзисных". Это имеет принципиальное значение, ибо история и логика становления наций могут значительно не совпадать по своим реалиям. Такая эклектика познавательных уровней также чревата ошибочными выводами и рекомендациями, основанными на паралогизме.

Третье исходное положение связано с известным в познании "эффектом наблюдателя". Объект познания изменяется от присутствия субъекта познания, его потребностей, интересов, намерений, целей, симпатий и антипатий. Этот эффект, известный и в естествознании, более осязаем в социальном познании, где мировоззренческие, психологические, этнические, религиозные, партийные и другие симпатии и установки субъекта могут существенно исказить истинность анализа. Таким образом, если нас интересует истина, а научное исследование и должно интересоваться преимущественно истинное положение вещей, мы должны быть предельно современными, объективными, глубоко теоретическими и видеть национально-культурные проблемы татар Башкортостана в глобальном масштабе.

Ничего обидного ни для татар как нации, ни для его ученых мужей в сказанном выше нет. На дворе – эпоха постмодернизма и постиндустриального общества. Надо менять ветхие традиционалистские взгляды на мир, какими бы привычными и удобными они до сих пор не были, ибо мир уже стал иным – не традиционалистским. Конечно, преодолевать консерватизм своего мышления нелегко и даже больно. Говорят, и змеи плачут, когда сбрасывают старую кожу. Но это надо сделать, чтобы видеть жизнь такой, какой она стала, иначе интеллигенция в очередной раз может сыграть для своего народа роль слепого поводыря. Не кто иной, как именно определенный слой интеллигенции виноват в кровавых гражданских бойнях революций последних столетий. Тот слой, который по аналогии с Пушкинской "светской чернью" можно назвать "интеллигентской чернью". "Чернь", по Пушкину, не крепостные неграмотные крестьяне, а люди высшего света, образованные, владеющие несколькими языками, профессионально музицирующие, разбирающиеся в истории, поэзии, театральные и библиофилы, занимающие ответственные государственные должности. "Чернь", по Пушкину, – это те, кто радуется чужим неприятностям больше, чем чужим успехам, кому не дает покоя красота и доброта других, кто лицемерно придерживается норм приличия, но в душе готов совершить любую подлость чужими руками, спрятавшись за спины, жизни других. "Интеллигентская чернь" – та часть интеллигенции, которая готова толкнуть свой народ в бойню революции, гражданской войны, мятежа, беспорядков, спрятавшись за спину малограмотной и безграмотной толпы. Те, кто в силу творческой беспомощности или простой лени не смогли реализоваться и достичь социальных высот, надеются в этой мутной воде выловить что-нибудь для себя. Лень, корыстолюбие, жадность, тщеславие, зависть двигают этими, грамотными, образованными, эрудированными, людьми, но по большому счету – безответственными демагогами, выдающими себя за ученых. За формирование современной системы исламского образования новой России должна брать на себя ответственность мусульманская интеллигенция, пока за нее не взялась «мусульманская интеллигентская чернь». Долг

интеллектуальной элиты не в том, чтобы, самим понимая истину, брезгливо дистанцироваться от интеллигентской черни, развязывая ей руки для манипуляции сознанием народа, а в том, чтобы найти мужество отстаивать эту истину публично. Социальная наука и практика, кроме ума, требуют еще и мужества.

Вернемся к анализу наций как социальной реальности и национально-культурных проблем современности в целом и татар в Башкортостане в частности.

Начнем с положения, что наций как исторически-конкретной формы общности людей сегодня уже нет.

Нация как социальный феномен исторична, т.е., как все историчное, имеет время своего рождения, становления, развития, пика развития, спада и финиша существования. Ничего необычного или трагичного в этом нет. Нация – не первый социальный феномен, который возник и исчез со сцены истории. По крайней мере, эмпирической части исторических событий. Не то что отдельные общественные явления (языки, например), а даже целые народы исчезли. Например, известные нам печенеги и половцы. Если национальная форма общности когда-то возникла, она когда-то и исчезнет. Конкретность истины требует анализа бытия нации как формы общности людей на векторе исторического времени. Специалисты могут заняться вопросом, на какой точке национального развития находятся сегодня татары – это специальный вопрос, требующий специального профессионального анализа, а не досужих разглагольствований любителей-философов, любителей-социологов или любителей-политологов. Мы говорим о нации вообще, как планетарном явлении. Каждый народ проходит этапы исторического развития по-разному: кто быстрее, кто медленнее, а кто и вообще долго «топчется на одном месте». Но локомотив исторического развития человечества опаздывающих не ждет и причинами не интересуется. Уважительных и неуважительных причин исторического опаздывания нет. Ответ приходится держать всем одинаково.

Эмпирически нация как форма общности возникла в Новое время вместе с буржуазными общественными порядками.

Обе основные концепции наций – политическая (США) и этническая (Россия) – анализируют нации со стороны эмпирической данности. В данном отношении эти концепции равносильны. Их интересует нация со стороны, так сказать, "телесной" реальности. И в рамках обеих общие характеристики одинаковы, хотя акценты несколько смещены. Это определение когда-то называли "сталинским". Сегодня утверждают, что даже в этом "великий кормчий" не был оригинальным и самостоятельным. Дело, однако, не в этом. Посмотрим, какими внешними признаками характеризуется нация как социальная реальность и что с этими признаками стало в постиндустриальную эпоху.

Этих признаков, как известно, выделяли пять:

1. Общность людей.
2. Объединение в рамках государственно изолированных территорий.
3. Общность специфической экономики.
4. Язык.

5. Специфика духовной жизни.

Не стану даже подробно аргументировать положение, что все эти эмпирические (телесные) признаки нации как социальной реальности в современной истории планетарной действительности не только не существуют, но (и это главное!) не могут существовать. Интернационализация промышленной и аграрной технологии, скоростные транспортные средства, мощные средства теле- и радиосвязи, информационная диффузия, формирование языков планетарного общения, конвергенция жанров духовной культуры, интернационализация кухни, моды, архитектуры, жилья, других аспектов быта – все делает невозможным бытие нации как формы изолированной (пусть даже относительно изолированной) от других наций общности людей. Поезд истории со станции под названием "Нация" ушел ко станции "Человечество". Кто пытается удержать свой народ на старой станции, обрекает его глотать историческую пыль из-под колес народов, несущихся мимо в будущее. Что случается с теми, кто долго сидит на старых станциях, показала наиболее драматично и трагично история колонизаций. Вырвавшиеся вперед народы, как только наберутся сил (не разбираясь в уважительных или неуважительных причинах отставания), перетаскивают аутсайдеров в новый век. Такова жестокая логика исторического бытия человечества, которое не позволяет себе долго терпеть ни ленивых, ни глупых, ни лукавых. "Интеллигентская чернь" может в своем эгоизме и подлости пожертвовать судьбой своего народа, убедив его своими демагогическими речами, что лучше идти пешком, чем нестись на скоростном экспрессе истории.

То, что наций как таковых нет и не может быть как социально-исторической реальности, может отрицать или очень неумный, или очень пристрастный человек.

Выносим за скобки специальный вопрос о том, что могут быть рудименты, атавизмы и реликты национальной формы общности людей для истории конкретных народов. Мы допускаем, что какой-то народ, возможно, еще и не дошел до пика своего национального развития. Но ему спокойно развиваться уже не удастся, ибо изменился мир. Такой народ в своем неторопливом развитии оказался в группе аутсайдеров, и ему будет "оказана историческая помощь" со стороны развитых стран, даже если он этого не захочет, потому что планета у нас одна на всех и все вынуждены жить по одним часам истории.

Но не все так просто. Жизнь сложнее любых теорий. Как же так? Наций, получается, фактически нет, а весь конец XX века полон конфессиональными и национальными конфликтами. Грибов нет, а грибной суп есть – так не бывает. Это парадокс! Нельзя же ту ярость, с которой ведут войну под национальными флагами, порой братоубийственную бойню, объяснить лишь рудиментами, атавизмами и реликтами национальных общностей. Если бы дело было лишь в эмпирических пережитках, дело обстояло бы значительно легче. Это объяснение приходится отложить как неудовлетворительное, хотя доля истины в таком подходе тоже есть.

Телесно состарившись, нация исторически умерла. История теперь «не рождает» наций. Она занята родами новой общности – человечества.

Но прошлое не исчезает, оно не может исчезнуть, ибо история и есть накопленное в настоящем прошлое. Сегодняшнее общество способно что-то «родить» только как историческое тело, как сумма того, что накоплено на всем векторе прошедшего времени. Если нет этого исторического багажа, то нет у общества или народа и потенции для современного социального (исторического) творчества.

"Хитрость истории", как это называл Гегель, состоит в том, что она переводит телесно умершие социальные реальности (в нашем случае – нацию как форму общности) в область духовной жизни. В данном случае – превращает в историческую память – психологический феномен.

В отличие от многих хозяек, выбрасывающих поношенные и старые вещи, история ничего не выбрасывает. Она их хранит в особом виде – духовном, как историческую память.

В XX веке нации из категории социальной реальности перешли в категорию исторической памяти, из социологии в психологию, из реального мира – в мир идеальный.

История как прошлое присутствует в истории как настоящем в виде духовной потенции. Сегодняшнее настоящее есть интериоризированное (пересаженное вовнутрь и превращенное в духовное) вчерашнее настоящее. Фюзисные (эмпирические) характеристики вчерашнего настоящего сегодня присутствуют в настоящем в виде метафизических (духовных, теоретических) потенций. Нации не исчезают из истории человечества совсем. Они перестают быть как наличные социальные феномены и, как говорит Гегель, в "снятом виде" продолжают существовать в людях, в новой социальной жизни как дух, как историческая память. Такая трактовка наций и национально-культурных проблем многое объясняет и проясняет.

Проиллюстрируем более простым примером, который может послужить аналогией. Когда-нибудь в силу природной необходимости каждый из нас хоронит своих дорогих и любимых дедушек и бабушек. Фюзисно (эмпирически, телесно) они из жизни ушли. Но они в настоящем метафизично еще живут в нашей памяти, в нашей душе. Мы можем драться на дуэли по поводу оскорбления их имени. Но они от этого телесно не воскреснут, хотя драка по их поводу может быть реальной. Они участники в духовном виде того, что происходит в настоящем с нами.

Так и с нациями и национально-культурными проблемами. Все материальное и духовное богатство, накопленное народом, даже если он не успел пройти весь путь национального бытия, остается в каждом из нас как историческая память, как часть нашей индивидуальной души, нашего мировоззрения, нашего "Я". Поэтому оскорбление нации, которой уже вообще-то и нет как социальной реальности, воспринимается как личное оскорбление каждого представителя-потомка этой нации. Поэтому эти неосторожные или умышленные оскорбления и ущемления воспринимаются более болезненно и конфликтно. Задевая нацию как социальную общность, можно рассчитывать на то, что часть представителей этой нации это не воспримут лично. Когда же задевают историческую память, все, кто по воле случая родился и вырос в материальной и духовной культуре, созданной этой

нацией, воспримут это как персональное оскорбление, ибо оно задевает не "социальное тело" нации, а душу отдельного человека. Переход нации из социального "фюзиса" в социальный "метафюзис" сделал нацию духовной, субъективной реальностью, которая отличается от объективной реальности своей проницаемостью, способностью пронизывать все однородные (родственные) души. Наций – нет, но есть мы – люди, выросшие в определенной культуре, носители исторической памяти этой культуры в форме наших собственных душ, наших индивидуальных "Я". Национальные проблемы и конфликты теперь более болезненны, ибо речь идет о духовной (метафизической) боли, которая намного острее, чем боль телесная (фюзисная). Историческая память – вещь коварная, если ею пользоваться неразумно и неумело.

Решение национально-культурных проблем, если правильно понимать и ставить проблему, не в создании таких исторических общностей людей, которые отделены от других народов изолированной (охраняемой, обороняемой, не выпускающей и не выпускающей) государственной территорией, особой экономикой и изолированным рынком, некому непонятным (кроме "своих") языком и душой, неинтересной и непонятной для других. Другими словами – не в реанимации нации как социальной реальности телесно, фюзисно, эмпирически. Это невозможно в силу однонаправленности исторического времени, которое не течет вспять даже по воле целых народов и великих людей. Закон бытия для всех людей и народов один и универсален. Судьбы – разные, но закон – один. Нравится или нет, но с этим невозможно не считаться. Всем не нравится стареть, но никому еще не удавалось повернуть временной (исторический) процесс назад.

Понимание нации на современном векторе истории человечества не как социальной телесной (эмпирической, фюзисной) реальности, а как духовной (метафюзисной, теоретической, сущностной) реальности, во-первых, во многом объясняет обостренную болезненность современных национальных проблем и конфликтов, во-вторых, требует совсем иной стратегии, методов и средств их решения. Если вывод изложить очень схематично, то речь должна идти не о реставрации отживших социальных институтов, что будет только во вред данному народу в стратегическом аспекте его истории, а о лечении душ людей и народов, обиженных и оскорбленных. И о недопущении таких оскорблений и обид.

Тот парадокс, о котором мы говорили выше, теперь понятен, но не перестает быть парадоксом. Действительно, наций телесно как социальных реальностей уже нет (объективный процесс интернационализации поглотил их помимо воли людей и народов), и восстановить их в старом (фюзисном) виде невозможно. Но нации остались как историческая память, как неистребимый духовный элемент жизни людей. Но национальные проблемы и конфликты – телесная (фюзисная) реальность. Чтобы их лечить, надо заниматься душой. Не излечив души, рассчитывать на решение этих проблем и конфликтов нельзя. Точнее, телесными средствами и методами их принципиально нельзя решить, они фюзисно не решаемы не по воле отдельных политиков или народов, а по закону бытия.

Интеллектуальная элита народа, элита интеллигенции должна понять, прежде всего, для себя эту историческую метаморфозу национальных форм общности, потом через науку и искусство, литературу, журналистику, телевидение, радио

сделать это достоянием всего своего народа. Тогда у каждого нового поколения в мировоззрении будет национальный компонент не в образе нации как социальной реальности, а в образе духовной (психологической) ценности. Нацию, ставшей исторической памятью, элементом духовного бытия, нельзя уничтожить изменением границ, интернационализацией экономики, языка и этнических особенностей. Нация как субъективная реальность не тленна и не подлежит внешним недуховным структурным изменениям. Национальную память можно истребить лишь вместе с человеком. Но для сохранения национального компонента как общечеловеческой своей сущности и ценности тогда не нужно сидеть внутри охраняемой территории, изолировавшись экономически, политически и культурно. Национальные ценности тогда надо будет развивать в себе и носить при себе. Они станут неотчуждаемыми представлениями человека о себе и о мире (социальном и природном), в котором он живет. Культура народа, ставшая исторической, бессмертна духовно. Индивидуальную душу можно убить только вместе с человеком. Дух народа будет жить, пока будет жить хоть один представитель этого народа, независимо где, с кем и когда. Что и доказала многовековая история еврейского народа. Национальный дух невозможно ни сохранить, ни развивать силой оружия. Однако и невозможно его и запретить силой оружия. Истинно национальный дух как метафизическая реальность бессмертен в масштабах бытия человечества. Ибо в отличие от наций как социальных реальностей нации как субъективная реальность доступны всем людям, были бы лишь субъективные желания, интересы, потребности и цели знать достижения других народов. Для посещения национальной духовной жизни не нужны визы и разрешения таможи и пограничников. Дух – свободен в той мере, каким его делает свободным каждый человек сам по мере своих творческих способностей и трудов. Национальный элемент в каждой душе не противоречит общечеловеческим ценностям и идеалам, ибо не конфликтует с другими. Любовь к предкам в моей душе не может конфликтовать с любовью к вашим предкам в ваших душах. Конфликтовать можем мы – живые люди, если не понимаем себя и других. Крайне упрощенно можно сказать, что национальные проблемы и конфликты в современном мире имеют лишь по видимости материальный (эмпирический, фюзисный) характер, а по существу они – духовны. И решаются и должны решаться духовными средствами, а не материальной силой оружия.

Но это еще надо научиться понимать и ценить. Учить этому – одна из генеральных задач элиты национальной интеллигенции.

Таковы вкратце мировоззренческие и методологические основания анализа национально-культурных проблем современности.

Автор не претендует на абсолютную истину, которой обладает, возможно, только Бог. Поэтому тема и выводы открыты к обсуждению.

На этом примере мы могли увидеть, как можно по-разному и как трудно правильно использовать историческую память при решении современных проблем. Поэтому в рамках Комплексного федерального проекта, о котором идет речь, шла работа не только по обнаружению, восстановлению, реабилитации исторической памяти о системе мусульманского образования в социалистической России, но и по выработке ценностных фильтров ее использования в решении

конкретных проблем сегодняшнего варианта российской системы мусульманского образования (РСМО).

§ 2.

ЭЛЕМЕНТЫ И ФУНКЦИИ СИСТЕМЫ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НОВОЙ РОССИИ¹²

Современное состояние российской цивилизации неразрывно связано с народами, исповедовавшими и исповедующими ислам, духовным ядром которого является система производства, хранения и распространения знаний, т.е. образование.

Федеральный Комплексный проект создания в России системы исламского (духовного и светского) образования работает с 2005 года. Срок небольшой, но достаточный, чтобы можно было уловить контуры того, что получается.

Есть результат, который радует. За двадцать с небольшим лет, можно сказать, создана почти с нуля новая, современная отечественная (российская) система исламского образования, которая должна обеспечивать безопасность граждан и государства. Создана патриотичная, с гражданской ответственностью, адаптированная к государственному языку и культуре, к истории и традициям исповедующих ислам народов, к нашей экономике, политической системе, даже к нашему климату и погоде система исламского образования, создана по сути новая отрасль отечественной педагогики.

Новая поросль мусульманской интеллигенции прорастает не на пустом месте. В основе лежат высшие идеалы и ценности ислама. И прежде всего – высокий профессионализм, опирающийся на фундаментальные знания. Те, кто участвует в нашем проекте, прекрасно знают, что общего и чем отличаются друг от друга исламская рациональная теология и рациональная философия. Если смотреть в корень, наши участники проекта знают, как возник калам, что привело к отделению мутазилитов от мутакаллимов, в чем суть рационализма аль-Газали и аль-Кинди, теолога и философа. Понимают суть споров между ашаризмом и исмаилизмом по самым различным вопросам исламской теологии и философии: об атрибутах Всевышнего, о сущности тварного мира, о происхождении священных текстов, о праведности и греховности человека и т.д. Могут проследить, какие перипетии испытал спор о совечности текста Корана Всевышнему. Могут сказать, чем закончился и закончился ли спор средневековых рационалистов о том, можно ли считать мусульманином человека, совершившего тяжкий грех. В своих гуманистических аспектах наши участники проекта опираются на учение аль-Фараби о жителях добродетельного города. Деятельный разум, о котором прекрасно говорил Ибн-Сина, является повседневным инструментарием тех, кто сегодня занят созданием основ новой российской исламской системы образования, в основе которой лежат богатая история и богатые интеллектуальные достижения многих столетий и десятков и сотен богословов и философов.

Без ложной скромности можно утверждать, что работа проделана колоссальная и получен результат огромный важности.

¹² Материал пленарного доклада на конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века». Уфа. 2012.

Для сравнения можно привести исторический пример. Одна третья часть средств, выделенных для восстановления Германии по плану Маршалла после Второй мировой войны, была, как утверждают некоторые источники, направлена на возрождение системы образования. Расходы нашего государства, опосредованные через деятельность государственных высших учебных заведений, на помощь российской системе исламского образования по сравнению с теми мизерные. Но Германии потребовалось 15-20 лет, чтобы создать новую систему образования, а мы управились за неполных десять лет. Сегодня в России есть система образования, которая может удовлетворять потребности страны в исламских кадрах: и духовных, и светских. Не хочу заниматься шапкозакидательством. Есть проблемы. Множество проблем. Но они в деталях. В доводке системы. Еще раз хочу подчеркнуть: есть своя, новая, современная, российская система исламского образования! И она возникла благодаря усилиям тех, кто работал и работает в этом направлении в рамках нашего Проекта и инициативно. Дело даже не в цифрах, сколько разработано правовых документов, учебных стандартов, планов и программ, сколько написано учебно-методических и учебно-научных комплексов, учебников, монографий, хрестоматий, словарей и справочников, какое количество профессоров и доцентов привлечено к разработкам и экспертизе; дело даже не в том, сколько выпускников новой системы влилось в ряды духовных и светских работников; дело даже не в том, что идет широкомасштабная светская и теологическая исследовательская работа по истории и культуре ислама, в том числе по истории и культуре отечественного ислама, связанного с историей и культурой наших народов. Дело в том, что воз сдвинулся с места! Локомотив набирает скорость. Будут у нас свои авторитетные на весь мир богословы и исламоведы. Будут! Создание системы образования и подготовка высокопрофессиональных кадров требует кропотливой, сознательной, целенаправленной работы и, главное – времени. Создание новой системы образования и подготовка кадров не может свершиться по мановению волшебной палочки мгновенно – за секунду. Нужны годы непрерывного и методичного труда огромной массы людей. Работа началась, есть результат. Нам уже нет необходимости всем скопом ездить учиться за границу. Своих детей, своему исламу, его истории и культуре мы можем учить дома. Это главный результат первых лет работы. И это нужно понимать, ценить, беречь и преумножать.

Конкретную аналитику и фактуру можно найти в наших ежегодных отчетах вузов-партнеров, и они прозвучат в выступлениях коллег как на пленарном, так и на секционных заседаниях.

Теперь о проблемах и контурах путей, на которых их, как нам представляется, можно решить. Что есть на данный момент?

Выстраивается два параллельных ряда. В исламских образовательных учреждениях идет подготовка духовных кадров, а в светских вузах-партнерах – исламской светской интеллигенции.

Идеальным было бы их совмещение. То есть, чтобы исламские университеты готовили, как, например, в педагогических вузах, историков, филологов, социальных работников и т.д., но с исламским блоком. Поясню. Педагогический университет готовит математиков, химиков, историков и т.д., как и классические

университеты, но в педагогических университетах около 40% учебного времени за весь период обучения уходит еще на педагогико-психологический блок. Получается не просто математик, а учитель математики. Это аналог, каким бы мог быть в идеале исламский университет.

Однако, сегодня получается в основном так, как получается: духовное образование отдельно, светское отдельно. Хотя стремление и попытки приблизиться к идеалу мы прилагаем. Что мы конкретно делаем?

Основными направлениями деятельности, например, в нашем регионе вузов-партнеров (Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы и Российского исламского университета Центрального духовного управления мусульман России)¹³ за истекший период участия в проекте были:

- разработка примерных учебных планов, нормативного и научно-методического обеспечения основных и дополнительных профессиональных образовательных программ исламской направленности для религиозных и светских образовательных учреждений;

- содействие в укреплении научного потенциала и материально-технической базы мусульманских религиозных образовательных учреждений Республики Башкортостан;

- повышение методической компетентности педагогических кадров, реализующих образовательные программы подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама;

- осуществление сознательной цели – обучить и воспитать в регионе кадры, которые по своему мировоззрению и мироощущению были бы творцами, распространителями и воспитателями конфессиональной и этнической толерантности во всех слоях населения республики; которые хотели бы и могли осуществлять профилактику экстремистских настроений средствами просвещения.

Вместе с тем в процессе реализации проекта актуализировался ряд проблем, характеризующих содержательную, технологическую, методическую и методологическую стороны процесса развития единой системы исламского образования в России.

Во-первых, это отсутствие в отечественной науке четко и ясно сформулированной идеи российской исламской педагогики и системы образования;

Во-вторых, недостаточная разработанность механизмов обеспечения преемственности мусульманского образования;

В-третьих, недостаток квалифицированных профессиональных педагогических кадров для системы исламского образования, компетентных как в сфере обучения исламу и воспитания мусульманской культуры, так и в области светского образования;

В-четвертых, необходимость повышения академической и профессиональной мобильности студентов, осваивающих религиозные и светские образовательные программы исламской направленности.

¹³ См. www.bspu.ru; www.cdum.ru.

В связи с этим ясно, что следующий этап реализации Комплексной программы содействия развитию сферы религиозного (мусульманского) образования должен быть направлен на разработку и реализацию модели единой системы непрерывного исламского образования, охватывающей все уровни от дошкольных образовательных программ до программ высшего профессионального образования.

Реализация поставленной цели, на наш взгляд, возможна за счет решения следующих задач:

1. Разработка единых теоретических и методологических подходов к развитию системы непрерывного мусульманского образования с учетом специфики региона и России в целом. В настоящее время возникает острая необходимость в разработке идеи единого пространства мусульманского образования, формулировании ясно и четко осознаваемых идеалов и ценностей – таких, как патриотизм и гражданственность, гуманизм, формирование толерантного сознания, профилактика религиозного экстремизма.

Структура данной системы должна быть построена на ведущих принципах:

- сочетание светской и духовной профессиональной подготовки, научных и религиозных средств и методов обучения;
- преемственность образования в системе «дом – мектеб – медресе – университет – аспирантура – докторантура»;
- единство обучения и воспитания;
- использование современных педагогических и информационных технологий в обучении.

2. Разработка и внедрение преемственных программ дополнительного религиозного образования в области ислама по уровням: детский сад – школа – среднее профессиональное образование – высшее профессиональное образование.

При этом система непрерывного религиозного мусульманского образования должна быть открытой и вариативной системой, развивающейся с опорой на традиции отечественного светского образования и науки, с учетом национальных и культурных особенностей региона.

Для решения этой задачи необходимо заниматься разработкой смежных образовательных программ, сквозных учебных планов, использовать интегрированные формы и методы обучения и воспитания.

3. Научное, учебно-методическое и технологическое сопровождение образовательных программ мусульманского образования, построенное на принципах преемственности и научности.

Качество реализации любой образовательной программы обусловлено использованием современных форм, средств и методов обучения. В связи с этим в системе исламского образования необходимо активно внедрять последние достижения отечественной педагогики.

Решение этой задачи предполагает внедрение современных средств и методов обучения, разработанных педагогами и психологами для системы мусульманского образования. Для этого потребуются специальная методическая адаптация элементов светского образования с учетом особенностей религиозной

образовательной системы, разработка научно-методического обеспечения и технологического сопровождения данного процесса.

4. Развитие системы переподготовки педагогических и административных кадров для религиозных мусульманских образовательных учреждений по педагогическим, методическим, правовым и экономическим аспектам образовательной деятельности и менеджменту.

В целях успешного развития системы религиозного образования в сфере ислама сегодня необходима подготовка таких профессиональных кадров, которые бы одинаково хорошо знали мировую и отечественную историю и традиции исламского обучения и воспитания, а также систему светского образования. С другой стороны, возникает необходимость и в опытных администраторах (ректоры, проректоры, деканы, заведующие кафедрами, начальники управлений и отделов по всем видам обучения и воспитания).

Для решения этой задачи вузы-партнеры сейчас работают над разработкой интегрированных (светско-духовных) программ дополнительного профессионального образования, направленных на подготовку и переподготовку преподавательского состава и административно-управленческого персонала исламских университетов и медресе.

5. Подготовка светских специалистов к работе в религиозных образовательных учреждениях исламской направленности.

Вузы-партнеры считают, что решение данной задачи и привлечение таких специалистов в систему религиозного мусульманского образования значительно повысит кадровый потенциал исламских университетов и медресе.

6. Реализация мероприятий, направленных на формирование толерантного сознания молодежи, повышение уровня религиозной и юридической грамотности населения, развитие конфессиональных отношений.

В решении этих и других задач играет, безусловно, положительную роль относительная самостоятельность вузов-партнеров от множества различных бюрократических структур, их прямое подчинение Министерству образования и науки РФ. О чем конкретно речь:

- самостоятельность вузов-партнеров обеспечивает мобильность в реагировании на сложившуюся конкретную ситуацию в межэтнических и межконфессиональных отношениях, позволяет без дополнительных бюрократических проволочек и согласований заниматься прямым делом: просветительской деятельностью по профилактике различных «мирных» форм экстремизма (экономического, политического, нравственного, эстетического, конфессионального, этнического, бытового и т.д.); воспитанием толерантных граждан и формированием патриотизма у молодого поколения россиян средствами государственных и исламских учебных заведений;

- самостоятельность вузов-партнеров позволяет оперативно объединять усилия и средства по укреплению общечеловеческих и исламских идеалов и ценностей, ориентированных на воспитание молодежи в духе гуманизма, доброты, милосердия, сострадания, дружбы, честности, порядочности в гражданской позиции и личной семейной жизни;

■ государственные и исламские вузы-партнеры сегодня создают новую систему обучения и воспитания российской исламской интеллигенции, заинтересованной в мирном и дружном труде и отдыхе граждан России всех национальностей, при всех индивидуальных этнических, конфессиональных, политических и других различиях.

В силу обстоятельств в России так сложилось, что система образования, кроме традиционных функций обучения, воспитания и подготовки кадров, призвана выполнять еще одну не менее важную социальную функцию – формировать определенные ценностные ориентиры общества, служить повышению уровня социальной грамотности населения, влиять на систему общественных отношений. В связи с этим участники созидания системы исламского образования ориентировались в своей деятельности на формирование у всех граждан и в особенности у молодежи высокой духовности, нравственной чистоты, истинного патриотизма и интернационализма, гуманного и толерантного отношения ко всем людям, независимо от их расы, национальности, политических убеждений и конфессиональной принадлежности. Работа с молодежью, на взгляд участников проекта, должна объединять все здоровые силы общества. Поэтому совместные мероприятия с представителями других конфессий, властных структур, бизнеса, общественных организаций, во-первых, не редкость, во-вторых, естественны. Приведу лишь один конкретный пример резолюции одной из конференций, посвященных молодежной проблематике. В этой резолюции резюмировано то, что делается, что заботит нас, что мы стремимся грамотно проанализировать и принять правильное решение. Конференция «Профилактика девиантного поведения в подростковой среде» проходила в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы. В работе конференции приняли участие представители Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Президенте РБ, представители силовых структур, прокуратуры, сотрудники миссионерского отдела и отдела патриотического воспитания и спорта Башкортостанской Митрополии, члены Региональной общественной организации православных родителей и педагогов Республики Башкортостан, специалисты ведущих вузов Республики Башкортостан – Башкирского государственного педагогического университета, Башкирского государственного медицинского университета, Уфимского филиала Московского государственного гуманитарного университета им. Шолохова, практикующие психологи и психотерапевты. Рассмотрев на конкретных примерах причины и условия возникновения подростковых и молодежных девиаций и практический опыт их профилактики, участники конференции пришли к выводу, что эта работа должна носить системный характер, т.е. включать экономические, политические, правовые, психолого-педагогические, научные, конфессиональные и другие меры. Выступающие говорили о том, что факторами возникновения девиации являются:

- пропаганда насилия и безнравственности в СМИ;
- отсутствие общегосударственной концепции нравственного воспитания в обществе и в образовательно-культурной среде;
- нерешенные проблемы трудоустройства и занятости молодежи;
- антигуманные ценности, пропагандируемые частью массовой культуры;

- рыночные стандарты в культурно-развлекательной среде и в области отдыха подростков и молодежи;

- распространение алкоголизма, наркомании, табакокурения;
- прогрессирующий рост игровой и интернет-зависимости;
- растущее влияние деструктивных, оккультных организаций и антинаучных психотехник.

Для противодействия данным факторам участники конференции рекомендовали усилить роль духовно-нравственного образования с привлечением всех заинтересованных сторон.

Для решения этих проблем участники конференции предложили:

- создать рабочую группу (далее РГ) для осуществления практического сотрудничества из представителей Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Башкортостанской Митрополии и Региональной общественной организации православных родителей и педагогов Республики Башкортостан и всех других организаций и учреждений, как государственных, так и общественных;

- оказывать всяческую помощь школам в совершенствовании преподавания предмета «Основы религиозных культур и светской этики»;

- поручить РГ разработать меры по противодействию средствами просвещения оккультным и деструктивным организациям;

- для совместной работы по пунктам 2 и 3 настоящей резолюции всецело развивать сотрудничество между светскими и конфессиональными, государственными и общественными организациями;

- ходатайствовать перед Агентством по печати и массовым коммуникациям РБ о выделении медиа-пространства для нравственно-ориентированных программ;

- обратиться к Министерству образования с ходатайством о возможности осуществления совместных проектов БГПУ им. М. Акмуллы и Уфимской Митрополии в образовательных учреждениях МО РБ.

Как видим, сама жизнь демонстрирует, какие проблемы возникают в ходе работы по созданию системы исламского образования новой России, и сама же подсказывает, в каком направлении необходимо искать решения этих проблем. Чтобы не сбиться с пути, необходим маяк, указывающий направление движения. Разработчики или участники данного широкомасштабного и исторического проекта должны в самом начале сформулировать гуманистический идеал своей деятельности, т.е. иметь мировоззренческую основу, понимать философию своей работы. Это – во-первых. Во-вторых, необходимо представлять конечную цель – исламская система образования должна обеспечивать безопасность государства, а, значит, каждого гражданина в каждый момент его жизни. Отсюда, в-третьих, точное недвусмысленное определение критерия каждого шага деятельности, каждого принимаемого решения – счастье каждого человека, соприкасающегося с этой системой. Именно так понимают смысл своей деятельности вузы-партнеры в Башкортостане, участвующие в проекте целевой подготовки студентов с углубленным изучением истории и культуры ислама и содействия развитию исламского образования новой России: Башкирский государственный

педагогический университет им. М. Акмуллы и Российский исламский университет Центрального духовного управления мусульман России¹⁴.

А) ФГБОУ ВПО "Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы" (450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а).

Б) Университет-партнер: "Российский исламский университета ЦДУМ России (450076, г. Уфа, ул. Чернышевского, 5).

ФГБОУ ВПО "Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы" (450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а)

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы – это крупный научно-образовательный, культурный и общественный центр республики, где обучается более 14 тысяч студентов. Университет готовит специалистов по 67 образовательным программам не только для сферы народного образования, но и для других отраслей. Для лиц, имеющих высшее или профильное среднее специальное образование, в БГПУ предлагается обучение по сокращенным программам.

В составе университета:

5 институтов,

7 факультетов,

53 специальных и из них 10 межфакультетских кафедр,

Ассоциация развивающего обучения,

Психологический центр,

Научно-исследовательские лаборатории по созданию учебников и проектированию содержания обучения,

Центр довузовского образования,

Научно-исследовательский центр «Развитие мусульманского образования».

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы является государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования федерального подчинения. Сегодня в составе Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы 5 институтов, 7 факультетов, 53 кафедры.

В 2009-10 учебном году в университете определена система менеджмента качества государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», разработанная, внедренная и сертифицированная (№ РОСС RU.ИК63.К00070) применительно к осуществлению образовательной деятельности в соответствии с требованиями ГОСТ Р ИСО 9001-2008 (ISO 9001:2008).

Университет строит свою деятельность на основании Закона Российской Федерации «Об образовании», Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», Федеральных государственных образовательных стандартов, Устава Университета, принятого на конференции

¹⁴ Материал об информации вузов-партнеров можно взять из их ежегодного отчета, представляемого в Министерство образования и науки РФ.

научно-педагогических работников, представителей других категорий работников и обучающихся в БГПУ (протокол № 1 от 05 сентября 2001 г.), утвержденного Министерством образования РФ в 2001 г. с дополнениями и изменениями, принятыми конференцией научно-педагогических работников, представителей других категорий работников и обучающихся (04 ноября 2004 г., протокол № 2, и 23 мая 2006 г., протокол №1), а также локальных актов, регламентирующих деятельность Университета.

Юридический и фактический адрес Университета: 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы имеет лицензию Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 11 февраля 2010 г. регистрационный № 2736, серия АА № 002746 на право осуществления образовательной деятельности по 13 образовательным программам среднего профессионального образования, 74 образовательным программам высшего профессионального образования, 34 программам аспирантуры и 13 программам дополнительного образования. Свидетельство о государственной аккредитации от 17 февраля 2010 г., регистрационный номер 0186, серия ВВ № 000188.

В соответствии с потребностями региона и задачами модернизации системы высшего профессионального образования в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы реализуется многоуровневая подготовка кадров по очной, очно-заочной и заочной формам обучения. Основные образовательные программы по специальностям и направлениям подготовки реализуются в соответствии с действующими Федеральными государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования с учетом запросов потенциальных работодателей.

Образовательный процесс всемерно поддерживается самыми современными достижениями в области науки. С этой целью в университете создаются лаборатории по наиболее перспективным исследовательским направлениям.

Знаком высокой оценки интеллектуального потенциала университета является работа диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций, который выполняет роль регионального центра по подготовке научных кадров.

По ряду программ университета ведется международное сотрудничество, основными среди которых являются: академический обмен, стажировки, подготовка специалистов для зарубежных стран, обучение иностранных граждан, образовательные проекты, совместные научные исследования, инновационные проекты.

Главными приоритетными направлениями в деятельности университета являются:

- предоставление качественных образовательных услуг;
- формирование и сохранение высококвалифицированного кадрового потенциала;

- выявление молодых лидеров университета, которые в перспективе должны сыграть ведущую роль в научной, педагогической и административной сферах деятельности вуза.

Среди преподавателей университета – Заслуженные деятели науки РФ, Заслуженные работники высшей школы РФ, Заслуженные учителя РФ, Отличники образования.

Университет располагает необходимыми зданиями и сооружениями для оказания образовательных услуг высшего профессионального образования. Здания являются федеральной собственностью и находятся в оперативном управлении университета. Университет имеет 10 учебных корпусов; 6 общежитий на 2800 мест; дом физической культуры с плавательным бассейном «Буревестник»; учебно-производственный центр – агробиологическую станцию; спортивно-оздоровительный лагерь «Росинка»; столовые; санаторий-профилакторий и т.д.

Важное значение придается в вузе социальной политике в отношении студентов. В университете осуществляется обучение за счет средств федерального бюджета и с полным возмещением затрат.

УВПО «Российский исламский университет Центрального духовного управления мусульман России»

В январе 1989 года при Центральном Духовном Управлении мусульман европейской части СССР и Сибири было воссоздано первое (после долгого периода атеизма) высшее учебное заведение – медресе.

Огромный труд и свой незаурядный педагогический и организаторский талант в процесс становления и развития медресе вложили Касым-хазрат Салимов и муфти-хазрат Талгат Таджуддин.

Отвечая современным требованиям развития высшего образования, на базе воссозданного медресе, объединив наличные на тот момент педагогические силы ислама России, ЦДУМ основало Исламский институт в г. Уфе. Вскоре развитие института сделало возможным преобразование его в Российский исламский университет Центрального духовного управления мусульман России.

В 2001 на основе решения президиума Уфимского городского совета Духовному управлению мусульман было возвращено бывшее здание медресе «Галлия-Диния», основанное еще в 1896 году. Это здание сегодня стало главным корпусом Российского исламского университета.

Российский исламский университет является преемником традиций высших исламских учебных заведений дореволюционной России. За годы существования от воссозданного медресе до университета подготовлено более 500 имам-хатибов для мусульманских общин России и стран СНГ.

В университете преподают специалисты по истории ислама, чтению и толкованию Священного Корана и Хадисов Пророка, по арабскому языку и литературе, мусульманскому праву (фикх), этике (адаб), философии и логике (мантык) и другим исламским наукам. Университет приглашает к преподаванию ученых Египта, Турции и ближнего зарубежья. Общеобразовательные предметы преподают как собственные, так и привлеченные профессора и доценты лучших светских университетов.

Более 400 человек учатся на заочном и вечернем отделениях Российского исламского университета. Контингент студентов-заочников составляют представители различных профессий, особенно много работников здравоохранения и образования. В числе студентов есть кандидаты, доктора наук.

Процесс обучения полностью обеспечен источниками и литературой, учебными и методическими пособиями. Действуют компьютерные классы, библиотеки.

В РИУ созданы условия проживания для студентов очного отделения, включающие бесплатное трехразовое питание. Слушателям подготовительного и заочного отделений также предоставляются общежития.

Сегодня в университете действуют:

- факультеты теологии и педагогики,
- вечернее и заочное отделения, филиалы в разных городах России. В структуре университета созданы специальные отделения для обучения девушек.

Университет готовит:

- священнослужителей: муэдзинов, имам мухтасипов, имам-наибов, имам-хатипов,
- педагогов: хазратов – специалистов в разных предметных областях.

Система обучения трехступенчатая:

Первая ступень – высшее профессиональное образование с присвоением квалификации «бакалавр» теологии ислама или «бакалавр» – преподаватель исламских наук и арабского языка. Срок обучения на первой ступени 4 года.

Вторая ступень – высшее профессиональное образование с присвоением квалификации «дипломированный специалист» – теолог ислама или «бакалавр» – преподаватель исламских наук и арабского языка. Срок обучения на второй ступени: общий – 5 лет, после бакалавриата – 1 год

Третья ступень – специализация с присвоением квалификации «магистр» – теолог ислама или «магистр» – преподаватель исламских наук и арабского языка. Срок обучения на третьей ступени: общий – 6 лет, после бакалавриата – 2 года.

Университетский курс завершается сдачей выпускных экзаменов и защитой дипломных работ. На третьей ступени обучения студенты готовят магистерскую диссертацию. Действуют филиалы РИУ: в гг. Октябрьском РБ, Оренбурге, Астрахани, Самаре, Похвистневском районе Самарской области.

Работа вузов-партнеров осуществляется в рамках правового пространства России.

Работа по подготовке специалистов (юристов) с углубленным знанием истории и культуры ведется согласно принятой Министерством образования и науки РФ 15 ноября 2005 года Комплексной программы содействия развитию религиозного (мусульманского) образования в период 2005-2015 гг., а также согласно:

а) Постановления Правительства Российской Федерации «О включении подпрограммы «Комплексная программа содействия развитию сферы духовного образования» в Федеральную целевую программу развития образования на 2006-2012 годы»;

б) Пояснительной записке к проекту постановления Правительства Российской Федерации «О включении подпрограммы «Комплексная программа содействия

развитию сферы духовного образования» в Федеральную целевую программу развития образования на 2006-2012 годы»;

в) Положения о Федеральном агентстве по образованию, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 17.06.2004 № 288;

г) Распоряжения Правительства РФ от 14.06.2007 № 775-р (в редакции распоряжения правительства Российской Федерации от 3 февраля 2012 г. № 130-р);

д) Приказов Минобрнауки России от 4 июля 2007 г, № 196-р с приложениями и от 04.03.2012 № 74-дсп;

е) О реализации в 2012 году плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2012-2013 годах, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2012 г. № 640-р;

ж) Приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 августа 2012 г. № 840-дсп «О выделении ассигнований из федерального бюджета в 2012 году на реализацию плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007-2012 годах»;

з) Устава Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (новая редакция);

и) Приказов и распоряжений ректора БГПУ им. М. Акмуллы (январь-декабрь 2012 г).

Восстановление исторической памяти – дело, во-первых, чрезвычайно нелегкое. Во-вторых, широкомасштабное и трудоемкое, требующее привлечения лучших профессиональных сил всех социальных групп населения. К работе по выполнению задач подготовки специалистов с углубленным изучением ислама и содействия развитию исламского образования были привлечены, прежде всего, ученые вузов и академических структур.

Список участников проекта на 2012 год (светская группа).

№	Авторы и рецензенты-эксперты
1.	1.1. БГПУ им. М. Акмуллы
	• Амиров Р.К. - д.ф.н., проф.
	• Алмаев Р.З. - к.и.н., доц.
	• Антонов А.С. - к.п.н., доц.
	• Бенин В.Л. - д.п.н., проф.
	• Баишев И.Н. - к.и.н., доц.
	• Гареева Р.Р. - к.ф.н., доц.
	• Галанова М.А. – к.п.н., доц.
	• Голубченко И.В. - д.ф.н., проф.
	• Давлеткулов А.Х. - д.ф.н., проф.
	• Ишкильдина Г.Р. -к.ю.н., доц.
	• Кадикова Р.Ш. - к.с.н., доц.
	• Калимуллин Р.Х. - д.п.н., доц.
	• Кашапова Л.М. – д.п.н., проф.

	<ul style="list-style-type: none"> • Михайлов М.В. - к.ю.н., доц.
	<ul style="list-style-type: none"> • Садриев М.М. - д.и.н., проф.
	<ul style="list-style-type: none"> • Сайтов Р.И. - д.т.н., проф.
	<ul style="list-style-type: none"> • Сатбалдина С.Т. – д.п.н., проф.
	<ul style="list-style-type: none"> • Хайруллина Р.Х. - д.ф.н., проф.
	<ul style="list-style-type: none"> • Хуснутдинова З.А. - д.мед.н.
	<ul style="list-style-type: none"> • Хазиев В.С. - д.ф.н., проф.
	<ul style="list-style-type: none"> • Хазиева Н.В. - к.ф.н., доц.
	<ul style="list-style-type: none"> • Штейнберг В.Э. – д.п.н., проф.
	1.2. Вузы Уфы и РБ
	<ul style="list-style-type: none"> • Акчурин Басыр Гайфуллович - д.ф.н., проф. (БГУ)
	<ul style="list-style-type: none"> • Авдонин Александр Николаевич - д.ф.н., проф. (СИ при БГУ)
	<ul style="list-style-type: none"> • Ахметов Артур Равилевич - к.ф.н., доцент (УГАИ)
	<ul style="list-style-type: none"> • Багаутдинов Айрат Маратович - к.ф.н., доцент (БГУ)
	<ul style="list-style-type: none"> • Вильданов Урал Салимович - д.ф.н., проф. (СИ при БГУ)
	<ul style="list-style-type: none"> • Вильданова Гузель Булатовна - к.ф.н., проф. (СИ при БГУ)
	<ul style="list-style-type: none"> • Егорышев Сергей Николаевич - д.с.н., проф. Проректор по УР ВЭГУ
•	<ul style="list-style-type: none"> • Зубаирова-Валеева А.С. - к.ф.н., доц.(БГУ)
	<ul style="list-style-type: none"> • Изимариева З.Н. - к.ф.н., доц. (УГАУ)
	<ul style="list-style-type: none"> • Садыков Р.Г. - д.ф.н., проф. (Мелеузовский филиал МУЭИУ)
	<ul style="list-style-type: none"> • Халфин С. А. - к.и.н., проф. (УГАЭС)
	<ul style="list-style-type: none"> • Якупов М.Т. – к.ф.н., доц. (БГУ)
	1.3. Иногородние РФ
	<ul style="list-style-type: none"> • Басыров Айдар Хайдарович – к.ф.н., журналист (Чекмагуш)
	<ul style="list-style-type: none"> • Кушаев Нариман Азизович - учредитель и гл. редактор журнала «Искусство и образование» (Москва)
	<ul style="list-style-type: none"> • Миронов Анатолий Васильевич - д.с.н., проф., гл. редактор журнала «Социально-гуманитарные науки» (Москва)
	<ul style="list-style-type: none"> • Махаматов Т.М. - д.ф.н., проф. (МФЭУ при Правительстве РФ, Москва)
	<ul style="list-style-type: none"> • Муслимов Абдулбари – директор НИМ «Махинур» (Нижний Новгород, Казанская набережная)
	<ul style="list-style-type: none"> • Харисов Фираз Фахразович – д.п.н., проф. (директор ФИРО).
	1.4. Уфа, РБ
	<ul style="list-style-type: none"> • Ахмадиев Фарит Вафиевич - гл. редактор журнала «Ватандаш»
	<ul style="list-style-type: none"> • Марданов Зиннур Шайхуллович – Представитель Министерства иностранных дел РФ в г. Уфа.
	<ul style="list-style-type: none"> • Пятков Вячеслав Петрович – Председатель Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Президенте РБ
	<ul style="list-style-type: none"> • Фаттахов Азат Маратович – зам. Председателя Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Президенте РБ
	<ul style="list-style-type: none"> • Юнусова Айсылу Билаловна – д.ф.н., проф., директор института этнологических исследований УНЦ РАН
	1.5. Иностранные коллеги
	<ul style="list-style-type: none"> • Абдуллаев Абдулхай Болтабоевич – проректор по учебной и научной работе Ташкентского исламского университета
	<ul style="list-style-type: none"> • Абдуллаев Равшан Вохидович – д.и.н., проф., ректор Ташкентского исламского университета

	<ul style="list-style-type: none"> Маматов Мамаджан – к.и.н., проф., зав. кафедрой Национальной идеи и духовности Ферганского государственного университета
	<ul style="list-style-type: none"> Мамед-заде Ильхам – д.ф.н., проф., директор Института и права АН Азербайджана.
	<ul style="list-style-type: none"> Олимов Кароматулло Олимович – д.ф.н., проф., директор института Востоковедения АН Таджикистана
	<ul style="list-style-type: none"> Садыкова Насиба Нуруллоевна – д.ф.н., проф., ученый секретарь института Философии и права АН Таджикистана
	<ul style="list-style-type: none"> Хаитов Шавкат Ишанкуллович – зам. директора института Философии и права АН Узбекистана
	<ul style="list-style-type: none"> Жаркимбаева Дана Бахтубаевна – к.ф.н., Казахский институт
	<ul style="list-style-type: none"> Дитер Зегерт – д.ф.н., профессор социальных наук Института политических исследований (г.Вена)
	<ul style="list-style-type: none"> Капитон Владимир Павлович – д.ф.н., профессор факультета экономики Днепропетровской финансовой академии
	<ul style="list-style-type: none"> Моравчикова Михаэла – д.теол.н., директор юридического факультета Института правовых аспектов религиозной свободы
	<ul style="list-style-type: none"> Тайжанов Алтай Тайжанович – д.ф.н., профессор Академии социальных наук (Республика Казахстан)
	2. Рецензенты-эксперты
	2.1. БГПУ им. М. Акмуллы
	<ul style="list-style-type: none"> Асадуллин Р.М. – д.п.н., проф. Амиров Р.К. - д.ф.н., проф. Бенин В.Л. – д.п.н., проф. Иванов И.В. – д.и.н., проф. Кадикова Р.Ш. – к.с.н., доц. Лобанов С.А. – д.м.н., проф. Мигранов Н.Г. – д.ф.м.н., проф. Мухамедьянов С.А. – д.ф.н., проф. Садриев М.М. – д.и.н., проф. Сафуанов С.Г. – д.ф.н., проф. Федулина И.Р. – к.м.н., доц. Хазиев В.С. – д.ф.н., проф. Хазиева Н.В. – к.ф.н., доцент Хайруллина Р.Х. – д.ф.н., проф. Хусаинова А.Х. – к.ф.н., доцент Шакуров Р.З. – д.ф.н., проф.
	2.1. Вузы РФ
	<ul style="list-style-type: none"> Канапацкий А.Я. – д.ф.н., проф. (Москва) Махаматов Т.М. – д.ф.н., проф. (Москва)
	2.3. Уфа, РБ
	Слепнев Е.Л. – д.ю.н., доц. (Министерство юстиции)
	Ямалов М.Б. – д.и.н., проф. (Администрация Президента РБ)
	Урманцев Н.М. – д.ф.н., проф. зав. каф. философии, социологии и педагогики Уфимского государственного аграрного университета

РИУ ЦДУМ России

Список

участников проекта на 2012 (исламская группа).

№	Ф.И.О.	Контактные телефоны	Адрес
1	Верховный муфтий, Шейх-уль-Ислам Талгат Сафа Таджуддин	Уфа	450057, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Г. Тукая, 50
2	Раев Ринат Афраемович	Уфа	
3	Якупов Риф Исмагилович	Уфа	
4	Мамлеев Равиль Данович	Уфа	
5	Ахметов Марс Альбертович	Уфа	
6	Тимиргалиев Василь Маганавеевич	Уфа	
7	Ишманов Артур Радикович	Уфа	
8	Гафуров Булат Курбангалиевич	Уфа	
9	Набиуллин Ришат Раисович	Уфа	
10	Салихов Тимур Раилевич	Уфа	
11	Нургалиев Кайрат Ертлесович	Уфа	
12	Зуфаров Азиз Фазаирович	Уфа	
13	РДУМ Республики Башкортостан, Руководитель администрации ЦДУМ России, Муфтий Таджудинов Мухаммад Талгатович		450057, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Г. Тукая, 50
14	РДУМ Ульяновской области, Муфтий Сулейманов Савбян Юнусович		(Ульяновская область, р.п. Чердаклы, ул. Колхозная 36 – дом) упр (это что значит?) – 432012, г. Ульяновск, ул. Радищева, 28, ком. 14
15	РДУМ Республики Чувашии, муфтий Альбир Крганов Рифкатович		429350 Республика Чувашия, Батыревский район, с. Шыгырдан, ул. Тукая, 54
16	РДУМ Астраханской области, муфтий Назымбек Ильязов Актажиевич		414000 г. Астрахань, мечеть - ул. Спартаковская 62, 3. Космодемьянск ой 41, (дом – Наб. Приволжского затона, 15/2 – 210)

17	РДУМ Самарской области, муфтий Вагиз Яруллин Летфуллович		443081 г. Самара, ул. Старый Загора, 54, (дом. 443023 ул. Промышленная, 244)
18	РДУМ Волгоградской области, муфтий Биктимиров Ильяс Амиевич Муфтий Альмухаметов Рашид Рамазанович (Волгоград)		г. Волгоград, Паворинская, д. 22, Ворошиловский р-н 4500512 г. Волгоград, Красноармейск ий район, ул. 40-лет ВЛКСМ, 7-2, (для почты 400080, г. Волгоград, ул. Пятиморская, 20, ООО «Нижняя Волга Трейд» Альмухаметову Рафату Р.)
19	РДУМ Оренбургской области, муфтий Габдульбарий Хайруллин Хабиевич		460002 г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/а
20	РДУМ Пензенской области, муфтий Адельша Юнкин Харисович муфтий Аюп-хазрат Дебердиев		442310 Пензенская область, Городищенский район, с. Средняя Елюзань, ул. Победы, дом 1 Средняя Елюзань Пенз. обл.
21	РДУМ Республики Удмуртия, муфтий Мухамедшин Фаиз Габдуллаевич		426041 г. Ижевск, ул. Донская 2 (дом. ул. Азина, 238)
22	РДУМ Северо-западного региона России, муфтий Жафяр Пончаев Насибуллович		197046 г. Санкт- Петербург, ул. Кронверкский Проспект, 7 (дом.

			Богатырский проспект, 4 – 725)
23	РДУМ Республики Марий-Эл, муфтий Фануз Салимгареев Рифгатович		424000 г. Йошкар-Ола, ул. Авиации – соборная мечеть, (дом. ул. Понфилова, 30-39)
24	РДУМ Республики Мордовия, муфтий Заки Айзатуллин Абдулкаримович		431614 Республика Мордовия, Ромадановский район, с. Белозерье (дом. с. Болозерье, ул. Пролетарская, 47)
25	Представительство ЦДУМ России в Тюменской области Зиганшин Ильдар Ильгизарович		Тюмень.
26	Ректор Медресе «Хаджтархан» г. Астрахань Бикмухаметов С.К.		Астрахань.
27	Ректор Медресе «Биляр» Сафиуллин Ильдар Фагильевич		432057, г. Ульяновск, ул. Оренбургская, д. 1 «Б»
28	Ректор Медресе «Хусаиния» Шарипов Альфит Асхатович		г. Оренбург, ул. Рыбаковская, д. 98
29	Ректор Медресе «Гали» Сиразов Минтагир Сагирович		446498, с. Алькино, Самарская область, Похвистневски й район, ул. Школьная, д. 104 А
30	Ректор Медресе «Гулистан» Ямалутдинов Наиль Аглеметдинович		Чувашская Республика, Батыревский район, с. Шыгырдан, ул. Ленина, 60
31	Ректор Медресе «Нуруль Ислам» Сибгатуллин Айнур Мавлемзанович		452607, г. Октябрьский, ул. Комсомольская, д.22

32	Ректор Медресе «Нур» Сулейманов Али Закариевич		г. Самара, ул. Старый Загора, д. 54
33	Редакция ЦДУМ Карабаева Зимфира Зинуровна	Уфа	
34	Редакция ЦДУМ Ризванова Динара Наилевна	Уфа	
35	Джафар Садык гость ЦДУМ из Турции	Уфа	
36	Артур хазрат	Уфа	
37	Абдуссамад хазрат	Уфа	
38	Шамсутдин хазрат консультант РИУ	Уфа	
39	Ариф хазрат консультант РИУ	Уфа	
40	Юсупова Венера	Уфа	

Эти материалы показывают всю серьезность как объема, так и содержания работы, осуществляемой в рамках Комплексного проекта лишь в одном регионе – Республике Башкортостан. Такая же двуединая работа по подготовке специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама и содействию развитию исламского образования новой России ведется также светскими и исламскими образовательными учреждениями в других регионах России, в районах, где компактно проживают мусульмане: в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Нижнем Новгороде, Пятигорске, Махачкале, Грозном, Нальчике.

§ 3. О ЦЕЛОСТНОМ МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ В РЕЛИГИОЗНОМ ОБРАЗОВАНИИ¹⁵...

Система исламского образования, как и любая другая аналогичная система, связана с вопросами о природе человека и об истине.

"Что есть истина?" – воскликнул, как гласит легенда, римский прокуратор Иудеи Понтий Пилат, допрашивая Иисуса Христа, которого потом отправил, якобы демонстративно умыв при этом руки, на смерть. Вопрос был риторическим. Понтий не ждал ответа, да и не нуждался в нем¹⁶. Спросил, чтобы подчеркнуть: хотя многие и болтают об истине, но никто о ней не знает и знать не может. Проповедник Иисус – один из таких лжепророков, понапрасну смущающих умы людей иллюзорной надеждой – постичь истину; один из тех, кто, по словам Беранже, навевает человечеству сон золотой. Римский чиновник предельно эмпиричен. Никаких истин и никаких снов. Все

¹⁵ В подготовке этого параграфа использованы с ее любезного согласия написанные в соавторстве с к.ф.н. Е.В. Хазиевой материалы.

¹⁶ См. Локк. Соч. М., 1985. Т. 2. С. 51. "Вопрос "что есть истина?" ставили много веков тому назад"; Бэкон Ф. Соч. М., 1972. Т. 2. С. 352. "Что есть истина?" - спросил насмешливо Пилат и не стал дожидаться ответа"; Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 82. "Утвердилось плоское мышление, что... познание истины не существует... Познанию якобы не доступна природа абсолютного... то, что в природе и духе истинно и абсолютно... Эти мыслители подобно Пилату, римскому проконсулу, который в ответ на слова Христа об истине задал вопрос: что есть истина? И вопрос этот в устах Пилата означал, что сам он уже покончил с этим и знает, что истина не может быть познана"; Далее там же, на с. 109 читаем: важничанье мы видим у Пилата в его вопросе, обращенном к Христу. Пилат как человек, который все решил, который потерял ко всему интерес, спросил: "Что есть истина?" Этот вопрос имеет тот же смысл, что и слова царя Соломона: "Все суета".

есть так, как есть. По его мнению, награда тем, кто сеет сумятицу в сознании людей, обещая истину, может быть только одна – распятие. Это, к сожалению, не курьез, связанный с исключительным в своем роде обывателем, облеченным властью вершить судьбу людей, а трагическая картина реальной истории человечества, не изменившаяся существенно и по сей день. Понтийисты всех времен не скупилась на расправу с правдоискателями и правдоборцами. Истина добывалась и добывается ценой страшных трудов и жертв. Рудименты синдрома пилатчины обнаруживаются и сегодня¹⁷. Тягостный факт, но факт; человечество мало изменилось в этом плане. Это может убить и надежду, и мужество, и желание поиска истины у любого. Однако утешает и ободряет совсем другое: неиссякаемость желающих испытать силы на стезе поиска истины, которых не может ни испугать, ни остановить тупая жестокость *ultima ratio* (последнего довода) адептов Понтия Пилата, знакомого теперь широкому кругу советских читателей по роману Михаила Афанасьевича Булгакова "Мастер и Маргарита"¹⁸. Вопрос об истине в философии неразрывно связан с другим – о человеке.

Человек – прежде всего субъект разумной деятельности. И он объектом быть не может. По крайней мере, в классическом смысле понятия «объект». Хотя бы уже потому, что, будучи объектом воспитания, он участвует в этом процессе. С чем-то соглашаясь, с чем-то дискутируя, что-то отвергая. То есть человек как объект воспитания есть субъект самовоспитания. В познании это называется «эффектом присутствия субъекта». Такова исходная диспозиция.

Приведем предварительно несколько тезисов, содержащих достаточно простых и очевидных истин. Некоторые положения, однако, могут вызвать возражения и даже неприятие. Полагаю, это нормально. Мы идем вперед. И споры свидетельствуют, что в становлении системы исламского образования новой России участвуют люди думающие и не безразличные к ее судьбе.

Первый тезис – о том, что бытие человека включает в себя как телесные (материальные, природные и т.д.), так и духовные (идеальные, субъективные и т.д.) аспекты. Каждая сторона имеет свои структурные элементы: внешние и внутренние, рациональные и иррациональные, осознаваемые и бессознательные, умственные и чувственные и пр.

Второй тезис, вытекающий из первого, – требование целостного рассмотрения человека, когда речь идет о его бытии, т.е. требование не абсолютизировать какую-то одну сторону его жизни, какой бы важной, архиважной, значительной и главной она не была.

Третий тезис – о том, что, если абстрагироваться от экономических, идеологических, политических и других обстоятельств, религия и наука рассматривают человека, педалируя один из моментов познания его бытия. И в этом смысле каждая из них абстрактна, "хромает на одну ногу". Религия

¹⁷См. об этом, например, Свинцов В.И. Похвальное слово молчанию // Философские науки. 1989. № 4. С. 80-87.

¹⁸См. Васильев А., Кроне М., Печерский М. Пилат умывает руки // Молодой коммунист. 1989. № 4. С. 102-112. Авторы рассматривают историческую достоверность легенды о Пилате и Христе. Был или не был вопрос: "Что есть истина?"

акцентирует внимание на вере в свои истины, наука – на экспериментально проверенной истинности своих знаний.

Четвертый тезис совсем прост: каждый нормальный человек хочет быть счастливым. И что для этого нужно, знает и определяет только он сам. Кому-то достаточно одних научных истин, кому-то, может, нужна только вера, а кому-то – и то, и другое. Наука и религия имеют множество точек различия. Но они сходятся в человеке, которому нужны для счастья и истины науки, и истины религии; знания о предметном мире, в котором он живет, и вера в бессмертие индивидуальной души и загробную жизнь.

Долгое противостояние науки и религии, уходящее корнями вглубь веков, не только не принесло полную победу ни одной стороне, но и славу никому не стяжало. У каждой были свои победы и свои потери. Более того: за туманами страстей, где возносилась хвала или научным истинам, или истинам веры, для укрепления хрупкости своих выводов и повышения кредита доверия каждая сторона обращалась к помощи своего оппонента.

Наука производила энергетическую дозаправку тем, что ВЕРИЛА в истинность экспериментально проверенных знаний. И при этом она раз за разом ошибалась в своей вере в непогрешимость экспериментально-практического критерия истинности человеческих знаний и окончательной их истинности. Например, на смену вере в истинность законов классической механики пришла вера в истинность законов квантовой механики; вера в истинность знаний классической науки дополнялась поочередно верой в истинность неклассической науки и постнеклассической науки. Такие погрешности в вере в истинность научных знаний ученые оправдывают «углублением научных знаний». Что по существу означает, что научные знания никогда истинными быть не могут. Точнее, никогда не являются до конца истинными, они приближительны, т.е. относительно истинны. Относительно чего – этого наука не знает, ибо познание по утверждению ученых бесконечно. Следовательно, истинность научных знаний будет бесконечно уточняться даже в, казалось бы, банальных знаниях о составе воды.

Религия же, в своих яростных порывах отстаивая абсолютность истин веры, расточала ласки и осыпала милостями те ЗНАНИЯ, которые вели к любви к Богу. Сколько сил и усилий потратила христианская средневековая схоластика, чтобы придать догматам веры вид разумных рассуждений, не противоречащих рациональной логике (например, Фома Аквинский). Какие шедевры создали на этом же пути представители средневекового арабомусульманского рационализма (например, аль-Фараби или Ибн-Сина)!

Жар борьбы индуцировал чувства, питающие накал непонимания, что каждая сторона пользуется не просто сопредельными понятиями, а представляет собой контуры двух потоков поиска истинного бытия одного и того же объекта – Человека.

Борьба за то, кому радеть о благе человека, привела к губительной эрозии самой идеи о благе человека, или благом человеке.

Восходящий из глубин столетий просмотр под углом зрения науки показывает вопиющее прегрешение – сужение пространства бытия человека. Если убрать напластования времени, видна иллюзорность этой, казалось бы, простой и ясной идеи. Каких бы библейских размеров не достигали знания самого мудрого-премудрого энциклопедиста, он как человек не сводится (не редуцируется) без остатка к сумме своих знаний. Человек всегда больше, чем его ум, его сознание, его знания. В нем еще много такого, чего нельзя положить под пресс эксперимента и практического критерия проверки на истинность. Например, милосердие и чувство красоты.

Ночь, рассеявшаяся в свете исторической истины, надеюсь, уходит в прошлое. Выявляется, что и религия, абсолютизируя истины веры, привнесла в эрозию идеи о благе человека свою лепту.

Человеку для счастья нужны многие категории бытия и познания, которые наука выносит за скобки, – доброта, любовь, сострадание, красота, милость, дружба, доверие, честь, совесть, достоинство, долг. Это – правда! Но человек не может жить и без тех истин, или истинных знаний, пусть хотя бы относительно истинных, что дает ему наука.

Истина, как часто и бывает, оказалась посредине. Конвергенция визави сегодня стала исторической необходимостью. К проблеме человека необходимо идти под общим парусом. Пусть с разных сторон, пусть каждый «копает тоннель» со своей стороны, но обязательно навстречу друг другу! Человек как объект и науки, и религии незримо руководит их поисками истин человеческого бытия и познания. Для триумфального возвращения человека домой, к себе необходимо, прежде всего, отказаться от дряхлого постулата "борьбы", от взаимного отрицания. Для постижения истин человека, затаенных в глубине его бытия, необходима адекватная философская, мировоззренческая форма. Отбросив суетные воспоминания, нужно понять, что человек может быть целостным лишь в единстве его материального и идеального, объективного и субъективного, интеллектуального и чувственного, сознательного и подсознательного, рационального и иррационального бытия. Для понимания целостного человека нужно начать со смотра наличных мощностей науки и религии. Встречное движение (конвергенция) требует консенсуса, компромисса. Каждая сторона, сохраняя свои надежные якоря и резервируя за собой основные идеалы и ценности, должна отказаться от целого ряда устаревших стереотипов. Прежде всего, отказаться от использования силы (насилия) в любых его формах. Достойные сострадания ошибки и заблуждения, часто прикрытые изысканностью пышных слов, должны быть устранены. Не дать увлечь себя незрячим поводырям, каким бы фонарем они не заманивали к себе – научным или религиозным – такова сегодняшняя задача познания Человека. Ничто и никто не должно лимитировать границы поиска истин человеческого бытия и познания – таков девиз современной философской антропологии или мировоззренческих основ наук о человеке: и естественных, и социально-гуманитарных!

Если ясна исследовательская программа, необходимо уточнить конкретный проект, чтобы не наталкиваться тут и там на мелкие детали, множество которых может, в конечном счете, если их не оговорить и не преодолеть, погубить исподволь саму идею.

В основе антропологического проекта должна лежать идея, что нет перед человеком роковой альтернативы "знать или верить". Для полноты (целостности) бытия и познания человека нужны обе стороны. Такова исходная диспозиция.

Первый социальный шаг ангажирования религии на пути светского познания человеческого бытия был сделан в России с введением государственного образовательного стандарта по "теологии" для бакалавров и магистров. Хитрость семантической конструкции, состоявшей в том, что русское слово "богословие" поменяли на греческое "теология", не особенно скрывала сути дела: к третьему тысячелетию выяснилось, что набитый до предела научными знаниями человек в большинстве случаев остается в духовном плане неустранимо нем. Возникла дилемма: или "обнаучить" религию, или научные знания влить в старые религиозные «меха». При этом возникли дискуссии о различиях между "религиоведом", "теологом" и "богословом". Есть ли между ними то, что их объединяет, и то, чем они различаются? При первом приближенном подходе стали вырисовываться такие контуры: религиовед – человек, изучающий религии. При этом вопрос о том, верующий он сам или нет – вообще не ставится. Теолог – человек, который изучает не только то, что и религиовед, но и то, что изучает богослов, т.е. все детали богословской службы. При необходимости теолог может быть и священнослужителем. Для этого ему необходима, кроме теологической подготовки, еще одна "деталь" – самому быть верующим человеком. Теологическая подготовка, в отличие от богословской, не требует от теолога быть верующим. Таким образом, предельно схематично это выглядит так: религиоведа и теолога объединяет то, что они могут быть светскими, неверующими, даже атеистами, а различаются по содержанию программ подготовки, т.е. учебных планов и изучаемых дисциплин. Теолога и богослова объединяет тождество программ обучения, они изучают одинаковый объем и количество учебных дисциплин, но в отличие от теолога богослов обязательно должен быть лично верующим.

О необходимости пересмотра основ научного познания, о необходимости новой научной парадигмы, дополняющей прежний каркас, в научной среде слабо звучат отдельные голоса, которые представляют лишь случайную рябь на поверхности научной жизни. Активность в этом направлении проявляют в основном представители церкви. По понятной причине: от желания возродить религиозную духовность. Они первыми увидели, что редукция человека только к разумным компонентам его бытия превращает его в духовного маргинала. Но на этом пути есть свои "овраги и болота". Невозможно в третьем столетии возродить человеческую духовность, используя содержание эмпирических и научных знаний Древних и Средних веков, даже знания, полученные наукой в Новое время, выглядят и являются

по существу архаичными. Формальная (механистическая, прямолинейная) приверженность к исторической памяти в ее упрощенной трактовке может сыграть злую шутку. Нетворческое использование содержания исторической памяти как некой мертвой матрицы для буквального копирования во всех деталях может превратить доброе в намерениях дело в дорогу в ад. Может благие намерения превратить в ложь, ошибку, зло. Модернизация религий (или веры) – такое же требование времени, как и требование дополнить стандарты научного подхода к изучению человека методами и средствами религии. Эксперимент и молитва нужны человеку в его жизни; по-разному и для различных целей, но нужны обязательно для полноты и целостности его бытия (жизни). Нужна логика и точный научный расчет в экономике и политике, но нужны и простое чувство веры в людскую порядочность, и честь, и совесть, и достоинство, и патриотизм, и т.д. Нужны точные знания-прогнозы на завтра, но нужны и чувства затаенного ожидания счастья. Перефразируя старую поговорку, можно сказать: одними научно-истинными знаниями счастлив не будешь, как и одним блаженным ожиданием счастья тоже не приобретешь.

Во времена Перикла и Сократа греки требовали от своих вождей не только истинных расчетов на основе точных знаний, но и вынуждали прислушиваться к знамениям и оракулам пифий.

Логика жизни многогранна. Не только из ложных посылок можно получить истинные результаты. Можно и из верных посылок получить ложные следствия. Возрождение религиозных стереотипов в их средневековой первозданности уже с первых шагов показало, что вместо истинной духовности получается лишь внешний декорум духовности, вместо реалий духовности – лишь бутафория. Историческая память мертва, если не окроплена живым творческим и гуманным отношением человека к своей настоящей, живой жизни. Историческая память – это просто могильная плита, которая не способна что-то сказать сама, если рассматривающий ее человек неспособен что-то чувствовать. Историческая память сама по себе не принесет ни красоту, ни добро, ни истину, если живой человек не способен на истинное познание, не способен чувствовать красоту и не стремится к ней, не является носителем добра и милосердия. Историческая память оживает в формах живого бытия. Какая гуманистическая основа составляет бытие данного конкретного человека, таким поможет ему быть и окрепнуть и историческая память. Для глупцов и ленивых историческая память может служить лишь ширмой, скрывающей их никчемность. Главный элемент – это человек, понимание места и роли отдельного человека в мироздании, разумение того, в чем смысл бытия человека в масштабах одной коротенькой жизни и в вечности; что важнее для человека – рациональные знания или вера. Может, и то, и другое. Важно и нужно, чтобы человек мог быть счастливым.

На этой почве спор длится не первый век. При отдельном подходе к человеку со стороны науки и религии объект интереса вовсе исчезает в "черном ящике". При таком подходе можно лишь задним числом

констатировать, что было "на входе" и что получилось "на выходе". Истинного видения свободного развития ассоциированного (целостного) человека не получается.

Спор о целесообразности преподавания теологии в российских вузах сегодня перерос в спор об отношении науки и религии, в частности, в области образования. Стабильный негативный признак этого спора в том, что человека продолжают рассматривать как "ничейную землю", за которую ведут борьбу с разных позиций. Начерно намеченный выше ответ гласит: необходимо исходить в споре не с позиции науки или религии, а с позиции самого человека. Что ему нужно: научные знания или вера, а, может, и то и другое? Не должны быть при этом элиминированы и другие варианты. Например, нельзя исключать при этом и "нуль вариант", когда человеку, чтобы счастливо прожить собственную и единственную жизнь по своему выбору, не нужны ни обширные научные знания, ни глубокая религиозная вера. Ленивая беспечность и простота жизни также нужны наряду со сложными архитектониками науки или религии, чтобы получилась модель полного континуитета возможного бытия человека. В образовании в широком смысле должны присутствовать и линейное накопление научных знаний, и обучение молчанию, очищению сердца слезами, сосредоточенности в самом себе, ощущению и осознанию значимости определенной позы, повторение молитв или аффирмации. Как ни импозантна в наших глазах ясность и определенность, жизнь человека заполнена множеством интуиций, тайн, неясностей и неопределенностей. Они есть, будут, должны быть, иначе человеческая жизнь будет неполной, однобокой, серой, несчастной. Выбор человека – определяет его судьбу. И он, елико возможно, не должен быть ограничен ничем и никем: ни наукой, ни религией. Необоснованная уверенность в абсолютности своих истин обрекает человека на ограничение выбора. Ум не должен быть пленен никакими догмами: ни научными, ни религиозными. Только свободный выбор может дать человеку ощущение и осознание своей судьбы и жизни как счастливой, независимо от достигнутых результатов, запланированных ранее как цели жизни. И спор, который идет сегодня между религиоведами, теологами и богословами о характере образования человека, должен, на наш взгляд, исходить из этой позиции – дать возможность каждому человеку свободно выбрать характер и масштабы своего бытия и познания, чтобы быть онтологически истинно счастливым. Онтологически истинное счастье – это тогда, когда эмпирические характеристики (признаки) счастья человека соответствуют гуманистической его сущности и его пониманию. Свобода выбора каждым человеком, как быть счастливым, не означает любой выбор, любое толкование счастья. Например, в понимании счастья уголовником или потерявшими человеческую сущность подонками и нелюдьми.

Религиоведы – ученый ли, теолог ли, богослов ли – несут свободное и полное духовное развитие – все равно, если приоритетом для каждого из них является свобода и счастье человека, а не узко мировоззренческие и административные амбиции. Дело не в изучаемых предметах, а в учителях!

Кто они – счастливые и добрые люди, желающие принести благо (возможность свободного выбора) другим, или узкопрофессиональные специалисты, желающие вербовать своих сторонников?

Экстраполяции в такие абстрактные дали, как "жизнь", "смысл и цель жизни", "смерть", "ценности бытия и познания", "счастье" и т.д. увели бы нас далеко от темы в сферу пространных философских построений. И все же... нет испытания более тяжкого, чем нести крест истины – как осчастливить все человечество. Сократ и Будда, Плотин и Христос, Авиценна и пророк Мухаммад (Мир Ему), Галилей и Лютер, Эйнштейн и пророки XX века – все хотели сделать земную и вечную жизнь человека счастливой, протестуют против дуального (расколотого) понимания человека и отношения к нему:

- и романисты (Камю, Пруст, Марсель, Достоевский);
- и эссеисты (Кроче, Гвардини, Мунье, Ортега-и-Гассет);
- и мемуаристы (Бердяев, Швейцер, Циглер);
- и публицисты (Рассел, Сартр);
- и педагоги (Дьюи, Штейнер, Литт, Шпенглер);
- и психологи (Ясперс, Фромм, Юнг);
- и политологи (Джантелли, Мантэгу, Маритэн, Тойнби);
- и ученые (Карнап, Витгенштейн, Т. де Шарден, Эйнштейн, Рассел);
- и священники (Л.Кинг).

Сколько имен и сколько идей! И каких! Для счастья человечества предлагают:

- Альберт Швейцер – возродить этическую основу культуры;
- Рудольф Панныец – ввести в политике норму примата человечности;
- Макс Шелер – воспитать "новую молодежь" на истинно человеческих (научных и религиозных) ценностях;
- Кайзерлинг – дополнить разумное развитие духовным;
- Бертран Рассел – дать духовную свободу;
- Ясперс – "разбудить" человека, которого прежняя культура "усыпила";
- П. Сорокин – возвысить человека от чувствования до ценностной идеи;
- Ортега-и-Гассет – стереть всякие границы, разделяющие людей: этнические, политические, конфессиональные и другие, чтобы было единство людей всей планеты;
- Маритэн – усилить моральные христианские идеи;
- Н. Бердяев – формировать религиозную душу;
- З.Фрейд – вскрыть бессознательные тайники души.

Во время работы над книгой о средневековом арабо-мусульманском рационализме¹⁹ натолкнулся на интересную мысль Ибн-Сины. Суть в том, что знания – путь к Всевышнему. Но этот путь двоякий, содержит в себе и рациональные (научные, философские), и иррациональные (пророческие) элементы. Лишь трудами и усилиями на обоих гносеологических путях человек может приближаться к божественным истинам. Ибн-Сина считал, что могут быть люди, которые по милости Аллаха обладают пророческими

¹⁹ См.: Хазиев В.С. Онтологическая истинность бытия и познания в средневековом исламском рационализме. Уфа: Изд-во БГПУ им. М. Акмуллы, 2012.

знаниями. То есть они обладают врожденными знаниями обо всем и во всех областях жизни. Другие люди могут и должны стремиться достичь таких же знаний. Для этого им нужно упорно трудиться. Сам Ибн-Сина, безусловно, чрезвычайно богато одаренный от рождения и талантливый, считал, что пророческими знаниями не обладает. Поэтому он упорно и неустанно трудился: учился и творчески работал, оставаясь глубоко верующим человеком, мусульманином.

В связи с этим и в продолжение этой мысли позволю цитату из своего доклада на епархиальных Табынских чтениях, проходивших в Уфе. «Каждый нормальный человек хочет быть счастливым. И что для этого нужно, знает и определяет только он сам. Кому-то достаточно одних научных истин, кому-то, может, нужна только вера, а кому-то и то, и другое. Наука и религия имеют множество точек различия. Но они сходятся в человеке, которому нужны для счастья и истины науки, и истины религии; знания о предметном мире, в котором он живет, и вера в бессмертие индивидуальной души и вера в загробную жизнь. Долгое противостояние науки и религии, уходящее корнями вглубь веков, не только не принесло полную победу ни одной стороне, но и славу никому не стяжало»²⁰. Таков тезис.

Тезис требует аргументации. Не все просто. Например, известно, что долгое время, в основном в Средние века на Западе, христианство в лице священников и церковных организаций задерживало становление науки. Наука в стремлении выйти из-под пресса церкви даже выдумала теорию о двух истинах: веры и науки, которые якобы самостоятельны, не имеют друг к другу никакого отношения, поэтому не должны мешать друг другу. Здесь все неискренне, лицемерно, фальшиво. Они имеют отношение к человеку. И от этого им некуда не уйти. Они в ответе за человека, за его жизнь, за смыслы его жизни, за его судьбу, за его счастье в земной и вечной, если таковая есть, жизни. Наконец, наука получила свободу и самостоятельность. Даже якобы теперь она в лице своих ученых и организаций создает трудности для религии, которая теперь ищет спасения в «теории о двух истинах». Но... Если, действительно, наука победила, то означает ли это, что победило то, что нужно человеку... Может, победило зло? Может, победила ошибочная позиция, и человечество вышло на тупиковую дорогу? Есть и такие сомнения. Проигрыш веры – это, возможно, исторический проигрыш человечества?!. Разве поверхность земли приспособлена для того, чтобы закрыть ее бетоном, асфальтом, железом?! Разве она приспособлена для деревянных, железных, резиновых колес?! И т.д. Жили же неразумные питекантропы почти миллион лет на Земле. Почему же более развитые существа, т.е. разумные люди, без науки и техники не выжили бы... Может, жили бы и более миллиона лет. А вот выживут ли они со своими технологиями, инженериями и средствами массового уничтожения хотя бы сто тысяч лет, трудно сказать... Может, в чем-то ретрограды правы: может,

²⁰ Человек как объект воспитания // Просвещение и нравственность – забота церкви, общества и государства. Сборник материалов Первых епархиальных Табынских чтений (5 декабря 2011). Уфа, 2011. С. 79-80.

человечество ускоряющимися темпами бежит к пропасти небытия... Есть же примеры, когда люди и народы, которых высокомерно называют "дикарями" или "народами отставшими в своем историческом развитии", живут и выживают на планете столько же времени, как и ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ народы. И кто из них – "дикари" или цивилизованные – более приспособлен к жизни и выживанию на нашей планете в исторической перспективе, сегодня точно и определенно сказать трудно. У цивилизованных комфорта в их понимании больше. Но как придется за это расплачиваться? Не загубленной ли для биологической жизни поверхностью планеты? Может, вариант "дикарей" более перспективен для исторического выживания на Земле? Может, борьба религии и церкви в Средние века против "научного" варианта истории была исторически более верным путем? Может, наука – это не то, что нужно человечеству для бытия в его космическом смысле?! Может, наука – это чудовищно опасный и ложный путь развития разума?! Может, то, что мы сегодня называем наукой, вовсе и не есть что-то человеческое, а античеловеческое, скрывающееся под маской человечности. Разве мало доказательных примеров использования науки и ее достижений против Человека и человечества! Мало ли счастливых "дикарей" среди цивилизованных народов, которые не знают, как разложить бином Ньютона или сколько электронов на внешней оболочке кислорода? Живут же, и, может быть, счастливее тех, кто работает экскурсоводом в Эрмитаже или ведущим специалистом в ядерном центре! Достижения науки и цивилизации носят популяционный характер, то есть на 99% проходят мимо жизни индивидов, которые знают, чувствуют и понимают в мире меньше, чем их современники из "народов, отставших в своем историческом развитии". Наука и техника приобретают "надчеловеческий" характер и уже сегодня зачастую выходят из-под контроля людей. Примеры таких катастроф даже год страшно перечислять. Я не ретроград. Я за науку. Но, может, нам необходимо переосмыслить само понимание науки?!. Включить в ее сущность, как первое и основное требование, – ценность жизни. Все, что может повредить земной жизни в любом масштабе и форме, считать антинаучной?..

Тогда роль веры, религии в истории начинает видеться несколько в ином свете. Существование религии приобретает несколько иной космический смысл бытия социума. Она призвана тормозить развитие чудовища по имени рациональное познание, несущее людям суету, злую силу, мощь уродства, печаль и тоску одиночества и пр., а в перспективе – планетарную смерть, небытие. Есть, как видим, и такая позиция. Ретроградская. Но кто доказал, что неправильная?²¹ Когда доказательство истинности позиции ретроградов придет реально, как факт бытия, будет уже поздно что-либо исправлять. Ведь, как мы видим, наука всегда "post factum" уточняет свои истины, утверждая, что это есть "углубление научных знаний". И до каких пор человечество будет пользоваться как истинными знаниями теми, которые

²¹ Аргументации этого тезиса будет посвящен второй параграф данной главы книги.

еще долго потом углубляются и уточняются. Законы классической механики были углублены законами квантовой механики. Но люди же пользовались ими до их углубления. Зеленые, недозрелые яблоки, конечно, тоже яблоки. Но если их кушать как яблоки, можно и заворот кишок получить. Если научные знания требуют их дальнейшего углубления и уточнения до бесконечности, может, подождать, пока они не «дозреют», считая их пока "не совсем истинными"?!. Для науки важно, чтобы была наука. Это аксиома. Но важно ли бытие науки для истории человечества в масштабах не столетий и даже тысячелетий, а миллионов лет? Вот в чем вопрос!

Автор сегодня аргументирует не тезис ретроградов, а несколько иную, можно сказать, промежуточную точку зрения: человеку для счастья нужны и истины науки, и истины веры в бессмертие индивидуальной души, в наличие высшей справедливости и всемилостивого судьи. Может, то же самое нужно и для планетарного выживания?!.

Аргументация гносеологическая, т.е. о познавательных способностях человека: как рациональных, так и иррациональных; как научных, так и религиозных; как ума, так и сердца; как логических, так и морально-эстетических.

Атеизм недавнего времени долго потешался над парафразой одного из отцов церкви Тертуллиана (155-220 гг.)²²: "Credo quia absurdum (est) – "Верую, ибо абсурдно".

[У самого Тертуллиана, к слову сказать, сказано иначе. В книге "О плоти Христовой" (De Carne Christi) Тертуллиан пишет буквально следующее: "Сын Божий пригвожден ко кресту; я не стыжусь этого, потому что этого должно стыдиться. Сын Божий и умер; это вполне вероятно, потому что это безумно. Он погребен и воскрес; это достоверно, потому что это невозможно". (На латыни так: "Et mortuus est dei filius; prorsus credibile est, quia ineptum est. Et sepultus resurrexit; certum est, quia impossibile"). Мысль не нова. До Тертуллиана об этом же писал апостол Павел в Первом послании Коринфянам: "Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие" (1-е Коринфянам 1:22-23)].

Посмотрим внимательнее, о чем речь. Для этого привлечем философские категории «хаос», «абсурд», «космос», «логика».

Абсурд – это логика Хаоса. А Хаос есть та часть бытия, которая недоступна рациональному мышлению. Там, за пределами упорядоченной (на языке религии – «тварной») части мироздания (а на языке античной философии «за пределами Космоса, который родился из Хаоса») начинается пространство, не подчиняющееся законам рациональной логики и не доступное ей.

Тут на ум приходят слова Гегеля о неограниченном познавательном могуществе человеческого разума. Но Гегель плохо прочитал или не понял своего ближайшего предшественника по классической немецкой философии И. Канта. Знаменитые антиномии (парадоксы) разума И. Канта ясно и четко указывают, что на границе тварного мира (в античности – космоса)

²² Квинт Септимий Тертуллиан родился в 155 году в языческой семье в Карфагене. Прожил сложную жизнь. После буйной молодости, примерно в 40 лет принял христианство, стал священником. Под конец жизни впал в ересь монтеизма. Умер примерно в 220 году.

человеческий ум, т.е. рациональное познание, наталкивается на противоречия, на парадоксы, на антиномии. Далее разум бессилён. Он запутывается во взаимно друг друга отрицающих, но одновременно истинных суждениях. Самое простое среди них: мир – един и мир – множественен. Оба суждения истинны, хотя единое и множественное – это взаимоисключающие противоположности.

Вывод: конечный (тварной) мир противоречив. Об этом говорит И. Кант.

[Проследить бы за Кантом далее. Это интересно, ибо далее начнется как раз та знаменитая ситуация, когда И. Кант сначала раскритикует все рациональные доказательства бытия Бога средневековых христианских мыслителей, показывая их логическую противоречивость, а потом вполне последовательно построит свое не логически-рациональное, а иррациональное, моральное доказательство бытия Бога].

Однако вернемся к теме и продолжим на языке античной философии. То, что космос, где царит логос (закон, порядок), противоречив – это еще полбеда. Это не ново. Парадоксы были обнаружены еще в IV веке до н.э. Зеноном Элейским (знаменитые «апории Зенона»). Антиномий и парадоксов полно и в современной науке (каждый школьник знает, что луч света – и волна, и квант, т.е. представляет собой единство прерывности и непрерывности. Струна гитары, сделанная из луча света, была бы одновременно разрубленной на кусочки и целой, непрерывной. Парадокс. Но что делать – сам природный предмет такой, противоречивый. И мыслить его надо таким, иначе не будет истинного знания о нем), и в любой другой сфере общественной жизни. Конечный (тварной) мир противоречив. Это уяснили. А вечный, бесконечный мир?

Еще раз пробежимся от начала. Космос возник из Хаоса. В Космосе царит логос, который доступен рациональному мышлению, подчинен логике, даже в тех моментах, когда он антиномичен (парадоксален). Но Хаос больше Космоса с его логосом, его рационально познаваемыми законами. Есть что-то за пределами Космоса (тварного мира), есть что-то за пределами того, что в обыденном языке называют «естественным миром», т.е. есть сверхъестественный, потусторонний. Дело не в терминах. Наука это и не отрицает, называя ту часть бытия по-разному: «трансцендентный мир», «супранатуральный», «сверхприродный», «транскосмический».

Чем ближе разум (рациональное познание) подходит к границе между этими мирами, тем чаще наталкивается на антиномии, т.е. на парадоксы, противоречия, апории. За чертой естественного мира начинается иной мир, где царствует другой способ познания, о котором говорили апостол Павел, Тертуллиан и другие. Область, которую можно постигать (в этом Гегель тоже прав), но не только одним разумом. В этом познании нужно еще и сердце. Истины ума должны быть дополнены истинами сердца. Истины логики – истинами морали. Истины науки тогда станут человеческими истинами, когда они будут обоснованы истинами доброты и красоты, т.е. духовными истинами, в чем И. Кант был, безусловно, прав.

Человеку для счастья нужны одинаково и рациональное познание истин природы, и познание вечной доброты и красоты бесконечного, вечного мира, т.е. и ум, и вера. Наша жизнь полна и упорядоченного течения событий

(космос), и случайностей, беспричинных событий (хаос). Чем-то можно управлять своими силами, а что-то сверх всех возможностей не только отдельных людей, но и человечества в целом. Например, увидеть будущее в единстве его рациональных и иррациональных моментов. Правильное понимание целостности бытия – путь к пониманию целостности бытия отдельного человека.

И вот в России начинается своя волна поиска пути к счастливому целостному человеку. Кто-то принимает что-то на веру, кто-то пытается что-то экспериментально проверить на практике.

Одно несомненно: нужно начать с молодого поколения, т.е. с образования. На мой взгляд, исламская система образования в частности и религиозное образование в целом сегодня должны нести возможность обучения и воспитания целостного человека с правильным (целостным) пониманием мироздания. Нельзя понять онтологическую истинность бытия и познания человека без понимания целостности мира. И трудно понять целостность мира без понимания целостности человека.

Вот появился в России государственный стандарт по "теологии" в трех вариантах: специалитет, бакалавр, магистр. Почему курсы религиоведения, введенные раньше, оказались неудовлетворительными?

В чем различие между религиоведами и теологами, если объем знаний по религиоведению примерно такой же, как и по теологии?

Ответ очевиден: религиоведы преподают предмет, находясь на равном удалении от любой конфессии. Они с позиций секулярного знания и сугубо научными методами описывают суть каждой конфессии. Такое внешнее безразличие к религиозным традициям скрыто содержит позицию научно-критического отношения к ним. Если воспользоваться привычными для науки терминами, то в религиоведении "субъект" и "объект" не просто различны, но и противоположны. Теолог "несет" предмет изнутри, от себя, пытаясь выразить истины веры на языке логики. Здесь "субъект" присутствует в "объекте". Субъект, различен, не тождественен объекту, но не противоположен. В персональном плане мы выше уже рассматривали тождество и различие между религиоведом, теологом и богословом.

Если в государственном стандарте "теология" общеконфессиональная часть близка к позиции религиоведения, то конфессиональная, где предполагается преподавание конкретного богословия – православного, мусульманского, иудейского, буддистского и т.д. – означает прямую подготовку богословов с государственными дипломами об образовании.

Технический, индустриальный, научный передний край развития человечества ускоряющимися темпами уходит вперед. Духовное развитие, где находится депо вынесенных наукой за скобки как экспериментально непроверяемых качеств человека: любовь, уважение, смирение, верность, раскаяние, покорность, долг, милосердие, сострадание, честь, терпение, чувство красоты или омерзения к подлости и множество других – явно отстает от этого прогресса. Это отставание грозит привести человечество к трагическим планетарным последствиям. Сила и мощь природы в руках

духовно неразвитых людей может обернуться глобальной катастрофой. Проблема ясна. Весь вопрос в том, как ее решить. Один из возможных вариантов сейчас пытается реализовать Россия.

Система исламского образования новой России вплетается в ткань, в тело российского социума через людей, через их чувства, мысли, слова и дела в большом и малом. Жизнь общества складывается из диалектики жизни отдельных людей. Жизнь каждого человека определяется материально и духовно жизнью того общества, где по воле случая он родился, вырос, учился, работает и живет. Гармония бытия общества в целом и каждого отдельного человека в малом и большом масштабах во многом зависит от сознательного выбора участников жизни общества, от их ума, чувства красоты и душевной доброты. Какой будет наша жизнь – разумный выбор за каждым из нас...

ГЛАВА 2.

ФИЛОСОФИЯ КАК РУКОВОДСТВО К ПОЗНАНИЮ И ЖИЗНИ

Мы осознаем, что многие положения данной работы дискуссионные. Книга рассчитана именно на это: на размышления, на споры, на определение позиций, на углубление знаний, на уточнение терминов. Этот параграф не исключение. Предлагаемая для обсуждения позиция не совсем вписывается в устоявшиеся за последние десятилетие или даже за последние двести и более лет представления о сущности и функциях науки. Не отрицая главного в науке – творческого исследования тайн бытия (природы, общества и человека) – автор предлагает восстановить в самоопределении науки одно важное требование, возможно, даже ограничение, которое было раньше, когда наука не стала еще "естествознанием". Тогда, когда наука была философией, и на этапе выделения естествознания в отдельную относительно самостоятельную область рационального познания и его, естествознания, становления во времена Ф. Бэкона, Р. Декарта, Г. Галилея, Коперника, Ньютона в ней это требование было само собой разумеющимся элементом. Тогда еще многие современные науки назывались "философией": философия математических начал, философия природы, философия зоологии, философия астрономии, философия растительного мира и т.д. Со временем эпитет "философия" стал исчезать. Потеря термина – не просто лексический факт, языковая игра, а показатель реального процесса утери в сути познания, на мой взгляд, самого важного элемента – человечности. Естествознание, оторвавшись от философии, стало способом добывания истинных знаний безотносительно к их человеческой (гуманитарной) сущности. Истинные знания ради истинных знаний. Выбросив сам термин "философия", естествознание выбросило и ее суть – гуманизм. Кроме этого: оголенное таким образом естествознание стало претендовать на исключительное право называться "наукой". Все, что не укладывается в стандарты, обезчеловеченные добыванием знаний ради знаний, то, вроде, сегодня и не наука. Именно против такой "науки" боролись религия и церковь. Грубо, жестко, жестоко, но сам предмет борьбы был таким. Да и "борцы" сами не очень понимали гуманистическую, мировоззренческую подоплеку своей борьбы, скрытую за эмпирией борьбы за власть, что, в конечном счете, было борьбой "за жор", за "комфорт" в современном "культурном" и научном смысле. Современная наука в силу целого ряда объективных и субъективных причин осталась без человека, стала "бесчеловечной" в кавычках и без кавычек. Ученый – лишь субъект добывания знаний о закономерных связях вещей и событий, но не часть того мира, который познается им как объект. Познавая законы объективного мира, ученый вовсе не думает и не понимает, что он познает себя в окружающем его мире, неотъемлемой и важной частью которого он является. Ученый отстранен от тех знаний, которые он получает. Эти знания не носят для него субъективно-личностный характер. Они для ученого лично, персонально, индивидуально, субъективно, в лучшем случае, средства получения того самого "цивилизованного комфорта", о чем шла речь в предыдущем параграфе. Попробую объяснить, почему я не считаю современную науку наукой в точном человеческом смысле. И что же является, в самом деле, наукой? И какой, на мой взгляд, должна быть наука. Но давайте все по порядку.

§ 1.

ФИЛОСОФИЯ КАК НАУКА

Философия – это наука или нечто другое? Если не наука, то что она есть по существу и чем она является? Есть множество различных вариантов ответа на любой из этих вопросов и подвопросов. Например, отрицающие статус философии как науки предлагают такие варианты: "тип деятельности", "форма (или тип) мировоззрения наряду с мифологией, религией, искусством", "философия – это философия" и т.д.

В какую бы эпоху ни шли эти дискуссии, спорящие понимали под "философией" соответствующий своему историческому времени уровень ее развития. "Философия вообще" почему-то отождествлялась с тем ее состоянием, которого она достигла ко времени жизни участников дискуссии. Хотя при этом ссылались на высказывания предшественников, однако упорно продолжали рассматривать философию как нечто константное, выпавшее из исторического процесса, раз и навсегда данное²³.

1. Эмпирическая и теоретическая история философии

Есть эмпирическая "история философии", где по хронологии выстроены в ряд даты, имена, названия произведений. А есть (должна быть!) теоретическая "история философии", где речь идет о том, что происходит с "философией вообще" как социальным феноменом на векторе времени с момента возникновения и до сегодняшнего дня. То есть речь о том, как изменяется философствование само как философствование. Если очевидны изменения материального и духовного содержания истории человечества, если "все течет и все меняется", то нелепо было бы считать, что в философии меняются только варианты философских концепций, а сама философия (или само философствование как социально-культурное явление) остается неизменной в течение почти трехтысячелетней своей истории. Даже наука за короткий срок своего существования (300-400 лет) успела стать "классической", "неклассической", "постнеклассической". Неужели философия осталась все той же философией, что была тысячелетия назад?!. Еще раз подчеркну: речь не о конкретных концепциях или группе однородных, смежных, схожих и т.д. учениях (материализм, идеализм, деизм, пантеизм, исихазм, экзистенциализм, прагматизм, позитивизм и т.д. и т.п.), которые как бы есть разновидности философствования на одной и той же плоскости. Речь идет об изменении статуса философии (философствования) на вертикальном векторе истории: изменилась ли философия

²³ Хотя некоторые философы видят достоинство философии именно в том, что она во все времена остается инвариантной самой себе. Например, Э. Гуссерль видел в историческом подходе к трактовке философии методологическую ошибку как рефлексии философии, так и построения философских концепций. С его точки зрения философия должна быть такой наукой, которая давала бы всем наукам неизменные основания их существования, служила бы неизменной основой всех наук, т.е. научной основой всех наук. Рахманкулова Н.Ф. пишет: "Статья "Философия как строгая наука" является программной для первого периода феноменологических изысканий Гуссерля. Философия, отмечает он, стоит на пороге великого поворота. Открывается возможность осуществить то, к чему она стремилась веками, т.е. стать точной наукой. Превратившись в строгое учение о безусловных идеальных первоначалах познания и бытия, философия утвердит на незыблемых основаниях высокие идеалы и ценности человечества, станет прочным фундаментом всего здания наук" (Хрестоматия по зарубежной философии конца 19 – начала 20 столетия. М., 1995. С. 22).

как философия за истекшие века сама, а не о том, обогатилась ли философия новыми концепциями. Здесь речь не о содержании предмета философствования, а о самом философствовании. Теоретическая "история философии" – это метаистория философии, или логика истории философии (логическая история философии). Как увидеть в череде философских дат, имен и произведений не просто ряд накапливаемых новаций, а некую историческую логику развития философии как социального института? Что стало с философией – одним из элементов культуры человечества – за ее почти трехтысячелетнюю историю? Изменилась ли она только экстенсивно (количественно стала богаче) или же изменилась и интенсивно (стала качественно иной)?

История философии, на наш взгляд, не только ряд новых и новых философских концепций, а историческое изменение (становление, развитие) самой философии безотносительно к частным, единичным, оригинальным, конкретным учениям отдельных великих мыслителей.

Можно ли говорить об историческом изменении характера философствования, качественном изменении самой философии как философии? История философии сводится лишь к количественному накоплению философских учений или есть и качественное изменение самого философствования как такового?

Когда мы в дальнейшем изложении будем говорить о становлении философии как науки и будем ссылаться на "историю философии", то будем иметь в виду именно метаисторию философии, т.е. метафизическую историю философии, теоретическую историю философии, а не депо замечательных философских концепций, выстроенных в хронологический ряд. Эмпирическая констелляция фактурных материалов – это тоже история, за которой силой абстрактного мышления нужно уловить субстанциональную историю, или теоретическую историю философии. В последнем случае речь идет о развитии не эмпирического, фактурного содержания философии, а ее сущности. Такова наша начальная методологическая диспозиция анализа того, что произошло с философией за период ее существования. Такова проблема.

2. Э. Гуссерль о философии как науке

Э. Гуссерль пишет: "С самого момента своего возникновения философия выступила с притязанием быть строгой наукой... Это притязание выступало то с большей, то с меньшей энергией, но никогда не исчезало..."

Ни в одну эпоху своего развития философия не могла соответствовать притязанию быть строгой наукой. Так обстоит дело и с последней эпохой... Правда, господствующей чертой новой философии является стремление вместо наивного следования философскому влечению, наоборот, конституироваться в строгую науку, пройдя сквозь горнило критической рефлексии и углубляя все дальше и дальше исследования о методе... Между тем философия, даже в особом, только теперь дифференцирующемся смысле, лишена, как и прежде, характера строгой науки"²⁴. Все это можно было сказать намного проще: философия всегда пыталась и пытается стать наукой, но тщетно. Все ее усилия пока впустую. И далее Гуссерль предлагает свой вариант понимания, что значит для философии

²⁴ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Хрестоматия по зарубежной философии конца 19 - начала 20 столетия. М., 1995. С. 23.

быть наукой. "Для этого и надо обратиться к огромной неизведанной сфере чистых феноменов сознания и сосредоточить свое внимание на смысловой связи сознания и предметов мира"²⁵. И далее продолжает: "Я не говорю, что философия – несовершенная наука, я говорю просто, что она еще вовсе не наука, что в качестве науки она еще не начиналась, и за масштаб беру при этом хотя бы самую маленькую долю объективного обоснованного научного содержания"²⁶.

Путь превращения философии в науку Гуссерль видит в поиске нового предмета философии. И предлагает в качестве такового "чистые феномены сознания, где обнаружатся смысловые связи сознания и предметов мира". Разумеется, что наука начинается с предмета. С предмета начинается пространство познания, которое углубляет, расширяет, просветляет, а порой не только уточняет, но и меняет этот предмет.

Безусловно, позитивной является мысль Э. Гуссерля о том, что философия так же, как и все социальные феномены, претерпевает (должна) исторические изменения. И изменения эти связаны с деятельностью людей, в данном случае философов. Вторая положительная, на наш взгляд, мысль, отмеченная Гуссерлем, – философия изменяется в направлении, ведущей ее к тому, чтобы стать наукой. Третья верная мысль, имплицитно присутствующая в рассуждениях Гуссерля, – различие понятий "философия как наука" и "научная философия". Гуссерль создает свою философию, которая, по его мнению, будет наукой наряду с другими науками, причем непохожая на них, а не пытается подгонять, загонять, подчистить, приспособить философию под стандарты (поиск эмпирических фактов, их гносеологическая обработка, экспериментальная проверка и т.д.) естественных и гуманитарных наук своего времени, как это стремились делать позитивисты. Гуссерль сознательно занимает антипозитивистскую позицию и строит свою философию как антитезу позитивистской программе превращения философии в науку. Четвертая мысль Гуссерля, которая нам импонирует больше всего, – четкая позиция, что философия как наука служит (должна) фундаментом естественных и гуманитарных наук, которые, чтобы быть наукой, сами должны опираться на философию как науку. Частично согласны мы и с положением Гуссерля, что философия "в качестве науки... еще не начиналась", даже после замечательных трудов самого Гуссерля. По нашему мнению, Гуссерль, намеревавшийся помочь философии стать наукой, создал еще одну оригинальную философскую концепцию, т.е. принес в эмпирическую историю философии новый элемент, удлинил эту историю на один шаг, на один "кирпичик".

Остальные мысли великого мыслителя об этом процессе превращения философии в науку не просто неприемлемы для нас, а с нашей точки зрения совершенно ошибочны. Во-первых, хотя история философии создается усилиями философов, она, история философии, имеет свою объективную логику развития. Философия становится (должна) наукой не потому, что философы так решили и, дружно взявшись за дело, превратили любимую философию в науку, а такова

²⁵ Рахманкулова Н.Ф. Эдмунд Гуссерль // Хрестоматия по зарубежной философии конца 19 - начала 20 столетия. М., 1995. С. 22.

²⁶ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Хрестоматия по зарубежной философии конца 19 - начала 20 столетия. М., 1995. С. 24.

историческая логика ее развития согласно сущности, предмету и статусу философии в обществе (культуре). Во-вторых, философия становится наукой не потому, что появляется концепция, которая обращает внимание "на чистые феномены сознания" и сосредотачивается "на смысловых связях сознания и предметов мира", добавление которой к прежней эмпирической истории философии сделает философию наукой, а потому, что вместе с историческим обогащением культуры человечества "дозревает" то содержание самой философии, которое в период ее возникновения было лишь слабым ростком. Философия с самого начала своего существования содержала потенцию стать наукой, но не в том смысле, которое вкладывают в понятие "наука" естественные и гуманитарные науки, возникшие в лоне философии в Новое время. О чем подробно и конкретно будет речь ниже.

3. Об одной часто забываемой специфике философии

Философия возникает как особый тип постижения мира, особый тип деятельности. Это верно. Но это не все. Особенность ее была в призыве познавать не только "фюзисную" (эмпирическую) сторону мироздания и его элементов в природе, обществе и телесно-духовной жизни человека, но и "метафюзисную" (теоретическую). Познавать не только чувственно доступную, но и умопостигаемую сторону бытия. Второй частью особенности философии, которую зачастую почему-то игнорируют, был призыв постигать мир не только рационально (сознательно, рассудочно, интеллектуально, разумно, когнитивно, ментально – какие могут быть еще другие синонимичные термины!), но и всеми иррациональными способами. Например, эзотерическая традиция, восходящая корнями, вероятно, к пифагорейцам и Эмпедоклу, имеет такую же долгую историю, как и вся философская традиция. Почти трехтысячелетняя эмпирическая история философии свидетельствует, что обе стороны философского постижения мира – рациональная и иррациональная – активно разрабатывались и развивались²⁷. Присутствие иррациональной составляющей на начальных этапах развития философии большинством историков философии, особенно в нашей стране, рассматривается как отголоски и пережиток не до конца преодоленного мифологического мировоззрения. В такой трактовке, бесспорно, есть доля правды. Иррациональный момент так же, как и рациональный, должен иметь свои предпосылки и корни. Одним из таких корней и может считаться мифологическое мировоззрение, предшествовавшее философии.

К рубежу XXI века тележка философии, слегка нагруженная три тысячи лет назад, пришла даже не в виде нагруженного доверху воза или возища, а длиннющего эшелона, в составе которого огромные перегруженные вагоны с натурфилософией, материализмом, натурализмом, идеализмом, спиритуализмом, дуализмом, пантеизмом, деизмом, монизмом, эклектицизмом, скептицизмом, номинализмом, реализмом, эмпиризмом, исихазмом, рационализмом, экзистенциализмом, прагматизмом, иррационализмом, эмпириокритицизмом, космизмом, персонализмом, постмодернизмом и т.д. и т.п.

²⁷ Не станем пока углубляться в детальный анализ различий и нюансов различных концепций, носящий иррациональный характер. Например, чем иррационализм эзотерической философии отличается от иррационализма в спиритуализме, мистике и т.д.

И чего только нет! Даже поименно перечислить всех великих и не очень великих философов, вероятно, практически невозможно. Кого только нет в этом диапазоне! От слабоумных до гениев!

Но главное, на что я хотел бы обратить внимание, – это то, что за эти века не только накопилось огромное количество самых разных, порой диаметрально противоречащих друг другу, философских концепций, но незаметно, имплицитно, под мозаикой эмпирического многообразия, существенно изменилась сама философия (философствование). Об этом и идет у нас речь, когда мы говорим о теоретической истории философии.

4. Два определения и понимания науки

Философия – это наука или нечто другое? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала дать дефиницию, что такое наука, а потом начать сравнивать философию с этим формально-логическим определением. Если характеристики философию совпадут с принятым определением науки, то, следовательно, философия есть наука. Даже если большинство признаков совпадут, то можно тоже считать философию наукой, пусть с некоторыми оговорками. Схема ясна. И, видимо, лучшего подхода и нет. Но есть риск. Помня, что любое формальное определение всегда недостаточное и в определенной степени условное, можно опасаться того, что придирки к дефиниции могут увести анализ и дискуссию в дебри бесконечных мелких элементов и деталей, скрыв суть вопроса и ответа на него.

Поэтому композиционной хитростью изложения мог бы быть отказ от формально-логической дефиниции в пользу описательных пояснений и разъяснений.

Но волков бояться – в лес не ходить, критиков бояться – вообще молчать и ничего не писать и не говорить. Поэтому попробуем сбалансированно использовать оба способа: и формально-логические определения, и описания.

Начнем с формальной дефиниции науки, больше соответствующей трактовке науки современным естествознанием и гуманитарными науками. **Наука – это социальный институт по творческому производству, накоплению, переработке, хранению и распространению истинных знаний о мире (материальном и духовном) людьми или их коллективами.** Ясно, что данное определение недостаточное. Но с чего-то нужно начинать. В дальнейшем оно будет корректироваться и конкретизироваться, уточняться и обогащаться. Можно, конечно, сейчас глубоко погрузиться в выяснение того, что есть творчество, и уйти и забыть о текущем, рассматриваемом вопросе. Так же непросты и другие категории определения науки, и особенно – "истина". Но все потом, сейчас они лишь детали. Важные, даже существенные, нужные, но – детали. Поэтому оставим их в стороне, как лежащие на периферии, на обочине нашего главного, магистрального рассуждения о том, является ли философия наукой. Если "да", то что это за наука и где ее место в системе (или толпе?) наук, понимаемых в вышеуказанном смысле?

Представители современной науки среди основных критериев научности выделяют: признание вне человека существующего мира, его познаваемость, совокупность научных методов (наблюдение, измерение, сравнение, обобщение,

абстрагирование, идеализация, аналогия, анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование, хронологические и логические методы и т.д.), экспериментальная проверяемость, объективность, необходимость и причинность связей познаваемого, устойчивость, повторяемость, безличность (не субъективность) и т.д. В силу того, что многие категории философии этим стандартам и критериям не соответствуют, возникают сомнения в научном статусе философии.

Кто-то из великих мыслителей сказал, что правильно сформулированная проблема облегчает ее решение. В нашем случае, как нам представляется, сама проблема понята и сформулирована неверно. Вышеприведенное определение науки, в лучшем случае, можно было бы назвать "узким" пониманием науки, чтобы сразу не употреблять строгие категории "ошибочное" или "ложное". Как мы увидим далее, то, что подразумевают современные естественные и гуманитарные науки под термином "наука", это вовсе не наука в полном, истинном и точном значении этого понятия. Скорее всего, тут речь идет о технологии рационального постижения (освоения) мира. То, что понимается современной наукой под "наукой" – это лишь техническая (технологическая) процедура познания мира, а не наука. Наука в точном смысле как социальный феномен обязательно должна включать и содержать в себе как самую сокровенную суть *человека* во всей полноте его бытия (телесного, сенсорного, экстрасенсорного, интеллектуального, подсознательного, бессознательного и, если таковые есть, божественного и сатанинского). Не дошедшая до человека и не включившего в себя человека как основную фундаментальную часть наука не есть наука; абстрагировавшаяся от человека наука не есть наука; не учитывающая бытие человека наука не есть наука; не включающая в себя ценности человеческого бытия наука не есть наука. Каждый шаг науки должен быть неразрывно связан с проблемой земного и вечного счастья человека. Бесплезная, тем более опасная и вредная для человека наука не есть наука, а есть лишь процедура выявления объективных, необходимых, причинно-следственных, устойчивых, повторяющихся, экспериментально проверяемых связей объективных и субъективных предметов познания. **Наука как форма проявления абсолюта через человека (можно сказать иначе: "наука как форма реализации человека в масштабах абсолюта")** есть нечто совсем иное, чем то, что представляют себе современные узкопрофессиональные ученые.

Резюмируем сказанное. Мы будем говорить о науке в двух смыслах: "узком" и "истинном". Узкое понимание науки – это ее трактовка современными естественными и гуманитарными науками. Истинное понимание науки – это ее трактовка с позиции теоретической философии²⁸.

5. Наука в узком смысле и ее отношения с философией

Когда-то говорили о том, что философия – это наука всех наук, вкладывая в это выражение два смысла.

²⁸ Не вдаваясь в детали, что такое "теоретическая философия", отметим, что такое разграничение философии как некоей концепции и философского подхода к проблеме встречается в литературе довольно часто. Вот пример: "...Положение проблемы времени между теоретической философией и фактической историографией... и делает такую проблему специфической и оригинальной" (А.Ф. Лосев. Античная философия истории. М., 1977. С. 29).

Во-первых, что философия – это мать всех наук, что научно-рациональное мышление выросло и отделилось от первой стороны особенности философии как типа деятельности: рационального постижения мира. Отметим сразу один момент. В этой позиции, с которой мало кто спорит, есть один малозаметный на первый взгляд подтекст, остающийся почти всегда неререфлексируемым, то есть неосознаваемым, не оговариваемым. Философия как тип деятельности по рациональному и иррациональному постижению мира лишь тогда порождает и может породить научно-рациональное постижение мира, когда сама достигнет определенного уровня зрелости. Философии надо было самой развиваться, расти, усиливаться, совершенствоваться, чтобы стать способной породить научную (в современном смысле слова "наука") рациональность. Проще сказать, философии надо было самой достигнуть определенного уровня зрелости, чтобы стать матерью такого социального феномена, как наука в узком и широком смысле этого слова. Человек, не достигший уровня половой зрелости, не может стать отцом или матерью, хотя каждый от рождения имеет пол. Так и в нашем случае. Хотя философия с момента своего рождения есть тип деятельности по рациональному и иррациональному постижению мира, ей нужно дозреть, достичь определенного уровня зрелости, чтобы мочь родить науку в узком и истинном смысле. Знаем, что у философии на то, чтобы породить науку в узком смысле, ушло более двух тысяч лет, если считать от Фалеса до Бэкона и Декарта.

Во-вторых, философия остается для науки нянькой, которая водит ее за руку. И чем быстрее растет и набирает силу дитя, тем быстрее и больше кажется ей обузой эта опека матери. Тем чаще вызывает раздражение у науки вмешательство в ее дела матери-философии. Вмешательство, которое все чаще, как кажется науке (представителям науки, ученым), некомпетентное и неверное, сплошь и рядом второстепенное, малополезное, а порой даже (примеры времен гонений на кибернетику и генетику) откровенно вредное. Отношения в семье всегда бывают не простые, а порой даже конфликтные. Ничего удивительного во взаимных упреках и в непонимании друг друга между философией и наукой в этом отношении нет.

И философии в этой ситуации остается делать то же, что делают все родители – обиженно бубнить с грустью о "неблагодарных детях", понимая краешком сознания, что надо признать тот очевидный факт, что ребенок, то есть наука, в этой сфере, где он специализируется, где он и "спец" и "профи", превзошел (и намного!) свою прародительницу, давшую ей эти самые гены "рационального постижения мира". Но только и только в этой части – в рациональном постижении мира. Это не просто факт, а факт исторически очевидный. Признавая это, следует признать и не забыть и другое. Ребенок стал таким не сразу. Когда он был еще мал и слаб, он еще хватался за руки матери-философии. Триста, двести и даже сто лет назад названия работ ученых пестрели заголовками типа "философские начала", "натуральная философия", "философия зоологии", "философия оптики" и т.д. Сами исследования минералов, растений, животных, звезд и прочих объектов познания называли философией, то есть они считались философским занятием, философствованием, философским типом деятельности.

Но что делать! Ничто не вечно. Все течет, все меняется. Слабый при рождении ребенок растет, крепнет, набирается сил и уже не хочет, чтобы его за руку водили родители. Он хочет самостоятельности. И ладно бы только это... Он начинает грубить и оскорблять, как он считает, отживших свое и одряхлевших родителей, которые, с его точки зрения, уже ни на что не пригодны. Наука заявляет, что она теперь "сама себе философия". Даже если философия когда-то и имела отношение к ее появлению, то теперь все кардинально изменилось. Старая философия никому не нужна со своим допотопным "рациональным и иррациональным постижением мира". Что она, наука, стыдясь наступившего научного (в научной и якобы зрелой трактовки науки) бессилия философии, создаст новую философию, теперь уже истинно научную в современной смысле понимания сути науки как социального института и элемента культуры. Создаст философию по своему образу и подобию.

Отвлечемся на философскую метафору. В этом замысле науки уже видна противоестественная суть этого намерения. Дети не могут родить себе родителей, даже если они им совсем не нравятся. Так уж устроен мир. Могут что угодно соорудить, сконструировать, создать и т.д., но родить родителей дети не могут. Это не только противоестественно, но и невозможно. Оказывать самое разнообразное обратное влияние на родителей – да, но создать – никогда! Исторические потуги создать "чисто научную" философию, у которой уже не будет "метафизических" довесков, абстракций и выдумок, окончились безуспешно. Что-то получилось. Возможно, для науки в узком смысле даже очень полезное, но это вовсе не философия. Философии, состоящей из "атомарных высказываний", доступных эмпирическому и экспериментальному подтверждению, подобно тому, как это осуществляется в естественных и во множестве социально-гуманитарных наук, не получилось. Проект был ясен, хотя и жесток. Помню, как когда-то моя младшая трехлетняя дочь говорила про свою девятилетнюю и самозабвенно ее любившую прабабушку: "Она некрасивая, как баба-Яга, я ее не люблю!" Дети бывают не только неблагодарны, но порой глупые до невозможности и жестоки. Хорошо еще, что дочь, когда выросла и окрепла умишком благодаря трогательной заботе и усилиям "бабушки старенькой", как все мы ее звали, не вознамерилась, подобно глупой науке, переделать прародительницу по своему образу и подобию, что было бы равносильно попытке убийства.

6. Рождение философии науки

Чем закончилась такая позитивистская "реконструкция" философии, мы уже знаем. Убить не убили, но изуродовали почти до неузнаваемости. Косметологи науки в философии не преуспели, хотя внесли немалый вклад в развитие самой науки в узком ее смысле, в том числе ее специальной области – "методологии науки", где начали прощупывать глубинные связи генетических и субстанциональных (сущностных) корней науки с философией. И что-то очень важное, подсознательное и интуитивно улавливаемое мерещилось и брезжило в этих поисках построить строго научную (в узком смысле) философию. У плохих родителей могут вырасти хорошие дети. Из ложных посылок иногда получаются истинные следствия. Из обреченной изначально на неудачу попытки превратить

философию в науку в узком смысле, выхолостив из философии все, кроме рационального постижения (освоения) мира, появился побочный продукт. Неожиданно, но не случайно. Философия, над которой кощунственно экспериментировала наука, подсказала науке, на что надо обратить внимание, чтобы понять свою ошибку. Так родилась "философия науки". Очень интересная дисциплина, призванная объяснить науке, что она есть в данный момент, и чем она должна была быть по рождению и должна быть по истине в будущем.

7. Философия минус наука равняется – что?

Что же исторически вызрело в недрах философии из второго аспекта особенности философии – иррационального постижения мира? Чем стала сама философия как философия (как тип рационального и иррационального постижения мира)?

Что породила первая сторона, мы видели – науку в узком процессуальном смысле, которая, став предельно рациональной, доведя до предела рациональное постижение мира, стала критиковать философскую рациональность как недостаточную, половинчатую, не до конца рациональную и т.д. и т.п. Как раз это событие и представляет для нас в данной работе главный интерес.

Что же стало со вторым аспектом философии – иррациональным постижением мира – мы пока (удивляясь этой традиции игнорировать в определениях философии этот аспект ее сути) оставим в стороне. Но обязательно вернемся к этому интересному вопросу чуть позже и покажем на примере работы Холтона обязательную необходимость учитывать эту сторону сути философии. Пока наметим лишь схему. Если, как считает А.Ф. Лосев, люди могут понять мир лишь как свои реальные общественные отношения²⁹, поэтому мифологическое мировоззрение было отражением родовых отношений, а философское мировоззрение при рождении было отражением рабовладельческих (точнее, государственно-полисных) отношений, то применительно к нашей теме эта методология подсказывает вариант ответа. В Новое время возникают (зарождаются) товарно-денежные отношения как основные доминантные отношения общества. Товар и деньги представляют собой, если верить К. Марксу, форму отчужденных сущностных сил человека. Товар и деньги превращаются в некую самостоятельную систему, якобы совершенно независимую от человека и его бытия ("сущностных сил"). Этот социальный механизм эпохи наложил свой аналогичный отпечаток и на отношения науки в узком смысле и философии. Наука, выделившись из философии, стала считать себя самостоятельной системой, не имеющей отношения к породившей ее философии. Вместе с ушедшим на фоне всеобщего товарно-денежного фетишизма на второй план человеком, на фоне науки ушла на второй план и вторая сторона специфики предмета философии – иррациональное постижение (освоение) мира. Точнее, эта сфера тоже выпала из философии в отдельную общественную систему (институт) – религию, которая, как и наука, объявила себя самостоятельной и тоже претендовала на "переделку" философии как устаревшей, несовершенной и т.д. Попытки создать строго религиозную философию известны, поэтому нет

²⁹ См. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977. С.31.

необходимости более детально нам на этом сейчас останавливаться. Человек со своими иррациональными аспектами бытия ушел из поля зрения науки и попал в сферу религии.

Религия и наука взяли и абсолютизировали каждая одну из сторон специфики философского постижения (освоения) мира. И каждая развивала свою сторону быстрее, эффективнее, глубже, фундаментальнее, не обращая внимания на то, что происходит с другой стороной. Им это было безразлично. Разорванный (отчужденный) социальный мир разорвал и философию, и человека.

8. Мнимый разрыв философии и науки (развестись, чтобы сойтись)

Мы выяснили, что через двадцать столетий с момента возникновения философия, накопившая не только огромное количество разнообразных концепций, но и качественно изменившаяся сама как рациональный и иррациональный тип деятельности по постижению мира, стала способной породить науку, на первых порах ее существования очень и очень похожую на философию. Точнее, этот ребенок философии был похож не на всю философию, а только на одну сторону ее особенности – "на рациональное постижение мира".

Ген, переданный философией науке, оказался очень динамичным, экспансивным, доминантным. Наука не просто встала на ноги, она стала навязывать свои стандарты «братьям и сестрам», т.е. другим наукам и типам деятельности. И ладно бы "научная педагогика", "научная психология", "научный атеизм", "научная медицина", "научный коммунизм", "научная кулинария", "научный дизайн" и т.д. – все-таки в чем-то близкие типы деятельности в части рациональной оставляющей. Но ведь уже говорят и о "научной музыке", "научной живописи", "научной архитектуре", "научной теологии" (почему же нет, если есть "научный атеизм"?!); "научные свахи" всю работу, обещая счастливую любовь и семью, – все это мелькает не только в газетах, но и в серьезных (научных) изданиях. Дело дошло до безобразия: а именно – до "научной философии", где прилагательное "научная" трактуется в узко научном, специально-профессиональном смысле, как полное выхолащивание из философии всей не только иррациональной, но и всей метафизической составляющей. Похоже на предложение приделать телеге фюзеляж и крылья, чтобы считать ее средством передвижения по воздуху, или убрать с телеги все старое "тележное", чтобы она стала подводной лодкой.

Сказанное выше требует двух уточнений. Во-первых, необходимо выяснить саму субстанцию науки, т.е. ее сущность. Наука ведь тоже исторична. Она меняется, как и все в этом мире, в том числе и философия. Наука также меняется количественно, эмпирически как накопление новых теорий (знаний). Но она меняется и качественно, внутренне, метаисторически как элемент культуры, как социальный институт. Наука не только делает свою историю, но и пишет (рефлексирует) ее. Наука пытается научно классифицировать исторические этапы своего развития. Можно считать уже устоявшимся деление истории науки на классический, неклассический и постнеклассический этапы. Такое деление как раз и есть взгляд на историю науки с метаисторической позиции, или метаисторического ракурса, явно отличающийся от рассмотрения истории науки как последовательного хронологического ряда научных открытий и дат жизни

ученых. Без натяжек видно, что наука развивается в направлении превращения в... философию. Это превращение можно рассматривать и как "исправление искривлений в истории развития науки", и как "возврат истинной изначальной сути", и как "истинную зрелость", и как "гуманизацию науки", и как "включение в процедуру рационального постижение мира человека и его не только рациональных, но и иррациональных сторон бытия и ценностей", и как "конвергенцию философии и науки на новом этапе их развития".

Прежняя попытка создать "научную философию" была попыткой внешнего, эмпирического, количественного характера и порядка. О внутренней стороне сближения (может, даже стоит говорить именно о "конвергенции") науки и философии речи при таком подходе нет. А нас сейчас интересует именно этот момент.

Во-вторых, философия, породив в XVI-XVII вв. науку, не исчезла и не умерла как тип деятельности по рациональному и иррациональному постижению мира. Она продолжала жить и развиваться как во внешнем (количественном, хронологическом, эмпирическом плане) плане как ряд имен и теорий, так и в теоретическом (метафизическом, метаисторическом, субстанциональном) плане. Философия, дозрев до состояния, когда смогла породить науку, не перестала существовать. Более того, (мы настойчиво отстаиваем и будем аргументировать эту точку зрения) этот уровень не является вершиной в развитии философии, после которой начинается ее старение, упадок, деградация. Философия – не реликт элемента культуры, не исторический анахронизм, не рудимент прошлого могущества человеческого познания, не атавизм, ожидающий своего полного отмирания! Философия находится на взлете, на подъеме, в состоянии прогрессивного развития, набирает силу, приобретает черты зрелости, еще весьма далекие от пика, тем более от упадка, нисхождения и деградации. Новое время, разделившее философию и науку, является, на наш взгляд, лишь линией старта философии и науки к новому слиянию, но уже в новом состоянии обеих, на новом уровне развития обеих, на новом этапе их общей истории, которая, хотя и уходила на второй план, но никогда не разрывалась. Их общая история скреплена абсолютном, его развитием. Об этом и будет речь далее.

9. Постановка вопроса о субстанциональной (сущностной) истории философии

Рассмотрим теоретический аспект истории философии (метаисторию философии) с момента порождения ею науки, т.е. с XVI-XVII вв. Если историю философии с XVI-XVII вв. во внешнем плане мы знаем достаточно хорошо: знаем имена, даты, произведения, – то субстанциональная история философии до сего дня остается "terra incognita". Но ведь качественная (субстанциональная) история философии, начавшаяся с первых же ее шагов, хоть медленнее, чем эмпирическая история, но продолжалась и продолжается.

Философия жила и изменялась до возникновения науки. Это и объясняет, почему наука отделилась от философии именно в Новое время, а не раньше. Нужно было философии "дозреть" до такого социального (культурного) уровня внутреннего совершенства, чтобы мочь породить науку как чисто рациональное постижение (освоение) мира. Философия продолжает изменяться и развиваться

также рядом с изменяющейся наукой, как родители продолжают жить рядом с растущими детьми.

Философия продолжала свою судьбу не только рядом со стартовавшей наукой. Вообще мир меняется. И прежде всего социальный во всем аспекте его материальной и духовной культуры. Философия развивается в составе общечеловеческой культуры, в составе истории человечества, в составе развития земной социальной материи, в составе бытия вообще, в составе абсолюта.

Наш главный вопрос прост. Что случилось с философией за эти последние триста-четырееста лет, после того, как она «родила» науку, в плане ее субстанциональной истории? Изменилась ли философия как философия, как особый тип деятельности по рациональному и иррациональному постижению (освоению) мира общественным человеком?

Наш ответ будет прост и сложен одновременно.

Философия становилась наукой в истинно человеческом (гуманитарном, социальном, культурном) смысле понятия "наука". А параллельно наука тоже накапливала и развивала в себе философскую составляющую, чтобы стать истинной наукой в человеческом, социальном, культурном, гуманистическом смысле.

Поясим сказанное подробнее, но предварительно одна ремарка.

10. Дж. Холтон об "антинауке"

В мае 1991 г. в Массачусетском Технологическом Институте (Кембридж, США) состоялась конференция "Антинаучные и антитехнические тенденции в США и СССР", посвященных общей теме "Наука и техника с человеческим лицом".

Среди участников были российские философы и ученые В. Степин, В. Лекторский, С. Капица и другие.

Доклад профессора Гарвардского Университета Дж. Холтона – "Что такое "антинаука"?" – был посвящен демаркации науки и антинауки и защите интересов и ценностей научного рационализма. *"Нас призывают полагаться на всякое без разбору знание, лишь бы только оно обещало лекарство от общественных болезней и возврат общества в здоровое состояние. А ведь вернуться к здоровому обществу мы, дети просвещенного, но кровавого века, считаем своими обязанностью и правом, — к обществу, в котором восторжествовали бы идеалы рациональности, прогресса, в котором не было бы места суевериям, средневековым пережиткам веры в чудеса, знаменья, колдовство, мистерии, где люди не творили бы себе ложных кумиров и где широко применялись бы достижения науки"*³⁰, – этот прекрасный пассаж о роли научного просвещения Холтон неожиданно завершил признанием, что *"говоря по совести, я не знаю дороги в подобный рай"*. Казалось бы, ответ уже дан: нужно широко применять достижения науки, и рай, где люди будут телесно и духовно здоровыми, а общество

³⁰ Холтон Дж. Что такое "антинаука"? // Вопросы философии. 1992. № 2. Чтобы не загружать текст многочисленными ссылками, мы выделим тексты Холтона, взятые из данной публикации, в дальнейшем курсивом без указаний на работу и страницы.

справедливым, наступит рано или поздно³¹. Главное – нужно правильно определить направление, а остальное уже, как говорится, "дело техники", тем более, прошу прощения за невольный каламбур, что, "техне", во-первых, ремесло, во-вторых, искусство и, в-третьих, это наука"³². Эта двойственность позиции Холтона просматривается во всем его выступлении. С одной стороны, *"множество самых разных смыслов и явлений"*, объединенных общей направленностью *"против того, что можно назвать "просвещение"*, – это антинаука, которая закрывает дорогу в социальный рай "здорового общества" и поэтому должна быть преодолена; и, с другой стороны, постоянные сомнения профессора в возможностях науки³³. Среди представителей антинауки, кроме "альтернативной науки", "патологической науки", и "псевдонауки", по Холтону, оказываются и собраты по науке: *"сциентизм (чрезмерный энтузиазм веры в силу науки, выражающийся в навязывании вненаучным областям культуры "научных" моделей и рецептов; непомерные претензии технократов, слепо уповающих на всемогущество науки и техники, как это, например, проявилось в пропаганде проекта "звездных войн")"*. Холтон еще предостерегает, чтобы не путали простые пропагандистские и рекламные трюки популярных журналов с антинаукой. Они не тянут "на весомую квалификацию "антинаука".

Отметим признание Холтона, что существуют "вненаучные области культуры", которые, надо полагать, человеку и обществу тоже нужны, хотя они и вненаучные. Не исключено, что обществу и человеку порой, может статься, вненаучные элементы культуры даже нужны больше (то есть ценнее), чем научные истины. Этот момент для наших суждений важный. Поэтому – запомним.

Почвой для распространения и выживания антинаучных представлений служит, по мнению Холтона, *"всеобщая научная безграмотность населения"*.

Да, да, мы помним, просветители XVII–XVIII веков тоже считали, что все социальные беды от невежества, даже видели в этом одну из основных причин возникновения и живучести религии. Холтона пугают, с одной стороны, результаты научных открытий в руках невежественных политиков, что может привести к необратимым глобальным катастрофам, с другой стороны, любое послабление доверия к научному познанию, когда научно невежественные обыватели, а их, по данным профессора, подавляющее большинство даже в такой просвещенной стране как США, могут с облегчением и удовольствием вернуться к допотопному (архаичному или средневековому) миропониманию, как, к слову сказать, это происходит в современной России. Людям важнее хлеб насущный, а не научные истины. Вспоминает американский профессор "Легенду о великом инквизиторе" Ф.М. Достоевского. С удивлением и огорчением Холтон констатирует, что в *"Америке конца XX века отнюдь не наука, а религия, как и во*

³¹ Там же. "История уже неоднократно доказывала, что невнимание к роли и значению науки, недоучет или прямое игнорирование научного миропонимания могут повлечь за собой самые опасные последствия, открыть дорогу самым зловещим общественным силам. В этом обстоятельстве кроется возможность крупных политических ошибок и дестабилизации общества".

³² Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977. С. 321.

³³ Холтон Дж. Что такое "антинаука"? // Вопросы философии. 1992. № 2. "Пронаучная" картина мира конца XX в. представляет взгляды и позицию зыбкого, уязвимого, отнюдь не могущественного общественного меньшинства".

времена пилигримов XVII века, остается, судя по всему, наиболее влиятельной силой как в частной, так и в общенациональной жизни". С точки зрения ученого, который верит, что все хорошее у человека и общества может быть только от науки, конечно огорчительно, что в США "около одной трети взрослого населения (из которого большая часть принадлежит к евангелическим сектам) подтверждает, что верит в воскрешение; более половины — верят в возможность повседневных чудес благодаря молитве; 60% — заявляют, что верят в буквальное существование Ада для проклятых. Финансовые дотации, выделенные в 1990 году на поддержку религиозных организаций, составили круглую сумму в 54 млрд. долларов".

Любопытно. Правительство США, которое шага не сделает, чтобы не проконсультироваться с учеными, и корректно реагирует на общественное мнение граждан, выделяет такие средства на поддержание "антинаучных" представлений своих граждан. Если людям антинаучные представления нужны и даже ценнее научных истин, то, возможно, человеку и обществу для чего-то это нужно... Но Холтон видит в этом только уступку невежеству, на которой прорастает антинаучное миропонимание. При этом, как это ни странно для профессора, *"большинство простых американцев вообще не испытывает никакого внутреннего разлада или неудобства от конфликта между этими разнородными (научными и антинаучными – В.Х.) силами"*.

Интересен в докладе пассаж, когда Холтон говорит, что он не знает никого из даже самых ярых "антиученых", кто бы не считал себя ученым или отрицал, что он занимается наукой, которая определена в "Американском этимологическом словаре английского языка" следующим образом: *"Наблюдение, классификация, описание; экспериментальное исследование и теоретическое объяснение естественных явлений"*.

Холтон сводит все, что не вписывается в его понимание "классической западной науки", в феномен антинауки. Он говорит в докладе: *"Феномен антинауки ни в коем случае не представляет собой неполной, ущербной или невежественной версии "правильного" научного мировоззрения, которое, как считает большинство ученых, выражает суть нашей цивилизации на данном этапе исторического развития. Ничего подобного. На самом деле, — если оставить в стороне банальные, сравнительно безвредные и невежественные претензии и суеверия, — в своей наиболее глубокой и изощренной форме так называемая антинаука представляет собой, говоря прямо и без обиняков, заявку на ясное, четкое, конструктивное и функциональное, потенциально всеохватывающее альтернативное миропонимание, в рамках которого декларируется возможность "науки", весьма отличной от той, которая известна нам сегодня; утверждается, что историческое значение этого альтернативного миропонимания заключается ни в чем ином, как в том, чтобы отвергнуть, развенчать, преодолеть классическую западную науку в широком смысле этого понятия. Причем преодоление и отрицание распространяется как на онтологические, так и на гносеологические основы и принципы науки, и, прежде всего, на ее традиционные, неотъемлемо и органично присущие ей экспансионистские амбиции определять и указывать смысл и направление*

прогресса человеческого общества. Иначе говоря, мы сталкиваемся здесь с давним, упорным и неуступчивым внутрикультурным противоборством, разрядки которого вряд ли можно ожидать в обозримом будущем".

Замечательные слова. Действительно, буквально с первых шагов науки у нее были противники самых разных мастей. Чем более наступательно и жестко наука заявляла о своем преимущественном праве судить о власти, производстве и вере, "утверждаемом за счет прежних претендентов на монопольную истину и первенство в культуре и вопреки им", тем ожесточеннее боролись с ней ее противники. Холтон справедливо говорит, что "свою роль наука утверждала перекройкой всей системы донаучных, традиционалистских представлений о мире. На протяжении уже трех столетий научный разум ставит себе в заслугу проект построения неопровержимой, всеохватывающей, целостной картины мироздания, основанной на принципах и методах рационального познания. В этом наука с самого начала видела свою миссию, свой Святой Грааль. Нечего и говорить, что столь далеко идущие "имперские" амбиции провоцировали традиционно доминировавшие в западной культуре формы духовной деятельности, вызвали их ответное отчаянное сопротивление в борьбе за сохранение своего места под солнцем". Здесь все правильно, за исключением одного момента, который Холтон прямо не формулирует, но подразумевает. Все, что вненаучно, или не научно, или даже антинаучно, не обязательно враждебно обществу, человеку, прогрессу и всему исторически позитивному. И в современной науке есть немало враждебного человеку и обществу, как и во всей вненаучной части культуры человечества. Холтон считает ошибкой мнение Дж. Фрэзера, что человечество от мифа через религию пришло к науке: "мы по-прежнему существуем как бы в кипящей смеси из всех трех названных духовных комплексов, каждый из которых не прекращает попыток подорвать репутацию всех остальных, оспорить их законность в качестве фундамента нашей культуры". После этих слов, как нам кажется, вполне резонно должен возникнуть вопрос: "Если ожесточенная борьба в течение столетий не приводит к победе ни одну из сторон, то, может, они каждая по-своему зачем-то нужны людям?". Может, общественный человек и есть та точка, где совершенно различные по своей сути концепции миропонимания не только уживаются без конфликта, но каждая по-своему чем-то помогает человеку жить. Вполне законный вопрос, что они, может быть, не враждебные и абсолютно взаимоисключающие друг друга позиции, а лишь разные моменты (или элементы) более широкой целостности, более обширной системы, более фундаментального феномена космического бытия социальной материи.

Различные и враги, и оппоненты науки были всегда – Холтон в этом прав. Всякое было. Как подчеркивает Холтон в своем докладе, "романтики XIX в. пропагандировали так называемую "визионерскую физику" в противовес классической механике того времени, считая вслед за поэтом У. Блейком, что Ньютон, Локк и Бэкон суть не что иное, как "инфернальная троица", проводники сатанинского влияния на человечество. Наряду с этими взглядами прошлое столетие стало свидетелем расцвета месмеризма, френологии, спиритического столоверчения и даже попыток гальванического сотворения

жизни. К концу прошлого столетия в Европе возникло и стало шириться движение, провозгласившее "банкротство науки". Еще и сегодня существует множество всякого рода групп и объединений, пытающихся противостоять тому, что они называют гегемонией науки в нашей культуре. Эти группы не образуют внутренне единого организованного движения и, по сути, мало интересуются делами друг друга. Часть из них фокусирует внимание на эпистемологических проблемах и принципах науки, часть — на технологической реализации результатов научного познания, третьи уповают на возврат к романтизированной домодернистской версии науки и познавательной деятельности. Но всех их объединяет то, что каждая из них на свой лад и толк отстаивает, ни много ни мало, тезис о конце науки в том ее виде и смысле, который сегодня общеизвестен. Это обстоятельство и превращает все хаотическое и рассеянное их множество в некий стихийный консорциум, связанный единством цели". Холтон не прав лишь в одном нюансе. "Тезис о конце науки в том ее виде и смысле, который сегодня общеизвестен" не означает смерть науки как таковой, а смерть лишь "в том ее виде и смысле, который сегодня общеизвестен". Неисторичный подход Холтона к пониманию феномена науки очевидный. От того, что человек, превращаясь в юношу, "умирает" как подросток, а становясь взрослым, "умирает" как юноша и т.д., вовсе ничего трагического не происходит. Да, гегемония науки в культуре — это опасно. Более того, враждебно человечеству. "Имперские" амбиции научного рационализма перекроить всю культуру на свой лад — из того же хора scientистов, которых Холтон сам причислил к области "антинауки". Банкротство науки не в том, что нужно нигилистически, догматично, огульно требовать полного удаления "классической западной науки в широком смысле" (Холтон) из культуры, а в требовании включить ее в более современное, ставшее более богатым по своему человеческому (гуманистическому) содержанию понятию "наука". Наука и заслужила это положение в философии общества, и дозрела до этой позиции и роли в социальной материи в абсолюте. Для того, чтобы понять, что представляет собой соединение двух молекул водорода и одна молекула кислорода, нужно взглянуть на это соединение в составе воды как жидкости, взглянуть как на элемент воды. Тогда только станет ясно, что это соединение есть по сути вода, а не просто физическое соединение двух химических элементов. Подобно этому, чтобы понять, что такое наука, нужно взглянуть на нее через философию, точнее, через субстанциональную (сущностную) историю философии как феномена не только общества, но и абсолюта. Только в неразрывном единстве истории философии и истории науки можно увидеть их историческую целостную трансформацию. Того, как наука никогда не переставала быть философией, а философия — наукой.

"Наукоборческие течения" (термин Холтона) должны объединиться не для убийства науки в ее "классическом западном смысле", что было бы и глупо, и невозможно, и никому не нужно. Наукоборческие течения должны объединить усилия, чтобы вывести науку на ее новый уровень развития. Точнее, помочь переосмыслить науке свое место и роль в философии, культуре, обществе, абсолюте, которых она сама, в ходе своей истории, в процессе исторического

развития объективно уже достигла. Осталось только это ей понять. А необходимость такого переосмысления наметилась давно. Сошлемся еще раз на доклад Холтона. Он приводит слова из письма Ф.Д. Рузвельта президенту Массачусетского технологического института К.Т. Комптону: *"Рузвельт писал о том, что ответственность, лежащая на плечи работников науки и техники, подразумевает как учет "социальных процессов", так и "совершенствование взаимодействия с окружающей средой". Необходимо, продолжил Рузвельт свою мысль, выработать механизмы, "компенсирующие остроту негативных последствий развития науки"*. Именно об этом и речь. Наука сегодня не может быть социальным институтом по получению истинных знаний о природе, обществе и человеке ради истинных знаний, а должна стать, точнее, уже становится социальным институтом по получению истинных научно-рациональных знаний ради телесного и духовного здоровья человека, ради прогресса гуманизма в обществе, а не для решения (зачастую силовым способом) экономических, политических, конфессиональных и других проблем. То, что "ради", сегодня обязательным образом неотъемлемо должно входить в содержание понятий "наука" и "ученый". История уже поставила человечество перед этой ситуацией. Науке и ученым осталось это лишь понять и прочувствовать. Другого пути нет. Все, что реально или потенциально враждебно человеку, должно иметь свои ограничители в субстанции науки и деятельности ученого изначально. Сохранение прежнего понимания статуса, места и роли "классической западной науки в широком смысле" (Холтон) сегодня опасно для социальной материи и враждебно человеку и человечеству в глобальном масштабе³⁴. Итак, антинаука – это не отказ от науки, а лишь отказ от "имперских" амбиций прежнего рационально-научного познания на роль носителя абсолютных истин везде и обо всем. Да, есть еще много таких позиций миропонимания, некоторые из которых диаметрально противоположны научно-рациональному миропониманию. Но это вовсе не означает, что они вовсе не нужны обществу и человеку. Если человечество их "терпит", значит, они зачем-то ему нужны. Одна гипотеза гласит: человек не сводится лишь к своему разуму и знаниям, каких бы библейских размеров они не достигали, кроме них ему для того, чтобы прожить свою временную (земную) жизнь и, возможно, кто в это верит, и вечную, нужно много такого, что за пределами научной рациональности. Например, такие компоненты человеческого бытия, как совесть, стыд, честь, достоинство, милосердие, любовь, дружба, долг, верность, сострадание, патриотизм, толерантность, чувство красоты, доброта и т.д. и т.п. Если их нет в составе науки, то тогда наука сводится к простым (обезличенным и обезчелоченным) техническим процедурам и расчетам, как расчет диагностики трещины в газо- и нефтепроводе.

11. Смысл дифференциации философии в аспекте ее субстанциональной истории

³⁴ См.: Чумаков А.Н. Философия глобальных проблем. М.: Знание, 1994 г. (в 1996 г. издана на китайском языке издательством Народного университета Китая), а также: Философия как индикатор открытости общества. В кн.: "На пути к открытому обществу. Идеи Карла Поппера и современная Россия". Сб-к статей. Под ред. А.Н. Чумакова. М.: Весь мир, 1998.

За последние четыреста лет философия очень сильно трансформировалась. Оставаясь инвариантной, т.е. типом деятельности по рациональному и иррациональному постижению мира, она, философия, созрев для рождения науки, продолжала далее "созревать" и после родов, продолжая одновременно и процесс дифференциации. Еще во времена Гегеля "рациональная психология" была одним из разделов философского постижения мира. Сегодня мы имеем не просто самостоятельную науку психологию, а широкий спектр различных ее ответвлений: криминальная психология, социальная психология, педагогическая психология и множество других теоретических и прикладных "психологий" доказали свое право на самостоятельное существование. Философия в этом аспекте похожа уже на многодетную мать. Но важно не это. Важно другое. А именно то, что философия, рождающая множество других самостоятельных типов деятельности (в том числе и научных), продолжает сама свое историческое развитие, накапливая, усиливая, развивая, совершенствуя, трансформируя свою исходную субстанцию – рациональное и иррациональное постижение мира. Отметим простой и очевидный, поэтому трудно заметный, момент. "Рациональное и иррациональное освоение мира социальным человеком", каким оно было на старте философии почти три тысячи лет назад, и "рациональное и иррациональное освоение мира социальным человеком" сегодня – при всем и полном совпадении названия по качеству (по субстанции), как говорится, вещи совсем разные. Сегодня философия, имеющая такую богатую отдельную эмпирическую историю, а также богатую историю своих отпочковавшихся от нее детей (наук и типов деятельности), дифференцировавшаяся, безусловно и очевидно качественно иной социальный феномен, чем тот, который был во времена натурфилософов античности. Философия, оставаясь самой собой, изменилась, стала не просто богаче различными концепциями, она стала взрослее, строже, более фундаментальной в плане инструмента абсолюта по внесению в мир истины, красоты и добра. Она стала наукой о бытии и небытии абсолюта в человеке и о бытии и небытии человека в абсолюте, включая в себя, в терминах Гегеля, "в снятом виде" все достижения своих отпочковавшихся в разное время множества детей (наук и типов деятельности).

12. Суть субстанциональной истории философии.

Вероятно, с этого момента начнется самый дискуссионный момент излагаемого материала.

Формальное утверждение на первый взгляд достаточно простое, но, как увидим сразу же, требующее пересмотра целого массива прежних представлений, в том числе и определения (понимания) науки. Забегая вперед, отметим: то понимание современной наукой, что такое наука, не совсем есть "наука" в том значении, с каким философия ее породила. Философия породила науку с потенцией накопления не только ряда концепций (истинных знаний), но и с потенцией субстанционального развития. Если в первой части наука самодостаточна, во второй она обречена оставаться неразрывно связанной пуповиной с "рациональным и иррациональным" освоением мира общественным человеком, т.е. философией, а через нее – с рациональным и иррациональным бытием и небытием человека, общества, универсума и абсолюта. Субстанциональная

история науки вне и независимо от философии не может быть в силу не только генетической связи, но, прежде всего, в силу того, что освоение мира общественным человеком – целостный процесс, сколько бы внутри себя этот процесс ни дифференцировался на множество мозаичных осколков. Все, что породила философия, продолжает "жить и развиваться" внутри нее. Представление науки о полной самостоятельности и независимости от философии в этом аспекте лишь иллюзия. Еще раз подчеркнем: субстанциональная история науки, ее историческое развитие протекает неразрывно с субстанциональной историей философии, в ее недрах, как составная часть субстанционального развития такого социально-культурного феномена, как "рациональное и иррациональное постижение (освоение) общественным человеком мира".

Мы так и затягиваем с ответом на поставленный выше вопрос. А что произошло с философией в субстанциональном аспекте за эти почти три тысячи лет или хотя бы со времен Ф. Бэкона и Р. Декарта такого, что можно было бы увидеть и понять?

Ответ: породив науку, философия сама продолжала трансформироваться (развиваться, совершенствоваться и т.д.) в сторону превращения из типа деятельности... в науку.

Да, но то, как понимает философия, что такое наука, не совпадает с тем, что считает наука "наукой". Вот именно здесь та мысль, что выносится автором на суд коллег. Философия, породив науку, сама продолжала развиваться, чтобы стать наукой, чтобы параллельно показывать своему дитя (науке), что значит быть наукой на самом деле, по истине, по "генотипу", по рождению, по космическому, онтологическому, гносеологическому, социально-культурному статусу. Стареющая рядом со своим ребенком мать учит на собственном примере, что значит быть человеком. Становящаяся наукой философия призвана сегодня показывать современному естествознанию и социально-гуманитарному знанию, что значит быть наукой, призвана на собственном примере показывать, что значит быть наукой, демонстрировать, чем отличается процедура накопления ряда истинных знаний о природе, обществе и духовной жизни от такого космического феномена (онтологического, гносеологического, социально-культурного, психологического), как наука.

Еще раз объяснимся. Философия развивается с порога Нового времени, чтобы стать наукой, но не той, что философия когда-то породила, и не той "научной философией", которую хотела соорудить наука в лице позитивизма, а совсем другой – истинной наукой. Наука, порожденная философией полтысячи лет назад, оказалась очень способной к эмпирическому (возможно, нужно было бы подобрать другой новый термин, чтобы не возникали ассоциации с привычным пониманием слова "эмпирический") историческому развитию, но совершенно "недоношенным ребенком" в аспекте метафизического, субстанционального развития. Наука, развивая сама в себе одну сторону своего бытия (накопление знаний), оказалась совершенно неспособной к самостоятельному субстанциональному развитию, т.е. такому развитию, которое было заложено с самого начала в ее философских генах. Наука к сегодняшнему дню доказала свою неспособность к трезвой оценке своего социально-культурного статуса и своей

истинной исторической мессии. Здесь, как мы выше уже сказали, особой ее вины и нет. Мать-философия в силу целого ряда причин оказалась не очень внимательной, не уследила, да и растущий малыш неправильно понял свою суть, цели и задачи, да и возможности тоже переоценил и неправильно сориентировал. Так возникла современная ситуация с гипертрофированным и искаженным пониманием возможностей и перспектив науки. Здесь кроется фундамент взаимного непонимания и конфликта между современной наукой и современной философией.

Философия, продолжая жить рядом с наукой, видела, как несомненное достоинство науки по рациональному постижению (освоению) мира общественным человеком становится однобоким, ущербным, обезличенным, абстрактным и не просто бескультурным, а порой совершенно диким и опасным для человека, для культуры, для Земли, для космоса. Бесконтрольная, вышедшая из-под опеки матери-философии наука стала превращаться в агрессивного и бездушного монстра. Без философии наука осталась без гуманитарной «крыши». Наука со "съехавшей крышей" может представлять для людей такую же опасность, как и некоторые люди, у которых "крыша поехала". И помочь бедному дитятку может в этой ситуации только родная и любящая его родительница – философия, которая к сегодняшнему дню тоже уже не та, что была в XVI-XVII вв. Вместе со своими детьми и благодаря им она изменилась и окрепла как социальный феномен, готовый ныне принять под свое крыло своих разбежавшихся на время и резвящихся на свободе деток.

13. "Бездомная" наука

Скажем несколько слов о статусе самой философии. Мы – сторонники той философской концепции, которая считает, что наша Вселенная есть пространственно-временная конкретизация вечным и бесконечным абсолютом содержащихся в нем в абстрактной форме потенциалов материального и духовного развития. Через развитие общества, как и через развитие природы, абсолют реализует заложенные в нем вечные и бесконечные потенциалы в конкретной пространственно-временной физической, химической, биологической и социальной форме. В социальной материи через деятельность общественного человека творится не просто история человечества, которая заиклилась сама в себе и не имеет больше никакого отношения ни к чему. Через историю человечества абсолют вносит (порождает в себе) и развивает в себе заложенные в нем потенциалы красоты, истины и добра. Философия, как составной элемент культуры социума, есть часть этого процесса. Через философию абсолют реализует рациональное и иррациональное постижение обществом мира, его истины, красоты и доброты.

Метаистория философии связана и понятна лишь в проекции социального статуса философии на абсолют и его развитие. В природе и обществе немало примеров, доказывающих, что дифференциация чего-либо может быть формой его развития по ускоренному варианту. Но этот вариант чреват риском, опасностью отклонений от генерального направления развития. Отделившаяся от целого часть может в своем относительно самостоятельном развитии, если связи с целым чрезвычайно ослабли, пойти по пути, на финише которого или тупик, или

гибель. Если дистанция с целым большая, то развитие части может нанести вред целому, а тем самым и самой себе. Нечто похожее по форме на войну роботов с людьми. Роботы, забывшие о своих творцах, в своем развитии могут стать враждебной силой той системе, которая их породила. Так и наука, которая слишком далеко удалилась от философии, теряет свой истинный смысл, забывает, кто она и для чего предназначена в масштабах более широких, чем простое научное познание. "Бездомная" наука становится не просто "бесфилософской", а бесчеловечной. Развитие детей, вышедших из-под контроля родителей, может пойти и по асоциальному пути.

В случае с наукой хитрость абсолюта – помочь людям ускорить историю рационального и иррационального постижения (освоения) мира путем денонсирования, "расщепления" философии на отдельные составляющие – привела к отрыву развития части от развития целого, развитие науки пошло не по задуманному плану. Да, отделившись от философии, "рациональное постижение мира", т.е. наука в современном научном (но не в философском!) смысле и значении, стала развиваться значительно (даже очень значительно!) быстрее. Да так быстро, что стала обгонять развитие других компонентов человеческой культуры, например, нравственных. Но, набирая силу, она, наука, не захотела признавать относительный характер своей независимости. Она, наука, стала приобретать замашки восточного деспота Древнего мира или современного диктатора, который в одном лице и закон, и власть, и судья, и палач. Она объявила: то, что не похоже на меня, во-первых, не наука, и, во-вторых, значит, не достойно уважения и даже права на существование. Наука безапелляционно заявляет: "Если хотите существовать и чтобы вас уважали, то давайте все скопом быстренько превращайтесь в науку!" А чтобы родительница не поучала, не докучала и не указывала на ошибки в самооценке, наука попыталась сконструировать "наукопослушную" и "чисто научную" философию.

Сформулируем еще один дискуссионный тезис. Та наука, что есть сегодня, – это не наука в ее точном философском смысле. Это не есть наука, которую потенциально в себе содержали и последовательно подготавливали к рождению абсолюта, природа, общество и философия. Если для иллюстрации воспользоваться ветхим религиозным словарем, философия породила науку по образу и подобию своему, а она, наука, в силу свободы воли, отклонилась от исходной траектории развития, "впала в грех самомнения". Когда-то Бог создал людей по образу и подобию своему, но было бы великим прегрешением видеть в современных людях более чем маленький намек на божественное начало. Конечно, если не предполагать, что Бог вслед за Ельциным решил создать у себя демократическое рыночное общество...

Нечто подобное произошло и с наукой. Порожденная по образу и подобию философии, она стала считать себя центром, главным (а, возможно, даже единственным) элементом того феномена, который в рамках абсолюта призван сделать мир добрым, истинным и красивым.

14. Представления об абсолюте

Философии без категории "абсолют" не может быть. В.В. Миронов пишет: "Итак, философия также не может обойтись без Абсолюта, но поскольку она

выступает, прежде всего, как форма рационально-теоретического постижения бытия, то ее Абсолют изначально рационален. Будь то Абсолютный Дух. Абсолютный Разум или столь же Абсолютная Материя – все это лишь рациональные конструкции разума, которые необходимы в качестве основания философии"³⁵.

В философии использовались и иные термины для обозначения Высшей реальности. Например такие, как "брахман", "небо", "дао", "ли", "апейрон", "единое", "максимум", "перводвигатель", "первичная субстанция", "материя" и другие. Поиск такой категории начался не сегодня. Описательный контур начерно был уже намечен давно: "Великая пустота", "Логос", "Нус", "Бог", "Материя" и прочие, что мы выше уже перечисляли. Все они – солисты одного хора. Многообразие терминов формально, оно отражает особенности исторических эпох и языков, степень разработанности тех или иных групп категорий, симпатии и антипатии авторов. Абсолют есть все, и в силу этого он антиномичен. Точка бифуркации трудно уловима в философской догматике, т.е. в системе однозначно определенных и фиксированных понятий. Он един и множественен, апофатичен и катафатичен. Абсолют дуален. Одну из его сторон Дешан обозначил термином "Все", другую – "Целое".

Если рассматривать отдельно, только как абстрактное всеобщее целое, то Абсолют один и апофатичен, непознаваем и неизречим, без эклезии и эпистем. А есть А – этой краткой тавтологией все исчерпывается. Тощее определение оказывается исчерпывающим и законченным – и в силу этого конкретным. Абсолют одновременно и абстрактен, и конкретен в самом себе. Полюса в пределе сходятся. Абсолют и есть всеобщий предел всего. Если воспользоваться терминологией Гегеля, абсолют в этом аспекте есть "в-себе-бытие, тождественное с самим собой бытие, лишенное формы, объективное вообще. Это – материя как нечто индифферентное, как безразличное существование"³⁶. Эмпедокл говорил, что целое, которое составляет мироздание, незримо оку, невнятно уху, необъемлемо умом. Это предчувствие и интуиция абсолюта как непостижимого и недостижимого всеобъемлющего целого, являющегося началом всего сущего и существующего, возможного и действительного (на языке Аристотеля "потенции и акта") восходит из глубокой древности до наших дней.

Считается, что термин возник в конце XVIII века в работах М. Мендельсона и Ф. Якоби и со временем впитал в себя все, что раньше называли "первоначалом", "исходным", "неизмеримым", "бесконечным", "вечным", "неопределенным", "семенообразно содержащим в себе все", "равное лишь самому себе", "субстратное тело без определений" и т.д. Напомним, что представления древних мудрецов и философов о "пратхи", "дао", "ци", "брахме", "апейроне", "нусе", "квинтэссенции" также близки по смыслу понятию "абсолют". У некоторых философов были свои термины для обозначения первоначала Вселенной ("природы", "космоса", "нашей физики", "универсума" и т.д.). Например, у Плотина – "Единое", у Н. Кузанского – "максимум", у Дешана – "Все". Мы будем

³⁵ Миронов В.В. Онтологическая сущность этики // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2001. № 1. С. 15-16.

³⁶ Гегель. Философия религии. М., 1976. Т. 1. С. 261.

пользоваться понятиями "абсолют", "материя", "материя вообще", "материя как таковая". "Время, материя, пространство представляют, может быть, только одну точку"³⁷, – пишет Дидро.

Абсолют – это то, откуда возникают конечные миры, ограниченные своими константами, принципами и законами, и куда они потом рассыпаются и канут, исчерпав заложенный в них запас логических потенций и ограничений. Абсолют должен быть вечным, бесконечным и неисчерпаемым, содержащим в себе все, что имеет временные и пространственные границы. "Все есть вечность, – писал Дешан, – есть то, что не имеет ни начала, ни конца. Целое есть время, альфа и омега, начало и конец"³⁸.

Естествознание утверждает, что в силу каких-то пока до конца неясных причин в абсолюте формируются "твердые комочки" – конечные миры с их границами, принципами, законами, пределами. Одним из таких миров является и наш космос, ограниченный с двух сторон скоростями, имеющими конечные пределы. Снизу – скорость никогда не может быть равна нулю. Сверху – скорость не может быть равна скорости света (выше 300 000 км/час). Верхний и нижний потолки скоростей – это своеобразная скорлупа, в которую заключена наша природа.

15. Чем отличается современная наука от того, чем она должна быть по существу?

Ответ на поставленный вопрос проиллюстрирую на примере. В одной научной организации заслушивался отчет руководителя о выполнении коллективом научной темы. Суть была в том, что разработчики создали методику и аппарат, с помощью которых можно диагностировать наличие трещины в трубе газопровода. Если обнаружена утечка газа в газопроводе, проходящей под миллионным городом, и неизвестно в каком именно месте, то перерыть весь город – дело весьма дорогостоящее и хлопотливое. Поэтому результат труда научного коллектива, безусловно, очень полезный, заслуживающий всяческих похвал и материального поощрения. Но... это не наука. Вот если бы разработчики пошли дальше и выяснили возможности своей разработки не только в одном материале (в данном случае в металле), но и во всех других, уже был бы шаг в науку, но тоже еще не наука. Если бы нашли такую же возможность диагностики и прогнозирования не только в материалах, но еще в гидро- и атмосфере, то совершили бы революцию в климатологии и метеорологии, но и это еще не было бы наукой. Кроме вещества есть еще другие виды материи. Например, магнитное, электрическое, гравитационное поле. Если бы разработчики проекта нашли способ действия своего аппарата в области гравитации, они бы перевернули весь наш мир в области пространственно-временных представлений и техники перемещения в пространстве и, возможно, времени. С этого началась бы новая эпоха в индустриально-технической культуре человечества. Но и это еще не было бы наукой. Ибо есть еще виды материи. Такие, как плазма и вакуум. Вот если бы разработчики дошли до этого, то стали бы равны, кощунственно это произносить, но было бы именно так – Богу. Они из вакуума ("из ничего", из "сверхприродной"

³⁷ Дидро. Соч. М., 1986. Т. 1. С. 304.

³⁸ Дешан. Истина, или истинная система. М., 1973. С. 460.

сферы) научились бы извлекать все вышеперечисленные виды материи. Но и это еще не было бы наукой, а оставалось лишь инженерно-технической разработкой, математическим расчетом (собственно, бухгалтерией). Вот если способ зондирования трещин на расстоянии был бы распространен на сферы интеллекта, морали, эстетических чувств и т.д., то это было бы уже ближе к науке. Способ зондирования "трещин" в совести человека, весьма гуманитарная разработка. Сказанное не означает требования превращать все современные научные дисциплины в гуманитарные. А означает только то, что все они должны содержать гуманитарную основу, если хотите, элемент человечности, должны служить на благостное развитие человека и человечества.

В начальном примере можно увидеть такой элемент. Разработка была рассчитана на обеспечение безопасности горожан. В этом разработка входит в состав науки, в которой должна быть непреходимая граница запрета создавать что-либо, что может быть использовано во вред человеку и человечеству. Наука – часть духовного бытия человечества, входящая в философию, следовательно, в духовную культуру, призванную реализовать через социальную материю потенции абсолюта к истине, красоте и добру. Противный результат не может быть и считаться наукой, а разработчики – учеными.

16. Философия истории, или историчность истории

Что значит быть наукой? Ответ на этот вопрос и дает философия своей, как мы это называли, теоретической или метафизической (философской) историей. Философия истории – дисциплина давно известная. А вот философия истории философии – это нечто новое. Тогда можно, скажем, говорить и о философии истории науки, и о философии истории русского народа, и о философии истории какого-то города, и о философии истории Китая или США, и о философии истории селекции огурцов, и обо всех других возможных историях любого предмета в его временном существовании. А почему нет! Изменяются (развиваются и тем самым имеют историю) не только предметы, но подвержена суду времени и сама их история – как раз об этом и речь. Если история есть пространственно-временное развертывание чего-либо, то почему сама история как явление мира, как элемент бытия, не должна тоже, как и все в мире, быть процессуальной? И история должна разворачиваться (развиваться) в пространственно-временном континууме, т.е. быть историчной. Подобно тому, что есть метаистория философии, должна быть и метаистория истории. История человечества с эмпирической стороны есть совокупность событий, дат, имен на векторе времени. А с теоретической стороны она – пространственно-временной феномен абсолюта, поэтому, как и все, что есть в социальной материи, субстанциональная история общества не сводится к простой (аддитивной) сумме эмпирических общественных фактов. Относительная самостоятельность теоретической истории видна в том общеизвестном факте, что история общества, а, возможно, и природы, *ускоряется*³⁹.

Если смотреть на историю философии не только как накопление различных концепций в хронологическом ряду (эмпирическая история), но и как на развитие

³⁹ См. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1977. С. 31-33.

философии как философии (философствования), то понятно, что философия за время своего существования стала иной и как социальный феномен. Точнее, как социально-культурный элемент абсолюта, с помощью которого абсолют развивает в себе разумность в качестве фундамента красоты, истины и добра. Как и все в природе, как и все в обществе, как и все в культуре, философия сама как философствование меняется за время своего существования.

Как мы уже говорили, породив в XVII-XVIII вв. науку, философия сама стала развиваться в том же аспекте, усиливаться как целое вместе с наукой, возмнившей почему-то, что она не часть "рационального и иррационального постижения (освоения) мира общественным человеком", т.е. философии и вместе с этим и культуры общества, а нечто абсолютно самостоятельное (глупость, и глупость очевидная и наивная!) явление, невесть откуда вдруг свалившееся на голову ошеломленного и осчастливленного неизвестно кем и за что человечества... Культура – часть общества. Философия – часть культуры. Наука – часть философии. Такой вот банальный на первый взгляд расклад. Если развивается наука, то это означает, что развивается часть философии, вместе с этим развивается и сама философия в целом. Если развивается философия, то развивается, значит, культура. Если развивается культура, следовательно, развивается общество. Если развивается общество, происходит процесс социализации (гуманизации) природы и абсолюта. Можно все это выстроить в обратном порядке, но, видимо, нет необходимости, ибо выше мы уже неоднократно говорили об этом.

Философия превращается в науку не в смысле современного "научного" понимания науки наукой, а именно в философском смысле статуса науки как рациональной части философии, которая (философия) кроме этой составляющей имеет еще и "иррациональную" составляющую постижения мира общественным человеком. Философия неумолимо становится в этом философском смысле "научной", не теряя при этом своей самостоятельной истории, не обрывая никаких своих исторических связей ни с культурой человечества в целом, ни с порожденными ею составными частями, в том числе и с наукой в узком понимании. При этом философия пытается образумить своего «ребенка». Уберечь от излишней самоуверенности и чрезвычайно некритической самооценки своей значимости и роли в истории человечества. Не все так просто. Может статься, что научный этап развития человечества может завершиться вдруг с приходом осознания человечеством совершенно другой цели своего пребывания на планете Земля, связанного совсем не с бесконечным ростом индустриального и научного могущества. Но это хотя и интересная, но уже другая тема. Философия, содержащая в себе науку как составную часть, развиваясь сама вместе с наукой, развивается и в метафизическом смысле. Если продолжить образы родительницы и ребенка, философия пытается образумить науку и поставить ее на путь истинный ее истории.

17. Предмет философии как науки

Теперь интересно послушать аргументы науки, почему философия в прежнем своем статусе не может быть наукой.

Вот один аргумент.

У философии нет, как у всех других наук, своего предмета, составляющего особую часть (фрагмент, сегмент, сектор, сфера и т.д.) мира – природы, или общества, или материальной культуры, или духовной культуры, или жизни индивидуального человека и т.д.

Ответ проиллюстрируем на примерах. Возьмем несколько природных и социальных объектов, попавших случайно под руку: ручка, окно, человек, цветок, облако. Каждый из них имеет огромный набор самых разных свойств, функций и других параметров и характеристик. Ручка, к примеру, желтая, холодная, пластмассовая, дешевая... К множеству этих и других свойств можно добавить еще одно банальное свойство, что эта ручка, о которой идет речь, лежит передо мной, она существует, т.е. она обладает свойством "быть". Каждое из перечисленных свойств этой ручки может стать предметом какой-то науки: материаловедения, экономики, химии, оптики, термодинамики и т.д. Свойство "быть" в этом ряду, на наш взгляд, входит в круг предмета философии. Почему? Сейчас поясним. Но прежде продолжим рассмотрение примера с названными предметами. У окна свой комплекс параметров: часть сооружения, стеклянное, прямоугольное, красивое и также в данный момент оно передо мной и обладает свойством "быть". Первой свойство – предмет строительных наук, стекло может стать предметом сразу нескольких наук: физики, оптики, химии и пр. Красота окна является предметом дизайна или эстетики. Фигура окна входит в то, что изучает геометрия. А само свойство "быть", как и в предыдущем случае, входит в круг предметов философии. У человека тоже есть массив всяких параметров, среди которых присутствует и свойство "быть", которое изучается философией. Что бы мы далее ни рассматривали: облако, цветок, мысль, иллюзию, акулу, картину Репина, мираж, музыку, дождь, судьбу, любовь и т.д. и т.п. – во всем среди множество специфических и общих свойств увидим и свойство "быть". В данный момент не важно, объективны или субъективны эти свойства, в том числе и свойство "быть". Бытие может быть и реальным и идеальным, и действительным и возможным, и случайным и необходимым и т.д. Важно то, что все, к чему мы ни прикоснемся мысленно или практически, имеет свойство "быть" на самом деле или хотя бы вымышленно. Бытие (любое) и образует ту часть предмета философии, которая изучается онтологией. Изучение тоже обладает свойством "быть", т.е. бытием, и потому тоже изучается. Мыслимое мыслится. Связь объективной и субъективной диалектики бытия образует еще одну сторону предмета философии, изучаемого гносеологией. Постижением бытия и самого процесса практического и духовного постижения бытия мира занимается человек в составе общества. Человек в обществе тоже обладает свойством "быть" и тоже постигается постигающей бытие философией.

Если дать дефиницию философии, то краткая формально-логическая формулировка была бы следующей: *философия – наука о бытии абсолюта, практически и духовно осваивающего через общественного человека самого себя в категориях красоты, истины и добра. Философия является социальным инструментом абсолюта, с помощью которого он рационально и иррационально постигает себя, реализуя заложенные в нем вечные и бесконечные потенции бытия и небытия. Через философию общественного*

человека (социальной монады) абсолют реализует в обществе, природе и тем самым в самом себе свою потенциально идеальную истинность, красоту и доброту. Философия – наука о бытии абсолюта в человеке и через человека.

Как можно было заметить, свойство "быть" есть во всем. Это свойство всеобщее, универсальное, т.е. абсолютное и в количественном и качественном аспектах. В таком статусе оно, бытие, и является предметом философии.

И вся история диалектики есть не что иное, как постижение общественным человеком бытия природы, общества и духовной жизни, короче, абсолюта. В определении философии как науки о бытии абсолюта дискуссионной является именно первая часть, первый термин – "наука". То, что предмет философии – "бытие абсолюта", в той или иной интерпретации принимают почти все философы всех времен. А то, что философия есть наука, не нравится большинству. Это большинство склоняется к тому, что лучше бы отредактировать дефиницию философии так: философия – тип деятельности по рациональному и иррациональному постижению (практическому и духовному) общественным человеком бытия абсолюта.

- Ну не наука, не наука она, философия, не наука! – не устает повторять большинство современных философов.

- Ну почему, почему, почему?! – горестно отвечают оппоненты.

Первый ответ, что у философии нет своего специализированного предмета, мы уже рассмотрели. Есть у философии и специальный, отличный от предмета других наук предмет – бытие. И в этом предмете присутствует и то, что смущает и запутывает тех, кто не видит в предмете философии "специальной" части. Предмет философии отличается от предмета других наук тем, что он, как мы только что выше видели, всеобщий. "...Необходимо твердо и решительно... формулировать своеобразие предмета философии с полной невозможностью сводить его на что-нибудь иное"⁴⁰. Предметы других наук представляют собой различные части (сферы, сегменты, фрагменты и т.д.) универсума (абсолюта в его множественности), а предмет философии пронизывает весь универсум и целиком, и по частям.

- Такого предмета у науки не может быть! – категорично заявляют противники.

- Почему же? – удивленно разводят руками их оппоненты.

- Потому что предмет странный, не такой, как у всех нормальных наук – не часть универсума (абсолюта)...

- Но это не аргумент! Что, предмет "зоологии" не будет "странным" с позиции, скажем, минералогии или ботаники? А предмет экономики – с позиции, допустим, орнитологии или физиологии земноводных! То, что предмет философии комплексный (онтология, гносеология, социальная философия), тоже не является чем-то особенным. Физика веером распалась на механику, оптику, термодинамику, ядерную физику. Внутри этих блоков деление предмета и системно (сознательно), и хаотично (стихийно) идет до сих пор. И для химии, и для биологии, и для всех других, признанных естественных и гуманитарных наук,

⁴⁰ Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., 1992. С. 340.

дробление предмета и не новость, и не есть что-то необычное, что могло бы послужить основанием для отказа им в статусе науки.

В этой системности предмета скорее можно увидеть аргумент в пользу того, что философия есть наука, а не наоборот.

А в том, что предмет философии носит всеобщий (универсальный, абсолютный) характер, есть свой плюс. Во-первых, это и есть "специфика", которую требуют противники признания философии наукой. Во-вторых, в этой специфике есть содержательный момент, объясняющий, почему философия есть особая наука, не просто отличная от других наук, а наука-прародительница всех других наук, генетически всеобщая для всех естественных и гуманитарных наук. В определенном смысле философия – наука эталонная, идеальная, всеобщая, конкретная. Тогда как естественные и гуманитарные науки – частные, в этом смысле абстрактные (то есть относительные, несовершенные, фрагментарные). Если кратко, естественные и гуманитарные науки отличаются от философии как науки так, как реальное отличается от идеального, абстрактное (частичное) от конкретного (целого). Такое понимание предполагает и определенные отношения между философией и частными науками. Метаистория философии как науки, т.е. развитие философии как науки, является метафизическим эталоном (идеалом) развития естественных и гуманитарных наук. Философия объективно образует своим развитием идеальное основание, фундамент социальной сути частных наук. Если предельно схематично сказать: естественные и гуманитарные науки имеют в лице матери-прародительницы образец того, какой должна быть наука как социальный феномен, призванный служить тому, чтобы абсолют через них мог сделать себя истинным, добрым, красивым. "То, что философия имеет свой собственный предмет, это для нас ясно"⁴¹.

§ 18. Специфика методологии и методов философии как науки

- Почему еще философия не может считаться и быть наукой? – вопрошают оппоненты.

- У философии нет своих методов, отличных от методов других наук, она все заимствует у естественных и гуманитарных наук, паразитирует на них! – бросают очередное обвинение противники философии как науки.

Во-первых, у многих наук есть общие методы. Анализом, синтезом, обобщением, сравнением, аналогией, абстрагированием и пр. пользуются почти все частные науки. Потому эти методы и есть "общенаучные" методы. И философия тоже пользуется ими. Во-вторых, у философии есть, как и у всех других наук, свои специфические методы. Специально подбираю самые экзотические с позиции современных частных наук. Например, "бросок мысли" (Эпикур), "молчание" (исихазм, св. Палама), "плач" (русская философия) и др. Хотя можно было бы подобрать другой ряд, менее оригинальный и более близкий к научной рациональности. Например, "восхождение от абстрактного к конкретному" (Маркс), "логико-генетическая выводимость категорий теоретической системы" (Гегель), «априоризм» (Кант), "тангенциальное развитие до точки Омеги" (Тейяр де Шарден), "погружение в богочеловечество"

⁴¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., 1992. С. 324.

(В.С. Соловьев), "медитация" (буддизм). И т.д. и т.п. Сколько угодно "неугодных" другим наукам иррациональных и рациональных методов постижения мира.

- Да это же все – совершенно не научные методы! – вопиют противники философии как науки.

- Да, если "науку" понимать так, как ее трактуют современные частные науки, возомнившие, что именно они являются единственными и главными вершителями вопросов рационального постижения универсума, что они единственные носители абсолютной истины в этих вопросах. Но это не так. Это иллюзия частных наук и совершенно необоснованная переоценка своей роли в постижении (освоении) абсолюта. Это явное непонимание генеральной линии развития абсолюта, стремящегося сделать мир с помощью общественного человека истинным, красивым и добрым. Частные науки уперлись в проблему рационально истинных знаний и не видят за ее пределами более широкого поля бытия, за частностями не видят целостного бытия, что, теперь понятно, функция философии как особой науки: генетически и субстанционально (по существу) всеобщей (**предложение не согласовано или пропущена некоторая часть**). Частные науки составляют отдельные, как модно ныне говорить, кластеры всеобщей науки о бытии абсолюта в человеке и бытии человека в абсолюте.

Смешно было бы, если ученые-оптики отказывали акустике в праве называться наукой на том основании, что у ее методов отсутствует элемент визуального наблюдения. А ученые-акустики отвечали тем же, ссылаясь, что оптики чаще пользуются зрением, а не слухом. Нельзя же считать недостатком астрономии то, что она не пользуется методами "психоаналитического тестирования звезд", а геологии – то, что она игнорирует "методы дошкольного воспитания".

У философии, как и у всех других наук, есть и общие с другими науками методы, и свои особые, специфические методы. В этом философия из ряда наук не выпадает. Неверно, когда "о философии часто думают, что это есть какая-то такая наука, которая не имеет ничего общего с другими науками"⁴².

19. Понятие эксперимента в философии как науке

- Что еще? Почему, по какой причине философии отказано быть наукой? – почти гордо вопрошают сторонники философии как науки.

- Многие истины философии экспериментально (прямо или косвенно) не проверяемы! – не менее гордо приводят очередной аргумент сторонники отказа философии в праве называться наукой.

Есть истины, скажем, в математике или теоретической физике, которые тоже прямо экспериментально не проверяемы. Косвенно, возможно, все теоретические положения частных наук экспериментально проверяемы, даже если эта проверка имеет временную отсрочку, т.е. приходит через годы, десятилетия или даже столетия. Да, это именно так.

Что же касается философии, вынуждены констатировать, в узко научном плане, так, как это понимается и трактуется в частных естественных и гуманитарных науках, что не все положения философии экспериментально проверяемы. Но в силу того, что философия наука всеобщая, и предмет у нее специфический, то и

⁴² Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., 1992. С. 324.

поле "экспериментальности" у нее тоже несколько шире. И эксперимент выглядит иначе, чем в каждой отдельно взятой науке. То есть необходимо отдельно и специально разобраться с тем, что значит "эксперимент" или "практическая проверяемость".

Из теоретических разработок теоретической физики черпают прикладная физика и инженерия, результаты деятельности которых можно экспериментально и практически проверить.

Но и это не аргумент! Из философии, из ее фундаментальных разработок, черпали и продолжают черпать не только гуманитарии, но и все естественные науки, даже если конкретный ученый этого иногда недопонимает. Поэтому можно утверждать, что экспериментальная проверка истин (иррациональных в том числе) философии осуществляется не просто опосредованно, а многоступенчато опосредованно: сначала истины философии переходят в науку, религию, искусство, потом от них опосредованно к повседневной, будничной практике людей. И "абсолют", и "материя", и "субстанция", и "движение", и "пространство и время", и "качество и количество", и "красота", и "добро", и "добродетель", и "благость", и "счастье" и т.д. – все проходит практическую в разных формах жизненную проверку. И "бросок мысли" так, как это понимали эпикурейцы, происходит в жизни; и бывает, и имеет практическое подтверждение очищение души, или ее познание через "плач и слезы"; и "молчание" приводит к прощению и терпению, пониманию и благу; и "медитация" как способ самопогружения и самопознания нужны и полезны человеку практически. Нет категорий философии, которые не проверялись бы в горниле человеческой и общественной жизни. Если они бесполезны или ложны, они уходят из души, сознания, памяти, из словаря, из употребления – из бытия общественного человека.

Тому, что может и должна почерпнуть современная наука XXI века на современном уровне развития из философии, посвящен и данный фрагмент работы.

Какие еще аргументы остались у противников позиции, что философия имеет полное право называться не только наукой, но и претендовать на роль эталонной науки, на роль носителя идеала естественных и гуманитарных наук, на роль идеального и сущностного основания всех частных наук как их генетическая и субстанциональная основа?

20. Может ли наука иметь иррациональную составляющую.

Один из важнейших, фундаментальных, как кажется представителям современного толкования науки, аргументов против признания философии наукой заключается в утверждении, что философия имеет массу не только "метафизических" категорий, но еще и массу разного рода "иррациональных" составляющих. Более того, есть целый поток "иррациональной философии", имеющей своих классиков, при этом внутри этого потока есть опять-таки теории, концепции, позиции, диаметрально противоположные, взаимоотрицающие друг друга.

- Наука есть рациональное постижение (освоение) мира! Только то, что соответствует этому положению, может претендовать на звание науки! – категорично настаивают на своем противники философии как науки, забывая, что

наука признает и вдохновение, в творчество, и страсть, и увлеченность, и трудолюбие, и преданность, и веру в успех, и т.д. и т.п. – массу иррациональных моментов, необходимых ученому в его деятельности. Почему же тогда она не может включить в себя еще и то, что мы уже выше перечисляли: совесть, стыд, честь, достоинство, милосердие, любовь, дружба, долг, верность, сострадание, патриотизм, толерантность, чувство красоты, доброта и т.д. и т.п.? При чем тут мистика, вера в чудеса, суеверия, спиритуализм, столоверчения и масса банальной чертовщины...

Что же, уточним еще раз позиции. Есть представители современных естественных и гуманитарных наук, которые предлагают считать наукой и научными только те дисциплины, которые только и только рационально постигают (осваивают) мир. К ним, как видели выше, относится и Дж. Холтон. Чтобы не путаться раз за разом и чтобы не затевать чисто терминологическую дискуссию, назовем эту позицию, имеющую право на существование, "узким или специальным пониманием науки", в отличие от другой, более широкой трактовки понятия "наука". Есть трюизм, что язык – носитель народной мудрости. Если верить этому утверждению, то можно заметить, что говорят об "исламских науках", которые далеки от классического западного понимания "науки", от традиционной трактовки понятия "наука" учеными. Кстати, выражение "ученые богословы", с позиции научного понимания науки, такая же белиберда, как "круглый квадрат" или "масляная чернота". Что-то подозрительное чувствуется не только в делении науки на "эмпирические науки" и "теоретические науки", но и в таких определениях наук, как "сельскохозяйственные", "инженерные", "строительные" и даже "педагогические", "кулинарные", где присутствует изрядная доля иррациональной интуиции и творческой составляющей в каждом шаге и мгновении деятельности. Уже не говорю о "научно составленных гороскопах", "научной хиромантии", других формах "научного" (ненаучного) прогноза будущего наряду с научной футурологией, использующей такие методы, как исторические аналогии, экспертные оценки, компьютерное моделирование и т.д. Поэтому приходится вводить еще и такие промежуточные звенья, как "псевдонаука", "лженаука", "ненаучные знания", "вненаучные знания", "донаучные знания" и тому подобное, где наука, вроде, и присутствует, и, вроде, отсутствует. Присутствует, но неправомерно, искаженно, иллюзорно, по видимости, не по существу, бутафорично, декоративно, лишь внешне и т.д.

Мы выше на примере работы Холтона показали, что есть одна точка, где наука и религия соприкасаются. Они, по мнению Холтона, не имеющие ничего общего ни в мировоззрении, ни в предмете, ни в методологии и методах, имеют общую цель – благо человека, его телесное и духовное здоровье, обеспечивающие ему счастье в земной (временной, бременной, тленной, тварной и т.д.) и, если таковая признается, в вечной (божественной, потусторонней, сверхъестественной, сакральной, бессмертной и т.д.) жизни. Философия как наука в ее широком смысле включает в себе рациональное и иррациональное постижение (освоение) истины, красоты и доброты в абсолюте. Она, философия, наука о бытии абсолюта в человеке и о бытии человека в абсолюте. Она, философия, наука о духовной и практической деятельности общественного человека по реализации заложенных в

абсолюте его возможностей. Наука в узком смысле, т.е. как чисто рациональное постижение (освоение) мира, - абстрактный (частичный) момент философии как науки, в полном и точном (идеальном) смысле и значении понятия "наука". Современные естественные и гуманитарные науки являются частью более широкого феномена социальной материи, а именно: философии как идеальной (в этом смысле эталонной) науки. Современные естественные и гуманитарные науки без этой составляющей (философии в нашем смысле) и не науки в точном истинном смысле. Они - социальные и философские абстракции, т.е. фрагменты, обломки, части, кусочки и моменты деятельности общественного человека по конкретизации в абсолюте изначально заложенных в нем (в абсолюте) в абстрактной возможности таких категорий бытия, как истина, красота и добро.

Если все ограничивается только выяснением и расчетами того, как из атомного ядра извлечь его энергию или дистанционно диагностировать трещину в газопроводе, то это в полном смысле слова и не наука, а чисто рациональная гносеологическая процедура, абстрагированная и от человека, и от общества, и от природы, и от абсолюта с его развитием через общественного человека. Но без этого наука не является наукой, то есть составляющим человеческого бытия. Без человека науки быть не может. Тогда она бездушная, бесчеловечная социальная абстракция, а в силу этого метафизически ложная, злобная и уродливая. Объективно, онтологически в основе каждого научного исследования лежит усилие абсолюта реализовать в себе через общественного человека потенции истины, красоты и добра. Знания, абстрагированные от этого основания, абсолютно ложны, уродливы и злобны. Такая абстракция, то есть отрыв от человека, потенциально превращает истинные знания естественных и гуманитарных наук в нечто противоположное их изначальному смыслу. Такие знания становятся социально (а тем самым и в абсолюте) бессмысленными, потерявшими свой истинный (идеальный, абсолютный) смысл и значение. И цель таких знаний замыкается в тупике "знания ради знания", "истина ради истины". А должны быть знания ради человека и абсолюта, истина ради человека и абсолюта! Тогда наука становится действительной наукой, ведущей к реализации красоты и добра в человеке, обществе, природе и абсолюте с помощью полученных ею истинных рациональных знаний.

Путь к истине, красоте и добру в абсолюте не исчерпывается только полученными естественными и гуманитарными науками рациональными знаниями, какой бы глубиной истинности они не обладали. Это лишь одна из задач по реализации той цели, к которой направлены усилия философии как науки.

Философия есть духовное постижение абсолюта. Но духовное нельзя сводить только к рациональному освоению мира, как это делают представители современной науки, скатившейся до процедуры вычисления существенных связей вещей, событий и отношений мира.

§ 2.

ФИЛОСОФИЯ КАК УЧЕНИЕ ОБ ИСТИННОМ ЧЕЛОВЕКЕ В АБСОЛЮТЕ

Среди множества определений философии мне ближе те, в которых утверждается, что философия – это учение об истине (истинности) мироздания. "Здоровое сердце обладает еще достаточным мужеством, чтобы требовать истины; а царство истины есть обитель философии, которую она создала и к которой мы становимся причастны, занимаясь философией"⁴³. И таких высказываний в истории философии не счесть⁴⁴. Велика и восхитительна задача – увидеть истинный лик мира как целого⁴⁵, постичь величайшую тайну бытия – его истину⁴⁶, обладать вневременным, вечным определением истины вообще⁴⁷. Автор менее всего привержен к надуманным усложнениям изложения; но там, где сам предмет сложен, менее всего склонен к уступкам претензиям упрощенного и

⁴³ Гегель. Политические произведения. М., 1978. С. 372.

⁴⁴ "Философия называется знанием об истине" (Аристотель. Соч. М., 1976. Т. 1. С. 94). "Из человеческих искусств самым возвышенным и благородным является искусство философии, каковое определяется как познание истинной природы вещей" (Аль-Кинди. Антология мировой философии. М., 1969. Ч. 1. Ч. 2. С. 711). "Слово "философия" означает занятие мудростью, ... под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего, что может познать человек" (Декарт. Соч. М., 1989. Т. 1. С. 301). "Так как не может быть ничего более прекрасного ... чем достижение истины, то, очевидно, стоит заниматься философией, которая и есть поиск истины" (Гассенди. Соч. М., 1968. Т. 2. С. 28). "Общеизвестной целью истинной философии было познать истину" (Гассенди. Там же. С. 25). "Мы не должны... дать имя философии ложным заключениям (Гоббс. Соч. М., 1965. Т. 2. С. 634). "Ведь цель философии есть только истина" (Спиноза. Антология мировой философии. М., 1970. Т. 2. С. 404). "Философ не ставит никакой другой цели, кроме беспристрастного исследования истины" (Локк. Соч. М., 1985. Т. 1. С. 153). "Философия есть не что иное, как стремление к мудрости и истине" (Беркли. Соч. М., 1978. С. 158). "В форме истины истина является предметом философии" (Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 392). "Философия есть... сознание человеком духа и его истин" (Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 66). "Философия и религия имеют своим предметом истину, и именно истину в высшем смысле этого слова, - в том смысле, что бог, и только он один, есть истина" (Гегель. Там же. С. 84). "Выражение объективной мысли означает истину, которая должна быть абсолютным предметом философии" (Гегель. Там же. С. 132). "Разве не стремится философия к той вечной истине, которая тождественна красоте?" (Шеллинг. Соч. М., 1987. Т. 1. С. 498). "Философия, любовь разума направляется в действительности на истину не эмпирическую, но всеобщую, вселенскую" (Трубецкой О.Н. Чему нам надо учиться у материализма? // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 109). "Философия как вопрошание... истины" (Хайдеггер. О сущности истины // Философские науки. 1989. № 4. С. 102). "В "истине", в поисках истины что-то есть" (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 143). "Философия не обещает ничего, кроме истины" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 107). "Без интереса к истине нет философии" (Лобастов Г.В. Так что же есть истина? // Философские науки. № 6. 1991. С. 49). "Отнимите у философа стремление к истине - и философа нет. В лучшем случае, он становится философоведем, а худшем - идеологом, теоретическим лакеем политика" (Чанышев А.Н. Некоторые соображения по поводу статьи двух философов // Вест. Москов. ун-та, 1991. № 2. Серия 7. Философия. С. 88).

⁴⁵ "Без идеи целого нет философии" (Дидро. Соч. М., 1986. Т. 1. С. 338).

⁴⁶ "Действительно, какой предмет более возвышен для познания, чем сама истина" (Гегель. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 7).

⁴⁷ "Философия есть вневременное постижение... времени и всех вещей вообще" (Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 2. С. 28).

нередко еще встречающегося взгляда, будто философия должна быть понятна "с ходу" всякому любопытствующему рассудку. Нет же! В этой связи вспоминается: уже философы древности излагали свои метафизические (философские) взгляды ученикам после того, как те освоят все специальные знания. "Физика" предшествовала "Метафизике". Без "азов" трудно понять более сложный материал. Истинная философия не может и не должна быть приспособлена к удобствам досужего здравого смысла. Об этом с ядовитой насмешкой писал еще Гегель, отмечая, что те, кто жалуется на непонятливость свою или на непонятность философии, "воображают, что без всякого изучения они понимают, как обстоит дело с философией, и что, получив обыкновенное образование... они могут, походя, философствовать и судить о философии. Относительно других наук считается, что требуется изучение для того, чтобы познать их, и что лишь такое знание дает право судить о них, соглашаются также, что для того, чтобы изготовить башмак, нужно изучить сапожное дело и упражняться в нем, хотя каждый человек имеет в своей ноге мерку для этого, имеет руки и благодаря им требуемую для данного дела природную ловкость. Только для философствования не требуется такого рода изучения и труда"⁴⁸. Разумеется, никому не заказан вход в истинную философию, условие для этого одно – трудиться, отбросив страх, лень и пристрастия к привычным стереотипам мышления⁴⁹. Великий французский философ Гольбах писал: "Мы сумеем обнаружить истину; она никогда не открывается ни обольщающемуся своими грезами фантазеру, ни мрачному изуверу, ни тщеславному претенциозному невежде, ни легкомысленному сластолюбцу, ни недобросовестному резонеру, желающему только обмануть самого себя"⁵⁰. Философское дело требует не только знаний и труда, но еще и бескорыстной любви к мудрости. "Необходима любовь к истине. Кто хочет серьезно приняться за поиски истины, должен, прежде всего, подготовить свой ум любовью к ней: ибо, кто не любит истины, тот не станет прилагать много усилий на отыскание... Очень немногие любят истину ради самой истины"⁵¹. Поиск истины сопряжен с величайшим терпением, верой в свои силы и в успех. "Человек, который ... хочет заняться поисками ... истины, должен вооружиться терпением охотника"⁵². Пустое любопытство, движимое лишь обывательским самомнением, самодовольным и категоричным отрицанием всего, что недоступно его разумению, обречено на разочарование, и оно никогда не познает наслаждения от соприкосновения с красотой и изяществом мысли, присущих истинной философии. "Философия не терпит в себе одной только уверенности"⁵³ – воскликнул Кант. – "Философствовать же можно научиться лишь благодаря

⁴⁸Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1971. Т. 1. С. 88-89.

⁴⁹"Ведь истина - это как бы триумф победителя: никому не запрещено стремиться к ее достижению, а для того, кто... ее достигает, она сама - награда за труды" (Гассенди. Соч. М., 1968. Т. 2. С. 498).

⁵⁰Гольбах. Соч. М., 1963. Т. 1. С. 688.

⁵¹Локк. Соч. М., 1985. Т. 2. С. 177.

⁵²Гельвеций. Соч. М., 1974. Т. 2. С. 177.

⁵³Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 377.

упражнениям и самостоятельному применению разума"⁵⁴. Эти слова как бы перекликались с теми, что были ранее сказаны Декартом: "Действительно, те, кто проводит жизнь без изучения философии, совершенно сомкнули глаза и не заботятся открыть их; между тем удовольствие, которое мы получаем при созерцании вещей, видимых нашему глазу, отнюдь несравнимо с теми удовольствиями, какие доставляет нам познание того, что мы находим с помощью философии"⁵⁵.

Истина открывается тем, кто ее ищет и не боится не только трудностей, но и возможных огорчений, ибо, как утверждал библейский Екклесиаст: "Во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познание, умножает скорбь"⁵⁶. Надо быть готовым к насмешкам и презрению. "Истинный философ, – писал Толанд, – страдает втрое, ибо он становится жертвой презрительных насмешек толпы, ненависти священников и довольствуется лишь своей внутренней свободой"⁵⁷. Покой среди лжи и несправедливости не удел желающих заниматься философией. "Не философ тот, кто, относясь равнодушно ко лжи и истине, предается апатии и якобы философскому покою"⁵⁸. Истина – награда за дерзость разума. Страстью сильнее, чем желание найти истину, может быть, по аналогии со словами А.С. Пушкина о поэзии, только любовь. Но ведь и любовь при этом должна быть истинной, а философия – это тоже любовь. И прав Депрео, писавший, что "одна лишь истина достойна любви"⁵⁹.

Может ли быть замысел заманчивее и более волнующий, чем поиск истины мира, или мировой истины? С теми, кого это может оставить равнодушным, или может испугать, или кому это может показаться скучным занятием, – с теми нам не по пути, ибо без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины"⁶⁰. С нами останутся пусть те, для кого "нет ничего сладостнее, нежели внимать истинному разуму"⁶¹. Если же кто-нибудь усомнится в практической полезности философского поиска истины, ответим словами Гольбаха: "Не будем прислушиваться к утверждениям пустых фразеров, будто философия делает человека неспособным заниматься практическими делами"⁶². И напомним, что великий Платон считал, что народы будут счастливы лишь тогда, когда философы станут королями или когда короли будут философами. Дело философии – поиск истины, которая ведет через красоту к добру и благу, о чем в несколько ином аспекте говорил В.С. Соловьев: "Абсолютное осуществляет благо через истину в красоте"⁶³. Человеку нужна истина, ибо "без истины человек не может отличить полезных ему предметов от предметов, которые наносят ему

⁵⁴Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 333.

⁵⁵Декарт. Антология мировой философии. М., 1970. Т. 2. С. 233.

⁵⁶Библия. Всесоюзный Совет ЕХБ. М., 1988. С. 666.

⁵⁷Толанд. Кладофорус. Английские материалисты XVIII в. М., 1967. Т. 1. С. 343.

⁵⁸Гельвеций. Соч. М., 1974. Т. 2. С. 179.

⁵⁹Цит. по: Кондильяк. Соч. М., 1980. Т. 1. С. 127.

⁶⁰Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 112.

⁶¹Иоанн Скот Эриугена. Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. С. 789.

⁶²Гольбах. Соч. М., 1963. Т. 2. С. 390.

⁶³Соловьев В.С. Собр. соч. в 8-ми тт. б/г. Т. 8. С. 102.

вред"⁶⁴. Бердяев настойчиво повторяет: "А философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине"⁶⁵.

Что есть истина? Поиск ответа на этот, будто проклятый, вопрос – одна из вечных мук человечества. Грандиозность задачи пугала порой даже великих: "Какой же смертный отважится вообще решать, что такое истина?"⁶⁶ – обжегся страхом великий певец мощи разума Гегель. Потрясение это пройдет. И более чем через два десятка лет он напутствует своих слушателей, видимо, вспоминая о тех своих чувствах, иными словами, воспевающими всесилие человеческого разума, восхваляющими безграничную его мощь: "Дерзновение в поисках истины, вера в могущество разума есть первое условие философских занятий. Человек должен уважать самого себя и признать себя достойным наивысочайшего... Скрытая сущность Вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания, она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими"⁶⁷.

Что есть истина? Вопрос этот сопровождает нас постоянно. В делах, больших и малых, открыто или подспудно всегда присутствует проблема истинности: целей ли, средств ли, результатов ли. Их истинность, как и истинность вообще, сокрыта. Как говорил еще Гераклит, природа вещей любит скрываться⁶⁸. Идея сокрытости истины имеет долгую историю. Об этом говорил Демокрит⁶⁹. Потом "пещеры Абдерита" вспоминали многие, ищущие путей к истине. "Волею неба, – пишет образно Гельвеций, – истины посеяны там и сям в темном бездорожном лесу"⁷⁰. О сокрытии истины и способах ее открытости читаем у Хайдеггера⁷¹. О том же говорят и современные авторы. Например, "пробиться через толщу видимости, – пишет Н.К. Вахтомин, – к сущности, а тем самым к истине, бывает очень трудно"⁷².

Что есть истина? В современном динамичном мире цена истинных знаний, или знаний об истинном положении и состоянии вещей, резко возрастает, как, впрочем, и цена расплаты за допущенные ошибки – следствия заблуждений. Вопросы "что такое истина?" и "каков путь к истине?" приобретают актуальное значение для миллионов людей, даже весьма отдаленных от интересов академической науки. Никогда не затухающая совсем потребность людей – знать истину о себе и о мире, в котором они живут, – наиболее ярко вспыхивает в переломные моменты истории. Тому пример – наша сегодняшняя действительность. Мы сознательно будем использовать диалектико-материалистическую методологию как руководство к исследованию. Но ничем не ограничивая другие, кроме как природой предмета исследования. Попутно заметим, что иногда встречаются сегодня работы, в которых подвергается сомнению

⁶⁴Гольбах. Соч. М., 1963. Т. 2. С. 19.

⁶⁵Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 8.

⁶⁶Гегель. Работы разных лет. М., 1972. Т. 1. С. 60.

⁶⁷Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 83.

⁶⁸См.: Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 52.

⁶⁹См.: Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. Ч. 2. С. 331.

⁷⁰Гельвеций. Соч. М., 1974. Т. 2. С. 177.

⁷¹См.: Хайдеггер. О сущности истины // Философские науки. 1989. №№ 4, 6.

⁷²Очерки по диалектическому материализму / Отв. рук. Л.Я. Станис. М., 1985. С. 191.

ценность этой методологии на том основании, что руководство ею, якобы, привело к тому, что представляет собой история коммунистических стран. Аргумент бьет мимо цели. Никогда классики не сомневались в том, что их ученики (истинные) не станут хвататься за букву высказывания, если оно противоречит и не соответствует действительности. Истина настоящего не в пыльных анналах и фолиантах, а в жизни, в объективной реальности, ею и надо руководствоваться, когда теория не совпадает с действительностью. Не теорией поправлять действительность, а наоборот. Истина объективна. В самом деле: не для глупцов и негодяев же писали свои работы К. Маркс, Ф. Энгельс.

Даже тогда, когда они, предвосхищая, пытались нарисовать какие-то конкретные черты будущего общества, для них было само собой разумеющимся, что никто разумный не примет эти слова за канон, вместо органа. Любое великое учение подразумевает и предполагает в своей основе, что люди будут использовать его для творения добра, красоты и истины. Так и с марксизмом. Точно такие же претензии, какие предъявляются сегодня некоторыми авторами к классическому марксизму, можно предъявить, скажем, к христианству или к исламу. Христианство, призывающее к любви к ближнему, устами одного из духовников крестоносцев дало совет воинам убивать всех подряд, а там Бог сам разберется, кто свой, а кто чужой. История халифата полна войн между мусульманами. Если же вынести политику, использующую религию как идеологию, за скобки и оставить религиозное учение, так сказать, "в чистом виде", то можно в любой религии надергать цитат, оправдывающих любой поступок – от самых омерзительных жестокостей до святой доброты. Я считаю, что за все в ответе сам человек. Бог, если он есть, дал человеку светлый разум и доброе сердце, и человек своим умом и сердцем выбирает свой путь. В этом его истинная свобода и истинная ответственность за свою жизнь. Увидеть масштабы, в которых человек может устроить свою духовную жизнь, и помогает философия.

О какой истине все-таки речь? На мой взгляд, речь идет об истинности человеческого бытия в пределах абсолюта. И при чем тут тогда философия? **Философия есть наука о бытии и небытии человека в абсолюте.** Можно сказать о том же иначе: **философия есть явление абсолюта в человеке и через человека в формах добра, истины и красоты.** Такое определение философии раскрывает аксиологическую функцию философии. Если проще, отвечает на вопрос: "Зачем нужна философия человеку, чем она ему может быть полезна?". Ответ прост и очевиден! Человек – единственное звено в цепи мироздания, которое само может определить для себя границы своего бытия. Этого не дано больше ничему и никому: ни минералам, ни растениям, ни животным! Кажется, даже ангелам, архангелам, херувимам и другим чинам... Лишь человек может сам, самостоятельно выбирать и расширять границы своего бытия в коротком временном промежутке земного бытия, в период своей конечной жизни. А философия – та наука, которая раскрывает человеку границы его возможного бытия в пределах абсолюта. В терминах религиозной философии – в "пределах от Сатаны до Бога". Этим объясняется также и необходимость обучения (ознакомления) детей и молодых людей основам философии: чтобы они могли разумно выбирать, в каких масштабах добра, красоты и истины им прожить отпущенную им судьбой земную жизнь,

независимо от того, какой конкретной профессией они будут заниматься. Как прожить свою жизнь? В пределах и смыслах только телесного бытия (обеспечить физическое существование и оставить потомство) или же реализовать в просторах вечности и бесконечности еще и свое уникальное духовное бытие, творя добро и красоту, приобщаясь к их абсолютной истине. Что дано человеку и что возможно, чему он может надеяться и чего может достичь – этому учит философия.

Это и есть великая метафизика истины: познать истину сущего в человеке или истину человека в сущем в единстве ее онтологических и гносеологических аспектов.

Система исламского образования новой России отличается от других педагогических систем только по части мусульманских дисциплин, а в главном, в своей сверхзадаче тождественна с ними – воспитать человека, способного самостоятельно выбрать дорогу к истине, красоте и добру, т.е. раскрыть в себе Абсолют, что равно реализации себя в масштабах Абсолюта. Становится все яснее, что историческая память – это не просто набор знаний о том, что и как было в прошлом в системе исламского обучения и воспитания. Историческая память имеет свою метафизику, свою философию. Философия исламской системы образования новой России, понятно, иная, чем, скажем, в арабских странах, потому что наша философия связана с историей и культурой наших народов, с трагедиями и победами наших предков, с надеждами и возможностями нас самих. "Фюзисную", если воспользоваться терминами античной философии, сторону мусульманской системы образования мы можем узнать и в других странах, в том числе и в странах арабского Востока. Эти элементы мы можем использовать и у себя. Но "метафюзисную" сторону в силу сказанного выше невозможно ни у кого позаимствовать, философию системы исламского образования новой России мы обязаны создать сами из тех подручных материалов, что сохранились в наших душах и в истории духовной культуры наших народов. Эта философия и позволит разумно адаптировать заимствованную "фюзисную" часть чужих образовательных систем к нашей современной действительности. Без этой части работы простые заимствования из иностранных источников будут похожи, как остроумно и зло заметил один из коллег, на "крокодилячий хвост собаки".

§ 3.

ИСТИНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Любая социальная система, являясь частью общества в целом, связана с отдельными людьми. Исламская система образования новой России также содержит в себе рефлексию человека. Хотя мусульмане и считают, что все в воле Аллаха, однако именно они, авторы новой мусульманской системы образования России, формируют философию человека в рамках этой системы. Точнее, как раз наоборот: философия человека изнутри определяет контуры этой системы образования. Поэтому для того, чтобы российская система мусульманского образования была современной и достойной сегодняшнего уровня развития человека, достойной всего возможного богатства его души, впитывающей самые добрые, красивые и истинные достижения человечества, она должна опираться на гуманистические идеи о человеке в багаже всех философских традиций. Только та социальная система, которая впитает все богатство гуманистической трактовки

человека, окажется достойным ответом на все жесткие вызовы глобальной современности. Для этого нужно быть мастером своего дела. А компетентность содержит обязательным условием – фундаментальные знания, практические умения эти знания творчески внедрять в текущую жизнь, навыки твердо отстаивать счастье каждого отдельного человека. Чтобы современная система мусульманского образования новой России была достойной эпохи, она должна «зряче» руководствоваться всей традицией философии человека.

Рассмотрению некоторых аспектов такой философии посвящен материал данного параграфа.

За три тысячи лет своей истории философия не очень преуспела в познании тайн человеческого бытия. Можно сказать, что сформулировано всего лишь две фундаментальные идеи.

Первая – о том, что разумное существо (пока нам известен лишь земной человек) есть единственный элемент мироздания, который сам может определить масштабы своего бытия в диапазоне от Сатаны до Бога. Можно воспользоваться другими терминами, далекими от религиозных категорий, скажем, от абсолютного Зла до абсолютного Добра или от материи до духа, но смысл останется тем же.

В этот же комплекс входит и мысль, что человек – то звено в цепи природы, с помощью которого она содержит себя в гармонии, то есть привносит в свое существование и сущность истину, красоту и добро.

Это констатация факта. Так и есть: ни одно живое существо не способно существенно изменить предусмотренную естественной необходимостью границу своего бытия. Лишь человек исторически расширяет свои возможности, прогресс его способностей и потребностей очевиден. Почему так получилось или кто так всё устроил, пока остается невыясненным. Но все в один голос утверждают, что основой такой свободы выбора является сознание, наличие разумной души, способность мышления, познания, отражения действительности в форме субъективных идеальных образов.

Вторая идея гласит, что самое высокое предназначение и оправдание человеческой жизни и смерти – в Любви и Творчестве. Обе темы стали почти трюизмами, банальностями, набившими оскомину, хотя находятся ещё все новые и новые вариации⁷³. Если кратко обобщить достижение философии в познании человека, то оно сводится к следующему суждению: особое место человека в мироздании определяется способностью осознанно любить и творить.

Эти две темы заполняют всю историю философии: как стать Богом (формулировка может быть самая разная) и какова природа творчества и любви? Как стать Богом или как можно скатиться до уровня Сатаны? Что предпочтительнее?

Неиссякаемый интерес возбуждают предлагаемые варианты различных рекомендуемых способов и механизмов достижения божественного состояния и возможных причин падения человека даже ниже уровня, предусмотренного природным естеством. Ответов много. Они порой диаметрально

⁷³ См.: Фромм Э. Искусство любви. М., 1992.

противоположные. Но если не вдаваться в детали, то фундаментальные разработки по первому вопросу можно развести тоже по двум группам.

В первой окажутся концепции, которые объединяет идея, что путь к высшему совершенству (истине) надо начать с отказа от всего земного и конечного в человеке (восьмеричный путь Будды, исихазм, различные формы аскетизма, монашество, отшельничество, "опрощение" Л.Н. Толстого - все голоса из одного хора). Очищаясь от "скверны" бренных, тварных и профанных чувств и мыслей, интересов и потребностей, человек, утверждают сторонники этих учений, становится свободным как от радостей, так и от печалей земного ограниченного бытия. Вся земная жизнь – от лукавого, который "вечно стремясь лукаво отвлечь нас от добра, тклет чары для наших душ и почти нерасторжимо связывает их путями, желанными для глупцов, внушает видеть в этом знании великую глубину и обширность, как иным кажется богатство или бесславную славу и плотские наслаждения, чтобы, потратив всю жизнь в погоне за ними, мы не смогли крепко прилипнуть к очищающей душу науке, начало которой – страх Божий, рождающий непрестанную умиленную молитву к Богу и соблюдение евангельских заповедей, вслед за чем приходит примирение с Богом, когда страх преобразуется в любовь и мучительность молитвы, превратившись в сладость, возвращает цветок просвещения, от которого словно благоухание, разливающееся на несущего этот цветок, приходит познание Божиих тайн... Недаром начало Божией мудрости и созерцания есть страх Божий: не уживаясь с иными богами, избавив душу от всякой скверны и как бы разгладив ее молитвою, он делает ее словно дощечку для письма пригодной для запечатления дарований Духа"⁷⁴. Как красочно и привлекательно расписаны греховные соблазны жизни! Святой Палама потратит еще немало сил и художественного дарования, доказывая, что "знание, добываемое внешней ученостью, не только не подобно, но и противоположно истинному и духовному"⁷⁵. Ничего мирского не нужно, в том числе и знаний. "Оставьте весь свой умственный багаж, т.к. на пути к Дзэну он вас будет только обременять"⁷⁶. В восточной философии наиболее полно просматривается идея истребления всего человеческого для достижения истинной полноты божественного бытия. В русской философии у Иосифа Волоцкого и Ивана Грозного также просматривается мысль, что человек, избавившись от мирских страстей и помыслов, отягощающих его душу, может приобщиться к Богу.

Разорвав связи с этим миром, приобретает тем самым чистую свободу (например, достигнув нирваны), можно в последующем слиться с Богом. "Атман" становится равным "Брахману", индивидуальная конечная душа растворяется во всеобщей мировой вечной душе⁷⁷. "Обрести в себе Бога, в чистоте прилипнуть к Нему и слиться с Его неслияннейшим светом, насколько доступно человеческой природе,

⁷⁴ Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 1996. С. 14-15.

⁷⁵ Там же. С. 18.

⁷⁶ Судзуки Д. Дзэн-Буддизм. Бишкек. 1993. С. 670.

⁷⁷ Римский император Марк Аврелий писал: "У Целого есть "всемирный Логос", который содержит семенообразно все частичные логосы, порождающие все. Когда люди умирают, их души постепенно (в воздухе) разлагаются, как это происходит с трупами и возвращаются в мировой Логос, освобождая место другим." (Марк Аврелий. Размышления. Магнитогорск. 1994. С. 62-63).

невозможно, если помимо очищения через добродетель мы не станем вовне, а вернее выше самих себя, оставив заодно с ощущением все чувственное, поднявшись над помыслами, рассуждениями и рассудочным знанием, целиком отдавшись в молитве невещественным духовным действиям (энергиям), получив незнание, которое выше знания, и наполнившись в нем пресветлым сиянием Духа, так что невидимо увидим награды вечного мира."⁷⁸ Избавившись заблаговременно от подверженных тлену и суду времени смертных качеств (радостных и печальных чувств и мыслей, телесных и духовных потребностей), загодя ещё при жизни можно обеспечить себя билетом в рай – в страну вечного блаженства и счастья, где нет ничего негативного: ни лжи, ни зла, ни уродства, ни горя, ни болезни, ни нищеты. И самое главное – там нет различия между жизнью и смертью, так пугающего смертных разумных существ⁷⁹.

Вечное божественное бытие не имеет контрастов, драмы противоречий и конфликтов. Это прыжок через бездну дуализма и противоречий "на другой берег"⁸⁰. И тот, кто его достигнет, познает высшую истину человеческого бытия. Это ли не высшая цель человеческого бытия! Таков восторг и пафос адептов этих концепций. Ничего земного не жаль: ни радостей, ни печалей – ради божественного счастья! "Кто воздержанием очистит свое тело, силой Божией любви сделает свою волю и свое желание опорой добродетелей, а ум в просветленной молитве отдаст Богу, тот получит и увидит в самом себе благодать, обещанную всем, кто чист сердцем"⁸¹.

Одна парадоксальная деталь: во всех без исключения вариантах освобождаться от земного, очищать свое сердце рекомендуется с помощью разумных земных средств и способов, а не божественных озарений, экстазов и прочих чудес. Для этого собраны тончайшие наблюдения над телом и душой человека, которые могли бы оказать честь некоторым областям современной биологии и психологии. Вот уж поистине земные знания и опыт против земной жизни. Наиболее детально разработанной является именно эта часть: уничтожение в человеке человеческого. Здесь успехи несомненны и налицо. Великий восьмеричный путь Будды представляет собой великую науку освобождения от всего человеческого. В этом же направлении идут поиски опрощения и у Л.Н. Толстого, который, однако, предлагал на этом пути выхолащивания из человека всего человеческого воспользоваться лишь моральными инструментами. Но ведь они тоже атрибуты земного бытия человека, хотя несколько мягче и воздушнее, чем физиологические и психологические тренировки восточных учений.

Второй этап вызывает затруднения уже в логике рассуждений. Если освободились от всего конечного земного, то дальнейшее продвижение к Богу должно осуществляться как-то по особенному, ибо ничего тварного и профанного

⁷⁸ Там же. С. 105.

⁷⁹ Совсем с других позиций, но тоже ради счастья человека, по-иному интерпретируемого, ополчились против страха смерти Эпикур и Лукреций Кар. Великий Эпикур считал: если бы удалось избавить людей от страха смерти, то они могли бы быть действительно счастливыми в своей земной жизни. Истинные знания о действительности помогут людям избавиться от религиозных суеверий и от страхов, терзающих душу людей, считал Л. Кар.

⁸⁰ Судзуки Д. Дзэн-Буддизм. Бишкек. 1993. С. 40.

⁸¹ Марк Аврелий. Размышления. Магнитогорск. 1994. С. 42.

не должно туда привноситься, в том числе и среди вспомогательных средств. Да и они тут должны быть бесполезны, ибо здесь особый мир – вечный, божественный, совершенный, абсолютно истинный, где конечный ум со своим инструментарием жалок и бессилён. Наиболее последовательные концепции, например, исихазм, понимая это, предлагают на роль сверхдеятельности (где практическая и мыслительная стороны полностью совпадают, не различаются, ибо нет конечности, ограниченности, определенности) молчание. "Кто стремится в любви к соединению с Богом, тот избегает всякой зависимой жизни, избирает монашеское и одинокое жительство и, удалившись от всякой привязанности, старается без суеты и заботы пребывать в неприступном святилище исихии. Там он, как только возможно избавив душу от всяких вещественных оков, связывает свой ум с непрестанной молитвой к Богу, а вернув через нее себя целиком самому себе, находит новый и таинственный путь к небесам, как бы неосязаемый мрак посвяtitельного таинственного молчания, и неотрывно прилепляясь к нему умом, с невыразимым наслаждением в простейшем, всесовершенном и сладостном покое и поистине в исихии, то есть безмолвии, взлетает выше всего сотворенного"⁸². Молчание выступает как абсолютная альтернатива земной бренной деятельности, как предметной, так и духовной. Молчание трактуется как единая активность, в нерасчлененной форме содержащая в себе и чувства, и мысли, и слова, и моторику. Оно одновременно и слово, и дело любви, приближающей человека к Богу. Здесь каким-то образом "молчание должно слиться со словом"⁸³, с понятием. Трансцендентальная мудрость в восточной философии называется "праджняпарамита". Праджня "это не интеллект в обычном смысле слова. Она стоит выше всякого рода диалектики. Это не аналитическое мышление, работа которого сугубо последовательна. Это прыжок через бездну дуализма и противоречий. Поэтому достижение парамиты образно называют "достижением другого берега"⁸⁴. На этом берегу пусто, здесь вечное безмолвие, тишина. "Прозрачная пустота" – это принцип идентичности, в котором все различия сливаются в единое"⁸⁵. Последнюю цитату можно понять как обещание, что достижение пустоты одновременно автоматически дает божественную полноту без каких-либо дополнительных усилий. Главное – освободиться от конечного, земного, греховного, профанного. Но есть концепции, которые позитивно пытаются определить состояние, предопределяющее божественную полноту.

На эту роль сверхразумного и сверхъестественного способа постижения (освоения, усвоения) Бога предлагались и интуиция, и молитва, и религиозный

⁸² Там же. С. 109.

⁸³ Судзуки Д. Дзэн-Буддизм. Бишкек. 1993. С. 66.

⁸⁴ Судзуки Д. Дзэн-Буддизм. Бишкек. 1993. С. 40.

⁸⁵ Судзуки Д. Дзэн-Буддизм. Бишкек. 1993. С. 223.

экстаз, и плач (вспомним, знаменитый "плач Ярославны")⁸⁶, но чаще всего – любовь.

Такова схема пути, который ведет через "трезвение" к "обожению".

Алогизм не требует доказательств. Все эти качества, несомненно, содержат элемент иррациональности. Возможно, в них есть также элементы бессознательного и подсознательного. Не исключено, что они имеют особые, отличные от рассудочного и разумного, функции познания. Но дело в том, что они все без исключения носят земной характер, имеют конечные (смертные, бранные, тленные) параметры, даже молчание, ибо тишина есть шум, уменьшенный до нуля. Если заявлено, что с помощью земного и конечного путь к Богу закрыт, то мы попали в тупик элементарного формально-логического противоречия. И ничего удивительного, что тысячелетняя практика ни разу не увенчалась успехом. Нет, случаи, когда, достигая нирваны, люди впадали в галлюцинации и чувствовали себя в блаженстве, вероятно, были неоднократно. Были, видимо, и видения всякого рода. Исихасты, несомненно, видели свой "нетленный свет". Но факт – никто из них не стал ни Богом, ни бессмертным, ни чем-то иным сверхъестественным. Барьер времени и конечности остался непреодоленным. Хотя ничего алогичного тоже нет. О той сфере, где нет ничего земного, никак нельзя сообщить при помощи земных средств. Апофатическая онтология дополняется апофатической гносеологией, которая со стороны земной конечной онтологии есть агностицизм. "Фактически существует один целостный, неразделенный, совершенный мир и ничего другого... В едином, целостном мире, строго говоря, невозможно никакое разделение, ни на дух, ни на чувство, ни на разум. В абсолютном единстве нет места для терминов отличия или различия; в действительности, здесь невозможно никакое мышление, никакие слова; абсолютная тишина является, вероятно, единственным средством хоть как-то выразить это состояние"⁸⁷.

На мой взгляд, адепты этих концепций при жизни сами себя уничтожили, лишили возможности действительного бессмертия. "Никакого размышления, никакого вывода, суждения или сравнения, а также – никаких градаций. Не о чем было говорить, не о чем было спорить, нечего объяснять"⁸⁸. В земном языке это означает одно – смерть. И адепты самоуничтожающих концепций это осознают. "Вместо "умереть живя" сказать "любить Бога"⁸⁹.

Как следствие основной идеи, в этих концепциях утверждается, что приверженность к земному, конечному, брэнному есть свидетельство деградации в сторону Сатаны, смерти, вечного небытия, уродства, зла и лжи. Мысль о возможности достижения бессмертия на пути совершенствования конечного земного бытия изначально объявляется абсолютно невероятным, т.е.

⁸⁶ В русской философии Нил Сорский видел путь к истинному человеку через плач, который есть отрицательное чувство, страх, что и есть начало истинного знания Бога. Плач – отрицательное рассуждение. Через логическое рассуждение приходит разумение, а через плач – благоразумие. Разумение есть раскрытие тайны, а благоразумие – умолчание о тайне, признание ее неподвластности, недостижимости. Плач есть молитва.

⁸⁷ Судзуки Д. Дзэн-Буддизм. Бишкек. 1993. С. 368.

⁸⁸ Судзуки Д. Дзэн-Буддизм. Бишкек. 1993. С. 94.

⁸⁹ Судзуки Д. Дзэн-Буддизм. Бишкек. 1993. С. 74.

невозможностью. Но как бы ни мала была вероятность, как бы ничтожны ни были шансы, этот путь не есть тупик в невозможное.

Во всех этих концепциях доказательство наличия в нашем мире зла, лжи, уродства удается намного лучше, чем описание альтернативы - божественного бытия. Ругать нашу жизнь было всегда легче, чем расхваливать божественную. И совсем исключалась возможность бессмертия в конечном мире. «Меня мало интересуют варианты бессмертия в потустороннем мире, я хочу бессмертия здесь», – вот открытый тезис проблемы бессмертия. Возможно это или нет?

Сторонники второй точки зрения отрицают возможность превращения конечного в бесконечное, отрицают трансформацию тленного в божественное. Все конечное, бренное, тленное, профанное обречено быть самим собой. Поэтому всю полноту человеческого бытия и его высшие истины надо искать и реализовывать в период земной жизни, ограниченной природной и духовной естественностью. Никакого сверхъестественного бытия и истины нет, эти поиски – пустая трата времени. Силы познания и дел нужно направить на то, чтобы прожить коротенькую человеческую жизнь в масштабах вечности, стремясь достичь абсолютной полноты каждого мгновения.

Автору этих строк ближе именно вторая позиция. Но с одной существенной оговоркой. Да, человеческое бытие начинается и кончается здесь, на земле. Оно является конечным во всех смыслах, кроме одного. Человек, пока он жив, может бесконечно менять качественно и количественно – свою жизнь. Он может свести её до уровня простой биологической (или даже животной) чувственности примитивного существования. Можно прожить свои несколько десятилетий по-разному: как простое живое существо, регулярно исполняя биологические функции, или как разумный человек. Различие в том, что разум позволяет увеличить до бесконечности любое качество, любое свойство, любое состояние человека - хоть чувства, хоть мысли, хоть дела. Всё: и любовь и ненависть, и дружбу и вражду, и воображение и память, и мысли и слова, и любые дела – можно чувствовать, мыслить и делать как по-божески, так и по-сатанински. Каждый миг жизни может остаться пустым или быть заполнен бесконечным содержанием. И когда речь идет о том, что потусторонней жизни не будет, что нет личного бессмертия, что все начинается и кончается здесь, то это надо понимать не как призыв ограничивать содержание жизни чисто биологическими процессами.

Наш мир так устроен (почему или кем – это другие вопросы), что каждый человек есть лишь песчинка мироздания. Он может остаться безвестной песчинкой навсегда, но может оставить след на века, на вечность. Сохранить тело или душу так, как они есть в их натуральной форме, на уровне сегодняшних достижений человечества невозможно⁹⁰, ибо все в нашем мире подвержено

⁹⁰ Но со временем это станет возможно. Речь идет об искусственном теле, которое в отличие от искусственного интеллекта - совсем не такое уж трудное дело. Имплантация органов сегодня уже никого не удивляет. Есть замены элементов скелета, мышц и других частей организма. Количество переходит в качество. Интересно, сколько процентов человеческого организма должно быть заменено, чтобы сказать, что его владелец приобрел искусственное тело? Вопрос о бессмертии в этом аспекте прост и очевиден. Не в таком уж далеком будущем человек сможет, обновляя стареющие органы, жить столько, сколько ему захочется. У нас речь о другом.

движению, изменению, поэтому любое состояние конечно и ограничено. Одной из фундаментальных констант нашего мироустройства является невозможность абсолютного покоя, то есть движения с нулевой скоростью. А для вечной жизни нужен вечный покой хотя бы для какой-то части нашего бытия – хоть телесной, хоть духовной. Чтобы мы жили вечно (личное бессмертие), нужно, чтобы что-то в нас оставалось абсолютно константным, постоянным, инвариантным, необходимо выйти из движения и времени. Ни тело, ни душа как элементы конечной действительности не могут выдержать этого испытания. Это было бы возможно только за пределами нашего мира, за чертой природной естественности, в сфере сверхъестественного, сверхприродного, супранатурального, трансцендентного, божественного. По этому пути и идут представители первой концепции: отвергнуть все конечное и выйти за его пределы. И для этого ничего более умного не придумали, кроме банального отказа от всего бренного и конечного с помощью конечных же знаний, способов, средств и методов. В самом деле, нелегкая задача: оставаясь живым – покинуть жизнь. Научить человека, как стать бессмертным - дело двух (в основном) дисциплин: философии и педагогики. Философия показывает границы человеческого бытия, возможные в каждую конкретно-историческую эпоху. Именно поэтому философия и есть "дух эпохи", "квинтэссенция времени" (Гегель). А педагогика учит выбирать и реализовывать масштабы индивидуального бытия в реалиях своего времени.

Каждый человек должен стремиться сделать свою жизнь максимально многообразной. Выработка мотиваций такой устремленности - задача воспитания, независимо от того, кто этим будет заниматься: семья, улица, гувернеры, воспитатели детских учреждений, школа, милиция, государство. Чем содержательней и богаче жизнь, чем плотнее каждый миг существования, тем больше шансов стать "бессмертным", оставаясь в этом же конечном, бренном, временном мире. Но вовсе не потому, что в отличие от других оказались более плотно набиты событиями. Принципиально для вечности нет разницы между "много" и "мало". Сам по себе объем содержания жизни не дает вечности, то есть бессмертия, но увеличивает шансы, несомненно.

Несмотря на то, что наша действительность не терпит, как было сказано выше, ничего абсолютно неизменного (нет в нашем мире скорости, равной нулю) и тем самым вечного, в ней есть два принципа: идеальности и отражения, с помощью которых человек может создать то, что природе без помощи человека никогда не реализовать. Аналогичный пример: если бы на Земле не было людей, то никогда из железной руды в недрах Земли не получился бы летательный аппарат тяжелее воздуха. Природа без человека никогда бы такое не смогла сделать. Подобно этому природная естественность не предполагает в себе вечности (не будем забывать, что для этого нужно получить движение как минимум с нулевой скоростью, то есть абсолютный покой) без участия человека. Появление разумных существ делает эту возможность реальной. Человек, используя то, что есть в природе, создает такой элемент, который без него был бы невозможен. Принцип антропности нужно продолжить до вывода, что с появлением человека часть невозможного в природе становится возможным. Используя законы сопротивления материалов, количественные пропорции, законы аэродинамики и

другие моменты действительности, человек создал самолеты, ракеты, вертолеты, которые не предусмотрены природой без вмешательства разума. Природа, породив разум, реализует еще один пласт своих возможностей, среди которых и возможность бессмертия, продолжения бытия индивида после распада тела и души, которые как природная естественность обречены на смерть.

Разумеется, не все, что создано человеком, может пережить отведенное ему судьбой время, а только то, что сделано человеком из соответствующего "вечно покоящегося" материала. Такой материал в природе есть. Но в силу указанной причины, что все природное ограничено двумя скоростями – низший потолок не может быть равен нулю, а высший – больше скорости света, этот материал природе без человека бесполезен. Природа может воспользоваться этим материалом только лишь с помощью головы и рук человека.

Этот материал называется "идеальное". Первый признак идеальности – оно не подвержено движению вообще, поэтому в нем мгновенная (вечная) скорость равна нулю. Максимум и минимум совпадают (Н. Кузанский). Идеальное не имеет в себе "силы" для саморазвития, самоизменения, самодвижения. Сколько бы идеальное ни существовало, оно не приобретет динамики. Изменения, замечаемые в нем, обусловлены не его собственной природой, а тем материальным, на котором это идеальное отражено.

Среди всеобщих принципов материи есть отражение – способность дискретных систем воспроизводить параметры друг друга соответственно характеру их взаимодействия и сохранять свойства "чужого" как собственные качества в идеальной форме. Различие между реальным и идеальным видно уже на примере простейшей формы отражения – механической. На снегу видны отпечатки протектора шин автомобиля. Снег сам по себе и не рисунок, и не резина. И сколько бы он ни лежал, никогда ни при каких условиях снег сам по себе и сам в себе не породит такого рисунка колес, если их нет на свете. Отпечаток в конкретной содержательной форме есть "иное", ставшее собственным свойством снега. Отражение стоящей на берегу березы в воде на самом деле существует как оптическое явление. Но поленницу дров из березы в воде не напилишь. И отраженная береза никогда расти не начнет, в ней нет жизни, нет движения. Идеальное – мертво, а потому и вечно. Мертвое движение – это покой. Смерть – вечный покой. Береза в воде существует идеально. Природа обладает свойством создавать идеальные двойники реального. Идеальные системы существуют во всем многообразии мира, ибо свойство отражения – всеобщее. Есть идеальные химические и физические объекты, существуют идеальные геологические, биологические (фито- и зоо-), кибернетические и социальные системы. Идеальное так же объективно, как и реальное. Отраженные облака существуют в океане и без человека. Мир полон объективно идеальными объектами. Но все дело в том, что без человека мир идеальных объектов не взаимодействует с реальным. Утверждают, что животные даже не видят собственного отражения в воде. Объективно идеальные системы непосредственно друг с другом не взаимодействуют, их связи и отношения опосредуются человеком. Даже сознание (высшая форма идеального) одного человека не контактирует непосредственно с сознанием другого. Парапсихология – ложь.

Телепатия – тоже. Идеальное может быть связано с идеальным лишь опосредованно, через что-то, контролируемое разумным существом. Человек есть то звено в цепи природы, которое способно установить связи и отношения между идеальными объектами. Особенность идеальных (отраженных) систем в том, что они не подвержены в своем содержании законам времени. Отраженная в реке береза и не горит, и не гниёт. Само по себе отраженное не подвержено тлену. Природа идеального надвременна, то есть вечна, ибо находится вне развития, движения, изменения. Вечные (бессмертные) системы мы видим каждый день. Но они значимы лишь в социуме, в человеческом мире. Наша жизнь состоит из реальных мгновений, реальных чувств, мыслей, слов и дел. Все они как таковые исчезнут. Однако, они могут отражаться, то есть принимать идеальную форму существования. Одно "но": идеальное не может существовать само по себе в чистом виде, оно всегда существует на конечном материале реального. "След" на снегу, отражение березы на воде, мысль в мозгу. Идеальное существует на теле реального объекта как его особое "иное" свойство. След протектора может "умереть" вместе с растаявшим снегом, но не потому, что состарился сам след, что он физически и морально износился, стал ветхим. Отражение (отраженное) не меняется, оноечно и не подвержено времени, а умер, разрушился, сломался лишь его носитель, который может быть легко заменен, ибо он сущности отраженного не определяет. Мысль до банальности проста: бессмертен тот, кто сумеет отразиться в этом конечном мире. Чем плотнее его содержание жизни, тем больше у него шансов найти подходящий природный или социальный объект, на "теле" которого он может сохраниться в идеальной (бессмертной) форме.

Качества человека могут существовать в иной, чем их естество, форме. Такими формами могут быть живая память живых людей, тексты, дома, сады, дети. Человек может оставить на "теле" природы и социума свой отпечаток, свое отражение. Зеркалом может служить для человека все в силу его универсальности, все мироздание или отдельная песчинка, Вселенная или капля в океане, исторически материальное "тело" политики (так сохранились Цезарь, Ришелье, Петр I), или права (Солон), или морали (Л.Н. Толстой, А. Швейцер, мать Тереза), или искусства (Рафаэль, Моцарт), или философии (Сократ, Кант), или науки (Ньютон, Дарвин), или собственной нации, или даже семьи. Дискретное может быть и вечным лишь через дискретное. Но так как мир един в многообразии, идеальное может сохраняться без изменения через бесконечно многообразные системы, ибо их собственная природа для идеального не играет содержательной роли. Чем полнее жизнь человека, тем сильнее, ярче, контрастнее, больше, величественнее, красочнее, интереснее, значимо его идеальное бытие. Сохранив себя идеально, человек приобретает личное бессмертие, ибо все новые и новые разумные существа смогут устанавливать с этим идеальным (вечно неизменным) человеком свои контакты. И изменения этой идеальной жизни будут зависеть от особенностей с ними контактирующих. Моцарт на века останется тем, кем он отразился в музыкальной культуре человечества, но он будет постоянно изменяться в восприятии разных людей разных эпох, то есть он приобретет идеальное постоянство в изменяющейся реальности.

Наше идеальное может стать бессмертным, но какой нам от этого прок? Другие поколения смогут говорить с нами, вступить с нами в диалог. Но диалог этот странный – он односторонний. Я сегодня могу говорить с Сократом, но он со мной – нет. Как ни печально, но наше бессмертие в самом деле такое, одновекторное: от нас вперед, в бесконечное будущее, без обратной связи с нами. Может, это лишь пока (великий русский мыслитель Н.Ф. Федоров считал, что со временем станет возможным и телесное индивидуальное бессмертие в земном виде⁹¹), но надежды мало. Идеальное не способно умереть, но оно за это платит дорогую цену: оно не способно и развиваться. Оно, идеальное бытие, обречено оставаться заданным, константным, вечно неизменным. Такова цена бессмертия. Обратим внимание, бессмертной может быть именно наша индивидуальность, необычность, оригинальность – то, чем каждый из нас отличается от других. Не элементарное различие, а действительное в Гегелевском смысле. Действительно то, что разумно. Если в нас есть только то, что уже есть в других; то, что уже существует, то такое качество не способно отражаться. В этом специфика социального объекта и социального отражения. Наличное уже без нас успело стать идеальным (бессмертным) другого человека. Социальная материя повторно навечно ничего не создает. Временно можно украсть чужую славу, обманом или хитростью присваивая приоритет, но вечность на то и вечность, что расставит все по местам в соответствии с заслугами. Великую отечественную войну выиграла не Сталин, и не Хрущев, и не Брежнев, а народ вместе со своими действительными полководцами – Жуковым, Рокоссовским, Баграмяном, Коневым, Василевским и другими. Индивидуальная оригинальность, которую социальная материя может отражать, а тем самым сделать идеально бессмертной, не дар случая, а непомерно тяжелый труд (по словам Эдисона – 99%) и немножко вдохновения, творчества. Результат творческого труда обладает свойством отражаться в социальной материи и приносить то странное одностороннее бессмертие человеку. Критерий творчества и есть (не имевшаяся до этого в истории человечества) оригинальность, новизна. Суть творчества не столько в том, чтобы сделать подарок человечеству в виде нового закона науки или технического открытия, шедевра искусства или мирового рекорда, а в пополнении арсенала конечной жизни бессмертным идеальным содержанием. Для чего природа руками и головой человека наполняет себе идеальным, вечным, бессмертным материалом, которого она сама без присутствия человека не способна произвести – об этом остается только догадываться. Философу бесплодные фантазии запрещены. Но гипотезы – любимый способ их размышления. Предполагаю, что, когда через миллиарды лет наша Вселенная заполнится достаточно полно идеальностью, бессмертными объектами, когда начнет доминировать не конечное, а вечное, тогда возникнет новая модель мироздания, противоположная нынешнему материальному, – идеальная, имеющая совсем иные константы и принципы. Возможные контуры такого мира рисуют сегодня идеалисты и богословы. Мир, в основе которого лежит не материальная, а духовная субстанция.

⁹¹ См. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.

Труд и творчество создают новую систему бытия, а не просто способ получения полезных вещей и психологического вдохновения. Мир вечных и идеальных объектов будет красив и интересен по-своему. В нем не будет единичного дискретного изменения. Движение в нашей действительности противоречиво: оно представляет единство динамики и статики, прерывности и непрерывности. А в том мире, где господствует идеальное бессмертие и вечность, природа движения станет иной. Я не знаю, какой смысл в том, что кто-то остается в идеальном состоянии навечно, а кто-то бесследно исчезает для них самих. Допускаю, дело не просто в честолюбии. Идет какой-то странный и таинственный процесс поиска невидимой истины личного бессмертия, которого в буквальном эмпирическом смысле нет и быть не может, ибо оно противоречит законам естественности нашего мироустройства.

Что творит человек, накапливая идеальные объекты, можно только предположить и догадываться. Позволю одно предположение.

Вечный несбывшийся зов философии – некое единение людей. В русской философии идеи "соборности" и "богочеловека и богочеловечества" имеют глубокие корни.

Уже много раз собирали людей – был избранный Богом народ, были крестовые походы для единения христиан, были совсем недавно призывы к арийской чистоте и коммунистическому единению. Дискретность мироустройства не дает мыслителям почему-то покоя. Витают космическая тоска по абсолютному единению. Вот и думается, не отсюда ли растут корни. Понятно: слить в одно неразличимое единство разнородные кусочки нашего мира невозможно, ибо они подчинены законам конечного времени, мешает закон непроницаемости, точнее, ограниченной проницаемости. В нашем мире нет абсолютной проницаемости даже для нейтрино. Нерасчленимое единство (в том числе и людей) возможно лишь за пределами конечного и временного. Но не в сверхъестественном мире, которое может быть лишь в фантазии, а здесь, в этом нашем бренном мире. Парадоксальная проблема: остаться в этом мире и не быть в нем. Точнее, будучи здесь, в нашем естественном мире не подчиняться его законам, принципам и константам, создавая из них новые принципы, константы, процессы и вещи.

Если все перевести в идеальное состояние, то выполнится это парадоксальное требование, станет возможным то единство всеобщей проницаемости, по которому разливается тысячелетняя тоска.

Но зачем? Что это даст каждому конкретно? Мы выше говорили: если даже полностью человек превратит свою жизнь в идеальное отражение, он жить в обычном, земном, конечном смысле не будет. Примеры тех, кто обессмертил свое имя в истории, скорее угнетают, чем воодушевляют. Ну и что Цицерону или Ф. Аквинскому от того, что они получили бессмертие в идеальной форме? Их отраженная на материале ораторства и католицизма идеальная жизнь мертва, безжизненна, бесчувственна, без движения. Кажущаяся динамика не от этого остатка, обрезка их прошлой жизни, а от различий людей, вступающих в контакт с этими идеальными жизнями. Если нет какого-то скрытого смысла, то все это бессмысленно и бесполезно. Что мне от того, что кто-то после моей смерти будет общаться с тем, в чем "живет" мое отражение, мое идеальное бытие!

Абсолютно истинных ответов у меня нет. Имеются две версии.

Первая. Люди со временем добьются того, что отраженные идеальные объекты будут, через посредничество живых людей, взаимодействовать друг с другом. Тогда "идеальный Сократ" сумеет пообщаться с "идеальным Кантом", Глинка с Бахом, Булгаков с Мольером, Сталин с Иваном Грозным, Эвклид с Лобачевским и Риманом.

Вторая. Идеальные объекты, реализованные и закрепленные через деятельность людей, живут своей "внутренней" не доступной нам жизнью. За чертой нашей действительности они имеют бытие, непохожее на наше.

Материалист не допускает мистической действительности. Та, непохожая на нашу, идеальная действительность если бы не имела никакого выхода к нам, оказалась бы в зоне сверхъестественного. Но это не так. Идеальный мир, или мир идеальности, находится рядом с нами, он входит в нашу повседневность, может влиять на нашу жизнь, но только, во-первых, через нас, людей – разумных существ, во-вторых, только идеально, в процессе созидания идеального мира.

Человек есть существо универсальное. Это суждение в аспекте нашего исследования означает, что человек может отражаться во всем и отражать в себе все. Могут быть и механическое, и физическое, и химическое, и биологическое, и кибернетическое, и геологическое отражения человека. Человек может своей идеальностью пропитать все уровни материального мира. Кроме того, он в себе может иметь идеальное отражение всего, что есть в мире конечных временных систем. Орган разумного отражения – мозг общественного человека, коллективного существа. Мозговая идеальность – сознание, имеющее предметное содержание. Береза на берегу может отражаться и на поверхности воды, и в сознании человека. В первом случае она существует как оптическое явление, во втором – как мысль. Идеально оптическая береза и идеально мыслимая береза имеют общее качество – они бессмертны в сказанном выше смысле. Но мыслимая береза имеет как идеальный объект одно преимущество перед оптической идеальной березой. Вода, владея отраженной в ней березой, во-первых, своих качеств не изменит, во-вторых, никогда не изменит своего отношения к березе, даже если как-то оказывает на неё влияние. Характер взаимодействия между березой и водой не изменится от того, что в воде появится красивое отражение красивой березы. Без человека идеальные объекты в природе ничего не меняют, в неё ничего не добавляют и от неё ничего не убавляют. Без человека идеальный материал не взаимодействует ни с реальными объектами, ни с другими идеальными объектами подобно тому, как не взаимодействуют полезные ископаемые под землей с законами аэродинамики на пути к летательным аппаратам без вмешательства человека. Человек же, владеющий отражением березы в себе, меняется сам: он из незнающего превращается в знающего. Главное, человек, у которого есть мыслимая идеальная береза, может изменить не только свое отношение к березе, он может вмешаться в ход естественных реальных процессов в березе. Это вмешательство может достигнуть даже уровня возможности создания нового вида березы, которого природа без этого вмешательства не реализовала бы никогда. С помощью идеального объекта в себе человек может помочь природе реализовать не только идеальное, но и создавать

реальное. Эта особенность человека – по идеальной модели создавать реальное – и послужит предметом дальнейших наших рассуждений.

Сознание человека – идеальный объект, то есть то, что может стать вечным и бессмертным, если найти для него подходящий объект как носителя идеального отражения. Как говорилось выше, в качестве таких объектов могут быть как природные, так и социальные объекты: мрамор и звуки, краски и слова, политика и мораль, философия и педагогика; вещи, растения, животные, люди. Человек может найти взамен своего смертного тела более прочный и более долговечный материал, который последующие поколения могут и подновить, и заменить, не причиняя ущерба бессмертности того, что стало идеальным. Но такое бессмертие, как мы выяснили, одностороннее и малоутешительное, ибо лишает индивидуальности, конечной осознаваемости, а тем самым очарования и привлекательности. Если бы все заканчивалось на этом, то про бессмертие и не стоило бы заводить разговор. Или ограничиться домыслами про потусторонний мир, которого нет и быть не может где-то вне этого мира. Всё здесь: и Бог и Сатана, и рай и ад, и конечная и бесконечная жизнь, и смерть и бессмертие. И между ними есть тоннель – это человек. Он есть тот мост, который соединяет противоположные берега бытия.

Сознание есть такой идеальный объект, который может копировать и тиражировать свое содержание. Снег не может тиражировать копии отпечатка следов на нем, а человек может создать не просто копии, а копии реальные. Любое отраженное (идеальное) может отражаться еще раз. Например, отражение березы в воде можно сфотографировать. Для этого нужен другой способный на отражение отраженного объект, в данном случае фотопленка. Но отраженный в воде фотоаппарат никогда не сфотографирует отражение березы. В отраженном в воде зеркале не отразится отражение человека, если он не отражен в реальном зеркале. Не так, когда речь идет о сознании. В нем могут отражаться не только реальные объекты, в нем могут отражаться отражения, то есть сознание – такое идеальное, которое может отражать идеальное. Сознание производит, накапливает и хранит идеальное в идеальном. В этом вся суть бессмертия души. Человек может сохранить свою идеальность (отражение) не только в виде и форме реальных предметов, но и в форме вторичной идеальности, то есть в сознании в чистом мыслимом виде. Во-первых, в чистом живом сознании других людей, во-вторых, в общественном сознании, в третьем – в мировом безличном сознании.

Если о первых двух спор и возникнет, то, вероятно, по поводу деталей трактовки и понимания. А о безличном сознании придется поговорить. Речь не о Боге. А о той тенденции, о которой говорили: о росте в мире идеальных объектов, которые неустанно и непрерывно творят люди. В той далекой перспективе, когда идеальное будет конкурировать с реальным, как ныне вещи, созданные на основе индустриальной промышленности конкурируют с предметами природы, объективность идеального будет не только природной, но и социальной. А это означает отражение идеального идеальным, вечного вечным, бессмертного бессмертным, вневременного вневременным, абсолютно покоящегося таким же.

Объективность самосознающей мысли – основа личного бессмертия человека. Мысль в мысли станет объективной как идеальная реальность.

Всё это было бы пустой фантазией, если бы в нашей обыденной жизни не было того, что позволяет реально представить ту бессмертную объективность идеального бытия человека за чертой реального конечного временного бытия. Если бы мы не знали, как это будет, все не стоило бы и ломаного гроша. Подобно тому, как вечное и объективно идеальное находится рядом с нами, в нашей жизни существуют крупинки бессмертного бытия, доступные почти всем людям.

Это – любовь. То, что любовь однозначно не определяется, её неисчерпаемость, многозначность и беспредельность говорит в пользу предположения, что индивидуальное идеальное бытие в безличном океане идеального мира адекватно состоянию любви. Эфирная воздушность, бесконечная нежность, светлое торжество, чувство безмерной радости и полноты бытия, несказанная легкость, неизведанная никогда ранее ясность, близость и родство со всем существующим и всеми, разлитая кругом доброта и взаимопонимание, желание летать, мечтать, помогать всем и прощать всех, трепетное ожидание неведомого чуда, восторг от окружающей красоты, прекрасная улыбка и непередаваемый словами блеск глаз и многое другого – всё это признаки пребывания идеального в идеальном. Тот рай, который ждет тех, кто его "заработает", возможно попробовать в этой жизни. Это – любовь. Но "пробы" эти конечны, как конечна наша жизнь. Чтобы увековечить это состояние, у которого больше эпитетов, чем у Будды (утверждают, что более шести миллионов), необходимо заполнить свою жизнь таким содержанием, которое позволило бы наиболее полно отразиться в бесконечном море конечных вещей и процессов. Для этого важны два условия, о которых мы уже говорили выше: необходимо количественно больше освоить культурных (человеческих) ценностей и побольше оригинальности (нового, чего ещё в мире не было) в себе или в вещах, созданных в природной или социальной материи. Погоня за деньгами, наградами, славой, популярностью – как раз и есть неправильно понятое стремление к полноте и оригинальности, гарантирующие бессмертие, или вечную любовь.

Историческая память, о которой у нас постоянно заходит речь, и есть та историческая субстанция, которая порождает, накапливает, хранит и передает из поколения в поколение онтологически истинную любовь и творчество. Система исламского образования новой России, опирающаяся на онтологически истинную историческую память, сама должна строиться на любви и творчестве, чтобы быть способной формировать людей, способных к онтологически истинной любви и творчеству.

ГЛАВА 3.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТИННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Историческая память, речь об истинной исторической памяти имеет еще одну особенность – воздаяние по заслугам и восстановление исторической (вечной) справедливости. В этой функции наиболее ярко проявляется то, что историческая память – не просто психологическое явление, а вполне эффективный и актуальный элемент социальной реальности в настоящем (текущем) времени. Историческая память как категория философии трансцендентна и универсальна, т.е. она пронизывает все сферы бытия. Она может хранить в себе и факты, и события, и теории, и идеи – одним словом, все. Категория «онтологическая истина» отражает мысль о том, что все: и материальное, и духовное – имеет, во-первых, бытие, во-вторых, может соответствовать или не соответствовать своей сути, сущности, своей природе, т.е. соответствовать или не соответствовать самому себе таким, каким оно должно быть в идеале, чистоте, красоте, доброте и т.д. Чтобы иметь более полное представление о том, в чем суть онтологической истинности исторической памяти, нам необходимо совершить небольшой исторический экскурс в историю того казуса, который произошел с категорией "онтологическая истина" в нашей отечественной философии.

§ 1.

ТРАГЕДИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ

На первый взгляд может показаться некоторой натяжкой и странным – говорить о трагедии философской категории. Трагедии бывают разные: например, по масштабам и предмету – человека, семьи, народа, государства, даже человечества; вымирающих видов животных и растений, разрушенных планет, угасающих звезд, гибнущих галактик. Но трагедия категории?..

Если заслуженного писателя шельмуют или замалчивают, как, скажем, было с М.А. Булгаковым, это, несомненно, трагедия. А как быть, если такая же судьба выпала на долю философской категории? Если категорию сознательно извращают, подвергают клевете, замалчивают годами и т.д.? Думается, что в таком случае термин "трагедия" подходит в точном смысле. Давайте посмотрим и рассудим вместе. Речь пойдет о категории "истинность вещи" (*veritas rei*), или, как называют короче, просто об "онтологической истине".

"Онтологическая истина" в средневековой философии означала истинность вещей (*veritas rerum*), определяемая как соответствие существования (*exsistentia*) вещи ее божественной сущности (*essentia*)⁹². Последняя объявлялась духовной и привнесенной в вещь из сверхъестественного мира. Таким образом, онтологической истиной (или онтологической истинностью вещи) называлось соответствие естественного существования вещи сверхъестественной духовной, неизменчивой, на веки вечные константной и божественной сущности. Изменчивое существование должно было соответствовать неизменной сущности, конечное и временное бытие вещей – их вечному и бесконечному бытию, смертное – бессмертному, тварное – божественному. Это позиция "реализма" –

⁹² Латинские формулы этих видов истины дает М. Хайдеггер в своей ставшей популярной работе "О сущности истины" // Разговор на проселочной дороге. М., 1991.

течения средневековой западноевропейской философии. В другой философской школе Средних веков – в номинализме, отрицавшем реальность общих понятий, понимание этой категории носило несколько иной характер. Средневековая теоцентричная философия в лице философских школ "реализма" и "номинализма" признавала и гносеологическую истину – истинность знаний человеческого сознания, которая представлялась постижением онтологической истинности вещей. Средневековый номинализм ограничивал категорию истины лишь сферой гносеологии, т.е. признавал лишь истинность знания: логическую истинность – соответствие одних знаний другим, истинность которых определена заранее, или подкреплена авторитетом, или обусловлена правилами логики, или задана аксиоматически, а также предметную истинность – определяемую соответствием знаний отражаемой действительности. Впоследствии первая получила название "гносеологической когеренции", вторая – "гносеологической корреспонденции".

Кроме рассмотренных видов онтологической и гносеологической истинности у Фомы Аквинского просматривается еще одна интересная мысль о сфере применимости характеристики "быть истинным". Он говорит об истинности вещей, созданных людьми. "Истина состоит в том, чтобы вещь соответствовала интеллекту; так о ремесленнике говорят, что он сделал истинную вещь, когда она отвечает правилам ремесла"⁹³. Истинность таких вещей определяется через их соответствие той идеальной мысли-цели человека, в соответствии с которой люди эту вещь сделали. Это своеобразный вариант онтологической истины. Созданная человеком вещь должна соответствовать тем знаниям (субъективной цели в голове человека), используя которые человек сумел сделать вещь, отсутствующую в природе в естественном виде. Существование такой вещи должно соответствовать не божественной мысли (эссенции), а человеческой. Истинность вещи определяется через соответствие скрытой в ней мысли, но не объективной идее, как у Платона, и не божественному духу, как в средневековой теоцентричной философии, а человеческой. Вещь, изготовленная (произведенная) человеком, должна соответствовать тем истинным знаниям, на основе которых она создана. Тогда она будет онтологически истинной. Самолет, который не летает, хлеб, который нельзя есть, учитель, который не учит, - все это примеры "вещей", которые соответствуют не истинным знаниям или не соответствуют истинным знаниям. В том и другом случае они онтологически ложны. Оставим пока в стороне ясно просматривающуюся интересную мысль, что вся реальность мироздания оказывается в диапазоне от абсолютной истинности до абсолютной ложности. Между этими полюсами находится все, что есть в действительности, и все является единством относительной истинности и ложности в разной степени. Более того, в нашем конечном мире нет абсолютной истины, ибо нет и не может быть абсолютного соответствия существования вещи ее сущности. В мире, где движение абсолютно и покой относителен, все конечные вещи подвергаются внешнему воздействию других (диалектический принцип всеобщего взаимодействия) вещей, деформирующих их существование от полного соответствия сущности. Но для каждой конечной вещи есть собственная

⁹³ Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. Ч. 2. С. 837.

абсолютная ложность – разрушение, уничтожение, смерть, небытие, переход в инобытие.

Материалисты Нового времени в своей борьбе против теоцентричной средневековой философии вместе с ее догматизмом, схоластичностью, теоцентричностью отказались и от онтологической истины. "Вместе с водой выплеснули и ребенка", – как сказал бы классик. Здесь не все ясно, и требуется специальный анализ социальных, гносеологических и психологических причин отказа французскими и английскими материалистами XVII-XVIII веков от возможности "материалистического прочтения" концепции онтологической истины. Возможно, одна из причин – авторитет Аристотеля, на которого ссылались в своих спорах с реалистами средневековые номиналисты, наследниками или преемниками которых считали себя материалисты Нового времени.

Действительно, у Аристотеля есть множество высказываний, которые легко трактуются как определение истинности знаний через соответствие предмету (корреспонденция) или другому знанию (когеренция). Но это не все. Внимательное прочтение работ Стагирита позволяет утверждать, что он вовсе не абсолютизировал гносеологическую трактовку истины, не ограничивал сферу применения понятия "истинно" лишь областью знаний. За неразработанным и неустоявшимся категориальным аппаратом легко различимы контуры применения им характеристики "быть истинным" и к предметам⁹⁴. Чтобы не быть голословным, приведу лишь одно высказывание Аристотеля. "Наиболее истинно то, что для последующего есть причина его истинности. Поэтому и начала вечно существующего всегда должны быть наиболее истинными: они ведь истинны не временами и причина их бытия не в чем-то другом, а, наоборот, они сами причина бытия всего остального, так что в какой мере каждая вещь причастна бытию, в такой и истине"⁹⁵.

И ничего удивительного. Как бы Аристотель ни дорожил истиной, Платон был не просто другом, он был учителем молодого философа из Македонии в течение двадцати лет. Кто учился столько лет у одного учителя, тот поймет это, поймет значение и роль идей Платона для Стагирита.

Для Платона гносеологические истины – это лишь тени онтологической истинности вещей. Вспомним знаменитый образ-аллегория Платона о человеке в пещере. Истины человеческих знаний – лишь слабый отблеск истинности вещей. Конечные предметы, события, явления истинны, если соответствуют своим идеям. Конкретный стол, например, будет истинным, если соответствует идее "стольности" (чтобы увидеть которую Диогену, по меткому замечанию Платона, не хватало ума). Вот откуда растут корни средневекового "реализма" с концепцией идеалистически трактуемой онтологической истины. Возможно, материалистам Нового времени тоже "не хватило ума" понять фундаментальность концепции онтологической истины для философии вообще и материализма в частности по той причине, что и Диогену, – страсть в борьбе с оппонентами. Как

⁹⁴ Подробнее см.: Хазиев В.С. Истина и культура философского мышления. Уфа. 1992; **Он же**. Философское понимание истины // Философские науки. № 9. 1992; **Он же**. Роса истины. Уфа. 1998.

⁹⁵ Аристотель. Соч. в 4-х томах. М., 1975. Т. 1. С. 95.

и во всякой борьбе, в философской тоже бывают невинные жертвы. Ею и оказалась возможность материалистического прочтения онтологической истины, которую можно было бы осуществить еще в XVII-XVIII веках, опираясь на авторитет того же самого Аристотеля. Но Гельвецию, Гоббсу, Локку, Ламетри, Дидро, Кондильяку и другим мыслителям Нового времени почему-то показалось, что онтологическая истина намертво связана с идеализмом и теологией, хотя гносеологическая истина эксплуатируется и тем и другой в не меньших масштабах.

Повторюсь, необходим специальный анализ социальных, гносеологических и психологических причин того, почему материалисты Нового времени нашли материалистическую трактовку гносеологической истины, а онтологическую истину оставили идеализму и теологии, даже не попытавшись найти вариант ее материалистического прочтения. Речь о том, что они сознательно не сделали попытку материалистической интерпретации онтологической истины, хотя в их текстах много высказываний, говорящих об истинности вещей. Абсолютизация гносеологической истины из философии Нового времени перекочевала в "Материализм и эмпириокритицизм" В.И. Ленина (Ульянова), что при известных обстоятельствах превратилось в запрет даже заикаться об онтологической истине, даже с оговорками, что речь – о ее материалистической трактовке.

Материалистическая алетеология (или веритонотомия) до сих пор хромает на одну ногу – на абсолютизацию гносеологической истины. Лет десять назад мне показалось, что материализм и диалектика, освобожденные от идеологических и политических оков, воспрянут и продемонстрируют свою богатырскую мощь. Прогноз не оправдался. Небольшая, но очень крикливая часть отечественных философов занялась огульным охаиванием философии советского периода, другая часть принялась ликвидировать "белые пятна" из истории отечественной и зарубежной философии, третья – начала пересказывать известные достижения диалектического материализма в терминах (зачастую плохо усвоенных) западных философов, выдавая это за философскую новацию. Первое уже наскучило, второе скоро закончится. Что тогда останется делать?

Рост философов, как известно, отличается от роста грибов после дождя. Первым нужна традиция, родная, связанная тысячами нитей с отечественной экономикой, политикой, моралью, искусством, наукой, стилем мышления и чувствования, т.е. нашей общей судьбой.

У материализма и диалектики есть алиби: они придуманы не большевиками, Лениным и Сталиным, они возникли за десятки столетий до них. И переживут тех, у кого "не хватает ума" в страсти борьбы увидеть рациональное не просто в материализме и диалектике, а даже в "диалектическом материализме" советского периода. Как христианская идеология не является тождественной практике инквизиции, так диалектический материализм нельзя отождествлять с практикой большевистского социализма.

Мы неоднократно устно и публично выступали за реабилитацию в материалистической философии онтологической истины, указывая, что абсолютизация гносеологической трактовки лишает категорию "истина" ее общепhilosophического статуса. Она превращается в незначительную категорию лишь

одного раздела философии – гносеологии. Должно быть понятно, что такое ограничение "сферы влияния" не соответствует ее действительной роли и значению. Незаслуженно отрезанная половина категории "истина" – онтологическая истина – сначала оскорбительно унижена непониманием ее места в философии, а затем долгие годы была под идеологическим запретом и ныне замалчивается по инерции консерватизма мышления. Если это не трагедия, то что?

Рассмотрим еще один фрагмент.

"Таковы, – размышлял мистер Пиквик, – и узкие горизонты мыслителей, которые довольствуются изучением того, что находится перед ними, и не заботятся о том, чтобы проникнуть в глубь вещей к скрытой там истине"⁹⁶.

В этой фразе, кроме словесной формы, нет ничего оригинального. Поверхностное знание о вещи (эмпирический уровень) еще не дает полного знания о ней. Чтобы знать все о вещи, надо погрузиться в глубины ее строения, связи частей и элементов, закономерности и т.д. Но формально фраза говорит о другом. Идем в глубь вещей – и там есть истина? В глубине вещи никакой "истины" нет. Там есть вещество – и все. Есть еще структурные связи. Есть движение частиц, влияющих на изменение вещи в целом. Но никакой истины нет. В "глубине вещей" – это образное выражение, а не прямой смысл. Речь о более основательном познании вещей. Если познавательно глубоко проникнуть в глубь вещей, до того уровня, когда существование адекватно сущности, то наше познание достигнет такой точности и полноты, что можно говорить, что наше знание о вещи уже стало истинным. Если мы знаем лишь характеристики существования, то это еще лишь мнение, а не истинное знание. Эту грань между мнением и истинным знанием о вещи искали многие, начиная с Демокрита и до Гегеля.

Не менее страстно шли споры и в XIX-XX веках. Любое поверхностное, но соответствующее действительности знание – истинно. Мяч – предмет, мяч – круглый предмет, мяч – круглый предмет для игры и т.д. — все эти отдельные знания и все звенья цепочки одинаково истинны, хотя отражают разную глубину знания о предмете. Которое знание – мнение, которое – истинное знание, сказать трудно. Можно говорить и по-другому: более богатое, содержательное, многостороннее, более конкретное, полное знание. Можно говорить об уточненном знании, о дополнении прежних знаний. Истина плюс истина равняется истине. Абстрактно можно заняться логическим упражнением: какие могут быть варианты, если к истинному знанию добавить ошибочное или ложное. Можно заняться вычислением математического соотношения процентов истины и лжи в том или ином предметном знании. Все полезно. Все надо делать. Но вещь в себе нечто, называемое "истиной", как элемент своего содержания не имеет. Так же как снег не содержит в себе того, что он причина сугробов. В снеге, являющемся причиной плохой видимости, нет причины, как в вещи нет истины. Но снег – причина сугробов, а вещь, существование которой соответствует сущности – истинна. То, что эти категории являются лишь субъективными

⁹⁶ Чарльз Диккенс. Посмертные записки пиквикского клуба. М., 1984. С. 24.

характеристиками, даваемыми человеком или в результате конвенций, нас не интересует. Это формальная сторона дела, с которой никто не спорит. Нас интересует: что есть такого объективного в снеге-причине и вещи-истине, которые потом выступают как знания?

Снег генетически связан с сугробами. Он их порождает. И вот эта связь – объективна. Знает человек это или не знает, в природе происходят два события, которые между собой связаны. Идет снег – появляются сугробы. Эта связь и называется "причинной связью", где первым по времени и порождающим является снег, который для краткости и называют просто "причиной", подразумевая сказанное выше и полагая, что это банальность и всем само собой понятно. С истиной в вещи аналогичная ситуация. В ней без вмешательства человека происходят всякого рода события (изменения, движения). Среди которых и есть слой (сфера, сторона, аспект, момент, область, уровень и т.д.), где возникают и изменяются разные связи между группой внешних (эмпирических, являющихся, наличных, чувственно познаваемых – можно взять любые иные срезы) и внутренних свойств и функций. Возьмем для ясности лишь один момент: сущность и явление (существование). Эссенцию и экзистенцию, как говорили в средневековой философии. В каком-то фрагменте исследования вещи, в каком-то ограниченном аспекте ее рассмотрения, когда вещь берется как нечто раз и навсегда заданное, неизменное, определенное, ее существование должно соответствовать ее сущности. Это "должно" не зависит от человеческих симпатий и антипатий. У каждой вещи своя сущность, определяющая ее статус бытия в этом мире. Сущность снега отличается от сущности ромашки так, как их сущности отличаются от сущности дельфина или человека. У каждой снежинки, ромашки, дельфина и человека, в свою очередь, своя сущность. И их сущность делает их тем, чем они отличаются друг от друга и чем близки к множеству однородных предметов. Исследуя вещь, мы начинаем с существования, за которой скрывается сущность. Познав не только параметры существования, но и параметры ее сущности, мы можем говорить о более полном и точном знании предмета, т.е. о переходе от лишь мнения о вещи к истинному знанию о ней. В ходе исследования нам становится ясно, что у исследуемой вещи сторона существования определенным образом взаимосвязана с ее сущностной стороной. Характер этой взаимосвязи может быть различным. Сущность может быть сильно или слабо выражена в существовании. Существование под воздействием внешних обстоятельств может иметь такие отклонения от своей сущности, что станет не просто установить, о существовании какой сущности идет речь. Любая вещь во взаимодействии с другими вещами способна воспроизводить и сохранять через свои собственные свойства отраженные свойства воздействующих вещей. Эти следы-отражения могут так изменить, так загроздить собственные внешние данные (параметры существования), что для их обнаружения необходимо будет отдельное исследование. То есть сначала необходимо будет за видимым существованием вещи обнаружить ее собственное (истинное) существование, отделив отражение-следы от собственных внешних признаков, свойств и параметров. А после этого уже выяснять, как эти признаки существования взаимосвязаны с признаками сущности. Но отражение-следы (свойства других

предметов, накладывающихся на свойства отражающей вещи) могут так деформировать, подавить, отменить, затормозить, запретить, заменить, изменить, уничтожить собственные параметры существования вещи, что они перестанут соответствовать и зависеть от ее сущности. Сущность одна, а существование – совсем другое или частично другое. Иногда баранья сущность может принять форму волчьего существования⁹⁷. Такие изменения могут происходить без участия и присутствия человека, т.е. объективно. Вот эту взаимосвязь между существованием вещи и ее сущностью и называют "онтологической истинностью" вещи. Существование должно соответствовать сущности – таков закон, норма, естественность. Эта связь и есть "истинность" вещи. Определение этой связи и есть достижение истины вещи. Когда Диккенс говорит: "проникнуть в глубь вещей к скрытой там истине", – речь идет об установлении того, какая сущность определяет наличное существование в норме, т.е. в ситуации, когда ничто на эту вещь не оказывало бы никакого внешнего воздействия, заставляя ее "воспроизводить и сохранять" следы этого воздействия не теле собственных свойств и функций, через искажение собственных параметров существования. Истина вещи в ее чистом виде такая же абстракция, как и любой закон. То, что вода кипит при 100°, чистейшая абстракция: нет такой воды, такой температуры и кипения. Все это было бы возможно лишь в таком мире, где кроме этого процесса ничего нет. В реальном мире в действительности миллиарды известных и неизвестных человеку обстоятельств искажают эту процедуру. Если это искажение примет такой характер, что существование воды перестанет соответствовать сущности воды, мы будем иметь "ложную" воду: например, имеющую такой состав, что ею можно травить сорную траву. Истинна та вещь, существование которой соответствует ее сущности в диапазоне от единицы до нуля. Стопроцентное соответствие (доступное, видимо, лишь Богу, если он – один-единственный в мире, и никто не может на него извне воздействовать) существования сущности – абсолютная истинность вещи. Нулевое соответствие, точнее, полное несоответствие (под воздействием других вещей) существования вещи ее сущности дает абсолютная ложность вещи. В диапазоне между этими полюсами лежат возможные варианты реальной действительности вещи, как процентное (частичное) соотношение ее истинности и ложности. В нашем мире нет и не может быть абсолютно истинной вещи, ибо нет абсолютного покоя, тем самым абсолютно изолированной вещи. Принцип всеобщей взаимосвязи и взаимодействия этот вариант из нашего конечного бытия исключает. Все существующее и действительное обречено на воздействие внешних вещей, тем самым на отклонение существования от сущности.

С истиной вещей все более или менее ясно и понятно. А вот о ложности необходимо поговорить несколько подробнее. Полное несоответствие своей сущности – абсолютная ложность – для конечных вещей не только возможность, но и трагическая необходимость. Абсолютная ложность – состояние, когда существование полностью не соответствует сущности. Иначе сказать, сущность бессильна уже удерживать что-либо из форм собственного существования.

⁹⁷ См. Хазиев В.С. Философские миниатюры // Здравый смысл. № 2. 2001.

Существование становится под воздействием внешних обстоятельств, условий и вещей настолько не собственным, настолько нагруженным, перегруженным, наспигованным отраженными свойствами других вещей, отражением-следов, настолько деформированным, настолько отклоненным от собственных параметров, что сущность не может помочь удержаться на плаву бытия. Вещь полностью теряет свою истинность и приобретает полную ложность – небытие, смерть, разрушение, переход в иное. Ложность вещи – это конец ее бытия, определенного рамками (нормой) соответствия существования сущности. Потеряв последнюю каплю (процент) истинности, вещь перестает быть сама собой даже в искаженной, деформированной до неузнаваемости форме и переходит в нечто иное. Абсолютная ложность конечной вещи – это ее смерть в ранее существовавшей норме бытия и рождение иной вещи с собственными нормами соответствия существования сущности.

Абсолютная истина, или абсолютная истинность – это абсолютная полнота, единство, изоляция и одиночество, исчерпанность, внешняя завершенность и недоступность, непроницаемость и отсутствие возможности отражения чего-либо, ибо ничего вне этой вещи нет, не существует. Абсолютная ложность не требует такой полноты и изоляции. Весь мир может продолжать свое существование, но нет лишь самой этой вещи ("меня"). Абсолютная истинность требует внешней полноты бытия, а абсолютная ложность – лишь собственной, внутренней, конечной, ограниченной. Чтобы быть абсолютно истинным, необходимо стать Абсолютом, Богом. Чтобы быть абсолютно ложным, достаточно перестать быть самим собой, потерять свою норму соответствия существования сущности. Первое в нашем мире абсолютно невозможно, ибо движение абсолютно, а покой относителен. Второе для каждой конечной вещи абсолютно необходимо в силу какой-то предустановленности, конечности конечного, исчерпаемости конечного, ограниченности конечного, т.е. по его сущностной определяемости. Все, что действительно, будет ограниченным, следовательно, должно погибнуть, стать рано или поздно абсолютно ложным. Но смерть, абсолютная ложность, не есть небытие, а лишь, хоть и печальное и не очень приятное, инобытие. А абсолютная истина дала бы вечную, но неподвижную жизнь. Богу как-то очень повезло, крупно повезло, что возник мир. А не должен был возникать, если бы Бог был абсолютной истиной. Видимо, капля печали в абсолютной истинности Бога была, и она его разрушила, толкнув и заставив пошевелиться. Ничто не мешало ему быть самим собой так, чтобы существование соответствовало сущности всегда и во всем. Но что-то там не сладилось... Возможно, в этом и есть великая мудрость всех религий – в предостережении не стремиться к абсолютной истине, а повнимательнее приглядеться к реальной возможности абсолютной ложности.

Смерть безвременная – когда внешние обстоятельства (случайность) так искажают существование, что сущность не может удержать его параметры. Наступает разрыв (кризис) между существованием вещи и ее сущностью. Это неинтересно. Интересен механизм того, почему существование вещи, накапливая отражения-следы, теряет силу для соответствия своей сущности. Откуда эта "усталость"? Блаженны нищие духом, которые ничего не накапливают? Но они

телесно не в силах не накапливать, и поэтому тоже телесно смертны. Телесная смерть понятна. А что же тогда с духовной? И здесь накопление отражение-следов ведет к смерти? В великой мудрости – великая печаль? Такая великая, что равна смерти? А духовная смерть – это инобытие, как для всего конечного, или же небытие как для Абсолюта, абсолютной Истины?

Эти два вопроса – главные.

1. Почему накопление отражений-следов в материальном совпадает с механизмом обессиливания, ослабления существования в соответствии с сущностью? Почему жизнь есть путь к смерти, а не усиление жизни, как должно быть по логике?

Ответ мы уже нашли: накопление отражений-следов ведет к умерщвлению собственных параметров существования, к замене, подмене чужими, что рано или поздно ведет к катастрофе разрыва сущности и существования, т.е. к абсолютной ложности конечной вещи и переходу ее в иное вещественное (материальное) бытие. Нарушается норма, определенная для абсолютного бытия, видимо, Абсолютом, материей (материальностью).

2. Таков ли механизм соотношения абсолютной истины и абсолютной ложности для духовной жизни? Этот вопрос остается открытым. Тут ответа пока нет. Но логика поиска просматривается достаточно ясно⁹⁸.

Хочу верить, что мне и моим молодым коллегам, ученикам⁹⁹ удалось, хотя бы чуточку, стронуть с места тяжелый воз несправедливого отношения к "онтологической истине", или "истинности вещей", разработка которой откроет новые методологические горизонты трактовки вечных проблем философии.

Долгий рассказ о трагедии категории "онтологическая истина" имеет прямое отношение к рассматриваемой в данной работе теме о роли исторической памяти в формировании исламской системы образования в новой России. Как мы уже неоднократно повторяли: историческая память – не только феномен сознания. Она входит в социальную реальность настоящего вместе с живой и овеществленной памятью людей. Она есть отражение-след в настоящем (в предметах и событиях). Она причинно влияет на принятие решений и результаты деятельности каждого человека. Она входит в оценки прошлых, настоящих и будущих событий. Она является судьей ("суд времени") справедливого воздаяния за истину, добро и красоту, а также "рекой забвенья" (Летой) для имен, незаслуженно вознесенных и за содеянное зло, ложь и уродство.

Историческая память при формировании основ исламской системы образования новой России выполняет не только эти, но еще множество других частных функций. Например, она может помочь человеку увидеть (понять) собственную онтологическую истинность, т.е. понять, кто ты есть на самом деле перед ликом Абсолюта, Всевышнего, высшей Истины. Может помочь понять, как ты живешь или прожил уже часть своей жизни. Может подсказать, в чем смысл твоего

⁹⁸ Об этом см. Хазиев В.С. Истина человеческого бытия // Бытие. Под ред. А.Ф. Кудряшева. Уфа. 2001.

⁹⁹ См.: кандидатские диссертации Ильясова Р.Р., Дреминой М.И., Шарипова Р.А., Рудакова А.М., Абдрашитова Ю.Ф., Латипова А.Д., Ахметова А.Р., Гареева А.Р., Изимариевой З.Н., Асадуллина А.Р., Суторминой Н.В., Фирстова А.Б., Лукьяновой Р.А. А также докторские диссертации Мухамедьянова С.А., Урманцева Н.М., Вильдановой Г.Б., Канапацкого А.Я., Авдониной А.Н., Столетова А.И., монографии, статьи и доклады Вербицкой Г.Я., Бакаева Р.С., Хусаиновой А.Х., Комаровой Л.А. Муллагалиевой Л.К.

индивидуального бытия: в накоплении материального или духовного богатства, в творчестве или любви, в потомках или добрых делах и т.д. Как часть духовной и материальной культуры историческая память также обладает и онтологической, и гносеологической истинностью. И эти ее ипостаси влияют на наши чувства, мысли, слова и дела. Если упростить до схемы, то можно сказать: какой по своей онтологической истинности будет наша историческая память, такой и будет фундамент создаваемой ныне исламской системы образования новой России.

§ 2.

АНТИЧНЫЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УЧЕНИЯ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТИННОСТИ ЧЕЛОВЕКА¹⁰⁰

Мы уже неоднократно писали и говорили, что критерием слов и дел при построении новой российской системы исламского образования должно выступать счастье человека. Счастье – это тогда, когда человек жив, здоров, свободен, его семья материально обеспечена и когда он живет в согласии с собой, с людьми и с остальным миром. То, что будет создавать враждебные обстоятельства для этого, должно быть элиминировано, устранено, запрещено как морально, как и в правовом поле бытия общества и человека. При всей своей простоте этот критерий архисложный, ибо наталкивается на «вечный вопрос» философии, религии, науки – вопрос о сущности человека, о его идеальности, отличной от реальности, о его истинности и ложности. Особое место занимают пары «идеальное и реальное», «истина и ложь».

Идеальное имеет множество определений и трактовок. Два из них наиболее общеизвестны и распространены.

Идеальное как синоним человеческого сознания, рассматриваемое как противоположность материального в рамках решения основного вопроса философии. В этом варианте "идеальное" близко к синонимическому ряду "субъективное", "психическое", "внутренний мир человека".

И идеальное как совершенное состояние чего-либо, противоположное его реальности. В этом смысле категория "идеальное" может быть применена по отношению ко всему: и к материальным объектам, и субъективным явлениям. Речь будет идти об их эталонном, совершенном состоянии. Попутно вспомним, что в средневековой философии спор между номиналистами и реалистами как раз и шел по поводу того, существует ли объективно в несовершенной вещи ее эталон, ее совершенный (идеальный) божественный образ, сущность, идея. В дальнейшем нас будет интересовать этот второй вариант: идеальное как совершенный образец несовершенных реальных вещей, событий и отношений.

Для чего такие продолжительные экскурсы в философские глубины и просторы в конкретной теме, заданной в названии книги, мы уже неоднократно говорили: чтобы знать в полной мере то, что мы сегодня делаем. Половинчатые знания – не просто неполные, а из-за своей неполноты опасные, ибо результат непредсказуем. Руководство такими знаниями может обернуться для людей дорогой в ад с благими намерениями. "Слепые поводыри для незрячих" – это как раз об этом. Философские категории "реальное" и "идеальное" отражают факт, что в

¹⁰⁰ В этом параграфе использован с его согласия материал совместной работы с Латиповым Амиром Джанибековичем.

несовершенном мире есть пространство для развития, для прогресса, для движения к лучшему, к более совершенному, к красоте, к истине. Идеальное в этом смысле близко к понятию "сущность". Достичь идеального состояния чего-то (вещи, события, отношения) означает довести его до абсолютного совершенства, когда его существование будет соответствовать сущности. Но "соответствие существования сущности" – это формула онтологической истинности вещи. Следовательно, идеальное состояние вещи – это истинное ее состояние или, проще сказать, "истина вещи". Идеальное как совершенное отличается от реального, конкретно существующего в предельных и ограниченных пространственно-временных параметрах.

Например, реальные газы всегда отличаются от «идеальных газов», которые описываются законами химии. При этом ученые не сомневаются в том, что они нашли закон объективной реальности, хотя никто из них никогда не имел дело с идеальным газом в реальности. Также и реальные физические явления отличаются от их идеальных математических моделей. Говоря старомодным философским языком, «физика» мира, т.е. его эмпирия, не совпадает с «метафизикой», или умопостигаемой сущностью, основанием. В иных терминах та же ситуация описывается как различие между историей предмета и его логикой. Идеальное в этом, втором, смысле обозначает совершенство объекта. Быть идеальным – значит, быть эталонным образцом во множестве родственных, однородных элементов, объектов и систем. Идеальное – это своеобразное всеобщее основание, в ближайшей периферии которого единичные представители данного рода (элементы множества) могут варьировать свои конкретные пространственно-временные реалии. В определенном смысле идеальное – это всеобщий родовый закон для данного множества (рода) предметов, событий процессов и т.д. Идеальное – абсолютное тождество реальных однородных элементов определенного множества. Идеальное – это тот минимум обязательных, необходимых связей, который определяет принадлежность единичного предмета данному роду или множеству. Идеальное есть то родовое качество, утеря которого ведет к гибели, уничтожению, небытию. Идеальное – это то ядро, которое должно просвечиваться за любым клубком конкретно-исторических реалий объекта. Идеальное – это то, что остается неизменным, стабильным до тех пор, пока есть хоть один представитель данного рода однородных элементов. Представители рода могут с любой скоростью рождаться и умирать, сменяя поколения за поколениями, а их "идеальное" будет оставаться неизменным. Идеальное "сидит" внутри каждого реального элемента данного множества. В этом смысле средневековые реалисты были правы, что реальное объективно. Ну, от Бога сие или нет – это уже другой вопрос и другой ракурс рассмотрения.

Как уже говорили, реальное и идеальное не совпадают. Абсолютное их совпадение возможно лишь в идеале, который может быть рассмотрен только как перспективное схождение никогда не пересекающихся параллелей в Евклидовой геометрии. То есть абсолютная онтологическая истинность возможна лишь как идеал реальных вещей. В нашем конечном (тварном, дольном) мире онтологическая истинность всегда относительна. Хотя при детальном

рассмотрении можно выделить и абсолютно истинные состояния вещей и событий в рамках заданных масштабов. Например, можно говорить, что смерть в онтологическом плане есть всегда абсолютно истинное небытие.

Тем не менее, реальность и идеальность всего существующего находятся в неразрывной связи. И сходятся они в категории «истина», которая стягивает их в единый узел. Истинность всего: и материального, и духовного – определяется мерой совпадения реальности с ее идеальным состоянием. Чем ближе реальность предмета к идеальности, т.е. эталонному состоянию, тем ближе относительная истинность объекта к абсолютной истинности. Ясно, что все существующее – истинно. Относительно истинно. И всему оставлено пространство для движения к своей идеальности. Но трагедия элементов конечного (тварного) мира в том, что движение реальных вещей на векторе времени (независимо от того к совершенству или несовершенству они движутся, т.е. к истине или лжи) неумолимо идет к абсолютно истинному небытию, к смерти. Поэтому истинность, или идеальность, чего-либо имеет значение только для настоящего, конечного, реального бытия. Можно быть святым или негодяем – все равно умрешь, но ценность быть святым для настоящей жизни бесценна, т.е. онтологически абсолютно истинна.

Идеал, где реальное полностью совпадает (тождественно) с идеальным, и означает абсолютную онтологическую истинность. Все другие пропорции соотношения реального с идеальным дают лишь различные количественные варианты относительной истинности объектов. Чем далее реальность существующего от его идеальности, тем оно менее истинно, тем более оно удалено от абсолютной истинности, тем более оно относительно истинно. Если этот вектор продолжить до предела, если рассмотреть вариант, когда реальность предмета уже настолько далеко ушла от его идеальности, что не осталось ничего общего, ни единой точки соприкосновения, что они стали диаметрально противоположными полюсами, т.е. произошел «полный (абсолютный, стопроцентный) разрыв», мы увидим абсолютную неистинность предмета, или его ложность.

Ложность означает, что данный единичный предмет уже не принадлежит этому роду, не подчиняется его законам, что он нарушил меру всеобщего основания, сути бытия данного рода объектов. Он нарушил меру пределов бытия данного множества, данной системы. Он «погиб» для этого рода, оказался за чертой этого рода, вне его зоны, вне его границ, вне его определенности, утерев начисто (абсолютно) качество, присущее элементам данного множества. Прежнее единство «физики» и «метафизики» оборвалось. История полностью разошлась с логикой. Случайные аспекты бытия предмета оторвались начисто от прежних необходимых, закономерных основ. Здесь явление утерало свою сущность, и внешнее так далеко ушло от внутреннего, что потеряло всякую с ним связь. Применительно к людям данные рассуждения еще более иллюстративны. Человек остается человеком до тех пор, пока в нем есть хоть малая толика чего-то от "идеального человека", от образца человека, от эталона человека. И чем дальше человек отдаляется от этого эталона, т.е. чем меньше в нем относительной онтологической истинности и чем больше в нем относительной онтологической

ложности, тем меньше этот конкретный человек соответствует понятию "человек". В нем накапливается что-то уже не из мира людского, не из мира разумных существ, что-то такое, что означает умирание, затухание, ослабление "человеческого в человеке". В пределе может получиться "нелюдь" – существо биологического вида "гомо сапиенс", но по существу своему абсолютно не человек. Существо, когда человеческое существование абсолютно не соответствует сущности человека. В этом существе "идеально" человеческого ничего не осталось, реалии человеческого есть всего лишь бутафория, шелуха. Таков портрет онтологически ложного человека.

На дистанции от абсолютной истинности (полного совпадения реального с идеальным) до абсолютной неистинности, или ложности (полного несовпадения реального с идеальным) расположена шкала относительной истинности предмета, какой бы масштаб и единицу измерения его действительности мы не выбирали.

Все действительное не только относительно истинно, но и истинно относительно, ибо все действительное есть лишь внутри двух пределов – Бытия и Небытия, связывающих два полюса: абсолютную истинность и ложность. Ложность градаций не имеет: полуправда есть ложь, как и полупорядочный человек – всегда подлец.

В русле рассмотренных выше тем о роли исторической памяти в формировании системы исламского образования новой России категории "идеальное и реальное", "истина и ложь" играют мировоззренческую функцию. Без понимания и без использования категорий "истина", "добро", "красота", без понимания диалектики понятий "реальное" и "идеальное" невозможно в жизни достичь чего-либо благостного, достойного жизни, соответствующего разумности, приемлемого для вечности. Идеальная историческая память – это тот элемент социума, который связывает на векторе исторического времени то, что есть в людях идеального, что приближает их к абсолютному совершенству; на языке религии – к Богу. Система исламского образования новой России в идеале должна готовить людей к развитию в этом направлении: к онтологически абсолютной истинности, то есть к божественному совершенству. Четко понимая при этом, что это – идеал. Идеал недостижим, но он присутствует во всем неидеальном как основа, как фундамент бытия. Реальность, оставшаяся без идеальной основы, обречена на онтологическую ложность, уродство и зло, обречена на небытие.

Чем далее реальность уходит от абсолютного совпадения с идеальностью, тем слабее истинность предмета и тем сильнее в нем его потенциальная ложность. Относительная истинность и представляет собой диалектику истинности реального с его возрастающей потенциальной ложностью.

Реальное представляет собой всегда сочетание действительной истинности с возможной ложностью. Абсолютная действительность истинности означала бы нулевую возможность ложности, что было бы полным совпадением реального с идеальным, т.е. идеалом, эталонным образцом, совершенством.

А на другом полюсе, где действительность истинности иссякает до нуля, ложность из возможности переходит в разряд действительности, замещая истину, отодвинув её в зону неопределенной бесконечности, в зону возможного.

Идеальный человек должен быть, следовательно, онтологически истинным. Что есть «онтологически истинный человек»? Для определения истинности человека необходимо определить критерии истинности социума. Социальные условия жизни людей включают как материальные, так и духовные элементы. Непрерывность исторического процесса проявляется в том, что обе стороны общественной жизни развиваются в тесном взаимодействии, сохраняя при этом относительную самостоятельность. Диалектика материальных и духовных компонентов общественной жизни определяет логику развития представлений людей о себе и о мире, в котором они живут. В интересующем нас аспекте – также и об онтологической истинности человека.

Интерес к себе, к тайнам своего бытия у человека возникает в глубокой древности. Можно заняться социальной реконструкцией и увидеть в мифах отражение реальных общественных процессов. В мифах о переходе власти от Урана к его сыну Кроносу, потом к сыну последнего Зевсу есть отголоски конкретно-исторических событий Древней Греции.

Порядок ("космос") в мыслях соответствует тому "космосу" жизни, которого достигают люди в своем общественном бытии. Переход от матриархата к патриархату, от родоплеменного общественного устройства к государству, появление такой общности, как народность и парная семья, – все так или иначе отражается в представлениях людей о себе и своей истинности, об истинности своего бытия. Мифология передает эстафету познания человека философии. Учение о бытии (онтология) возникает как главная составная часть философии уже в момент ее зарождения. Поиск "первовещества" натурфилософами милетской школы (Фалес, Анаксимен) был первым опытом построения антропологически ориентированной онтологии в западноевропейской философской традиции. Аристотель писал: "Большинство первых философов считало началом всего одни лишь материальные начала, а именно то, из чего состоят все вещи, из чего как первого они возникают и во что как в последнее они, погибая, превращаются, причем сущность хотя и остается, но изменяется в своих проявлениях, – это они считают элементом и началом вещей... Фалес – основатель такого рода философии – утверждал, что начало - вода... Анаксимен же... что воздух первее... воды... Гераклит из Эфеса – огонь"¹⁰¹.

История философии свидетельствует, что любая философская система так или иначе вынуждена отвечать на вопрос о том, как устроено мироздание, как оно существует, как изменяется, что в нем пребывает и что прибывает, какое место в этом мироздании занимает человек и в чем смысл его жизни, его бытия. Диалектика бытия и небытия (жизни и смерти), движения и покоя, сущности и явления, возможности и действительности, формы и содержания станет предметом философских занятий на тысячелетия. Будут созданы сотни различных материалистических, объективно и субъективно идеалистических, дуалистических, деистических, пантеистических, иррациональных концепций бытия и небытия мироздания, общества и человека. Нередко понятие "бытие"

¹⁰¹ Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 1. М., 1976. С. 71-72.

само будет обозначать мироздание в его данности, в его многообразном единстве и едином многообразии.

Разделив мир на "физику" и "метафизику", философы хотели отдельно рассмотреть то, что в бытии изменчиво, и что остается инвариантным. Такое разделение было попыткой уйти от трудности, которая возникала как следствие представления, что в мире все течет, все изменяется. Гераклит весьма умеренно говорит, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды. "На входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз другие воды"¹⁰². Но в логическом пределе получается так, как считал Кратил, что вообще ни разу невозможно войти в одну и ту же реку, ибо все непрерывно и необратимо меняется. Он считал, что нельзя войти в реку и один раз¹⁰³. Возникла необходимость как-то закрепить и другую очевидную достоверность: мир не только безостановочно изменяется, но и все изменяющееся пребывает в состоянии саморавенства, относительной стабильности, устойчивости, качественной определенности. Так возникла "метафизика" как учение о том, что в изменчивом мире что-то остается неизменчивым, инвариантным, константным. "Фюзис" – та сторона бытия, которая подвержена динамике, изменению, движению, а "метафюзис" – сторона, которая устойчива и постоянна. "Фюзис" – внешняя, мимолетная действительность бытия, а "метафюзис" – внутренняя, вечная. В "фюзисе" все конечно и ограничено, а в "метафюзисе" – бесконечно и вечно. Бытие в своем "фюзисе" многолико и дискретно, а в "метафюзисе" едино.

Разделение бытия на «фюзис» и «матафюзис» позволило сделать первые шаги в разделении человека на «тело» и «душу».

Такое представление обогатило учение о бытии и дало толчок к диалектичному представлению о противоречивости бытия как единства "фюзиса" и "метафюзиса", внешнего и внутреннего, движения и покоя, многообразного и единого, дискретного и целого. Мироздание есть движущееся единство, целостный универсум. Учение о бытии (онтология) по мере своего развития становилось диалектичным, ибо таково его бытие, суть и существование¹⁰⁴. Деление на сущность и существование придет позже, тоже как попытка выйти из очередного затруднения в понимании бытия и мироздания, и человека.

Дуализм в понимании бытия привел к усложнению познания. Удобное и упрощенное представление, что "фюзисная" часть бытия познается чувствами, а "метафюзисная" – умом, сразу же показало свою ограниченность.

Атомизм Демокрита предполагал, что атомное строение вещей – это внутренняя, метафизическая, умопостигаемая, сущностная сторона, познание которой дает истинные знания. А познание внешней "фюзисной" стороны с помощью органов чувств дает лишь правдоподобные знания (мнение). Чувственное познание, таким образом, оказалось совершенно неспособным претендовать на истину. Но не потому, что оно само по себе плохое, а потому, что в его предмете – в "фюзисной" части бытия – нет истины. Истины вещей, как и истина бытия в целом, оказались скрытыми (сокрытыми) во внутренней,

¹⁰² Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. С. 209.

¹⁰³ См.: Фрагменты ранних греческих философов. С. 552.

¹⁰⁴ См.: Фрагменты ранних греческих философов. С. 209, 552.

умопостигаемой, "метафюзисной" части. Взгляд, что в "фюзисной", чувственно воспринимаемой части бытия движение есть, а в "метафюзисной", умопостигаемой, движения нет, приводил к парадоксам. Если ограничиться тем, что видишь, то Ахиллес догонит и перегонит любую движущуюся черепаху, так дело обстоит со стороны "фюзиса". А если на это событие посмотреть в его "метафюзисном" аспекте, т.е. попытаться понять умом, то получается, что Ахиллес никогда не сможет догнать черепаху (апории Зенона). Так догонит или нет? Чему верить: глазам или уму? Какой мир настоящий (истинный), чувствуемый или "умозримый"? Ответы были разные, порой диаметрально противоположные, и поэтому все одинаково неокончательные и неудовлетворительные.

Призыв искать истину в метафизической, умопостигаемой глубине вещей (бытия) был услышан Платоном, который углубил трещину между "фюзисом" и "метафюзисом" до пропасти. Они из сторон бытия превратились в отдельные миры: "мир идей" – метафюзис, "мир вещей" – фюзис.

Внутренняя противоречивость бытия предстала в объективном идеализме Платона как внешнее противоречие между бытием мира идей и бытием мира вещей. Философская онтология теперь должна была включить в себя два учения о бытии: онтологию идей и онтологию вещей. При этом у Платона, как и у Демокрита, высшая истина оказалась спрятанной в мире умопостигаемых идей. Но целый мир вещей не мог остаться вообще без истинности, поэтому Платон вынужден был дать ему статус истинности, но оговорив его "второсортность" перед истинами мира идей. Громоздкость конструкции выявила скрытые противоречия.

Во-первых, "метафюзис", понимаемый Демокритом как "мир атомного строения", а Платоном как "мир идей", уже не мог обойтись без движения.

Во-вторых, "фюзис", трактуемый как "мир конечных вещей", в свою очередь, не мог оставаться уже лишь динамикой, изменением, движением, а потребовал дополнения поисками собственной устойчивости, константности, инвариантности.

Разделив онтологию на "мир идей" и "мир вещей" для каждого в отдельности, нужно было начать все с начала, т.е. рассмотреть единство движения и покоя каждой стороны в отдельности. Диалектика дополнила свое содержание уточнением, что противоречиво не только бытие в целом, но и в каждой своей части, стороне, аспекте или элементе.

В-третьих, если "фюзис" и "метафюзис" каждый в отдельности имеют характер полноты, самодостаточности, представляют единство движения и изменения, внутреннего и внешнего, многого и единого, то каждый из них имеет свою собственную и единую истинность.

В-четвертых, познание обеих сторон бытия одинаково включает единство чувственного и разумного познания. "Фюзис" имеет свои чувственные и умопостигаемые аспекты, как и "метафюзис" – свои.

Человеческое чувственное познание всегда разумно, а разумное познание по-человечески чувственно. Следовательно, истинность присуща как "метафюзису", так и "фюзису". Истина скрыта (сокрыта), но не за "фюзисом", а от человека.

В интересующем нас аспекте итог античных исканий следующий. "Истину" можно искать как в "метафюзисе", так и в "фюзисе" и с помощью чувств, и с помощью ума. Отметим, что у Платона в "мире идей" каждая идея – истина, ибо идея – это совершеннейший образец, эталон бытия. "Истинность" у Платона – характеристика не только человеческих знаний (чувственных и умозрительных), но и идей и вещей. Истинность вещей определяется их соответствием собственным идеям. Чем ближе вещь к своей идее (совершенству, эталону), тем она более истинна. Чем дальше вещь от своей идеи, тем она менее истинна и более, получается, ложна, неистинна. Здесь речь как раз об искомой нами "онтологической истине". Вещь истинна, если она соответствует своей идее.

У нас есть полное основание утверждать, что уже в античности существовал взгляд, согласно которому "истинность" есть характеристика не только знаний (гносеологическая истина), но и вещей (онтологическая истина). При таком понимании "истина" будет общефилософской категорией со всей вытекающей из этого значимостью. Если считать "истинность" лишь характеристикой знаний, она станет лишь гносеологической категорией. Тоже немало и очень важно, но в этом случае значимость ограничена лишь сферой знаний и их взаимоотношений с вещами. Нас будут интересовать понятия "истина" и "истинность" как общефилософские категории, прежде всего их онтологическая сфера применения. Долгий спор о том, применима ли характеристика "быть истинной" к вещам, продолжается и сегодня ¹⁰⁵.

Признание "истинности" в качестве характеристики не только знаний, но и вещей – не современная выдумка, а имеет тысячелетнюю историю, уходящую корнями, как видим, в античность, в частности, к учению Платона об идеях.

Истины как ума, так и чувств находятся в бытии, которое само в себе содержит свою истинность во всех своих частях, аспектах, сторонах и элементах.

Аристотель – создатель классической концепции истины – подчеркивает два момента.

Во-первых, чтобы знание было истинным, оно должно соответствовать действительности. Такая концепция ныне называется "гносеологической корреспонденцией" в отличие от логической истинности знаний ("гносеологической когеренции").

Во-вторых, свойство, которое мы в суждении приписываем объекту, говорит Стагирит, на самом деле должно быть соединено с этим объектом. Только тогда наше суждение будет истинным. Если мы говорим, что "этот человек болен", то наше суждение будет истинным лишь при условии, что болезнь "соединилась" с человеком. Если он лишь симулирует болезнь, наше высказывание будет ложным, даже если мы этого не знаем. Другими словами, человек сам по себе может быть истинно больным или симулянт. Истинно больным он становится независимо от того, знаем мы о нем что-либо или нет. Он заболевает объективно и вовсе не по причине того, что мы о нем что-то говорим и знаем.

Но это и есть вариант "онтологической истины". Речь идет не об истинности знаний о больном, а об истинности болезни человека до всякого о том знания.

¹⁰⁵ См.: Хазиев В.С. Роса истины. Уфа, 1998.

Если в здоровье человека нарушены нормы, то он истинно больной, независимо от того, знает ли кто-либо об этом или нет. Человек может быть многие годы истинно больным, но не подозревать об этом.

Этот второй момент авторы, рассматривающие взгляды Аристотеля на истину, почему-то игнорируют. Видимо, в силу традиции в нашей отечественной философии советского периода абсолютизировать гносеологические концепции истины и истинности, т.е. считать "истинность" лишь характеристикой познавательных образов.

Но онтологическая концепция истины имеет тысячелетнюю историю и весьма продуктивна методологически. В конце концов, мы хотим, чтобы истинно человеческой была сама наша жизнь, а не только знания о ней.

Неоплатоники концепцию "истинности бытия" довели до логического завершения, придав законченный вид. Мир есть эманация Единого, которое есть суть и основа всего, что есть в универсуме. Каждый фрагмент бытия, каждый момент в каждой вещи и событии истинен, если он соответствует Единому. Так как полное соответствие может быть лишь Единому самому себе, то оно, Единое, и есть абсолютная истина. Все остальное в универсуме – лишь часть, фрагмент, аспект, сторона Единого, поэтому может соответствовать ему лишь частично и быть лишь в этой мере относительно истинным. Все в этом мире лишь относительно истинно и несет в себе частичку искажения, несоответствия, уродства, зла и ложности.

Неоплатонизм, завершая античность, соседствует с христианством и передает эстафету Средним векам. Философия этого периода не могла уже не коснуться вопроса об истинности человека.

В аспекте нашего исследования интересны два момента. Во-первых, истинность человека, как и всего в этом мире, определяется через его соответствие Единому.

Во-вторых, хотя и неявно, но достаточно определенно неоплатонизм говорит об особой роли и месте человека в мироздании.

Человек – единственное существо, которое, благодаря наличию разума, само может изменить степень своего соответствия Единому, т.е. может изменить свою относительную истинность в направлении к абсолютной истинности Единого.

Возвращаясь к теме книги. Исламская система образования новой России должна ориентировать человека к активной деятельности на основе ясных гуманистических идеалов и ценностей. Пассивная просьба, даже многократно повторяемая, не ведет к истине, к совершенству, к Богу. Необходим труд: как репродуктивный (работа в современном смысле как деятельность по внешней необходимости и для утилитарного результата), так и творческий (в любой рутине нужно искать и можно найти радость новизны). Этому (чувствовать и понимать радость жизни) тоже надо учить. Понимание человека в средневековой философии (и в западноевропейской, и в арабо-мусульманской) ориентировало человека на активную деятельность, толкуя это как элемент человеческой идеальной (божественной) сущности.

У порога уже стоит христианство, которое привнесет в холодные рассуждения античных мыслителей о космоустройстве и онтологической истине (истинности бытия) много субъективного, трепетно личностного, индивидуально

переживаемого. "В христианстве личностный подход не просто повышается в ценности и значимости, но даже вытесняет на вторые, глубоко второстепенные позиции царивший прежде онтологический подход к миру"¹⁰⁶. Уже у неоплатоников просвечивает мысль: устремленность человека к абсолютной истинности – это горячее желание быть счастливым. Униженная во времена Демокрита чувственность потребует в Средние века сатисфакции, и порой будет казаться, что она взяла реванш. Но человек, как и мироздание, един в своем многообразии и многообразен в своем единстве.

Онтологическая истинность человека – это уже тема не античности, а будущей эпохи, ибо "душа, как ее трактовали в античности, вовсе не есть личность"¹⁰⁷.

Теоцентричная философия Средних веков по-своему нарисовала картину мироустройства и места человека в нем. Абсолютным исходным началом стал Бог – персонифицированное духовное начало, вечное, бесконечное, несотворимое и неуничтожимое.

Положительное (катафатическое) определение Бога как совокупности всех качеств, понятно, взятых в их совершеннейшей степени, или отрицательное (апофатическое) представление о Боге как о не имеющем абсолютно никаких определений – обе концепции были единокорны в признании Бога духовным творцом мироздания.

Творение (креационизм) рассматривалось как принципиально иная трактовка, чем, скажем, неоплатоническая концепция эманации Единого. На наш взгляд, у них больше общего, чем различия. И Единое, и Бог – абсолютные духовные первоначала, хотя в религии Бог антропоморфичен и персонифицирован. Но в интеллектуально рафинированной теоцентричной философии Бог – безличен, просто Дух. Оба Абсолюта вечны, несотворимы и неуничтожаемы и сами из себя творят мир. Причина созидания конечного мира тоже в обоих вариантах кроется в духовном первоначале, различие лишь в том, что Божественное творение есть акт воли Всевышнего, а эманация есть объективно необходимый процесс самотрансформации Единого.

Сотворенный Богом мир продолжает оставаться частью Бога. У неоплатоников – конечный мир является частью Единого. Онтология греховного мира содержит в себе и проблему онтологической истинности мира и человека. "Божественное" и "греховное" – параллельный бинот, аналогичный парам категорий "истинное" и "ложное", "доброе" и "злое", "красивое" и "уродливое". Истинность, совершенство, добро определяются в христианстве через соотношение с Богом. "Наш ум, – писал Ориген, – своими силами не может созерцать самого Бога, как Он есть, но познает Отца всех тварей из красоты дел и великолепия вселенной"¹⁰⁸.

Степень соответствия Богу и определяет степень истинности. Это форма онтологической истинности. Во всем конечном есть скрытая, внутренняя, метафизическая божественная сущность. Всеобщая или родовая духовная реальность ("универсалия"), которая сокрыта под единичными (конкретными, чувственно-телесными) внешними реалиями конечных вещей и событий. Каждая

¹⁰⁶ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1992. С. 83.

¹⁰⁷ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1992. С. 595.

¹⁰⁸ Ориген. О началах. М., 1993. С. 43.

конечная вещь истинна в той мере, в какой она соответствует в ней же самой содержащейся божественной сущности (идее). Так определяется истинность вещи. Вещь истинна в той мере, в какой ее существование соответствует ее божественной сущности. Эту четкую формулу Фомы Аквинского продолжает эксплуатировать и современная философия неотомизма. Во всеобщем абсолютном масштабе сохраняется та же схема: мир (конечный, тварной, греховный) будет истинным в той степени, в какой он соответствует Богу, хоть в его катафатической, хоть в апофатической трактовках. Формула онтологической ("бытийной", в отличие от "гносеологической") истинности человека принципиально такая же: в человеке есть его божественная душа, соответствие которой и обуславливает истинность человека. "Телесная жизнь" должна соответствовать "духовной жизни". Та "свобода воли", которая обусловила божественное творение мира, сохраняется и в человеческой "свободе воли". Человек в теоцентричной философии – то единственное существо, созданное Богом, которое по собственной воле может регулировать соответствие своего существования своей изначальной всеобщей божественной сущности. "Так как человеку естественно стремиться к счастью и избегать несчастья, а счастье, как сказано, состоит в добродетельных деяниях, – пишет П. Помпонацци, – несчастье же в преступлениях, и так как богопочитание, вознесение молитв и жертвоприношения являются в высшей степени добродетельными деяниями, то мы и должны всеми силами к ним устремляться. И напротив, кражи, грабежи, убийства, низменные наслаждения являются пороками, которые превращают человека в скотину и лишают его человеческой природы"¹⁰⁹. Античная философско-антропологическая парадигма призвала человека, опираясь на свою разумность, развернуть свое бытие до вселенских масштабов. Музыка (гармония) индивидуального бытия должна быть созвучна с космической музыкой, тогда бытие человека станет истинным, только тогда человек будет истинно счастливым. Путь к этой цели и призвана освещать философия ("любовь к мудрости").

Средневековая философская парадигма, сохраняя схему онтологической истинности человека как соответствия единичного всеобщему (человека – Богу), в качестве маяка берет не философию, а веру, и в качестве прожектора, освещающего человеку путь к счастью, не столько разум, сколько волю к вере, волю устремленности к Богу. Акцент теперь падает не на интеллектуальность, а на субъективность: на желание, на волю, на любовь. Онтологическая истинность человека состоит в напряжении его воли, принуждающей его к любви к Богу.

Онтологическая истинность человека определяется и по цели (Богу), и по состоянию (любви к Богу). Дело в том, что абсолютно истинным может быть только Бог, как полное соответствие самому себе, как абсолютное самотождество. Все остальное обречено быть лишь относительно истинным и нести крест относительной (частичной) ложности. Все тварное образует область, в которую входят упомянутые зло, уродство, греховность, т.е. все несовершенное, отрицательное, недостаточное.

¹⁰⁹ Пьетро Помпонацци. Трактаты о бессмертии души и причинах естественных явлений или о чародействии. М., 1990. С. 117.

Показателем абсолютной онтологической истинности человека выступает степень соответствия божественным нормам (заповедям), а показателем относительной его онтологической истинности является любовь к Богу. Понимание заповедей достигается умом, а их выполнение обеспечивается любовью. Святой Палама писал: "Стремящийся исследовать волю Божию, познавший о каждой вещи, ради чего она произведена творцом Вселенной, и обращающийся с ней согласно этой Божьей воле – вот кто знает причины и основания сущего, вот у кого знание всего в мире, вот кто истинный философ и совершенный человек"¹¹⁰. Онтологическая истинность человека, т.е. соответствие Богу, осуществляется через союз головы и сердца, разума и любви. Идея, что путь к истинно человеческому счастью лежит не только через наращение разумности, но и любви - величайшее достижение средневековой философской антропологии.

Попытки преувеличить роль любви (веры, иррациональности) в ущерб разуму (философии, рациональности) в данном аспекте исследования не актуальны. Отметим лишь, что превратить философию в "служанку богословия" так и не удалось. И не могло удалиться, ибо человек одинаково существо как разумное, так и любящее. Жаль только, что философия уступила "любви" религии, хотя в античности философия вплотную занималась темой эроса. Да и в самой этимологии термина "философия" содержатся оба этих понятия: и "любовь", и "мудрость".

Если конечная сущность человека в его истинности, то инверсия говорит, что онтологическая истинность человека в его сущности, определяемой как способность к разумной любви или любви к разуму. Гносеологические истины человека (его истинные знания) в этом контексте составляют лишь часть онтологической его истинности.

Недостаток средневековой концепции онтологической истинности человека проявился не столько в чрезмерном преувеличении роли и места Бога, сколько в чрезмерном презрении к земным реалиям бытия человека. Принизили не только разум (философию), стремясь ограничить его значение лишь ролью "служанки богословия". Но были объявлены греховными, т.е. не истинными, а значит, ложными, злыми, уродливыми, постыдными, срамными все другие формы любви, кроме как любви к Богу. В силу этого онтологическая истинность человека стала определяться не через соответствие масштаба бытия человека всей полноте мироздания в единстве его конечных и бесконечных (вечных) аспектов, а только через соответствие с абстрактным первоначалом (творцом) – Богом. Бог как творец и первооснова включает в себя и свое творение – конечный мир вместе с человеком. Таким образом, абсолютная истинность Бога (как самотождество совершенного) невозможна до тех пор, пока человек по своей свободе воли не сделается сам совершенным и не сделает совершенным (безгреховным) конечный мир. Говорить об абсолютной онтологической истинности Бога, которой должен соответствовать человек, следовательно, можно как о направленности (векторе) алетезации (наращении истинности) человека. Актуально такой истинности нет, ибо привязанный к "свободе воли человека" конечный мир еще несовершенен,

¹¹⁰ Св. Г. Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 1996. С. 122.

греховен, уродлив, содержит в себе ложь и зло. Абсолютная онтологическая истинность Бога, поэтому, абстрактна. Привязав к этой абстракции онтологическую истинность человека, средневековая философская антропология превратила в абстракцию и самого человека, точнее, его земную субъективную (личностную) жизнь. Субъективность, привнесенная в философию Средними веками, оказалась абстрактной, обедненной, неразвитой субъективностью, которой предстоит в течение будущей истории конкретизироваться, заполняясь земным, историческим, человеческим содержанием. Наиболее успешная попытка преодоления этого недостатка была сделана Ф. Аквинским. Отдав философии истины конечные, а теологии - вечные, он стремился эти истины свести в единую целостность в человеке¹¹¹.

Определение предмета философии как познания истинной природы вещей с особой ясностью проступает в арабоязычной философии. Аль-Кинди (конец IX – примерно 879 г.), например, писал: «Та цель, которую философ преследует в своей науке, заключается в постижении истины, а та, которую он преследует в своих действиях, – в согласовании собственных поступков с истиной»¹¹². Тут соединены воедино философия, истина и ценность – сочетание категорий, принявшее вид триады «истина – красота – благо». Человек живет в мире, и знание истин этого мира есть залог преуспевания человека, гарант его безопасности и прогресса. Здесь завязь еще одной имеющей долгую историю идеи. Конечная вещь с потерей истинности становится абсолютной ложной, дурной, некрасивой, что означает ее выход за пределы бытия качественной определенности. Стать абсолютно ложным означает потерять качественно определенное бытие и раствориться в нерасчлененной ткани Абсолюта. Погибнуть и слиться с природой, которая всегда равна самой себе. Нечто похожее есть у Гомера, говорившего, что Гектор, который потерял рассудок от ран, приобретает иную мудрость. Мысль не нова. Она встречается уже в «Кратиле» Платона, комментируя который, А.Ф. Лосев замечает: «Устанавливается мир объективных сущностей, которые слишком глубоки и сложны, чтобы человек мог их познавать; и если человек их познает, то только редко и косвенно, а целиком они познаваемы только для богов»¹¹³. Вот такой заряд потенциальных выводов нес взгляд Аль-Кинди. И понятен его призыв к объединению усилий человечества в достижении истины. Нам не следует стыдиться познания истины, говорит он, откуда бы она ни исходила, от других ли людей или других народов¹¹⁴. Проблема социальной роли истины получает у Аль-Кинди решающее значение. Познание природы вещей усиливает истинность самого человечества. Но человечество играет по отношению к отдельному человеку ту же роль, что и Абсолют по отношению к человечеству. Человечество есть конечное по отношению к Абсолюту, а индивид есть конечное по отношению к человечеству. И диалектика истинности и ложности конечного и бесконечного вновь повторяется в системе «человек – человечество». Объективная истинность и ложность индивида зависит

¹¹¹ См.: Штекль А. История средневековой философии. СПб., 1996. С. 198-201.

¹¹² Антология мировой философии. В 4-х т. М., 1979. Т. 1. С. 711.

¹¹³ Платон. Сочинения. В 3 т. М., 1968-1972. Т. 1. С. 600.

¹¹⁴ Антология мировой философии. В 4 т. М., 1969-1972. Т. 1. С. 712.

от истинности и ложности человечества. Эту формулу через шесть веков подхватит Николай Кузанский. Аль-Кинди далек от механического переноса общей диалектики Абсолюта и конечного предмета на особую диалектику человечества и индивида. Мы остерегаемся, пишет он, ложного истолкования истины со стороны тех, кто, не имея на то оснований, считает себя вправе судить об истинности вещей и знаний. «Мы остерегаемся их потому, что грязная зависть, гнездящаяся в их... душах, заслоняет своим непроницаемым покрывалом от рассудка их свет истины» Там же. С. 712. Энгельсом: «Но если бы все противоречия были раз навсегда устранены, то мы пришли бы к так называемой абсолютной истине»¹¹⁵. Истинные противоречия и противоречивые истины – темы, появившиеся позднее, но их фундамент закладывался уже здесь, в арабоязычной философии. В эти же века зарождается мысль о степени достоверности знаний, об условиях и критериях их получения.

Экскурсы в исторические дали нужны для полного понимания онтологической истинности человека сегодня, т.е. для определения истинности человека в масштабах мироздания. Из сказанного выше вытекает, что в познании истинности человека должны участвовать «и разум, и сердце», т.е. все познавательные способности человека – и рациональные, и иррациональные; и логические, и чувственные.

Современная система исламского образования новой России должна быть ориентирована на целостного человека в едином многообразном мире, учитывая, что в мире существует единство Хаоса и Космоса, случайного и необходимого; в познании – единство рационального и иррационального, логического и чувственного. Историческая память, лежащая в основе деятельности по созданию системы исламского образования новой России, должна быть идеальной, т.е. онтологически истинной.

§ 3.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТИННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

С начала девяностых годов из отечественной философии исчез целый ряд категорий. Редко вспоминают термины "диалектика", "отражение" и многие другие, хотя они не являются изобретением ни большевиков, ни коммунистов, ни социализма. Все они имеют абсолютное алиби: тысячелетние докоммунистические истории. Что уж совсем непонятно и странно – стали меньше уделять внимание категории "истина". Хотя интерес к истинности "вещей и знаний" всегда был актуальным и особенно в периоды кризисов и реформ. Чтобы в очередной раз не выплеснуть из ванны с водой и ребенка, следовало бы провести широкомасштабную публичную ревизию и оценку достижений отечественной философии советского периода. Именно с таких позиций задуман предлагаемый параграф, посвященный лишь одной теме – истине.

Как ни поразительно, но в современных учебниках философии продолжается упорное ограничение зоны действия категории "истина" лишь областью гносеологии. Такая "глухота" авторов приводит к недоумению, ибо даже в

Там же. С. 712.

¹¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 278.

отечественной литературе по этой теме, по крайней мере, лет 10-15, а то и более разрабатываются онтологические, гносеологические и экзистенциальные аспекты категории «истина». "Мыслители говорят об истине факта и истине разума, об истинах философии и истинах религии, об истине абсолютной и истине относительной, говорят об истинном бытии, истинной демократии, истинном искусстве, истинной теории, истинном высказывании"¹¹⁶.

Приведем еще несколько высказываний, свидетельствующих, что в отечественной философии категорию "онтологической истины" не забывали.

В.С. Нерсесянц пишет: "Истинность вещи в соответствии ее человеку, точнее, тому, что в нем служит мерой всех вещей"¹¹⁷ (1979). М.А. Лифшиц: "Тезис о том, что истинность есть свойство мысли и языка, а не самих вещей, вовсе не так достоверен"¹¹⁸ (1984). Г.В. Лобастов: "Проблема истинности вещи, или, выражаясь языком философии, проблема отношения вещи к самой себе, сравнения ее форм, принимаемых ею в процессе развития, с ее собственной сущностью, непосредственно сопряжена с пониманием процесса развития"¹¹⁹ (1991). А. Круглов: "Истина – объективность, вне которой в мире, ясно, ничего нет"¹²⁰ (2000).

Присутствие категории "онтологическая истина" в философии с античности отмечают многие. В.А. Конев: "Поэтому для Парменида истинная мысль тождественна бытию. То же характерно и для Платона, который познание истины, т.е. подлинного бытия, рассматривает как воспоминание, как проявление идеи в уме. Идея открывается уму как истинное бытие, ибо мысль и бытие "одной крови", тождественны"¹²¹. Д. Реале и Д. Антисери пишут: "В античной мысли выделяемы два основных смысла истины: 1) онтологический и 2) гносеологический"¹²². В.Н. Финогентов формулирует иначе: "На этапе формирования философии эта категория ("истина") характеризовала в первую очередь не знания, не суждения, не умозаключения и т.п., а само бытие"¹²³.

Можно без труда найти высказывания самих философов об истинности вещей, начиная с античности и по сегодняшний день. Вот примеры. Аристотель: "Наиболее истинно то, что для последующего есть причина его истинности. Поэтому и начала вечно существующего всегда должны быть наиболее истинными: они ведь истинны не временами и причина их бытия не в чем-то другом, а, наоборот, они сами причина бытия всего остального, так что в какой мере каждая вещь причастна бытию, в такой и истине"¹²⁴. Боэций: "Можно отыскать истинные свойства вещей"¹²⁵. То есть не только вещи могут быть

¹¹⁶ Финогентов В.Н. Философия. Уфа, 2001. С. 203.

¹¹⁷ Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. М., 1979. С. 97.

¹¹⁸ Лифшиц М.А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. № 10. 1984. С. 124.

¹¹⁹ Лобастов Г.В. Так что же есть истина? // Философские науки. № 6. 1991. С. 59-60.

¹²⁰ Круглов А. Истина и Бог // Здравый смысл. № 1 (15). 2000. С. 5.

¹²¹ Конев В.М. Философия культуры и парадигмы философского мышления // Философские науки. № 6. 1991. С. 17.

¹²² Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. СПб., 1994. С. 284.

¹²³ Финогентов В.Н. Философия. Уфа, 2001. С. 204.

¹²⁴ Аристотель. Соч., в 4-х томах. М., 1975. Т. 1. С. 95.

¹²⁵ Боэций. Утешение философией и другие трактаты. М., 1990. С. 29.

истинными и ложными, а даже их отдельные свойства. Н. Кузанский: "Наш конечный разум, двигаясь путем уподоблений, не может поэтому в точности постичь истину вещей"¹²⁶. Об истинной жизни в онтологическом плане говорит Фейербах: "Истина существует не в мышлении, не в знании как таковом. Истина – лишь полнота человеческой жизни и существа"¹²⁷. Об онтологической истинности жизни говорит и Вольтер: "Наслаждение видеть, как зеленеют широкие луга и поднимаются всходы, суля обильную жатву. В этом – истинная жизнь человека, все остальное – мираж"¹²⁸. О том, что категория "истина" может быть характеристикой не только знаний, но и вещей, можно найти множество высказываний как у отечественных, так и зарубежных философов, как в прошлом, так и в настоящем. Я.П. Козельский писал: "Как философия испытывает причины не только вещей, но и дел, а слово истина означает как вещь, так и дело, и для того я во всех тех случаях, где вещь и дело разуметь должно, употребляю одно слово истины"¹²⁹. В.С. Соловьев говорит об истинности субъекта: "Субъект в своей истине, то есть как нечто истинно существующее..."¹³⁰. А. Камю утверждает, что "у каждой вещи своя истина"¹³¹.

Истинными могут быть не только вещи и познающие их субъекты, но и методы познания. Отметим, что речь не об истинности знаний об объекте, о субъекте и о методах познания, а об их собственной (онтологической) истинности. "Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование – это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге"¹³². О том, что проблема истины всегда была проблемой единства и взаимовлияния онтологической и гносеологической истин, говорит тот факт, что даже экзистенциалисты специально подчеркивают их связь. Мартин Хайдеггер писал, что "истина предложения возможна только на основе истины вещей"¹³³.

В силу социально-политических причин в отечественной философии советского периода категория "онтологическая истина" оказалась под запретом. Суть дела вкратце в том, что Ленин в период работы над книгой "Материализм и эмпириокритицизм" опирался на учение об истине английских и французских материалистов XVII-XVIII веков¹³⁴, которые в своей борьбе со средневековой теоцентричной философией критиковали онтологическую трактовку истины в ее идеалистическом варианте. Божественной истине ими была противопоставлена истина человеческого разума¹³⁵. Здесь все правильно, но все недостаточно. По средневековой философии Бог создал не только истину вещей, но и истину

¹²⁶ Кузанский Н. Соч. в 2-х томах. М., 1979. Т. 1. С. 53.

¹²⁷ Фейербах. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М., 1995. С. 143.

¹²⁸ Вольтер. Эстетика. Статьи, письма, предисловия и рассуждения. М., 1974. С. 323.

¹²⁹ Козельский Я.П. Философия // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. С. 427.

¹³⁰ Соловьев В.С. Соч., в 2-х томах. М., 1990. С. 693-694.

¹³¹ Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М., 1989. С. 251.

¹³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 7-8.

¹³³ Хайдеггер М. О сущности истины // Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 11.

¹³⁴ См. Хазиев В.С. Философское понимание истины // Философские науки. № 9. 1992; его же. Роса истины. Уфа. 1998.

¹³⁵ Лифшиц М.А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. № 10. 1984.

человеческого разума. Если критиковать теоцентричную философию, надо было критиковать и идеалистическую трактовку не только онтологической истины, но и гносеологической. Если разрабатывать материалистический вариант гносеологической истины, нужно было разрабатывать материалистический вариант и онтологической истины. Но было сделано то, что сделано. Ленин воспользовался их пониманием истины, которое сводилось к абсолютизации гносеологической истины. При известных обстоятельствах позиция Ленина оказалась единственно допустимой, разрешенной и возможной в подцензурной отечественной философской литературе. С этим все понятно. Непонятно то, что, когда уже официальной цензуры нет, консерватизм мышления или какие-то иные причины заставляют большинство отечественных философов придерживаться абсолютизации гносеологического понимания истины, хотя категория "онтологическая истина" разрабатывается, как мы выше уже указывали на монографии, статьи и диссертации, достаточно активно. Ограничение категории "истина" лишь сферой гносеологии неоправданно сужает ее объем и содержание, лишает ее статуса общефилософской категории, превращая лишь в специальное понятие сферы познания. Представляются оправданными усилия по возвращению в сферу отечественной философии одной из важнейшей (и в мировоззренческом, и в методологическом аспектах) категории философии – онтологической истины как в идеалистическом, так и в материалистическом ее прочтении. Тем более в истории отечественной философии можно найти множество примеров того и другого ее толкования.

Наиболее иллюстративна философия космизма В.С. Соловьева. Общая схема космизма достаточно проста. Единство мира оказалось расколотым и утерянным. Разные по объему и качеству обломки тяготеют к исходному единству. История мироздания есть история становления, формирования, восстановления утерянного единства. В.С. Соловьев подробно рассматривает механизмы единения в дочеловеческой природе и приходит к мысли, что без человека мироздание никогда не сумеет соединить два главных элемента, которые в дуалистической философии Декарта были двумя первоначалами мироздания - протяженная материя и дух. Лишь человек, который имеет духовность в себе и мир перед собой, может их объединить. Идея о роли человека в мироздании Соловьева очень созвучна с идеей гуманистов о том, что человек есть то, с помощью чего природа может содержать себя в гармонии. Человек, говорит В.С. Соловьев, с помощью истины через красоту стремится к добру. Проявление человека оживотворяет и гуманизирует Софию Мироздания. Не детализируя, отметим, что "софия" и есть та вселенская потенция, которая толкает мир к единению. Появление в цепи восстановления единства мироздания такого звена, как человек, обуславливает то, что восстанавливаемое единство не будет простым механическим возвращением к исходному единству. На финише исходное единство уже будет обогащено всей историей возвращения к нему. Здесь феноменология Абсолютного духа Гегеля просматривается невооруженным глазом. Но В.С. Соловьев ушел от сухого логицизма Гегеля, философия богочеловека пропитана человеческим теплом, ибо учитываются не только интеллектуальные характеристики человека, но и чувственные. "София" часто трактуется В.С. Соловьевым как любовь. Он часто

апеллирует к античным философам, к их идее Эроса и его роли в мироздании. Богочеловеческое единство на финише для нас очень интересно, ибо дает оригинальную картину онтологической истинности власти, человека и мироздания. Свободным актом мировой души, говорит В.С. Соловьев, мир отпал от Божества и раскололся на множество враждующих элементов. Теперь длинным рядом свободных актов все это восставшее множество должно примириться с собою и с Богом и возродиться в форме абсолютного организма.

На первый взгляд, формула абсолютной онтологической истинности мироздания прежняя: абсолют (Бог, материя, Единое, мироздание) должен соответствовать самому себе, ибо глубже, больше, шире, выше и т.д. кроме него ничего нет. Абсолют ни с чем не сравнить, кроме него же самого. Н.О. Лосский, характеризуя представления В.С. Соловьева, писал, что истина для Соловьева - это абсолютная ценность, принадлежащая самому всеединству, а не нашим суждениям и выводам. Если здесь речь не об онтологической истине, то о чем? Познать истину - значит преступить пределы субъективного мышления и вступить в область существующего единства всего того, что есть, т.е. абсолюта.

У В.С. Соловьева получается и так, и не совсем так. Так, потому что Бог равен Богу, даже если он примет облик человека. Богочеловек и Человекобог равны между собой по масштабу, но разные по порядку. Следовательно, это саморавенство не простая абстрактная тавтология. Бог становится саморавным через свое полное раскрытие через мир и человека. Бог, потеряв свое единство, превращается к нечто иное. В этом ином находит себя в облике человека, который, восстановив в себе Бога, возвращается в исходное единство, но не в качестве абстрактного самотождества ($A=A$), а в форме конкретного, содержательного, обогащенного всеми своими метаморфозами процесса становления Человекобога. В определение онтологической истинности вошли динамика, историзм, эволюционизм. Онтологическая истинность, таким образом, не просто статистическое соответствие реальности идеальному, существования - сущности, наличного - должному, а динамика, процесс развития самотождества (инвариантности) с момента рождения (возникновения) до смерти (полного разрушения) объекта. Онтологическая истинность - это инвариантность объекта при всех его изменениях и метаморфозах на всем временном векторе его бытия. То, что остается при всех деформациях, что делает объект при всех его облициях тем, что он есть и должен быть, и есть "тело" (субстанция) онтологической истины. Сходство с гегелевской феноменологией Духа еще и в том, что онтологическая истинность бытия есть процесс восхождения от абстрактного к конкретному. Но, как уже говорилось, это сходство весьма схематичное и поверхностное. Философия Соловьева теплее, более душевна и человечна, хотя бы уже потому, что сердцевину реализации Богочеловека и Человекобога образует Любовь (Эрос), а не чистая идея. Софийность (мудрость) у Соловьева пропитана Любовью (Эросом). Это совсем другая идея, совсем другое понимание человека, совсем другая философия.

Онтологическая истинность человека у Соловьева заключается в процессе самореализации человеком своего вселенского предназначения. Устремившись к Богочеловечности, он должен способствовать явлению онтологической

истинности бытия. Если упростить, то мысль следующая: из онтологической истинности создаваемой людьми жизни формируется онтологическая истинность всего мироздания. Истинность каждого человека похожа на пирамиду, вершину которой образует человек, а основание ("подошву") – бесконечное мироздание. Истинность каждого есть часть истинности бытия. Единство людей не исчерпывается семьей, родом, классом, нацией, обществом и даже человечеством. Существует космическое единство всех, соответствие которому и составляет сущее (метафизику) онтологической истинности человека. Это идеалистический вариант трактовки онтологической истины.

В русской философии есть и иные трактовки. К примеру, Радищев, Герцен, Чернышевский, Плеханов каждый по-своему стремились выяснить извечные, "проклятые" вопросы философии, касающиеся человека и мира, в котором он живет.

Радищев в трактате "О человеке, его смертности и бессмертии" с материалистических позиций отрицает бессмертие индивидуальной души. Индивидуальное бессмертие в том, чтобы оставить след в человеческой культуре, внести свой вклад в общее гуманитарное усилие человечества. Следовательно, онтологическая истинность человека имеет два аспекта: во-первых, человек должен соответствовать общечеловеческой культуре, быть ее носителем, представителем, частичкой этой культуры. Это требование простое и ясное. Онтологически истинен тот человек, который культурен, является носителем конкретной культуры своего времени, своей эпохи, своего народа, своей сферы. А культура - это то, что запрещает быть животным (жить по зоологическим законам естественного отбора) и причинять зло другим людям.

Онтологическая истинность определяется тем, насколько человек контролирует (подавляет) свои зоологические стимулы, импульсы, реакции и живет в согласии с людьми и с самим собой; при всей кажущейся простоте эта мысль об индивидуальном бессмертии через бессмертие человеческого рода заряжена гуманизмом, ориентирована на развитие в человеке "человеческого", культурного, гуманистического. Следует подчеркнуть, что такая трактовка индивидуального бессмертия содержит известную с античности и Средних веков идею о том, что сам человек может расширить диапазон своего бытия до масштабов мироздания. Если человеческий род бессмертен и бесконечен, то каждый индивид может через соответствие своему человеческому роду стать и бессмертным, и бесконечным.

Во-вторых, радищевское понимание бессмертия требует не простого механического соответствия тому, что есть, а творческого преумножения общечеловеческой культуры. Онтологическая истинность - это соответствие человека наличным в нем самом, заложенным в нем по его естеству творческим способностям. Только в этом случае, по Радищеву, получается, что человек есть человек. Как тут не вспомнить Сократа с его *idea fix* помочь разбудить (помочь родить) каждому афинянину наличного в нем деймония ("гения"), чтобы это "дитя богов" сделало каждого мудрым. Мудрость даст каждому способность быть истинно справедливым, истинно добрым, истинно мужественным, истинно любящим, т.е. истинно добродетельным и тем самым - счастливым. Тот, кто соответствует своей божественной мудрости, будет онтологически истинным. Как

следствие этого истинны его чувства, мысли, слова и дела. Почему, по Радищеву, монархия есть наипротивнейшая человеческой природе форма правления? Да потому, что один ограничивает естественные права миллионов других, не дает им быть самими собой, т.е. людьми. Какое соответствие творчеству может быть у крепостных - у рабов!

Екатерина I, действительно, великая императрица. Она поняла суть. Радищев со своими идеями действительно "пугачевее Пугачева будет", ибо отвергает самодержавие не просто с помощью кучки взбунтовавшихся казаков и крестьян, а призвав под свои знамена всю вселенную, все мироздание. Радищев показывает противоистинную суть самодержавия. Но то, что мешает истине, то мешает жизни, мешает красоте и добру, оно противоестественно и должно быть устранено.

Вероятно, связь гуманистической основы его философии с его социально-политическими взглядами еще недостаточно полно изучена и оценена. Идею Радищева о том, что онтологическая истинность человека – в его соответствии творческому развитию человечества, будет развивать дальше в рамках антропологического материализма Чернышевский. Эстетическое отношение к жизни гласит, что самое красивое - это жизнь. Конечно, речь не о нищей и убогой жизни раба, а о жизни, рассматриваемой в ее естественности, в норме, в соответствии с самим собой, о такой, какая она есть сама по себе, в идеале, без конкретных исторических реалий. "Жизнь" - категория, которой Чернышевский обозначает идеальное состояние человека во всей полноте и чистоте присущих человеку норм. Если реальность конкретного человека соответствует этой заложенной в нем по естеству идеальной жизни, то человек будет онтологически истинным. Но полное соответствие невозможно, говорит Чернышевский, потому что каждый живет в человеческой среде, подвергаясь воздействию тысячи других людей. Онтологическая истинность каждого в реальном обществе может быть только относительной. И чем хуже общество и общественные условия, тем меньше, тем слабее бытийная (онтологическая) истинность отдельного человека. Чем более искажено, деформировано соответствие реальной жизни человека идеальной естественной модели жизни, т.е. нормальной жизни, такой, какой она должна быть сама по себе, тем сильнее нарастает онтологическая ложность бытия человека. У деформированного (неистинного) человека и видение, понимание мира искаженное, перевернутое. Бессилие человека перед стихией природы и общества, говорит Чернышевский, порождает иллюзорное отражение действительности - религию, мир оказывается перевернутым с ног на голову. Я бессилен, слаб, ложен, уродлив, зол, - но вместо этого человек видит и понимает обратное (перевернутое, ложное, иллюзорное) отражение реальности: "Бог всемогущ, силен, истинен, красив и добр". Собственное ничтожество человек в кривом зеркале неба видит как могущество Бога. Здесь Н.Г. Чернышевский демонстрирует нам прекрасный пример взаимосвязи онтологической и гносеологической истин.

Революционный демократ Чернышевский видит путь возвращения онтологической истинности (нормальной человеческой жизни) крепостным рабам через революцию. "К топору!" - этот лозунг Чернышевского противоречит

гуманистической сути его взглядов: если самое ценное и красивое - это жизнь, то рубка топором этой красоты вряд ли будет способствовать её сохранению и развитию.

Тем не менее, идея космического, вселенского стандарта человеческой жизни и требование создать нормальные условия, чтобы каждый мог жить в соответствии с этим стандартом вселенской красоты, глубоко гуманистична. Ну, а революционные призывы оставим на совести уже не философа, а политика Н.Г. Чернышевского, в конце концов он ведь тоже дитя того времени, когда невозможно было реалии бытия привести в соответствие с нормальной человеческой (в космическом смысле) жизнью, а искажение онтологической истинности человека может породить искаженные представления о власти и политические лозунги. Таковы азы той самой диалектики онтологической и гносеологической истин, которую он сам же демонстрирует.

Русская философская мысль развивалась и в богословии, и в философии, и в политически-социологической литературе (славянофилы и западники), и в литературе, и в литературной критике. Ломоносов, Державин, Сумароков, Фонвизин, Пушкин, Лермонтов, Батюшков, Баратынский, Тютчев, Фет, Тургенев, Белинский, Добролюбов, Писарев, Достоевский, Толстой – в трудах каждого из них можно найти оригинальные представления об онтологической истинности жизни, или человека, или общества, или веры, или власти.

Философская антропология Достоевского настолько велика, величественна и сложна, что любое упрощение будет все равно чрезмерно сложным, чтобы добраться до полного понимания глубины идей Достоевского. Ступени и степени падения человека, формы злодейства, пути воскрешения падшей души, мотивы очищения, раскаяния, оценки наказания, диалектика злого добра и добродетельного злодейства, молитвы, проклятия, прощения, власть чувств и мыслей, власть тела над душой и наоборот, власть реальная и власть мнимая, власть чести и подлости, власть возвышенного и низменного - разве можно даже просто перечислить все темы, затронутые Достоевским в своих произведениях!

Гений Достоевского по-своему сказался и на анализируемой нами категории онтологической истины. Эта работа - не специальный трактат по философии Достоевского, поэтому нам важен общий смысл его оригинальности в трактовке онтологической истинности человека. Можно, конечно, считать, что Достоевский ничего философски нового не сказал, что он лишь в литературно-художественной форме проиллюстрировал уже известные идеи. Даже если бы это соответствовало действительности, то разве мало уже этого! Проиллюстрировал! Попробуйте...

Речь вот о чем. Идея о том, что диапазон бытия человека потенциально равен Абсолюту (Богу, мирозданию, Единому, Брахману, Космосу, материи и т.д.) известна давно. Достоевский это показал на конкретных образах. Даже самые ублюдочные души совершенно опустошенных людей, таких, как Свидригайлов, Смердяков, неисчерпаемо и безгранично многообразны. Бытие человека, как показывает Достоевский, может разворачиваться в масштабах от Сатаны до Бога. И сам человек волен выбирать, в каких пределах ему искать свое счастье и свое место в мироздании. Сами по себе обе эти мысли не новы. Но совершенно новой, оригинальной является идея "подполья" ("Записки из подполья"): в человеке есть

такие глубины, которые им самим не просматриваются ни умом, ни чувствами. И не видно, и неизвестно, кто и что притаилось в той темной глубине нашего бытия. Может, там Бог, а может, Сатана. Возможно, ни то ни другое, а обычное, банальное подсознание животного. Но как бы мы ни хотели уйти от нашего "подполья", нам не удастся, ибо оно в нас, оно часть нашего бытия, и неизвестно, какая часть: может быть, самая главная. Если онтологическая истинность - это соответствие самому себе, саморавенство, самождество, то по силам ли нашей жалкой человеческой "свободе воли" уйти от самих себя? Может, некая более мощная сила и власть управляет этим соответствием, т.е. вопросом: быть нам человеком (онтологически истинным) или нет. Вспомните слова Сатаны главе Моссолита Берлиозу в романе М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита" - те же сомнения. А спор Великого Инквизитора с Христом! Речь о том же. Массив "идеального человека", с которым нужно привести в соответствие свою реальность каждому человеку, чтобы получить статус онтологической истинности, настолько велик и настолько превосходит реалии жалкого конкретного человека, что последнему не под силу не то, чтобы влиять, но даже примерно сориентироваться на свою идеальность. Нужен Инквизитор, нужен Воланд. Парадоксальнейшая, на первый взгляд, идея. Чтобы стать онтологически истинным (красивым, добрым, божественным, счастливым, вселенским), нужно пройти через ложь, уродство, страдания, зло. Без них человек будет односторонним, неполным, абстрактным. Следовательно, ни о какой онтологической истинности не может быть и речи. Какое же тут соответствие самому себе, самождество, саморавенство, когда половина человека остается не у дел. Если онтологическая истинность связана с полным бытием (а она связана) человека, то в определения онтологической истинности должны войти не только позитивные категории бытия, но и их противоположности. Вот что дает "подпольный человек" Достоевского для понимания нашей темы. И это не все.

Второй момент, на который нам бы хотелось обратить внимание, тоже связан с неисчерпаемостью многообразия бытия человека. Та норма "человечности", с которой должно быть согласовано реальное бытие человека, чтобы он был онтологически истинным, это платоновская "идея человека", или "божественный универс" средневековых номиналистов, или "добрый дикарь" Руссо, или "чистая жизнь" Чернышевского, или "естественные права" просветителей и Радищева, или "бог в нас" верующих. И везде этот внутренний эталон по умолчанию считается чем-то упорядоченным, системным, логичным, организованным. И, кажется, лишь у Достоевского впервые возникает ясное осознание, что это не так. Да, внутренний ("подпольный") человек, скрытый в нас от нас же самих, имеет много упорядоченных, доступных личному и разумному пониманию моментов. Но это не все. В той части нашего бытия, которая уходит в глубины мироздания (Бога, Неба, Единого, материи, Дао), много еще и хаотичного, абсурдного, немотивированного и недетерминированного, недоступного логическому разумению. А в определение онтологической истинности должны войти не только порядок и логика, но и хаос, и наитие (озарение, интуиция, инсайт). Истинное бытие представляет собой не просто цепочку правильно следующих событий, а кошмарную диалектику порядка и хаоса, логики и абсурда. Онтологическая

истинность человека предполагает соответствие человека самому себе во всей полноте, т.е. включая взаимоисключающие противоположности и противоречия. И все это еще выражено в художественно-образной форме литературных образов. Если говорить языком систематики, Достоевский ввел в понимание онтологической истины экзистенциальную диалектику.

Другая великая личность, в художественных образах которой мы находим тоже "иллюстрации" к онтологической истинности человека и мира, в котором он живет, это Л.Н. Толстой.

Его интересовал вопрос о том, есть ли какой-либо нетленный, вечный смысл в нашей бренной жизни. Если такого смысла нет, то все - суета и тлен, пустое томление духа. Остается ли после нас что-либо кроме "светлой памяти"? Явных ответов Толстой не нашел. Но свой вариант стирания грани между жизнью и смертью он предложил. Его концепцию можно было бы назвать примирением и прощением. Если предельно упростить, то мысль следующая. Пугает больше всего момент перехода от жизни к смерти и ожидание этого момента наступления смерти. Чтобы избавиться от переживаний по поводу неминуемой смерти, нужно внутренне смириться с этой необходимостью. Когда это произойдет, человеку вдруг становится легко и светло. Он судорожно перестает цепляться за мелочи, связанные с его собственным "Я", и, чувствуя себя великодушным и благородным, с удовольствием начинает думать и заботиться об окружающих. Так случилось и с Иваном Ильичем Головиным ("Смерть Ивана Ильича"), так произошло с Брехуновым Василием Андреевичем ("Хозяин и работник"), так случается со многими другими героями его произведений. Если смириться с мыслью о неизбежности смерти, перестанешь ее бояться. Мысль совершенно неубедительная. Но Л.Н. Толстому удается благодаря писательскому таланту сделать эту невероятную мысль ощутимо убедительной в художественной форме. Мы верим живым образам Толстого, они эстетически для нас приемлемы, т.е. нам нравятся, и мы хотим и начинаем, хоть немного, думать, чувствовать и жить, как они. В истории философии такая мысль уже встречалась. Юм писал: "Ведь стоит нам только убедиться в невозможности удовлетворить какое-либо желание, чтобы само это желание исчезло"¹³⁶. Концепция опрощения Л.Н. Толстого в логической форме еще менее убедительна. Если жить очень-очень просто, ну совсем-совсем просто, мы будем жить по естеству в согласии с тем, что есть и что происходит – совершенно несостоятельная идея. Можно стремиться к простоте, когда ты богат, граф и знаменитый писатель. А как быть миллионам, которые еле сводят концы с концами, добывая хлеб насущный?

Всякие вычурные потребности и связанные с ними переживания покинут нас, и течение нашей жизни будет равномерным и величественным, как ход событий во Вселенной. Событие будет равно своему смыслу. В такой жизни не будет никаких подтекстов, умолчаний и скрытых смыслов. Все просто и цельно так, как оно есть. В таком потоке бытия ничто нас не сможет потревожить и огорчить. Безусловно, толстовское опрощение, построенное им на идеализации народной (крестьянской)

¹³⁶ Юм. Трактат о человеческой природе. М., 1995. Т. 1. С. 52.

жизни, очень напоминает идеи принца Гаутамы (Будды), который говорил, что причина наших страданий – желания. Чтобы избавиться от страданий, необходимо избавиться от желаний. Идущий "по пути Будды" освобождался от телесных и духовных желаний и достигал нирваны - абсолютного покоя, безмолвия, бесчувствия и безмыслия. И это состояние "живого трупа", где грань между противоположностями, потерявшими свои определения, исчезает (в том числе между смертью и жизнью), очень и очень напоминает "живую жизнь" Толстого в свете его идеи "опрощения". Увлечения Толстого иногда заводят его слишком далеко. Он прямо призывает к простоте на уровне природы (дерева), как, например, в работе "Три смерти".

Но нас интересуют не достоинства и недостатки философской антропологии Толстого, а его представления об онтологической истинности (правильности, правдивости) мира и человека.

Следует отметить, что одной из специфических черт русской философии является настойчивое употребление категории "правда" вместо "истина". Возможно, это связано с особенностью русского языка, а возможно, дело обстоит более серьезно. Эрн, Франк, Флоренский, Розанов, Леонтьев, Лосев, Бердяев постоянно сбиваются с термина "истина" на термин "правда".

Л.Н. Толстой утверждает, что онтологическая истинность человека - в его опрощенности и примирении. Это бытийная истинность, космическая, вселенская, нетленная. И вот здесь мы неожиданно встречаем общую точку соприкосновения Достоевского и Толстого. В споре старца Зосимы и монаха Ферапонта мы в Зосиме видим одну из черт ереси в русском православии - исихазма (гр. исихия - безмолвие, молчание), свившего гнездо в Оптиной Пустыни и уходящего корнями через Паисия Величковского и Нила Сорского в Византию к Паламе, Григорию Синоиду или еще дальше в VII век к Симону Богослову.

Суть учения вкратце в том, что человеку, отрешенному (по Толстому, "опрощенному") от житейских мелочей, человеку, отошедшему от житейских хлопот, открывается внутренний свет¹³⁷. И в этой "внутренней молитве" человек приобретает нетленные божественные добродетели истинности, красоты и добра. "Добролюбие" - один из основных терминов в учении Паисия Величковского.

В поисках нетленных ценностей и абсолютного добра, которые могли бы обещать человеку счастье, достойное его божественных диапазонов бытия, Достоевский и Толстой пришли к черте, буквально на один шаг отделяющей их от исихазма.

Умиротворенность Зосимы не есть нирваническая пустота, а заполнение собой, открывшейся в человеке благодатью то жизненное пространство, которое человек может охватить. Зосима как бы заряжает энергией то жизненное пространство: место, вещи и людей, которые его окружают. Это и есть старчество. После смерти старца (которым, кстати, мог быть и весьма молодой человек, дело не в возрасте, а в той чистой благодатной энергичности) на этом месте ставили храм, куда шли паломники, желающие приобщиться к сохраняющейся там благодатной силе.

¹³⁷ См.: Святой Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 1966.

Зосима ушел от никчемности, от бренности, от суетности жизни, тем самым получив способность облагораживать эту жизнь светом "добролюбия", что и показывает Достоевский.

Толстовское опрощение и примирение с неизбежностью смерти - это тоже не абсолютная безжизненность нирваны, которая, "умерев для жизни земной", потом через медитацию приобретает совсем иную мирозданческую жизнь. У Толстого и Достоевского "аскеза" касается лишь дурного, ложного, уродливого, суетливого, сиюминутного, временного, конечного, очистившись от которых человек открывает в себе опять-таки земную же благодать ("добролюбие"). Так разными путями Толстой и Достоевский пришли к общей картине онтологической истинности человека, его истинной власти над самим собой; к той власти, которая дает, по их мнению, человеку возможность стать божественно счастливым. Русская философия, идеалистическая и материалистическая, не осталась вне генеральной трассы развития мировой философии. Она не только восприняла и освоила, но и обогатила мировую философию своим видением рассматриваемой нами темы - онтологической истины (*veritas rei* - истинность вещи). В понимании онтологической истинности человека русская философская антропология породила массу новых идей, не оцененных по достоинству и по сей день. Ломоносов, Радищев, Чаадаев, декабристы, Герцен, Чернышевский, Соловьев, Бердяев и многие другие создали концепции, к которым философы должны и еще будут неоднократно возвращаться.

Присутствие данного параграфа оправдано тем, что философия исламского образования новой России "живет" в людях, объединенных историей России с людьми различных национальностей, политических симпатий и антипатий, конфессиональной принадлежности. Представители традиционного для России ислама живут бок о бок уже не первое столетие с представителями множества других конфессий, со всеми гражданами СССР прошли через полосу "воинствующего атеизма", поэтому они естественным образом вплетены в ткань исторической памяти своей страны и своего государства. Русская культура и философия так или иначе оказывают свое влияние на повседневную и историческую жизнь всех народов, проживающих на территории новой России. Из соседства вытекает и реальная конвергенция и диффузия культур, материальной и духовной. Ничто и ни у кого не может быть абсолютно изолированным. Это невозможно и было бы противоестественным. Мы все – люди. И все хотим быть счастливыми, т.е. жить, быть здоровыми и свободными, иметь материальное благополучие семьи, жить в согласии с самим собой, с людьми и с миром, иметь гарантии физической и духовной, экономической и политической, этнической и конфессиональной безопасности. Это и должно быть целью обучения и воспитания формирующейся системы исламского образования новой России.

ГЛАВА 4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ЧЕЛОВЕКЕ»

Если человек не творение Бога и не гость, пришедший извне, из космоса и ныне завладевший всем пространством нашей планеты, то необходимо объяснить его происхождение из тех изменений зоологического мира, которые могли бы дать то, что было в начале человеческой истории. Необходимо реконструировать тот низший генетический уровень социальности, который мог прямо возникнуть из общих биологических и физиологических основ зоологических предков людей. Интерес к началу человеческой истории имеет много детерминантов. Если удастся реконструировать, что было в далеком прошлом, то путь, пройденный человечеством, укажет и тенденцию развития в будущем. В чем различие между нами и теми людьми, что жили в самую раннюю пору истории человечества? Авторы различных реконструкций (антропологических, археологических, исторических, психологических, философских и других) предлагают свои конкретные методы и средства. И прав, вероятно, Поршнева Б.Ф., который считал, что тайну происхождения человека можно будет решить лишь комплексом наук. "Все подлежащее познанию в гигантском комплексе естественнонаучных дисциплин, касающихся становления человека, может быть поделено на три большие группы: а) морфология антропогенеза, б) экология, биоценология и этология антропогенеза, в) физиология высшей нервной деятельности и психология антропогенеза"¹³⁸. Сколько бы наук не было задействовано, сколько бы промежуточных проблем не пришлось решать, в конечном счете все они упрутся в одну – что должно быть сломано (мутировано) в животном способе выживания, чтобы на обломках возник фундамент того, что станет человеческим способом жизни? Если подобное порождает подобное и из ничего что-то не возникает, то, как из зоосушества¹³⁹ могло возникнуть социальное? Где грань между животным и человеком¹⁴⁰. И самое главное – с кем и с чем идентифицировали себя первобытные, ископаемые (fossilis) и современные (recens) люди? Каково было их мировоззрение, если оно было?

§ 1.

У ИСТОКОВ СОЦИОАНТРОПОГЕНЕЗА

Не претендуя на абсолютные истины, мы выскажем несколько своих соображений по этому поводу. На сегодня нет более убедительной естественнонаучной концепции для гипотез о характере превращения зоологических предшественников людей в разумных социальных существ, чем биологическая концепция мутации – спонтанных отклонений от нормы отдельных особей, представителей устоявшихся биологических видов, хотя Я.Я. Рогинский считает это данью моде. "Под влиянием естественного для нашего времени внимания к радиоактивным воздействиям на все живое применительно к предкам человека появилась гипотеза, согласно которой интенсивная радиация в

¹³⁸ Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. – М., 1974.

¹³⁹ См.: Нестурх М.Ф. Приматология и антропогенез (обезьяны, полуобезьяны и происхождение человека). М., 1960; Его же. Происхождение человека. 2-е изд. М., 1970.

¹⁴⁰ См.: Проблема грани между животным и человеком. Материалы симпозиума / Под ред. В.П. Якимова. ТСМК. 1968. Т. 3.

определенных местах нашей планеты способствовала возникновению мутаций (генов), и в результате такого скачка возник человек. Как писал недавно академик А. Окладников, такая гипотеза по существу направлена против идеи о закономерном становлении человека как завершении процесса, возникшего на самых ранних этапах развития позвоночных и закончившегося родом homo¹⁴¹. На наш взгляд, никакого противоречия здесь нет. Высшие формы есть закономерный результат развития материи. Скачкообразность рождения нового уровня вовсе не отрицает его закономерного возникновения. Появление "уродов" с непредсказуемыми способами их адаптации к среде дает более или менее убедительную версию возможности скачкообразного превращения неразумных зоологических существ в предлюдей (ископаемых людей – австралопитеков, питекантропов, синантропов и неандертальцев)¹⁴² и людей. Мы рассмотрим лишь одну восходящую от зоомира к социуму линию, на наш взгляд, главную – как мог закон естественного отбора трансформироваться в закон гуманизма (разумного сотрудничества, в закон гостеприимства, в "закон подарка", т.е. безвозмездного отчуждения с чувством радости). Как вместо биологического рефлекса питания и размножения возникло чувство потребности в себе подобных, чувство коллективности, обеспечившее сохранение, закрепление и развитие эволюционно новой формы отражения (свойства "материальных систем воспроизводить в своих особенностях особенности других явлений, с которыми они взаимодействуют"¹⁴³).

Оставив в стороне вопрос о причинах мутаций, которыми должна заниматься специальная дисциплина¹⁴⁴, начнем с предположения, что "порча" зоологического кода привела около двадцати миллионов лет назад к появлению в среде обезьяноподобных существ особей, которых ждало потрясающее будущее.

Мутация оказалась грандиозной, потрясения коснулись почти всех основных элементов зоологического способа выживания. Изменение структур¹⁴⁵ головного мозга¹⁴⁶, уменьшение диапазона действия органов чувств (зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса), вынужденное прямохождение, нарушение сезонности размножения¹⁴⁷, деформация циклов рефлекса питания (ни травоядные и ни хищники, точнее, и то и другое) привело к появлению существ, которым нужно было найти свое место в уже плотно заполненной природной экологической нише. Выяснилось, что, несмотря на огромные пространства планеты, ни среди травоядных, ни среди хищников нет достаточно свободного места, где могли бы конкурировать и побеждать (выживать) новые мутанты природы. В разложенном по полочкам порядке природы оказалось трудно подобрать место и порядок выживания для этого нового вида животных. Эта трудность была обусловлена тем,

¹⁴¹ Экологический феномен человечества // Человек и природа. 1981. № 9. С. 5.

¹⁴² См.: Гохман И.И. Ископаемые неантропы. ИГПЧ, 1966.

¹⁴³ Коршунов А.М. Теория отражения и современная наука. М.: МГУ, 1968. С. 5. А также другие его работы: Как человек познает окружающий мир? М., 1966; Познание и деятельность. М., 1967; Теория отражения и творчество. М., 1971; Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974.

¹⁴⁴ См.: Биологические предпосылки гоминизации. Материалы к симпозиуму. М., 1976.

¹⁴⁵ См.: Шевченко Ю.Г. Эволюция коры мозга приматов и человека. М., 1971.

¹⁴⁶ Бунак В.В. Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из грота Тешик-Таш. Сб. Музея антропологии и этнографии, 1951. Т. 13.

¹⁴⁷ См. Алексеев В.П. Полицикличность размножения у приматов и антропогенез. М., 1977.

что эти "новые животные" не имели своей четко определенной нормы зоологического выживания. Иначе сказать, для них нормой было как раз полное нарушение природной зоологической систематики: эти "уроды зоомира" могли подчиниться любому порядку, для них подходило все или не подходило ничего. Скажем иначе, "новые мутанты" могли жить по всем порядкам, что означало нарушение каждого из них, требовавшего жить только по этому данному и определенному порядку (хищники как хищники, травоядные как травоядные) и запрещавшего жить по иному. А те, кому предстояло стать людьми, могли быть кем угодно, они стояли выше или вне любой объективной уже сложившейся систематики природы. Они выпадали вообще из конечных порядков природных систем. Они с позиции природных систем были не системой, не подпадали ни под какой порядок, были хаосом. Они, были "животные, но они не обезьяны" (Б.Ф. Поршнева), могли быть системой всех систем, универсальной системой, объединяющей способности всех природных систем. Мы бы сказали, перефразируя Б.Ф. Поршневу, что они были порождением зоомира, но уже были не животными. В этом новом смысле это был уже не хаос, а новый порядок, новая невиданная в зоомире система, особый космос. Их отрицательный зоологический универсализм был доведен до логического завершения. Появились биологические существа, которые могли потенциально реализовать в себе все, что допустимо в пределах всей природы, перейти любые барьеры: питаться чем угодно, размножаться когда угодно, жить где угодно и т.д. Но главное – для них был снят последний "звериный" барьер: запрет питаться себе подобными. Собственный вид мог стать основной кормовой базой. Канныализм не был ограничен биологическими механизмами, точнее, был освобожден от биологических ограничителей. На наш взгляд, именно эта ниша и была занята австралопитеками, архантропами и палеоантропами. Археологических данных, подтверждающих эту гипотезу, не так много, но они есть. "Один из скелетов неандертальцев, – пишет П.И. Борисковский, – обнаруженных в пещере Мугарет-эс-Схул на горе Кармел в Палестине, принадлежавший мужчине старше 50 лет..., имеет следы глубокой раны в бедро. Слесток внутренней поверхности раны позволил судить об оружии, которое пробило кость. Это было деревянное, возможно, закаленное на огне копье, овальное в сечении, со скошенным концом, имевшее 1,7 и 1,1 см в поперечнике. Оно проникло в человеческую кость на 5 см и не было извлечено из раны. Его бросили с исключительной силой в человека, сидевшего скорчившись или лежавшего на боку с согнутыми ногами. Оглушенный, с ногой, ставшей неподвижной, он уже не мог подняться. Жертву добились сильным ударом по голове, о чем свидетельствуют повреждения черепа. Можно считать бесспорным, что неандертальцы широко пользовались также деревянными дубинами, копательными палками, рогатинами, копьями"¹⁴⁸. Речь о том, что кто-то охотился на этого неандертальца еще в позднем палеолите, что же говорить о временах, предшествовавших этому, если "периоды изобилия пищи должны были чередоваться у людей с длительными голодовками"¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. М., 1979. С. 113-114.

¹⁴⁹ Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. М., 1979. С. 115.

Не могли австралопитеки и архантропы составить конкуренции крупным хищникам. Водная и воздушная среда оставалась недоступной (пока), но, как и все остальные, не запрещенной средой, чем и они воспользуются позже. "Наука не могла бы объяснить, как внедрился новый вид хищников-убийц в биоценотическую систему позднего плиоцена или раннего плейстоцена. Принята такая упрощенная схема соотношения трех "этажей" в биоценозе: если биомассу растений приравнять к 1000, то биомасса травоядных животных равна 100, а биомасса хищных – 10. Такая модель иллюстрирует огромную "тесноту" в верхнем этаже. Ни мирно, ни насильственно туда не мог внедриться дополнительный вид сколько-нибудь эффективных хищников, не нарушая всех закономерностей биогеоценоза как целого"¹⁵⁰. Из этого положения Б.Ф. Поршневу делает вывод, что "характеризующая всех троглодитов и отличающая их экологическая черта – некрофагия (трупоядение)"¹⁵¹. Нет никакого основания предполагать, что экологическая ниша поедания мяса умерших тем или иным образом животных еще стояла в ожидании предков людей свободной. Известно, что природа не терпит пустот. А вот ниша выживания через убийство и поедание себя подобных, точно, была свободна, потому что находится у всех животных под запретом. Другими словами, этой ниши не было до появления человека. Она не занята по сию пору никем, кроме одного биологического вида – людей. В зоологической природе продолжает существовать запрет на уничтожение своего вида. Исключения крайне редки и носят регламентированный целым рядом обстоятельств характер.

Выжить, поедая себе подобных, был единственный гарантированный в эоплейстоцене и в плейстоцене способ выжить. Мы предлагаем свою гипотезу, что характеризующей всех троглодитов и отличающей их зоологической чертой был каннибализм и адельфофагия (умерщвление и поедание части представителей своего собственного вида).

Нет никаких оснований соглашаться с тем, что "троглодиты ни в малейшей мере не были охотниками, хищниками, убийцами, хотя и были с самого начала в значительной мере плотоядными, что составляет их специальную экологическую черту сравнительно со всеми высшими обезьянами. Разумеется, они при этом сохранили и подсобную или викарную растительность"¹⁵². Справедливости ради надо отметить, что Б.Ф. Поршневу заметил факт каннибализма среди троглодитов, но он оценил его лишь как один из частных моментов выхода из природного кризиса палеоантропов в позднем плейстоцене. Так как эта мысль представляется для нас важнейшей, приведем еще одну цитату. "Необычайно лабильные и вирулентные палеоантропы осваивают новые и новые варианты устройства в среде, но кризис надвигается неумолимо. Этот кризис и выход из него здесь невозможно было бы описать даже самым кратким образом. Пришлось бы ввести в действие такие мало знакомые читателю зоологические феномены, как адельфофагия (умерщвление и поедание части представителей своего собственного вида), и рассмотреть совершенно новый феномен – зачаточное

¹⁵⁰ Поршневу Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 108.

¹⁵¹ Там же. С. 107

¹⁵² Там же. С. 109.

расщепление самого вида на почве специализации особо пассивной, поедаемой части популяции, которая, однако, затем очень активно отпочковывается в особый вид с тем, чтобы стать в конце концов и особым семейством"¹⁵³. Чрезвычайно глубокое наблюдение и точно прицеленный вывод. Троглодиты были не просто убийцами, а самыми опасными убийцами – они могли убивать всех и все, что могло пригодиться для выживания, даже себе подобных, что не разрешал себе ни один другой вид животных, даже самый-самый кровожадный хищник. Если уж говорить о зоологических феноменах, с первого взгляда шокирующих нравственность современного человека, то надо бы ввести специальное рассмотрение феномена педо- и геронтофагий - поедание собственных детей и родителей - пережитки которых можно увидеть еще и в близкие нам времена в эпоху мезолита и неолита, а у некоторых народов и того позже. Можно и не искать фактов для верификации гипотезы адельфофагии в глубине веков, вся история человечества тому горькое подтверждение. Человек в этой своей способности универсален, абсолютен, никакими биологическими запретами не ограничен. Примеры того, что люди могут убивать себе подобных и это носит "целесообразный" характер, можно найти и в более близкие к нам времена. Уничтожение больных и старых, детей-уродов – ужасающая современную нравственность картина в ходе всей истории человечества. И вряд ли есть хоть один народ, который миновал это явление. Вот что писал Ф. Нансен: "Эскимосы-язычники убивали не только уродов, но и больных детей, которые, по их мнению, не могли бы жить, а также и таких, у которых мать умирала во время родов и которых некому было кормить грудью. Часто случалось, что их просто выбрасывали на землю или в море. Нам это кажется жутким, однако это делалось из сострадания и было, несомненно, разумно. Живя в тяжелых условиях, эскимосы не выращивают потомства, которое никогда не сможет приносить пользы и будет только обременять общество"¹⁵⁴. Это современное объяснение, которое не обязательно идентично тому, какое давали сами эскимосы. Убийство детей, уродов, инвалидов, больных и стариков могло трактоваться вовсе не с позиций целесообразности выживания, а как деяние, имеющее некие более глубокие и таинственные корни и мотивы. И как бы они не интерпретировались в рамках той культуры, они по сути были пережитками, остатками первичного каннибализма. Такие рудименты, атавизмы, реликты можно найти на любой стадии исторического времени жизни любых народов.

Но способ выживания через превращение собственного вида в основную кормовую базу изначально содержал в себе противоречие. Можно было съесть самих себя без остатка и исчезнуть с лица земли. Такой механизм люди потом создавали для животных искусственно. Так в эпоху парусных кораблей избавлялись от непрошенных пассажиров – крыс. Отловив несколько десятков этих тварей, некоторое время их кормили мясом других убитых крыс. Когда переставали подкармливать, крысы начинали есть друг друга, пока не оставался один – последний, самый сильный: "крысиный тигр". Если бы его не выпускали

¹⁵³ Там же. С. 112.

¹⁵⁴ Нансен Фритъоф. Собр. соч. М., 1937. Т. 1. С. 291.

на волю на корабле, где он продолжал свою охоту, он был бы обречен. Впрочем, со временем он будет обречен и на корабле, если сумеет съесть всех своих сородичей. Если же он один только будет "крысоедом", а остальные питаются в нормальном крысином режиме, он может дожить и до естественной от старости смерти. Но если он приучит всех остальных питаться друг другом, то они обречены на близкое вымирание. Именно такая перспектива ждала ископаемых (*fossilis*) людей.

Видимо, с некоторыми видами троглодитов (ископаемых людей) так и произошло. Есть определенная экологическая пропорция количества особей популяции и соотношения количества представителей мужского и женского пола. Если эта черта станет ниже минимальной, то биологический вид обречен на вымирание. Людоедам надо было регулировать количество вообще и количество мужских и женских особей в популяции. Но, повторяемся, таких природных, зоологических ограничений не было. Природа дала "новым мутантам" полную свободу, включая свободу умирать когда угодно и как угодно: хоть даже при помощи собственных усилий и деяний. Для других биологических существ порядок рождения, жизни и смерти расписан в генотипе: как родиться, как существовать, как и чем кормиться, как размножаться, как стареть, когда и как умирать. Только люди свободны в выборе. Поэтому они оказались перед проблемой – самим найти способ своего выживания и регулирования своего присутствия в этом мире. Для этого природа готового "ума" им не дала, но зато, как и все остальное среди прочего, не сотворила запрета стать "умными". Только все это надо было делать самим. Таков новый видовой признак homo.

Как же вышли люди из этого тупика потенциального самоистребления, который мог стать глобально актуальным еще в ту раннюю эпоху зарождения лишь черешка человеческого вида? Что и как могло им запретить есть себе подобных?

Первая возможность понятна: недостаток других более легких источников питания. Потому нет ничего странного, что главные очаги жизни ископаемых и первобытных людей были в регионах, благоприятных для выживания. Если вкусной и легкой для добывания, скажем, растительной пищи в достатке, зачем трогать "консервы"! Посмотрите, где развивалось вегетарианство...

А если нет в достатке? Тогда есть еще варианты: перейти на питание мертвечиной¹⁵⁵, подбирая остатки за крупными хищниками. Тут конкуренты, как подчеркивает Б.Ф. Поршневу, в основном насекомые и птицы. Последние могли даже служить наводчиками на такие остатки. Специальные исследования тотемов и мифов, связанных с птицами, могли бы привести на интересные мысли: почему одни птицы считались друзьями, а другие носителями враждебных сил? Здесь же, возможно, генетический источник "дружбы" с представителями некоторых видов хищников и одомашнивания травоядных. Съедобных тотемных животных нельзя убивать, как и сородичей. Но абсолютное табу часто снималось при соблюдении ритуальных действий. Тотемных животных, как правило, убивали и поедали с соблюдением определенных ритуальных действий, перед наступлением трудных периодов выживания. Скажем, перед наступлением зимы. К слову сказать, именно

¹⁵⁵ См. Поршневу Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.

такая форма каннибализма сохранялась до исторического времени у некоторых народов-каннибалов. Получается, что тотемных животных запрещалось убивать тоже с позиции "консервов" про запас. Если так, то это уже уровень, свидетельствующий, что люди сумели построить целый эшелон обороны против каннибализма.

Главным, ставшим уже скрытым, как сказали бы философы, метафизическим тотемом, конечно же, оставался сам человек. Именно его нельзя трогать без нужды до поры времени. А если нужда? Тогда надо отсортировать тех, кого можно трогать, а кого нельзя. Не так ли произошло разделение на "своих" и "чужих". Чужих можно убивать, собирать и коллекционировать их черепа или скальпы, поедать и приносить в жертву, а своих нельзя. Да и "свои" тоже не сразу попали под табу. И среди своих были поиски – то только стариков поедать или приносить в жертву, то только молодых, то только женщин и т.д. Но со временем самым распространенным и универсальным стало деление на "своих" несъедобных и чужих съедобных. За те 3-5 миллионов лет, которые выдержали троглодиты, природа "экспериментально" жестоким методом "проб и ошибок" выискивала самый эффективный способ регулирования аде́льфофагии.

Но мы это судим уже по результатам более поздних сложившихся порядков, как первобытные люди выбирались из потенциальной возможности самоуничтожиться путем каннибализма. Такой феноменологический подход не дает ответа на самый главный вопрос: как и откуда неразумные троглодиты, эти ископаемые люди, набрались ума упорядочить самопоедание. Почему не пошли по пути специализации именно на каннибализме и его закреплении? Что помешало им стать специализированными людоедами? Мы уже говорили, что этот способ выживания возможен, если только постоянно контролировать количество вообще и соотношение мужских и женских особей популяции. В противном случае повышенный аппетит может привести к нарушению математического минимума особей, и популяция неумолимо вымрет. Чтобы понять ход дальнейших рассуждений, вернемся к началу анализа.

Для признания возможности таких мутаций не требуется особых аргументов. Все эти мутации возможны и сегодня среди животных. Нарушение сезона размножения возможно. Нарушение системы питания возможно. Возможны также все другие аномалии упорядоченного зоологического существования. Но по отдельности. В комплексе они произошли однажды. В этом смысле случайность сыграла роковую роль. Спор о степени вероятности выживания после такого обширного комплексного нарушения основных зоологических способов существования, на наш взгляд, бесплодный, ибо "чуда не бывает, но оно же есть". Есть люди со способностью с одного взгляда на долгие годы запоминать энциклопедических размеров информацию. Так не бывает, это невозможно, но есть же! Вероятность рождения именно каждого из нас меньше количества молекул во Вселенной, но мы же родились! И так далее.

"Комплексный мутант", появившийся на пятом миллиарде лет истории Земли, казалось, прибыл на пир жизни слишком поздно и некстати: все места были заняты. Но среди мутаций оказалась нарушенной еще одна зоологическая норма выживания – не есть (кушать) себя подобных. На всеядность были сняты все

зоологические ограничения. Именно эта ниша в зоомире оказалось пока незаполненной из-за природного запрета питаться особями своего вида. Ни одно животное не ест себе подобного. Точнее, не так! Нет ни одного вида животных, рефлекс питания которого был бы специально ориентирован на питание себе подобными как основной кормовой базы. Охота на себя подобных у хищников заблокирована. Если даже не "намертво", то допускает исключения только в крайне редких, экстремальных, можно сказать, трагических обстоятельствах. А у гоминидов потребность питаться себе подобными по зоологической природе оказалась центральной, генерализующей все остальные потребности. Поедание самого себя оказалось для этого вида специфическим признаком. Это отразилось даже в более поздних мифах. Эрисихтон родом из Фессалии вырубил рощу с дубом, посвященным богине плодородия Церере, которая за это наслала голод, и Эрисихтон пожрал самого себя.

У "новых мутантов" ограничения, которое есть у всех дочеловеческих животных, - не питаться себе подобными, не оказалось. Всеядность предполагала также и питание себе подобными. Можно питаться всем, что биологически для этого пригодно, в том числе и себе подобными, коль они тоже съедобны. Коль нет биологического ограничителя, это означает биологическую санкцию каннибализма. Мы выдвигаем гипотезу, что основной причиной вымирания всех ныне известных видов ископаемых людей (троглодитов, как предлагает их называть Поршнева Б.Ф.), является отсутствие эффективного способа торможения, отмены, запрета адедьофагии и каннибализма. Жестокая конкуренция с крупными хищниками должна была неумолима загонять их в специализированную экологическую нишу – питания себе подобными. В природе именно эта ниша оказалась свободной и легко доступной по сравнению с другими. И троглодиты вынужденно начинали специализироваться на охоте за себе подобными, рассматривая это основным источником питания. Себе подобные становились основной кормовой базой. Зов крови (видовое единство) оборачивался зовом на кровь себе подобных. Остатки этого можно увидеть в охоте за скальпами и коллекционированием черепов врагов даже в очень близкое к нам время. Этот путь был не просто дорогой в тупик. Это был ужасный путь в никуда. Троглодит, побуждаемый естественной потребностью питаться, стремился к поиску себе подобных. Если переводить на простой язык, это означает, что чувство голода толкало троглодита к поиску себе подобных. Потребность в себе подобных катастрофически (трагически) совпадала с потребностью питаться. Опять-таки, в глубоких недрах нашей природы и сегодня можно заметить повышение аппетита в компании. Привлекательность пиров уходит корнями в эти троглодитские пласты возвышения человека над зоологическим миром. И сегодня сохранилось стремление и предпочтение есть при людях, вместе с людьми. Дошедшее до времен письменной истории наличие у многих народов мест общего питания говорят о том же. В классический период у спартанцев общее питание было обязательным, а в Афинах - почетной наградой. В этом есть еще один смысл: есть всем под присмотром, чтобы "не согрешить", чтобы не нарушить социального правила, блокирующего биологическую потребность есть себе подобных.

Но в древнейшие времена это совпадение потребности в себе подобных и потребности питания было парадоксальным, само себя исключаящим. Голод гонит к своим, в толпу, которая возбуждает аппетит. Вид себе подобных вселяет уверенность быть накормленным и радуется. Но встреча со своими, с себе подобными внушает и ужас быть съеденным. Столкновение двух взаимоисключающих позиций стало проклятием духовной жизни людей. Вспомним детские страхи темной комнаты: не монстры мерещатся, а спрятавшиеся под диванами, за дверями, в шкафах люди, т.е. такие же, как мы сами. Из темных глубин подсознания поднимаются наидревнейшие страхи, прежде всего пред себе подобными. Наибольший ужас человеку внушают именно такие же, как он сам, существа по сегодняшний день. Получается, что вид людей, с одной стороны, радуется, а с другой – наводит ужас. Радость и ужас не уживаются, они порождают стресс, причиняют боль, сводят с ума даже не успевших поумнеть троглодитов. Человечество рождалась не просто в муках, а в ужасных страданиях бинарной структуры бытия, как внешнего, так и внутреннего (физиологического, нервного, чувственного). Человек столкнулся не просто с проблемой. Он сам был проблемой и для природы, и для самого себя. Все стороны его бытия покоились на фундаменте взаимоисключающих стимулов. Что бы он ни делал, нужно было исходить из противоречивого единства стимулов и возможностей, нужно было постоянно выбирать из двух допустимых и стимулируемых вариантов что-то одно. В животном (зоологическом) мире эту работу делает "тормозная доминанта", которая открывает заслон только для одного стимула, «переводя стрелку» для других, не имеющих отношения к данной ситуации, стимулов в запасное депо. У новых мутантов оказался испорченным и этот механизм. Сам организм, попадающий постоянно в ситуацию ультрапарадоксальной ситуации, автоматически уже не решал. Нужно было найти и наладить внешний, развернутый в пространстве и времени предметного мира механизм выхода из нервного стресса, когда одновременно действуют два взаимоисключающих рефлекса, стимула, импульса, потребности.

Требуется специальное исследование, как и почему смогли так долго продержаться разные виды троглодитов (с нескольких десятков тысячелетий до миллионов лет!), у которых надежного механизма не было. Лишь один вид нашел решение – кроманьонцы. Такая специализация рано или поздно должна была привести к вырождению, даже если они как-то умудрялись не съесть самих себя целиком как вида.

Легкого начала человеческой истории не было. Как все упорядоченное, если на языке античной философии, Космос (упорядоченный мир) может возникнуть только из первичного Хаоса. Таким был и первый шаг разумной материи. Но этот путь был путем развития Хаоса, из которого, как известно только и может возникнуть Космос – упорядоченный мир. Троглодиты вымерли, ибо не нашли эффективного средства торможения (регулирования) адельфофагии и каннибализма. Они или съели себя больше необходимого минимума, или походили с ума от вида друг друга и умерли от стрессов ужаса, внушаемого себе подобными, к которым их влекли инстинкт питания, голод. На чувство голода накладывалось еще что-то мучительное. Вид толпы, даже только один вид,

облегчал боль голода, ибо это был вид еды в достаточном количестве. В то же время вид толпы внушал страх, переходящий в необъятный ужас смерти. Толпа людей одновременно внушала чувство удовлетворенного голода, т.е. источника жизни, и чувство бессилия перед толпой, страх смерти, т.е. быть съеденным. Весь древний палеолит (эоплейстоцен и плейстоцен, вероятно, без вюрма) ушел на поиск выхода из этой жизненной антиномии.

Лишь кроманьонцам повезло больше всех. У них появился (опять-таки мутационные штучки) новый мозговой орган – передние лобные доли, сыгравшие роль света в конце черного туннеля, где оказались ископаемые (fossilis) гоминиды, история которых неумолимо шла к фатальному финишу. Не спасали, вероятно, разные варианты, которые могли выскочить из стрессового хаоса¹⁵⁶. Например, специализация на поедаемых и поедающих членов популяции. Отголоски разных тупиковых вариантов тоже по сей день можно увидеть среди людей: прирожденные суггестаторы и легко внушаемые люди в норме и больные. Не исключено, что целые народы из этих групп: один народ - потомок суггестаторов, другой – внушаемых. То, что ископаемые люди, хотя и было их ничтожное количество, так быстро расселились по всей Земле, можно объяснить этим. Поедаемые в ужасе разбегались по всей планете, а их пожиратели шли вслед за убегающей кормовой базой. Так и оказались на всей поверхности планеты потомки и тех, и других. Деление на специализированные группы, разные языки, впоследствии и вся материальная и духовная культура легко объяснима попыткой людей защитить себя от себе подобных хищников-людоедов. В теоретической абстракции – защитить себя от себя, точнее, защитить в себе человеческое, социальное, гуманное, от первочеловеческого, природночеловеческого, зоочеловеческого – людоедского.

Вся история культуры, или культурная история, есть подавление человечеством каннибалистских стимулов как в себе в целом, так и в каждом отдельно взятом человеке. Культура – то, что подавляет в человеке его каннибализм и освобождает тем самым место для гуманитария. Первичная антиномичность сохраняется по сей день. Чем выше культурный уровень человека, тем меньше он людоед во всех его уже изощренно трансформировавшихся формах. Дикость – одна из уникальных форм каннибализма, суть которой в том, что свой каннибализм дикарь осуществляет в различных скрытых культурными средствами форм, сублимациях. Войны есть одна из глобальных форм каннибализма, осуществляемого во все времена дикарями, несмотря на их титулы, должности, звания, манеры.

Если животные питаются себе подобными в виде "исключения" в экстремальных обстоятельствах, то гоминиды питались в основном себе подобными, подкармливаясь растительной и животной пищей как добавкой к основному рациону. Некрофагия, фитофагия, зоофагия, фекалофагия (копрофагия) – все было лишь дополнением к основному способу питания - адельфофагии, каннибализму, людоедству. Поршневу Б.Ф. заметил ужасающую частоту антропофагии у древних народов. Но для нравственного и эстетического чувства

¹⁵⁶ См.: О концепции неадекватных рефлексов и доминант А.А. Ухтомского, Н.Е. Введенского, Ч. Шеррингтона в интерпретации Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 201-297.

человека это открытие настолько ужасно, что Поршневу Б.Ф. решил, что у первобытных людей, как и у животных, такой позорный способ питания был случайным, как вынужденная мера, в экстремальных ситуациях и обстоятельствах. Но нет же! Просто у ископаемых и первобытных кроманьонцев не было другой экологической ниши. Альтернатива для нового вида живых существ тогда была предельно проста: питаться особями своего вида или вымирать. Фрейдизм и неопрейдизм разрабатывают одну из интереснейших гипотез механизма подавления инстинкта антропофагии - инстинкт смерти. На наш взгляд, инстинкт смерти связан лишь с одной стороной бинарной структуры бытия человека: с ужасом перед себе подобными. Те, кто пошел по этому направлению развития, те ветви людей, которые базировались на этом инстинкте, в самом деле, вымерли. Осталось то направление, которое пошло путем каннибализма, но нашло способ его торможения, временного подавления и отмены, трансформации, замены. То, что они жили поблизости берегов океанов, морей, озер и рек объясняется не столько желанием пить или пышной растительностью, тогда растительности везде было много. Даже не удобством охоты на животных у водопооя или наличием туш утонувших крупных животных, а тем, что вода снимает стресс, психоз, невроз, успокаивает. Вспомним, как дерущихся животных (собак, например) и хулиганов разнимают водой. "Остынь", "остудись", "попей воды", "охладись" – все советы возбужденным использовать воду для успокоения нервов. Троглодиты жили вблизи воды, чтобы иметь возможность "остуживаться" и "остуживать" других. Не выдержавший взгляда начинал убегать, провоцируя рефлекс охоты у остальных, которые бросались за ним. Если несчастный не успевал добежать до воды и не начинал брызгаться, то его, возможно, ждала участь неандертальца из Мугарет-эс-Схула на горе Кармел в Палестине. Почему балы, карнавалы, кутежи и прочие – все обычно происходит с наступлением темноты? Ответ: "После работы", – вряд ли достаточное объяснение. Так поступают и те, кто ведет праздный образ жизни. Почему с наступлением темноты наступает психологический комфорт? Может, потому, что мы начинаем хуже видеть себе подобных. Они, вроде, и здесь, и, вроде, их нет.

Предвосхищая выводы, можно сказать, что вся культурная история есть одно глобальное дело – поиск эффективных механизмов торможения исходного, лежащего в фундаменте социального бытия, людоедства. Пищевой рефлекс оказался наложенным на потребность в себе подобных. Люди всегда нуждались и нуждаются в себе подобных. Как бы это не было стыдно, но в глубинной основе этой потребности человека в "мы", в человеческой среде, где он чувствует себя человеком (представителем своего вида) и может стать человеком, лежит рефлекс антропофагии, потребности поедания себе подобных. Роскошь общения, которой восхищаются культурные люди, радость от удовлетворения этой потребности корнями уходит в радость от вида съедобного (в буквальном смысле) сородича.

Еще раз повторим вопрос: как эволюция вышла из тупика самоуничтожения человечества? Опять-таки грустная ремарка: и вышла ли до конца? Глобальные проблемы современности, которые могут обернуться глобальной катастрофой самоуничтожения человечества – не продолжение ли в культурных формах той же зоологической основы бытия?

Позволим себе две гипотезы. Первая в том, что люди с помощью одного рефлекса, до этого бывшего лишь бесполезным придатком тормозной доминанты, если и не решили проблему "бинарной структуры" своего бытия, т.е. противоречия между потребностью в себе подобных и страхом (ужасом) от вида себе подобных, то, по крайней мере, нашли способ его торможения на некоторое время. Одновременно два стимула с разными векторами разрывали человека: тяга к себе подобным и желание бежать подальше от себе подобных. Одна сила толкала к толпе себе подобных, другая неукротимо от толпы. Когда два стимула сталкиваются, рефлекс превращается в ультрапарадоксальную ситуацию. Особь не может ни выполнить положенное рефлексом действие, ни игнорировать его. В таком состоянии реализуется антипод этого рефлекса, который при нормальных условиях остается скрытым и собирает в себя все лишнее и мешающее выполнению актуализированного рефлекса. Он и есть депо тормозной доминанты, кладовка, где хранится огромное множество раздражений, непрерывно поступающих из внешнего и внутреннего мира особи.

Продемонстрируем на примере. Если приучили свою собачку по хлопку прибегать за лакомым кусочком, она, прибежав и не найдя всегдашнего угощения, будет "удивлена", разочарована, раздражена. Она будет повторять несколько раз процедуру "прибегания", вот, мол, я, прибежала уже, давай угощение. Если вы будете упорствовать в своем непонимании, она впадет в ультрапарадоксальную ситуацию. То есть: один стимул (привычный) говорит: "Ешь угощение!", – второй свидетельствует, что есть нечего. Кушать и не кушать – что делать? Лоб в лоб сталкиваются два стимула. Вот в этот момент и реализуется тормозная доминанта, тот рефлекс, который находится на противоположном конце рефлекса питания. Раньше, когда собака получала угощение, этот рефлекс отвлекал на себя все другие раздражения, чтобы они не мешали собачке спокойно кушать. Он оттягивал к себе все, что не имело отношения к поеданию угощения, освобождая организм от ответных действий на ненужные в данный момент раздражения и стимулы. В ультрапарадоксальной ситуации, он, этот рефлекс, бросает свои прямые обязанности – служить депо для ненужных, отсроченных действий – и сам реализуется в действии. У многих животных этим рефлексом (совершенно бесполезным во многих отношениях) является голос, точнее, различные звуки, доступные их голосовым связкам. У троглодитов этот рефлекс был, безусловно, тоже. Более того, их голосовые связки оказались для этого более приспособленными. Модуляции по громкости, по высоте, по ритмам, по тонам и т.д. – оказались невиданных для животных диапазонов. Попутно можно высказать гипотезу, что печальные минорные звуки представляют более древний пласт вокаций. Голос в его первоначальном физиологическом варианте есть лишь результат "сшибки" двух взаимоисключающих стимулов, знак драматической ситуации, "голос боли" от неразрешимости ситуации. Точнее, как раз универсальный способ разрешения этой ситуации. Издав звук, особь облегчает или даже снимает ситуацию, отменяет ее, откладывает в сторону, отбрасывает, чтобы продолжить жить, чтобы перейти к другой ситуации, где такого столкновения стимулов нет. Прокричал – и успокоился, забыл эту тупиковую ситуацию, снял, отбросил парадокс жизни, вышел из ступора, оцепенения и начал

заниматься другими делами. Но у животных голосовые (звуковые) способы снятия стресса сразу, после устранения ультрапарадоксальной ситуации, исчезают. Ваша собачка, налаявшись на вас за ваше неблагородное поведение (вы же хлопали в ладоши), "поругов" вас, пойдет заниматься своими делами, до очередной ультрапарадоксальной ситуации забывая "разговаривать". У троглодитов, можно предположит, дело пошло несколько иначе. В силу того, что они постоянно находились в ультрапарадоксальной ситуации (зов толпы и ужас перед ней), они постоянно актуализировали рефлекс тормозной доминанты, т.е. шумели, издавали звуки, вероятно, чаще мучительные – стоны, крики, вопли, плач. Троглодит бегал и хныкал, мурчал, рычал, ныл, выл, охал, ухал и т.д. Это снимало стрессовое состояние, освобождало организм от состояния мертвенного замирания, столбняка, освобождая организм для других действий. И сегодня люди подпевают, когда нужно напрягаться, когда нужно собрать силы в одном направлении, или охают, ухают и т.д.

Физиологическая часть проблемы, таким образом, могла быть если не решена, то, по крайней мере, смягчена: создавались паузы, не стрессовые промежутки. Человек мог "закрывать проблему", точнее, прикрыть ее, отменить, затормозить, отсрочить ее решение, заблокировать ее активность своей речевой активностью. Голос, вокация, что потом станет речью, на этом этапе служили рефлексом подавления "бинарной структуры" – одновременного действия двух диаметрально противоположных сил, стимулов. Чтобы жить, чтобы что-то мочь делать, надо было спрятать эту структуру, которая постоянно превращала человека в омертвевший задеревенелый столб. Речь отодвигала ее вглубь души, в подсознание, в зону подкорковых центров головного мозга. Пока человек говорил, эта структура не работала. Как только замолкал, тут же страх, ужас возвращались. Речь должна была быть постоянной или заменена чем-то. Этим чем-то со временем, точнее, очень скоро станут предметы, которые будут "замещать" слова, бормотание, говорение. Вспомним: перекачивание шариков в руке или перебирание четок успокаивают. Фетишизм уходит корнями в эту самую бинарную структуру бытия троглодитов. Предметы станут заменять звуки, сочетания звуков, бормотание, станут знаками звуков. Можно было не говорить, а просто носить при себе тот или иной предмет, видеть этот предмет – дерево, гору, скалу. Не отсюда ли эффект "родных стен" и ностальгия. Потом на место предметов придут их свойства. Конечно же, прежде всего шумы: ветров, реки, водопада, дождя, шелест листьев, скрип песков, шум шагов, хлопанье в ладоши. Все они могли заменить звуки собственного голоса. Потом спектр станет шире, в мир людей войдут и цвета, и другие свойства вещей. Но это уже будет познание, а не замещение первобытного "говорения", снимающего бинарную структуру. "Бормотание под нос" успокаивало людей, давало им возможность контактировать друг с другом, а не стоять истуканами друг перед другом, вытаращив от испуга глаза, бессильными пошевелить руками, ногами. Люди могли приближаться друг к другу, общаться, лишь постоянно "разговаривая", т.е. издавая звуки. Они так узнавали друг друга. Эти "родные" звуки потом станут "родными речами", отличными от других. Разделение и селекция звуков на "своих" и "чужих" придет позже. Возможно, популяции поедаемых и людоедов начали различать себя как

раз по разности этих звуков. Агрессивные звуки объединяли и собирали в толпу людоедов-суггестаторов, а печальные, горестные – поедаемых, внушаемых. Вокация помогла жить в состоянии постоянного стресса. Но не только спасла. Это были первые шаги. Речь оказалась впоследствии очень полезной во многих отношениях. Она оказалась полифункциональной.

Но отмена (торможение) бинарной структуры не решала проблемы питания. Оказалось, с помощью речи-говорения можно отсрочить поедание себя подобных. Но чем питаться? Опять уже оговоренные выше пути: трупоядность, питание мертвечиной, падалью, экскрементами, растительной пищей, насекомыми, жучками, паучками, мухами – где и что водилось, было доступно. Как мы уже говорили, в предметах питания человек не знал природных ограничений – лишь бы они были съедобны с физической точки зрения, т.е. содержали что-то питательное, остальное не имело значения. Все это нужно было отбирать не у крупных хищников, а в основном у насекомых, рептилий, грызунов и птиц или достаточно безобидных травоядных. Но на крайний случай оставался – главный, до поры подавленный бормотанием, речью. Снять время от времени запрет на людоедство помогали голод и ритмы жизни. Человеческие жертвоприношения в более поздние времена – остаток этих временных снятий запрета на поедание себе подобных. Когда же люди достигли того уровня, когда можно было прокормить себя и свое потомство трудом, воспоминание о зоологическом начале человеческой истории еще долго хранили в виде священных ритуалов и традиций.

Остановимся еще на одной интересной гипотезе, высказанной Поршневым Б.Ф. в его книге "О начале человеческой истории" (М., 1974). Мутация может затронуть не только какой-то признак или свойство. Мутация как нарушение может коснуться и какого-либо звена в рефлекторной цепи, например, питания. Что будет, если окажется нарушенным одно-единственное звено в цепи рефлекса питания, например, механизм доставки пищи в рот: ни пищу в рот положить, ни захватить ртом. Но оно есть и новое явление – запрет особям на кормление самих себя. Это нарушение кажется гибельным для любой особи: будь то травоядное животное или хищник, потому что означает появление механизма, запрещающего кормить самого себя, есть самому. Интересно то, что это не означает запрета есть вообще. Можно продолжать добывать пищу. И если кто-то другой положит в рот еду, ее можно жевать и проглатывать, ибо эти части рефлекса питания не нарушены. Какой бы несущественной детализацией это не казалось, тут же вспоминается распространенный у многих народов жест гостеприимства: подавать хлеб и соль, подносить сосуд с водой, или с рук хозяина получать угощение, причем нередко были случаи, когда хлебосольный хозяин клал угощение прямо в рот дорогому гостю. Есть еще более экзотические современному читателю формы угощения. Да и знаменитый закон гостеприимства есть тот же самый феномен – подарок: безвозмездное отчуждение, доставляющее хозяину радость. Почему безвозмездное кормление (гостеприимство) приносит радость? Ответ мы уже нашли выше. Забота о других есть способ удовлетворения первой стороны бинарной структуры социального бытия: постоянной потребности в себе подобных существах. Чем больше людей накормишь, тем больше шансов, что выживут больше людей, а это увеличивает возможность более частого

контакта с ними. Это лишь схема, но принципиальная. Удовлетворение потребности в себе подобных оборачивается попечением (кормлением), уходом за себя подобными, их защитой. Теперь в нашей концепции концы с концами начинают сходиться. Человек нуждается в себе подобных. Это – постоянная и неослабевающая потребность. Удовлетворение этой потребности дает человеку радость, чувство удовлетворенности, спокойствия. Кроме всего прочего, чем больше людей, тем больше **других** существ, которые, найдя еду, не могут положить ее себе в рот, но могут выйти из этого, казалось бы, губельного, тупика, кладя еду друг другу в рот. Не тут ли разгадка тайны "закона гостеприимства" и дарения подарков (безвозмездного отчуждения).

Все бы хорошо, но есть вторая половина бинарной структуры бытия гоминидов. Вид других людей вселяет в человека ужас быть съеденным этими людьми. Но если их, других людей, кормить чем-то съедобным, вкусным, ярким, аппетитно пахнущим, ароматным, соблазнительным, то, может, они не станут есть такого полезного и приятного сородича. Эта жажда во что бы то ни стало накормить сородичей есть инверсия (трансформация, сублимация) страха быть съеденным самому. Это есть опережающее действие по торможению чувства голода других, опасных себе подобных существ. Гостеприимство и людоедство дополняют друг друга по принципу дополнительности, т.е. единства противоположностей. Мы уже говорили выше о том, что речь вокация может на короткое время затормозить биостимулы, в том числе и рефлекс каннибализма. Теперь вся цепочка выглядит следующим образом. При встрече первобытные люди издают звуки (громко кричат – "приветствуют"), тем самым на время блокируют рефлекс питания (каннибализма). В наступившей паузе выясняют, кто нападающий (пришедший, агрессивный, наступающий, голодный, ищущий пропитание, т.е. "гость"), а кто защищающийся, спасающийся, т.е. "хозяин". И вот, хозяин проявляет "гостеприимство", т.е. кормит пришедшего, чтобы тот не набросился на него. Это и есть закон: если не хочешь быть съеденным, разграбленным, побитым, убитым, завоеванным, то откупись – накорми людоеда, брось ему, убегая, что-нибудь съестное или хотя бы то, что на время отвлечет его внимание. Как легко мысль перескакивает на уплату налогов, податей, контрибуций и других форм откупа своей жизни от победителя-людоеда! Чтобы, даже сытый, он не набросился на хозяев, еще надо с ним постоянно разговаривать, петь ему песни, занимать его мозг, активизируя тормозную доминанту пищевого рефлекса. Таково, на наш взгляд, всеобщее зоологическое начало социального бытия. Так биологический вид нашел двери социального бытия человека, порожденного зоологическим хаосом. В самом начале человеческой истории наши предки нашли способ, как один биологический рефлекс подавить другим биологическим рефлексом. В этом суть бинарной структуры социальности. Два диаметрально противоположных стимула должны были одновременно реализоваться и не реализоваться. Кажется, немислимо, чтобы противоположности образовывали неразрывное единство, но есть же цельный магнит, который одновременно заряжен как положительно, так и отрицательно. Есть же свет, который одновременно и квант, и волна. Таких примеров парадоксального бытия можно немало найти и в природе, и в обществе, и в мышлении. Самый главный пример – движение, антиномичную природу

которого обнаружил Зенон Элейский в своих знаменитых апориях. Главное в том, что как история, так и жизнь отдельного человека изначально антиномичны. Это надо держать постоянно в уме, чтобы понять структуру мировоззрения, рассматриваемого как субъективная реальность. При дальнейшем анализе всегда помнить про эту бинарную структуру социального бытия: потребность в людях и потребность спастись, бежать подальше от них. Такое антиномичное единство бытия реализуется во взаимном кормлении, точнее, снимается (нейтрализуется) через взаимное кормление, взаимную заботу, коллективизм, поддержку друг друга. Такой поступок, действительно, с позиции закона естественного отбора – нонсенс, алогизм, хаос, т.е. нарушение зоологического порядка, нормы. По зоологическому закону выживает сильнейший – тот, кто лучше сам себя прокормит. А в новом механизме получается, что выживают все, если они не выполняют закон естественного отбора. Более того, если они действуют диаметрально противоположным образом: безвозмездно отчуждают в пользу других результаты своей деятельности. Чтобы выжить в одиночку, надо обеспечивать выживаемость популяции. Доминанта целого над элементами – основной принцип начала социализации. Лишь сообщество, переставшее заниматься каннибализмом по отношению к сородичам, обеспечивает выживаемость всех. Это похоже на кислоту, которая сама себя не выжигает. Антизоологический механизм (закон?) гостеприимства стал заслонкой, отсекающей зоологического человека от социального. Механизмы, обрекающие вид гомо на вымирание (всеядность, бессезонное размножение, отсутствие подходящей экологической ниши, людоедство), обернулись принципиально новым способом выживания – общественным. Природа породила по принципу эмерджентности новый вид существ с новым способом выживания, для которых все экологические ниши оказались приемлемыми. Здесь перед нами и сущностная сторона – каннибализм, и нейтрализованная форма проявления этой сущности – гостеприимство, подарки, кормление друг друга, безвозмездное отчуждение. Материальная сторона бытия и одновременно психологическое сопровождение – чувство облегчения, радости, успокоения от избавления ужаса быть съеденным себе подобными. Первичный социальный закон (гостеприимства) решает проблему как материальной стороны бытия, так и проблему духовной (психической) стороны, т.е. люди, во-первых, находят выход из казалось бы тупиковой экологической ниши – каннибализма, который должен был привести к самоистреблению; во-вторых, находят способ выхода из состояния постоянного психологического, или пока, может быть, нужно говорить, из нервно-физиологического стресса, возникающего от столкновения двух противоположных стимулов (потребностей) – стремление к себе подобным и желание убежать подальше от них. Радость и ужас от вида себе подобных нейтрализуется в форме синтетической потребности накормить себе подобных, что успокаивает, уравнивает и стабилизирует психику, снимает разрушительное напряжение.

Все сказанное относится к древнему (нижнему, раннему) палеолиту и в основе реконструкции лежат ныне доступные остатки, следы олдувайской, аббевильской, шелльской, поздней и средней ашельской, частично мустьерской культур. Особенно последней культуры. Почти общепризнано, что у неандертальцев

наблюдается "наличие постоянных жилищ и оседлости"¹⁵⁷. Наличие ритуала погребения вызвало долгие споры о религиозности неандертальцев. Мы предлагаем свою версию объяснения этих фактов, исходя из допущения, что неандертальцы были каннибалами и адельфофагами.

Рассмотрим наличие погребений. Они, разумеется, никакого отношения к представлениям о потусторонней жизни не имеют. Такие представления возникнут через несколько десятков тысячелетий у неолитов. Погребение покойников, возможно, было вызвано сначала даже погребением (прятаньем) вовсе не покойников. Покойниками они становились уже после погребения. "Запас", погребенный, был защищен от обнаружения и поедания другими (как животными, так и людьми). Так, возможно, было даже не у неандертальцев, а в более раннюю эпоху – у австралопитековых и архантропов (питекантропов и синантропов). А у неандертальцев погребенье сородичей (членов "Мы") было защитой их от "Они", от чужих. Не исключено, что так же прятали трупы своих сородичей от голодных детей, чтобы не приучать их есть представителей своего "Мы". Кладбища возникли как накопление себе подобных про запас. До сих пор кладбища – это места, куда тянет и куда идти страшно. Со временем смысл видоизменился, но чувства остались прежними. Наш чувственный мир в этом аспекте намного древнее истории нашего интеллекта.

Жизнь троглодитов – это везде противоречия, сплошные недоразумения, непрерывная цепь антиномий. Во всем бинарность. Например, похороненный сородич. Он есть "Мы", но его эмпирически уже нет, а "Мы" осталось, продолжает существовать. Целое и часть – это более поздние категории. До этого еще надо дорасти. А пока лишь чувствование того, что и есть, и нет одновременно. Каждый факт жизни противоречив. Такова вся жизнь людей. Жилища, конечно, спасали от холода. Но оседлость имеет свои корни не в поиске защиты от непогоды. Определенность в пространстве, привязанность к одному месту, узнаваемость местности – это часть того же самого "Мы". Отдельный человек не только не выделяет себя из своего "Мы", он не отделяет себя и от своей территории. Даже в эпоху Возрождения, не говоря уже об античности и средневековье, людей именовали по месту рождения Демокрит – Абдерит (из Абдер), Аристотель – Стагирит (из Стагиры), Фома Аквинский – из Аквы, Николай Кузанский – из Кузы, Эразм Роттердамский – Роттердама. Оседлость, постоянное место проживания, дом – все территории, где все "Мы". Это эмпирический признак нашего "Мы". Дома нам и радостно и тревожно, хорошо и опасно. Дом – это место, где можно спрятаться от себе подобных, но это и место, куда могут вторгнуться. Дом – место, где свои вместе, но он – и место одиночества, убегания ото всех, где каждый только с самим собой. Дома мы прячем свои запасы – родных, но это запасы, т.е. то, что нельзя трогать. Покушение на наших родных – это кровное покушение на нас самих, на нашу жизнь, на возможность нашего выживания.

Долгий этап выхода палеоантропов к порогу бытия кроманьонцев, современного человека мы оставим в стороне, обозначив лишь тот

¹⁵⁷ Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. М., 1979. С. 122.

принципиальный момент, о котором речь шла выше – бинарную структуру бытия человека. Кроманьонцы уже овладели адельфофагией. Речь стала буферным механизмом между бинарной зоологической сущностью человека и реализацией социального по своей природе закона гостеприимства. Далее мы уже будем говорить о "готовом человеке" (Ф. Энгельс), отличающемся от животных прямохождением, речью, коллективностью и орудийной деятельностью. Эта история, по данным антропологии, начинается около 60-40 тысяч лет назад. И первый этап продолжается до 25-20 тысяч лет назад. То есть охватывает огромный почти 30-тысячелетний период. Если вспомнить, что письменная история человечества длится что-то около 4-6 тысяч лет, тот период представляется как нечто бесконечно долгое. И какой же долгий период достался троглодитам с их зоологическим основанием выживания даже по сравнению с первыми 30 тысячами лет жизни кроманьонцев. Тем не менее, этот период, в культурном плане попадающий под верхний палеолит, доступен реконструкции. Не вникая в дискуссии о способах познания и реконструкции этого исторического этапа жизни человечества и понимая проблематичность и гипотетичность выводов, позволим выделить несколько характерных черт мировоззрения человека уже нашего вида.

§ 2.

ЭМПИРИЗМ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Эмпиризм духовной жизни наиболее ярко представлен в истоках духовной жизни, т.е. на начальных этапах формирования человечества. Рассмотрим специфику первобытной духовной жизни кроманьонцев. Эта работа трудна для анализа во всех отношениях. И по времени объект существовал давно, и нет письменных документов, и остатки материальной культуры незначительны, и современные аналоги весьма сомнительны, и методология познания духовной жизни первобытных людей равна практически нулю, ибо до сих пор нет более или менее единого понимания того, что такое духовная жизнь. Поэтому категорические суждения в этой области могут быть лишь из-за излишней увлеченности и самоуверенности исследователей. Если начать историю человечества со старта сорокатысячелетней давности, то на первобытный тип духовной жизни придется самый длинный период истории – около 25-35 тысяч лет. Определение временных границ перехода от первобытного к первобытно-религиозному духовному миру человека осуществляется на основе археологических данных об ископаемых остатках материальной культуры, в основном – орудий труда. Эти материалы с огромной проблематичностью позволяют судить об изменениях не только в материальной, но и духовной жизни людей того периода. Не погружаясь в специальные вопросы методов реконструкции духовной жизни на основе археологических данных материальной культуры и аналогий с современными народами, которые отстали в общей истории человечества на этапе, напоминающем каменный век, мы попробуем рассмотреть предполагаемую духовную жизнь людей той далекой от нас эпохи на основе наиболее распространенных представлений о них. Для реконструкции будем пользоваться мыслью К. Маркса о том, что анатомия человека - ключ к пониманию анатомии обезьяны, т.е. развитые формы объекта - ключ к пониманию его простых форм.

Исследования показывают¹⁵⁸, что духовная жизнь первобытных людей отличалась эмпиричностью, синкретичностью и тождеством индивидуальной духовности с общественной.

Эмпиризм в самом общем виде означает познавательный уровень, когда представление о вещи (событии, процессе, явлении) сводится до знаний совокупности, в основном, чувственно доступных свойств. Современная трактовка эмпиризма в рамках научной эпистемологии, разумеется, предполагает и знания отдельных умопостигаемых свойств, но включаемых в познавательную процедуру как отдельные разрозненные моменты. В целостное представление о вещи эти свойства включаются на основе опять-таки внешних параметров. Основательная дискуссия по характеристикам эмпирических знаний и особенностей эмпирического уровня познания в нашу задачу не входит. Мы в дальнейшем под этим термином будем понимать именно отражение объекта познания в рамках чувственного познания. Для нас важно уяснить специфику эмпиризма как составной части первобытной духовной жизни. Поэтому для ясности мы будем говорить о первобытном эмпиризме как знании (порой весьма изощренном) лишь чувственно познаваемых свойств вещей и событий или их элементов. Эмпирическое знание, если оно ограничивается лишь теми свойствами, которые можно увидеть, услышать, обонять, осязать, узнать на вкус, не способно обнаружить наряду с другими сущностными (умопостигаемыми, метафизическими) свойствами объекта познания также и наличие в человеке субъективного мира. Душа – предмет недоступный эмпирически-чувственному познанию. Ее невозможно ни потрогать, ни увидеть, ни услышать и т.д. Ее можно лишь понять. Понимание вещей и их свойств, данных чувствам, отличается от понимания сущностных свойств, доступных лишь теоретическому познанию. Дискуссии по вопросу о различиях между эмпирическим и теоретическим познанием продолжаются и сегодня¹⁵⁹. Споры эти предметны и содержательны, нужны и интересны. Для нас же важен тот момент, что мышление первобытного человека могло охватить лишь чувственные свойства предметов, не продуцируя с их помощью знания теоретические. Человеческий ум был еще не в силах познать и понять умопостигаемые свойства вещей, событий, явлений. В силу этого,

¹⁵⁸ См. Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. М., 1979; Бунак В.В. Р. Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980; Вэйле К. Механическая технология первобытных народов. М., 1924; Геккель Э. Мировые загадки. М., 1979; Григорьев Г.П. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л., 1968; Гурь Д.А. Актуальные методологические проблемы теории происхождения общества. Философские науки. 1983. № 4.; Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937; Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957; Леви-Брю. Первобытное мышление. М., 1930; Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1937; Мэйтленд И. Недостающее звено. М., 1977; Никольский В. Очерк первобытной культуры. М.-СПб., 1979; Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968; Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966; Тэйлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1997; Уайт Э., Браун. Первые люди. М., 1977; Фабрих К.Э. Стадное поведение обезьян и социальная организация. Советская этнография. 1974. № 5; Файнберг А.А. У истоков социогенеза. М., 1980; Фохт. Человек и место его в природе. Публичные лекции. СПб., 1963-1965. Т. 1-2 и др.

См.: Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного // История марксистской диалектики. М., 1971.

понимание человеком самого себя и мира, в котором он живет, ограничивалось только эмпирическими знаниями о чувственно доступных свойствах. Человек сводил себя и окружающие его вещи к совокупности тех свойств, которые он мог обнаружить чувственно. Внешняя данность, отличная от теоретической данности, ограничивала область знаний о людях, животных, растениях и предметах неорганической природы. Человек отличал себя от других объектов природы лишь по совокупности чувственно данных внешних свойств. Особое место человека в мироздании, обусловленное наличием разумной души, для него оставалось пока за семью печатями. Человек был для себя тривиальным, банальным объектом, таким же, как и животные, как и растения, как и камни, отличный от них лишь набором и особенностями чувственно данных свойств. Эмпиризм не позволял первобытному человеку рефлексировать свои чувства и мысли, следовательно, различать текущие (преходящие) и инвариантные мировоззренческие. Но независимо от этого (понимал или нет первобытный человек свои состояния) он обладал комплексом чувств и мыслей о себе и о природном и социальном мире, в котором он живет. И эти представления оставались в зоне чувственно доступной данности. Ограниченность ума человека чувственными (эмпирическими) образами вовсе не означает отсутствие логики, т.е. понимания связи вещей и событий. Простота сводилась к тому, что устанавливались связи и отношения лишь чувственно доступных свойств и характеристик. Это и определяло глубину постижения как вещей, так и связей между ними.

Доминирование такого мышления можно увидеть в онтогенезе как этап в развитии "души" ребенка, как момент, как состояние на векторе превращения человеческого детеныша в современного коллективного разумного субъекта общественной жизни. Эмпиризм ребенка, разумеется, отличается от первобытного эмпиризма, который был обусловлен, надо думать, не только социальными детерминантами, но и биологическими (как и у ребенка, специфическим уровнем развития головного мозга и других органов). Мозг новорожденного человеческого детеныша продолжает свое развитие как биологически, так и социально. Конечно, когда речь идет о биологическом развитии, речь не идет о видовой специфике. Но то, что есть в генотипе, не дано сразу в зрелом виде в фенотипе. Эмпиризм первобытного человека был окончательным, тогда как у современного ребенка он лишь относительный, так сказать, переходной момент. Накопление знаний идет в основном в количественном плане. Создание "искусственной природы" осуществляется по сходству путем подражания. Накопленный опыт закрепляется монотонным повторением и хранится в жестко детерминированных и реализуемых традициях.

Отметим одну интересную мысль. Восток сделал акцент на жесткости закрепления полученного опыта, как стать человеком. Так возник манизм, культ предков, традиционализм. Западная парадигма, решающая ту же задачу, несколько иная. Западную модель очеловечивания интересуют новые знания, укрепляющие человеческое в человеке. Механизмы их закрепления интересуют во вторую очередь. Запад бежит все время вперед, тогда как Восток держится за прошлое. Истинное бытие человека нуждается и в том, и в другом. Но в истории пути трактовки человеческого в человеке на долгие века разойдутся.

Однобокое развитие привело оба полюса к негативным последствиям: Восток отстал в индустриальном развитии, а Запад обеднел духовно, отстал во внутреннем развитии социального субъекта. С середины прошлого столетия наметилась планетарная тенденция конвергенции этих парадигм, как возвращение человечеству его целостности. Историческая драма этих путей развития человечества – тема интересная, но другая¹⁶⁰.

Это внешняя сторона дела. Нас интересует внутренний мир человека, точнее, та часть его души, которая образует его "Я". И здесь мы должны сказать, что этого "Я", отличного от "Я" других людей, первобытный человек не выделял. Вместо "Я" было "Мы". Об этом достаточно много сказано (например, у Л. Фейербаха), так что нет необходимости повторяться. В силу эмпиризма внутренние различия между людьми вообще не ощущались и не подразумевались. Индивидуальное "Я" было растворено в этом тотальном "Мы". Как ниже увидим, индивидуализированное "Я" было не только невозможно, но и опасно. Того, кто выпадал из "Мы", тут же съедали в прямом смысле. Человек был защищен от сородичей-людоедов только как нерасчлененная часть тотального "Мы", внутри которого он оставался неразличимым, не выделенным в отдельный самостоятельный объект. Чтобы не стать объектом каннибализма, надо было раствориться среди подобных, не выделяясь. "Мы" было одно единое целое. Все, что находилось вне этого единства, было другими – подлежащим потреблению. "Мы", подобно ребенку, все пробовало на вкус, тянуло в рот. Все, что находилось вне это "Мы", попадало на пробу – не съедобно ли. Если "да", потреблялось, если "нет", отвергалось. Все различия между разными "Мы" определялись лишь через совокупность чувственно доступных свойств, через различия в этих свойствах. Проблемы духовности как проблема тождества и различия между людьми пока не существовало. Бинарная структура человеческого бытия: потребность в себе подобных, тяга к ним и одновременно ужас перед себе подобными, стремление бежать от них - продолжает существовать, и "снимается" (в Гегелевском смысле) также, во-первых, через речевую коммуникацию, через понимание своей родной речи, т.е. речи тех, кого можно не опасаться, во-вторых, через предметную деятельность, прежде всего защиту с помощью предметов. Мир природных предметов входит в мир людей не как орудия производства, а как орудия отвлечения внимания охотящихся людоедов. Бросая камни или что под руку попадет, убегающая жертва тормозила бег догоняющих, которые останавливались, чтобы рассмотреть, не съестной ли запас побросал убегающий, не добыча ли охоты попала в руки. Видимо, из первоначально редких и случайных травм потом возникнет уже целевое использование бросания камней для нанесения травм как в охоте за себе подобными, так и в обороне от себя подобных.

Убегание, побросав все свое добро, – это вынужденный подарок, вынужденное гостеприимство. Война – бросание камнями друг в друга – оборотная сторона подарка, гостеприимства. То есть тот же механизм безвозмездного отчуждения, но с другим эмоциональным сопровождением. Отдавая предмет – спастись от

См. Хазиев В.С. Евразийская идея и практика // XXI век: на пути к единому человечеству. Материалы международной конференции. М., 2003.

людоедов. Если отдавать съестные и полезные вещи добровольно – это подарок. Если в силу обстоятельств и для нанесения травмы – это война. Корни того и другого – из одного фундамента. Бинарная суть бытия человека трансформируется как единство гостеприимства и войны (убийства). Высший человеческий закон гостеприимства сопряжен изначально с законом убийства (войны). "Злые дикари" Гоббса и "добрые дикари" Руссо – один и тот же человек. Они оба в одном существе, раздираемом этим противоречием на векторе исторического развития. Метафизическая сущность людей в первобытном обществе реализовывалась как эмпирические внешние отношения: как гостеприимство и как война. Первая для своего "Мы", среди своих, а вторая – для чужих. Деление человечества на локальные группы, на "мы" и "они" сняло необходимость тотального самоистребления человечества. Из области абсолютной эта проблема была переведена в область относительного: гостеприимство внутри нашего "мы", а война во внешнем плане с "они". От индивидуального взаимного уничтожения людей спасло деление на группы, на отдельные "общества" – на "мы" и "они", где во внешнем плане было определена внутренняя (физиологическая) бинарность бытия первобытных людей. Зоологическая бинарная субъективность опредмечивается во внешних отношениях людей как деление на враждебные "мы" и "они", как возникновение разных "обществ". Потребности в себе подобных, окрашенной в позитивные чувства, соответствовало свое общество, а потребности бежать в ужасе от себе подобных – враждебное общество чужаков. Постоянно сталкивающиеся внутри отдельной особи разновекторные чувствования приняли форму разных групп чувств по поводу разных обществ – своего и чужого. Конфликт обществ – это конфликт исходной зоосоциальной природы первобытного человека.

Детеныши первобытных людей "очеловечивались" в той среде, во-первых, эмпирическими средствами, во-вторых, пребывали лишь в этой внешней среде, в-третьих, сами чувствовали и понимали самих себя как лишь внешним образом существующие тела. Мира социально-внутреннего (субъективного, идеального, духовного) для первобытных людей пока вообще не существовало, он никак не фиксировался, не играл роли и не имел значения для них. Он, этот духовный мир, пусть эмпирический по своему содержанию, был. Речь о том, что этот духовный собственный мир оставался таким же недоступным, как и умопостигаемая сторона бытия вещей и событий природы и социума. Вместе с теоретическими свойствами мира отсутствовала и собственная душа как ощущаемая и осознаваемая реальность. Мироззрение дикаря связывало человека с людьми и предметами лишь в формах эмпирического бытия. Эмпиризм со всеми достоинствами и недостатками был пока единственным способом духовной связи человека с миром. Человеческое бытие существовало лишь как совокупность внешних, чувственно фиксируемых свойств: видимых, осязаемых, слышимых, обоняемых, вкушаемых. Каждый человек как нечто данное полностью исчерпывался своими чувственно фиксируемыми достоинствами и недостатками. Для нас, современных людей, эмпирическая часть нашего мироззрения стала трудно отделяемой от рациональной основы, как эмпирической, так и интеллектуальной. Но в гносеологии различия теоретического и эмпирического

понимания вещей и событий улавливаются достаточно легко. Не представляет особого труда убедиться в том, что мы в повседневной жизни постоянно пользуемся эмпирическим мышлением. Обыденное сознание в основном есть действующая модель эмпирического мышления, разумеется, тоже имеющая свою долгую историю и подверженная развитию. Эмпирическое сознание – привычное и удобное. Лишь тогда, когда оно не дает нам возможности решать возникающие проблемы, мы обращаемся к нашей способности теоретического мышления. Текущая повседневная жизнь протекает, как когда-то у первобытного человека, в зоне эмпирических представлений о себе и о мире. Эмпиризм входит составной частью в нашу современную духовность и в "снятом виде" как историческое прошлое духовного бытия человечества, и в актуальной форме как средство ориентации в субъективном и объективном мирах настоящего. Как мы выше говорили, "снятые формы" прошлого могут актуализироваться при определенных ситуациях, близких к тем, которые были в далекие времена. Тогда на поверхности явлений эмпиризм современного человека будет не только формой мышления, а активизированной частью мировоззрения, т.е. будет входить в наличное "Я" живущего в современном мире человека, но по нормам первобытного духовного естества. Другими словами, среди современных людей появится человек с духовными нормами первобытного дикаря. Человек, духовное естество которого будет первобытным во всех компонентах бытия: подсознательного, бессознательного, интуитивного, чувственного и сверхчувственного, интеллектуального, вербального и даже проявляться на уровне моторной активности. Особый интерес представляет, конечно, для нашего анализа попытка реконструкции той бинарной социальности, о которой говорилось выше, в рамках эмпирически воспринимаемого мира. Антиномичное бытие человека, его потребность в близости с себе подобными и одновременно постоянный ужас перед себе подобными выглядит весьма красочным, когда мы смотрим на это глазами эмпирического мышления. Попытаемся отметить несколько характерных моментов.

Прежде всего, конечно, взгляд. Глаза людоеда, устремленные на жертву, парализуют волю. В них есть нечто такое гипнотическое, суггестивное, способное затормозить деятельность головного мозга, парализовать и чувства, и мысли, и речь, и моторику. И опять-таки этот взгляд - и притягивающий, и отпугивающий. Если не бояться метафор, можно сказать: сладко усыпляющий, томно погружающий в бездну успокаивающего мрака. По взгляду, по блеску глаз до сих пор мы можем определять характер отношения к нам нашего визави: собирается ли он нас "сожрать" или милостив. Встреча взглядов до сих пор – событие нелегкое. Мы чаще избегаем этой встречи, эта встреча не легка. Каждый может сам вспомнить, как отводил взгляд от лица человека, которого пристально разглядывал, когда тот, почувствовав, вероятно, это, поднимал глаза и находил вас. Если усилием удерживали взгляд и встречались глазами, то с его стороны это был вопрос ("чего надо?"), а с вашей стороны возникала какая-то обязанность что-то делать: сказать и сделать. Если разрешали ситуацию молча, с обеих сторон остается неприятный осадок, тревожное чувство опасности, страха. Если же вы решались пойти на развитие контакта, то, скорее всего, он начинался с вашей

улыбки. Мимика дополняет взгляд. Она такая же бинарная, как и взгляд. С ее помощью также можно передать взаимоисключающие чувства и намерения: злость и радость, агрессию и испуг, безразличие и интерес.

Мимика – второй способ эмпирического общения, контакта и избегания контакта. Выражение лица человека достаточно полно передает его желания и намерения по отношению к вам. Это выражение может отпугивать, привлекать, успокаивать, тревожить, вызывать опасения, звать, завлекать и т.д. Вид человеческого лица тоже бинарный: и привлекательный, и одновременно пугающий. Вид человека одновременно и радует, и пугает. Где-то в глубине бинарной души людей лежит психологическая основа урбанизации. Люди тяготеют к скоплению, чувствуя при этом нарастание тревоги. Жить в городе, где огромное количество совершенно незнакомых людей, почему-то психологически более комфортно, чем в деревне, где каждый более-менее хорошо знает каждого, по крайней мере, знаком. Одним из ответов на это может быть и предлагаемая нами гипотеза бинарной структуры основы человеческой духовности. Если анализировать весь репертуар человеческой мимики, везде можно найти общий момент: любая из них носит повелительный (суггестивный или контрсуггестивный) характер. Оскал, например, имеет парализующую силу, пугает, заставляет замереть, остановиться. Улыбка парирует силу действия оскала, уподобление, имитация исходного снимает его действие. Смех по сей день остается способом борьбы со злом любой формы. Оскал суггестивен, а улыбка контрсуггестивна. Оскал агрессивен и опасен, улыбка оборонительна и безопасна. С улыбкой мы пытаемся снять свои опасения, предлагаем добрый, не агрессивный вариант контакта, успокаиваем партнера по поводу миролюбивого характера наших намерений. Но в те далекие для нас времена, вероятно, улыбка не была самостоятельной и исходной мимикой. Она возникла как антипод оскала, как способ торможения стимулов, связанных с мимикой оскала, демонстрации зубов. Формула "то же тем же", или "клин клином вышибают" остается в активе и современных форм коммуникации. Показ зубов (что наглядно говорит о людоедских началах человеческой природы!) даже тогда, когда нет никакой необходимости и нет внутреннего состояния радости – одна из человеческих моделей демонстрации принадлежности к своему виду. Улыбка приклеилась к той части бинарной структуры бытия человека, которая означает чувство приятности, радости, успокоения от вида себе подобных. А оскал так и остался символом второй стороны – нагнетания ужаса, безволия, подавления сопротивления, агрессии. В сочетании с взглядом мимика была весьма эффективным средством добывания пищи (себя подобных) первобытными людоедами.

Как могла спастись от парализующего взгляда и притягательной мимики первобытного людоеда его жертва? Так же, как это мы делаем сегодня, как это делают дети: закрыв лицо и глаза руками, т.е. с помощью жеста.

Жест – это третий способ эмпирического контакта. Отмашка отстраняет, удаляет, скрывает, отрезает, отменяет наметившийся контакт. Жест приглашения кистью рук известен достаточно широко. Люди даже по отношению к животным используют этот жест. Держать руку перед собой, повернув ладонью к себе, сгибать и разгибать пальцы или то же движение всей кистью. Частота шевеления

пальцев или кисти еще говорит и о степени настойчивости. Жест прощания – обратный. То есть жесты приглашения и отстранения бинарные. У разных народов они могут меняться местами, но означают все равно те же стимулы: приближайся и удаляйся. Жест уже почти что действие: он или сам есть действие (моторика), или повелевает совершить действие, или останавливает действие, или после жеста следует действие (махнул рукой и, повернувшись, ушел, убежал). Жест освобождает от гипноза людоеда, освобождает (или, точнее, блокирует на время стимул приближаться к себе подобному, тормозит потребность в себе подобном) место для второй стороны бинарной структуры – убежать от себе подобных, искать спасительное одиночество.

Категория "одиночество" рассмотрена в философской, психологической и педагогической литературе достаточно широко. Но есть один на наш взгляд общий недостаток: везде одиночество трактуется как деструктивное, разрушительное явление. Педагоги пишут о семейной депривации детей, психологи и медики - о коммуникативной и сенсорной депривации, лингвисты – о языковой и речевой. В философии с легкой руки Э. Фромма одиночество стало антиподом свободы, точнее, ее негативной тенью: где растет степень свободы общества от природы или индивида от общества, там, как неизбежное следствие, усиливается и одиночество, которое разрушительно и болезненно, что может довести до сумасшествия или суицида. Бегство от свободы есть прежде всего бегство от ее негативного социального и психологического последствия, т.е. от одиночества. Такое понимание стало ходячим. Об этом можно прочесть в статьях, монографиях и учебниках. Но это не вся правда о социальной сути одиночества. Истинно то, что одиночество образует противоречивое единство со свободой, т.е. опять же получается бинарная структура. Эта трактовка свободы как позитивного праздника жизни, а одиночества как негативного несчастья не совсем точно. Во-первых, это неверно методологически. Такой взгляд агенетичен, неисторичен. Связь и характеристики свободы и одиночества рассматриваются как нечто закостенелое, неизменное, константное на все времена. Историзм требует рассматривать все в его развитии, в эволюции и революционных качественных скачках, даже в его разрушительных катаклизмах. Функции свободы и одиночества тоже исторически менялись, как и их позитивная и негативная роль. Одиночество как спасение от опасности быть съеденным людоедами – позитивная свобода. Свобода от людей и свобода среди людей – качественно разные феномены. И не всякая свобода от людей есть деструктивное, разрушительное, болезненное одиночество. В определенной ситуации это – праздник спасения от опасности, праздник победы жизни. Одиночество – это победа над самим собой, над естественным вечным проклятием бинарности бытия. Победа, одержанная над стихией непознанного океана стимулов собственной души. Быть одиноким в определенной ситуации – это героизм, торжество борьбы за право быть человеком вне человеческой среды, вне естественно-природных условий бытия человека. Победа за право быть человеком вопреки правилам, установленным природой, биологией, физиологией. Индивидуальная свобода личности начинается с одиночества. Тот, кто посмел быть одиноким, сумел стать одиноким, но при этом не потерять внутренней, метафизической связи с себе подобными, лишь тот стал

на путь социализации, очеловечивания. Истинная свобода общества и индивида покоится на одиночестве, начинается с выработки состояния одиночества, начинается с выживания в одиночестве. Человек, не теряющий социальных способностей в одиночестве, вне социальной среды, может сказать, что он действительно приобрел сверхприродное (социальное) качество быть человеком. В первобытном обществе одиночество – это эмпирическое умение выйти из-под коммуникативного (суггестивного) контроля сородичей-людоедов, оторваться от них, подавить их людоедские стимулы поведения. Одиночество так же двойственно, как и все в жизни человека. С одной стороны, одиночество – уход от себе подобных, от людоедов и людоедства. С другой стороны, одиночество – сохранение в себе потребности в себе подобных, способность удовлетворить эту потребность не во внешнем общении с другими людьми, а в общении с самим собой. Одиночество – корень дерева самопознания, самоощущения, самопонимания, самообщения. Человек начинается с момента, когда ему не скучно с самим собой, когда он сам себе достаточен, чтобы поддерживать человеческое состояние в самом себе, когда он сам для себя может заменить все общество, которое носит в себе "в снятом виде". Одиночество в этом аспекте не разрушает, а укрепляет человеческое в человеке, закаляет социальное начало. Одиночество в этом плане – пик социального бытия человека, торжество его общественной природы над его естественно-биологической природой.

У истоков человеческой истории одиночество играло совсем иную роль, чем сейчас. Можно сказать, даже диаметрально противоположную роль. Но вернемся к эмпиризму первобытного мировоззрения. Взгляд, мимика, жест – все это орудия одиночества. Точнее, они то, с помощью чего первобытный человек завоевывает свое право на одиночество в толпе людоедов, как в прямом смысле, так и в смысле метафизического бытия. Они – инструменты, с помощью которых человек обеспечивает неприкосновенность, одиночество, свободу от возможности стать пищей для сородичей. Тот, кто неправильно управляет своим взглядом, мимикой, жестами, обречен. Его "не поймут", его право на одиночество окажется не подтвержденным эмпирически доступными и значимыми для других особей свойствами. Есть еще один радикальный способ – бегство (действие). Как мы уже говорили, оно вытекает из жестов. Точнее, жест есть усеченное, абортированное, сокращенное порой до символа действие.

Действие – следующий, если нумеровать, то четвертый, способ эмпирической связи (контактов, коммуникации) первобытного человека с себе подобными существами.

В зависимости от вектора это действие может быть бегством в прямом смысле: как удаление от себе подобных в пространстве, увеличение расстояния между собой и другими. При этом следует помнить, что социальное пространство – это не километры и метры, а расстояние, обеспечивающее безопасность и выживание. И неважно, сколько в этом расстоянии километров, метров, сантиметров. Это лишь внешняя физическая атрибутика, не затрагивающая социальной сущности дела.

Если вектор действия противоположный, то "бегство" надо ставить в кавычки. Ибо это означает не увеличение расстояния между собой и людоедами, а наоборот

– резкое сокращение, т.е. нападение, атака, агрессия, подавление действием взгляда, мимики, жеста людоеда-противника. Бегство как спасение от людоедов здесь приобретает другой смысл. Убегаешь от возможности быть съеденным тем, что опережаешь противника в том же самом замысле, становишься более эффективным людоедом. Не даешь съесть себя, съедая сам других. Это тоже способ бегства от смерти от рук себе подобных. Но есть нюанс: это бегство не "от толпы", а "в толпу". Это спасение не от природой установленным способом выживания, а путем полного подчинения ей. Выполнение роли в той экологической нише, куда втиснула природа этот новый вид живых существ. Выполнение природой обусловленной роли. Если бы люди могли выживать, бесконечно поедая себе подобных, они бы так и остались природными (зоологическими) существами. Уникальными, единственными в своем роде животными, основная кормовая база которых они сами. Следовательно, вектор действия демонстрирует нам два способа выживания: отказываясь от природой обусловленного способа питания себе подобными или наоборот – реализуя его. И опять необходимо отметить бинарность ситуации. Можно выжить и так и эдак, результат, вроде, одинаков. Но это только во внешнем, эмпирическом плане. Суть результата разная. Эта сама себя уничтожающая природная система должна быть еще устойчивой и жизнеспособной по отношению к другим системам природы. Человеческое общество, состоящее из людоедов, должно было бороться, чтобы выжить как особый вид зоосуществ по соседству с травоядными и хищниками.

Если спастись от людоедов и людоедства путем агрессии, опережающего нападения на себе подобных людоедов, путем уничтожения себе подобных, то это путь войны, путь обеспечения своего видового бытия по нормам зоологии, природы. Природа создала людей людоедами, правда, оставив свободным вариант возможности жить как люди другим (не биологическим, не природным, а социальным, культурным, гуманным) путем. У истоков человечества мы находим две возможности: тупиковую – она же зоологическая, которая могла бы быть реализована путем разделения людей на две группы – на поедающих себе подобных и на поедаемых. Этот путь оказался не перспективным, тупиком. Если спастись от людоедов и людоедства путем "бегства", ухода от этого природного способа выживания, получится социум, история которого есть, как мы уже цитировали А.К. Тимирязева, история борьбы с законом естественного отбора, с зоологическим индивидуализмом. Забегая вперед, отметим, что человечество не сумело избавиться начисто от первого (зоологического) способа выживания. Бесконечные войны в течение всей истории тому свидетельство.

Мы рисуем самую общую схему антропосоциогенеза, его "чистую логику", чтобы понять сущность бинарной структуры бытия человека. Потребность в толпе и потребность в одиночестве – две нераздельные потребности homo. Реализация первой ведет к человеку-людоеду, человеку природному, человеку-воину. Реализация второй выводит его на путь человека-гуманиста, человека культурного, человека-работника, социального человека. Эмпирическое мировоззрение первобытного человека был бифуркальным, раздвоенным, готовым к любому варианту реализации своей жизни: чисто биологическим способом или же абиологическим, отрицающим природную возможность. Полагаем, что вся

эволюция архантропов, палеоантропов, а также первый этап (первобытный) неоантропов был борьбой этих двух возможных путей закрепления вида в экологической нише природы. Как знаем, победил в качестве доминантного вариант гуманистический, но первый, зоологический, вариант, трансформированный социальной жизнью, видоизменяясь, продолжает существовать и сегодня. Эмпиричный первобытный человек разрешал проблемность ситуации, как видели, с помощью взгляда, мимики, жеста, моторики (действия). Также обратим внимание, что каждый способ тоже внутренне противоречив, имеет двуединую, антиномичную, разновекторную природу. Каждый из них можно использовать и как средство зоологической реализации жизни, и как средство азоологического бытия. Последний (моторный) способ со временем станет основой орудийной деятельности, с помощью которой можно жить как мирно, так и воюя. То, что культурные достижения использовались в истории человечества, прежде всего, для военных целей, а только уже потом для мирных, косвенно еще раз подтверждает нашу гипотезу о двух вариантах, данных судьбой человечеству для закрепления себя в бытии как особого вида живых существ. Но между действием (моторикой) и орудийной деятельностью (трудом) есть еще одно звено или еще один способ эмпирического контакта первобытных людей. Это – речь, которая тоже эмпирически доступна. Акустические явления – эмпиричны, доступны чувственному восприятию. Взгляд, мимика, жест, действие, совершаемые одновременно двумя первобытными людьми-людоедами, ставил их каждый раз в ультрапарадоксальную ситуацию. То есть в ситуацию, когда активность, аккумулировавшая в себе энергию всех других возбуждений организма, наталкивалась на блокировку, на запрет. Как известно из физиологии высшей нервной деятельности, тогда на противоположном конце, где находится констелляция всех ненужных, отсроченных рефлексов, оказывается возбужденным антипод неудавшейся активности. Универсальным, всеобщим эквивалентом, как мы выше уже тоже говорили, выступает звук, крик, вскрик, голос, вокал. Речь, возникающая как столкновение двух стимулов, также имеет, как бы два вектора: крик-ура победителя людоеда, бросающегося в толпу, в погоню-охоту за себе подобным, и крик боли, плача, страдания, вопли ужаса побежденного, убегающего, ищущего одиночество. Первый крик усиливает зоологическую основу существования. Сюда относится так называемая "фотическая речь": всякие охи, ухи, шумные вздохи при физическом напряжении, при физической работе. Второй разблокирует суггестию людоеда, освобождает от скованности при виде себе подобного, "размораживает" от ужаса перед себе подобным. Эта "речь", во-первых, сняв скованность, дает возможность спастись бегством в одиночество. Во-вторых, позволяет в одиночестве, т.е. с самим собой, оставаться человеком. Гуманный человек начинается не с воинствующего крика, а с плача, слез, которые открывают ему его самого. Неудивительно, что молчание и плач – тоже вид познания во многих религиозных и философских концепциях. Например, в исихазме – молчание. В православии – плач. Плачущий человек очищается от зоологического, скверного способа выживания, уходит в себя, в одиночество. Плач, слезы – это тоже крик, вскрик, но другой, чем людоедский,

природный, это – культурно-людской, социально-людской крик. Речь, которая приведет к разумной жизни, начинается от крика боли, ужаса, страдания, плача. Два первобытных человека перед нами. Один с криком яростного торжества, с криком голодного хищника набрасывается на себе подобного, другой с криком ужаса убегает от него. Чтобы понять первобытного человека, надо лишь этих двух персонажей соединить в одном человеке. Каждый был таким бифуркальным, бинарным, противоречиво двуединым. Напоминаем, что речь идет о виде гомо сапиенс, т.е. о первых 20-30 тысячелетиях человеческой истории. Взгляд, мимика, жест, моторика, речь, орудийная деятельность – все это комплекс эмпирического способа контактов первобытных людей, обеспечивавший два возможных пути их выживания. Предметы входят в человеческую среду как орудия или агрессии и нападения или как обороны, торможения зоологической агрессивности. Сначала внешней, чужой, в прямом смысле нападения людоеда. А потом уже и как "снятие" своей собственной внутренней агрессивной природы в культурных формах бытия. Всем известен такой способ успокоения, как битье посуды и ломание стульев. Труд успокаивает и служит мостом к более гуманному способу бегства от людоедской природы человечности – творчеству. Но это уже другая тема, которая возникнет в истории человечества чуть позже, на другом этапе развития. Труд как орудийная деятельность в его самом примитивном виде возникает не в ходе взаимодействия общества с природой, а в ходе внутривидовых контактов, как способ регулирования отношений между особями и регулирование собственных стимулов жизнеобеспечения. Многообразие, наблюдаемое в разных местах проживания одних и тех же видов троплодитов, лишь подтверждает тот факт, что возникающие проблемные ситуации постоянно требовали "творческого подхода". Ибо непредсказуемость ситуации каждый раз заставляла принимать решения, так сказать, на ходу, с листа читать возникшую ситуацию, оценивать ее, принимать решение и действовать. Замешательство могло дорого стоить. Выживал более творчески сообразительный, тот, кто обладал более лабильной реакцией, более четкой ориентацией в пространстве, в предметной ситуации, во времени. Выжить людоеду среди людоедов можно было лишь за счет фантастической творческой лабильности, гибкости. Эту возможность природа тоже заложила опять-таки без ограничений, т.е. никак не упорядочив, не закрепив в жестко регламентированных генетических и других кодах. Свобода от зоологически гарантированной способности выжить, представленная природой, и здесь оказалась кстати. Поиск всегда новых решений из стрессовых ситуаций тренировал творческий потенциал людей, их самостоятельность перед лицом природы.

Надеемся, что этот экскурс, хотя бы в общих чертах, позволяет понять бинарную структуру бытия первобытного человека с позиций эмпиризма его мировоззрения.

§ 3.

КОСМОС И ХАОС В ЭПОСЕ БАШКИР «УРАЛ-БАТЫР»¹⁶¹

Мифы тюркоязычных народов просматриваются лишь с исторически недавнего времени: с VI века нашей эры. Картина мира в общих чертах почти традиционная: как у большинства народов. Под "голубым небом" находится "бурая земля", ограниченная с четырех сторон и населенная "сынами человеческими", похожими на тюрков. Было время, когда небо и земля находились "в расстройстве", а люди "сбились с пути". Это время Хаоса прекратилось по милости Неба. Натуралистическая мифология VI века к X веку трансформировалась в религиозную мифологию. Чета Тенгри и Умай пришла на смену Небу и Земле, как, например, в древнегреческой мифологии Гея и Уран пришли на смену Земле и Небу. Сходство и различия видны невооруженным глазом. Греческая религиозная мифология формировалась при наличии сильных матриархальных пережитков, у тюрков - явно выраженная патриархальная система отношений. В генетической иерархии на одну ступень ниже Тенгри и Умай находится божество Йер-су, видимо, отпрыск Неба и Земли. Его появление активизирует одну значительную тему – наказание согрешивших против воли Неба и Земли. Объяснение темы наказания, весьма активно эксплуатируемой не только в тюркских мифах, появлением государства – машины управления методами насилия, явно недостаточно. Вероятно, есть более глубокие корни. На наш взгляд, эта тема связана с поиском обществом механизмов подавления в человеке зоологических механизмов жизнедеятельности, мешающих нормальному функционированию социальных норм. Структурирование космоса (упорядоченного мира) завершает появление бога нижнего мира – Эрклига. В некоторых мифах крайние этажи разделены еще на три сферы, между которыми находится земная. Появление ясно выраженных вертикальных полюсов – верхнего и нижнего миров со средним опосредующим звеном – стало схемой, по которой выстраивается и горизонтальный мир. Все существующее имеет своего духа, доброго или злого. Их разводят или примиряют различные герои и божества. Отношения между людьми и духами тоже имеют своего посредника – шамана. Перекрещение вертикали и горизонтали дает "крест", посередине которого находится сила (герой или шаман), вращающая крест, превращая его в солярный круг. Из креста рождается круг, колесо.

Мифы о происхождении тюрков во всех версиях прямо или косвенно связаны с животными, чаще с волками. Утверждение, что это связано с тотемистическим (предшественным) мировоззрением объясняет лишь теоретические корни этих представлений, которыми, разумеется, дело не ограничивается. Необходимо выяснить также социальные, психологические и другие корни. Генеалогическое родство с животными как скрытый запрет на инцест и скотоложство тоже не все проясняет. Долгая история человечества к этому времени (к VI веку) уже накопила достаточно средств культурного запрета браков между близкими родственниками и запрета на скотоложство.

¹⁶¹ На основе совместной статьи с А.А. Киньябузовой "Хаос и космос в башкирской мифологии" // Ватандаш. № 9. 2003.

*Мифы тюркоязычных народов, как и мифы народов мира, объясняют происхождение и оправдывают, хранят и предписывают культурные нормы человеческого общежития*¹⁶².

Тема соотношения Хаоса и Космоса, как соотношение беспорядочного и порядка восходит у большинства народов к эпохе формирования мифологического сознания. Это соответствует временам распада родоплеменных отношений, формирования классовых обществ, возникновения народностей и государства. "Космос" есть та часть мироздания, которая структурирована и подчинена законам. В отличие от аморфного Хаоса Космос есть начало эстетическое, этическое, системное. Мифологическое сознание в историческом аспекте означает начало осознания человечеством порядка, который противопоставлялся тому, что было раньше. Диалектика взаимоотношения Хаоса и Космоса отражает в теоретической форме те реальные социальные процессы, которые происходили в истории данного народа.

В пещере Шульган-таш, где по версии некоторых ученых более 14 тысяч лет назад находилось древнее святилище, нашли изображение лошади, над ним трапециевидный знак с ушками, над которым еще одно изображение лошади. Нам трудно сказать, о чем думал художник. Почему фигуры расположены не горизонтально, а строго вертикально? Некоторые авторы считают, что "здесь явно присутствует идея зеркальной связи верха и низа"¹⁶³, а также представление о трехчленной организации мира. Такое допущение правомерно, если вспомнить, что вертикальное строение мира и его трехуровневый характер – единственная и обычная картина мира во всех мифах тюркоязычных народов. Если это допущение правильно, если действительно изображение относится к тем далеким временам, дальнейшая трактовка рисунка приобретает осмысленный и системный характер. Знак между лошадьми – это, вероятно, земной мир, расположенный между двумя божествами. То, что божество небесное и божество подземное – родные братья, в мифах встречается, как и мысль о происхождении или сотворении людей этими богами. Среди рисунков можно увидеть и изображение маленького антропоморфного создания, расположенного под лошадью. Понятно, что такая реконструкция с опорой на известные более поздние письменные источники, например, "Урал-батыр" и "Акбузат", несколько проблематична. Но в башкирском фольклоре существует множество преданий, легенд, связанных с пещерой Шульган-Таш. Пещера Шульган-Таш носит имя Шульгена – хозяина подземного и подводного мира, одного из главных персонажей древнейших сказаний Южного Урала – "Урал-батыр" и "Акбузат". Возможно, с пещерой можно связывать и родник Живой воды из эпоса "Урал-батыр". Живая вода, спрятанная от людей дивами и драконами, – это подземная река, а озеро внутри пещеры – это озеро Шульгена, сама пещера – стойбище Акбузата. Крылатый конь Акбузат – один из главных героев сказаний, легенд и преданий башкир. Выступая самостоятельным персонажем, другом, советчиком героя, даже божеством, он

¹⁶² Разумеется, функции мифа только перечисленными не ограничиваются. Но специальный вопрос о мировоззренческой, методологической, аксиологической, регулятивной, коммуникативной и других функциях мифа мы выносим за пределы данной статьи.

¹⁶³ Татар мифлары. Казан. 1999. Т. 2. С. 188.

способен повелевать стихийными силами природы. В эпосе "Акбузат" он вышел к Хаубан-батыру из озера Шульген. Эпические варианты того или иного сюжета и персонажа имеют множество других версий, что свидетельствует о долгой дописменной истории этих мифов. С другой стороны, у разных тюркоязычных народов различия в аналогичных мифах объяснимы их конкретно-исторической судьбой, а также влиянием соседей. Например, мифология башкир, перетерпевшая трансформации под влиянием мусульманства, отличается от мифов чувашей, подвергавшихся христианизации с XVI века. В мифах саяно-алтайских тюркоязычных народов можно увидеть влияние буддизма, ламаизма и христианства.

Близость мифологии башкир и их ближайших соседей: обских угров, мари и чувашей- доказывает, что мифология народов Урала, Поволжья и Сибири формировалась на общей основе. Более тщательное исследование показывает наличие в них зороастрийских и индоиранских мотивов. Не отбрасывая тему поиска начального источника, мы считаем, что мозаичность составляющих мифов тюркоязычных народов объясняется также наличием между этими народами более тесных контактов, чем это представляет историческая наука. Особенно в пограничных областях бытовая и культурная диффузия была, вероятно, достаточно интенсивной. Заимствования не воспринимались чем-то инородным и естественным образом гармонировали друг с другом. В исторической науке существует прочный предрассудок, что ассимиляция культур осуществляется главным образом в результате завоеваний. Причем духовная культура победителей побеждает культуру побежденных. Во-первых, можно найти и обратные примеры, когда победители усваивали культуру побежденных. Во-вторых, диффузия духовных компонентов жизни более эффективно осуществляется с помощью не войн, а мирной жизни: обмена и торговли, бытовых контактов, смешанных браков (в том числе в форме похищения невест и женихов).

Влияние эпоса "Урал-батыр" можно найти не только в башкирском фольклоре, где наличествует множество сказок и песен, представляющих собой вариации на различные темы данного эпоса, но и в фольклоре других тюркоязычных народов. "Большинство авторов сходится во мнении, что сюжет эпоса является исходным для остальных эпических произведений и основывается на ряде мифов"¹⁶⁴.

История духовной культуры народов не представляет собой однообразно восходящую по времени линию. Если применить системный анализ, можно найти и линии обратной связи. Более поздние творения оказывают обратное влияние на свои источники, трансформируют их порой до неузнаваемости. Вычленив в таком случае то, что было в основе, становится чрезвычайно трудно. Простого анализа текстов тут явно недостаточно, необходим более глубокий анализ и духовной, и материальной культуры народов на векторе их исторического развития.

¹⁶⁴ Котов В. Древность эпоса "Урал-батыр" // Ватандаш. 1997. № 8. С. 173.

Мифология башкир не сохранилась как какой-то систематизированный и завершённый письменный источник. Мы на сегодня имеем лишь более или менее хорошо сохранившиеся фрагменты. Дополнительные сведения можно почерпнуть, анализируя фольклор, обряды, различную бытовую символику, характер архитектуры, одежды, национальной кухни, другие элементы хозяйства. Хотя за внешними обрядовыми проявлениями сейчас трудно угадать смысловое значение доисламских пережитков, так как за 6-7 столетий ислама они приобрели иные оттенки. Мы можем только догадываться, какие мифологические представления иллюстрировали эти обряды. Ни семиотика, ни герменевтика, ни системно-структурный, ни другие логические и исторические методы не позволяют достоверно восстановить исходные представления. Поэтому бережное отношение к любым архивным и музейным материалам – проблема национальной и общечеловеческой важности. Сохранить все, что еще не успело уничтожить время, - задача первостепенной важности для духовной реабилитации народа.

Для анализа и систематизации деталей необходимо иметь хотя бы схематичную общую картину мифологического мировоззрения, основными категориями которого являются "хаос" и "космос".

Мифологическое мировоззрение оперирует одними и теми же образами. Во всем мире мифологические представления сходны в основных моментах. Понятия Космоса и Хаоса существовали во многих мифологических системах. Всем этим представлениям присущи сходные черты и общие характеристики.

Хаос – от греч. "зев", "зевание", "зияние", "разверстое пространство", "пустое протяжение"¹⁶⁵. Представления о Хаосе, как и все элементы духовной культуры, претерпевают исторические модификации. Например, в древнегреческой мифологии, наиболее изученной, можно найти представления о Хаосе как физическом пространстве, пустом или заполненном (водой, воздухом), и представление как о чем-то живом, животворящем. Единого, как этого требует научная строгость, представления о Хаосе нет нигде. Если попытаться свести все представления к единой предельно абстрактной формуле, то можно сказать, что Хаос представляет собой "все во всем". "Здесь равны не только противоположности, здесь - всё равно всему и во всем. Это и есть Хаос. Таков ответ на вопрос, каков Абсолют с сверхприродной, сверхъестественной стороны. Он не нов. В мифологии почти всех народов есть явное или скрытое представление о возникновении Неба и Земли из Хаоса"¹⁶⁶. Представление о цикличности конечного (космического = упорядоченного) мира отражено в мифах как катаклизмы, в результате которых все гибнет в океане вод или во всеобщем пожаре. В мифологии башкир Хаос чаще всего выглядит как вода, бескрайнее море, озеро в темных пещерах, где обитают хаотичные существа. "Говорится, что когда-то весь мир был затоплен водой. Не было еще ни людей, ни зверей, не проступали еще Уральские горы; жили здесь дивы и правил водяной падишах

¹⁶⁵ Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1992. Т. 2. С. 579.

¹⁶⁶ Хазиев В.С. Философское понятие истины // Автореф. дисс. на соискание уч. степени док. филос. наук. Уфа, 1994. С. 6-7. В диссертации дана рационалистическая трактовка категории "хаос".

Шульген"¹⁶⁷. Можно также вспомнить миф о двух утках, которые плавали на водной поверхности, где не было ни одного участка суши. Стали эти утки нырять и доставать твердые комочки, из которых и образовалась земля. Вода как исходное основание мироздания хаотична в том смысле, что в ней генетическое начало всего сущего. Удивительно то, что "сухопутные" башкиры генетическое начало мира нашли в водах, а не в пожарах. Если исходить из общепринятого объяснения выбора мифологического начала мира как источника страхов, получается, что древних башкир вода пугала больше, чем огонь, который к этому времени уже стал управляемым. Итак, Хаос изначальный – бесконечный океан, сначала породил свет. Затем появилась земля. Можно предположить, учитывая близость эпоса к индоиранской мифологии, что земля и небо произошли из Мирового яйца. Не случайно же созвучие слов кук – "небо" и кукай – "яйцо". Эта близость, возможно, гипотетически объясняет и заимствование трактовки первичного Хаоса как безбрежного океана.

Сотворение земли – процесс сложный, таинственный и многовариантный. В мифе о двух утках землю сотворили утки. В эпосе "Акбузат" золотая утка – дочь водного падишаха Шульгена, Неркес – прекрасная дева с золотыми волосами, освещающая все вокруг. Она подарила волшебного коня Акбузата (а крылатый конь – символ света, солнца) Хаубан-батыру, и тогда Хаубан сотворил мир с помощью Акбузата, вышедшего к нему из водных глубин. Он разрубил море Хаоса мечом, создавая землю:

Ты ж мое озеро рассек на куски,

На ничтожные островки¹⁶⁸.

Отметим, что разделение безграничного и безбрежного Хаоса на части воспринимается как установление границ. Бесконечное становится конечным, разграниченным, упорядоченным пространственно, т.е. космосом.

С помощью Акбузата землю творит и батыр Урал: "Вот тогда появился батыр Урал, пошел войной. Там, где проходил Акбузат, выросли Уральские горы; там, где дивов он уничтожал, воды высыхали и выступали горные хребты... Шульген отыскал в озере бездонный омут и нырнул в него. Сказывают, нет в том озере дна, слилось оно с подземным морем..."¹⁶⁹. В эпосе "Урал-батыр" говорится, что Уральские горы сотворены из тел убитых дивов: "Где падали убитые им [Уралом] дивы, там горы поднимались"¹⁷⁰. Уралу Акбузата подарила Солнце - Хомай. И Акбузат спустился к нему с неба.

Мы видим, что особую роль в сотворении Вселенной играет Акбузат. Конь творит мир наравне с Уралом и Хаубаном. Конь принадлежит к верхнему пантеону богов, но рождается из вод. В мифе о Хаубане он выходит из самой водной стихии. Быть может, сам огненный бог света Самрау вышел на Акбузате из вод Мирового потопа, осветив их поверхность, и породил Солнце и Луну. И

¹⁶⁷ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 141.

¹⁶⁸ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 167.

¹⁶⁹ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 141.

¹⁷⁰ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 174.

были те Солнце и Луна одинаковой светлоты и ясности. Конь приносился в жертву Солнцу. Акбузат – символ Космоса, со-творец Космоса. Однажды воды породили его и теперь пытаются вернуть назад в бездну. Постоянно преследуют коня дивы и змеи. За обладание конем и Хомай состязаются Урал и Шульген на майдане. Он - тот свет, что вышел из тьмы. На чудовищ он нагоняет страх, подобно смерти. Пот его - лучшее средство против змей. В опасном мире стихийных сил природы конь – надежный друг и товарищ, он всегда выручит:

"Несравненного коня,
 Что пламенем вспыхнул против огня,
 Против воды вскипел водой,
 Против ветра вознесся горой..."¹⁷¹.

Этот гимн коню имеет под собой реальное состояние жизни людей мифологического мировоззрения. Конь на тот момент является главным орудием труда человека, с помощью которого он может бросить вызов и стихии воды, и стихии огня. Орудийная мощь трудовой способности человека нашла в мифологизированном сознании отражение в виде божественного коня. Не трудно увидеть объясненную еще Л. Фейербахом процедуру создания иллюзорных образов. На основе знаний реальной силы обычных земных коней создается абстракция универсального всемогущего коня, который на выпуклой сфере небесной жизни увеличивается до фантастических масштабов. Но количество не переходит в качество, т.е. Акбузат остается в сфере Космоса (упорядоченного мира), подчиняясь порядкам конечного мира. Человек, творящий свой земной общественный "космос", т.е. создающий общественный порядок, осознает происходящее в мифологическом небесном зеркале, где все увеличено в масштабах и поэтому лучше видно и легче понимается.

Породив Космос, Хаос разделился. И, прежде всего, на Космос и Хаос. Вернее, Космос сконцентрировался в Хаосе, собрав все светлые, положительные качества, оставляя Хаос враждебным. Хаос стал скорее символом самого себя, стал Хаосом вторичным, космологизированным. Поэтому дальнейшая история взаимоотношений Космоса и Хаоса сводится к борьбе доброго и злого, светлого и темного... до того самого дня, когда Вселенная окончит свое существование и все вновь обратится в Хаос изначальный, дабы возродиться вновь. Эта борьба как общая схема пронизывает все конкретные события. То есть все остальные события несут в себе проявление этих двух полюсов.

Во всех мифологиях Космос противостоит Хаосу, возникнув из него. Хаос разъят до пустоты или, наоборот, состоит из смешанных элементов. "Здесь равны не только противоположности, здесь все равно всему и во всем"¹⁷². Космос же разделен, расчленен и упорядочен. Хаос бесконечен во времени и пространстве, а Космос характеризуется наличием начала и дискретностью, определенностью и системностью. Хаос непредсказуем и беспричинен. Космос детерминирован. В

¹⁷¹ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 123.

¹⁷² Хазиев В.С. Философское понятие истины // Автореф. дисс. на соискание уч. степени док. филос. наук. Уфа, 1994. С. 18.

социуме Хаос удален от культурного мира, Космос есть сфера культуры и эстетически определен. Хаос – ненужное, неправильное, неразумное, асоциальное, бесполезное состояние.

Космос (от греч. "порядок", "упорядоченность"; "строение", "устройство"; "надлежащая мера"; "мировой порядок", "мироздание"; "наряд"; "украшение", "краса") - это организованная, упорядоченная система, содержащая в себе последовательные ступени порядка: воздух и воду, землю и небо, земные существа, когда все выстроено в систему, где у каждого элемента свое место, между составляющими – строгая последовательность и взаимосвязь.

Космос возник из Хаоса в какой-то определенный момент, который и служит началом времени. Свойства Хаоса, говорится в мифах, разделяются на противоположности и упорядочиваются. Творение разграничивает прежнее смешение и порядок, который существует ныне. Ведь и теперь существуют мрак, тьма, первозданная бездна на окраинах земли, но каждый на отведенном ему месте. Космос состоит из противоположностей, органически вплетающихся в его ткань, что и обеспечивает функционирование Космоса.

"С остатками Хаоса на земле связан ужас, страх, порождаемый тьмой, ночью, бесформенностью, отсутствием надежных границ между человеком и царством Хаоса"¹⁷³. В Хаосе есть зло, оно представлено именно как непонятность, непредсказуемость, неизвестность, неупорядоченность – опасность. Но творение - не всегда упорядочивание. В некоторых мифах Космос возникает из состояния, промежуточного между Космосом и Хаосом. Жизнь уже создана, но не упорядочена и потому полна ужасов.

Рост общественного могущества сопровождался увеличением знаний о деталях своей организующей деятельности, что нашло отражение и в мифах, где уточняется, что земной порядок не прямое творение Неба, а следствие деятельности божественного или культурного героя. Например, в шумерских мифах бог Ан создает жизнь на земле, а Энки – сын богини Намму, упорядочивает жизнь. В башкирском мифе о том, как возникли Луна и Уральские горы, говорится, что сначала было два Солнца, от света которых люди страдали, ибо не могли спать. И в этом мифе Урал выступает как устроитель, упорядочиватель. Лучший из стрелков – Урал-батыр, взял роговой лук с тетивой из просмоленных жил, алмазную стрелу. Мощно потянул он на размах руки – все вокруг загудело, зашумело и зазвенело. От грохота обрушились горы и замерли в своем течении реки¹⁷⁴. Урал попал в одно из солнц, и оно расколосось на две половины, одна из которых осталась висеть на небе, а вторая упала на землю. Ту, что на небе называли Луной (потому что люди от неожиданности закричали: "Ай!"), а ту, что упала на землю, называли в честь победителя Уральскими горами. Как видим, управитель теперь уже не божественное существо, а культурный герой.

Налаживаемый общественный порядок, жестко поддерживаемый силой, отражен в мифах как логическая четкость мышления. Простая связь и гениальная

¹⁷³ Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А.Токарев. М., 1992. Т. 2. С. 582.

¹⁷⁴ См. Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987.

гипотеза: если космический порядок имеет свое начало, то он должен иметь и свой финал. Срок установленного порядка ограничен. В башкирской мифологии проявляется диалектическая связь прерывности и непрерывности. Космос (упорядоченный мир) конечен. Но за концом света вновь есть начало. В безбрежном океане Хаоса есть цикл конечных островков. В этом смысле Космос бесконечен в своей начальности - в этом его стабильность, понятность, предсказуемость. Стабильность в ритме. Ритм во всем: смена времен года, дня и ночи, жизни и смерти... Созданный как единый механизм, как целостная система, Космос развивается, функционирует, живет, подчиняясь ритму. Самый первый ритм, что воцарился, когда Космос был сотворен: причина-следствие. "Инструментом перехода от Хаоса к порядку служит постулат причинности"¹⁷⁵. Конечно же, ритм в мифологическом мировоззрении не безличный, не механический, четко выверенный, не система абсолютных причин и следствий, которые сводятся к единственной корневой причине и единственному следствию из этой причины. Древнему человеку свойственно множественное отношение к причинности и следственности. Но все же, четкая последовательная связь: причина-следствие - уже ритм.

Ритм предполагает разделение, разделение - ограничение. Космос ограничен во времени. Он ограничен и в пространстве. Время начинается с созданием пространства и исчисляется путем перемещения в пространстве. Любой порядок ограничен и четко определен в пространстве. Высшее средоточие порядка – в месте творения. Это центр мира. Чем дальше от центра, тем пространство все более и более хаотично. На окраинах Космоса царство теней, за ним Хаос. Центром мира может быть Мировая гора, Мировое дерево, "мировой столп", "мировой человек", трон, храм, триумфальная арка, колонна, лестница.

Мировое дерево фигурирует во многих мифологических системах. Оно может называться и по-другому: "дерево жизни", "дерево плодородия", "дерево центра", "дерево восхождения", "небесное дерево", "шаманское дерево", "мистическое дерево", "дерево познания" и т.д. Более редкие варианты: "дерево смерти", "дерево нисхождения". В центре мира указываются основные параметры Космоса: священные дни и священные места, строение мира, этические законы. Указаны также и основные противопоставления, описывающие мир, организующие его.

Отголоски представления о центре мира как о Мировом Древе в башкирской мифологии прослеживаются в представлениях о родовом древе (дерево и птица – родоплеменные атрибуты; интересна и возможность превращения коня в родовое дерево), в запрете рубить одиноко стоящие деревья... На Южном Урале известно и почитание гор. Большинство наземных захоронений находятся на горах, высоких местах. Известно также выставление трупов на горах. Сохранились сказания, говорящие о том, что далекие предки башкир совершали различные религиозные обряды на вершинах высоких гор. В эпосе "Урал-батыр" вершина горы, выступающая за облака, определяется как место, где нет злых духов. Там Урал находит Айхылу-луну, там она пряталась от дивов. Можно предположить, что

¹⁷⁵ Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсон Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Пер. с англ. Т. Толстой. СПб., 2000. С. 24.

центром мира в башкирской мифологии является пещера Шульган-Таш. Здесь протекает живой родник. Здесь щель, ведущая из мира людей в подземное (подводное) царство Шульгена и, если взобраться на гору - в птичью страну Самрау. Подземный (подводный) мир – царство тьмы - остатки Хаоса на земле, царство Самрау – страна вечного счастья, и мир людской, его ограничивающий. Строгая дуальность Вселенной, четкое противопоставление. Для того, чтобы противоположные силы не уничтожили друг друга во взаимной борьбе, существует земля. Космос в одной из версий башкирской мифологии имеет трехчленную организацию. Нижняя сфера – мир асоциальных, уродливых, злых и лживых явлений.

Обитатели тьмы – злобные создания: змеи, драконы-аждахи и юхи, могущие превращаться в красивых юношей и девушек, во главе с белым змеем Кахкахой, безобразные дивы и их великой злости царь Азрака. Корыстные и хитрые, лицемерные, властолюбивые, они безобразны и телом. Мир их зловонен, холоден и темен: "...там темно и страшно и запах стоит невыносимый"¹⁷⁶. Музыка их дисгармонична и больше походит на набор звуков, говорится, например, в сказке "Урал-батыр": "...она [Карагаш] приложила курай к губам и стала наигрывать какую-то бесовскую мелодию. А джиннам и пярням, оказывается, только того и надо было: едва услышав родную мелодию, они мгновенно забыли обо всем на свете"¹⁷⁷. Они приносят в мир смерть, увядание – служители смерти Ажали. Ночь – их день, а день - их ночь. От них все зло в мире людском.

В солнечной стране Самрау мир и спокойствие:

"Там, забот и вражды не зная,

В полном согласии живут:

Волки и овцы на вольных лугах,

Лисицы и куры в густых лесах,

Птицу Самрау всем сердцем чтут,

Не едят мясо, кровь не пьют –

Смерти дорогу не дают.

Вот такая там есть страна.

На добро отвечать добром –

Обычай в краю благодатном том"¹⁷⁸.

Живущие там Самрау – бог света и его дочери Хомай – Солнце и Айхылу – Луна, небесные толпары – Акбузат и Сарат - не ведают смерти, они не подвержены старости и болезням:

"Ни я с сестрою сводной своей,

¹⁷⁶ Башкирское народное творчество. Т. 3. Богатырские сказки. Уфа, 1988. С. 87.

¹⁷⁷ Башкирское народное творчество. Т. 3. Богатырские сказки. Уфа, 1988. С. 39.

¹⁷⁸ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 48.

Ни отец наш болезней не знали,
Смерти власть мы не признавали"¹⁷⁹.

Они прекрасны внешне и благородны в помыслах и поступках. Честные и бескорыстные, они несут в мир добро.

Место борьбы светлых и темных сил – земля. На земле есть и свет, и тень, в отличие от вечно светлого царства Самрау и вечно темного царства Хаоса. Здесь есть и радость и горе, жизнь здесь сменяется смертью, лето - зимой, день - ночью.

Космос построен на противопоставлениях, дабы сохранить ритм. И у Космоса есть антипод - Хаос вторичный – царство стоячих озер. Башкирские поверья говорят, что глубокие озера и омуты опасны, а реки во всем прекрасны для людского пользования. Стоячая вода – символ Хаоса, бездвижья, вечности, застоя, прекращения активности и смерти. Стоячая вода вечности потекла рекой времени. И с этого момента началась жизнь Космоса. Глубокие озера и омуты – остатки Хаоса на земле. Говорят, у них вообще нет дна, что соединяются они с подземным морем. И потому зло в них неистребимо. Это и к лучшему: Хаос нужен Порядку, чтобы сказали – это Порядок, а это - Хаос. "Вещь познается своей противоположностью"¹⁸⁰. Противостояние Космоса и Хаоса и есть сущность этого мира. Противостояние это пронизывает всю жизнь человека.

В башкирской мифологии нет прямого указания на то, что человек и его жизнь есть микрокосм, но все в конечном мире копирует основные формулы мироздания в собственных масштабах. Жизнь каждого человека есть уменьшенная в размерах жизнь мира. В его частной жизни просматриваются те самые антитезы Хаоса и Космоса. Здоровье – это Космос, болезнь – Хаос. Разум – космическое явление, а безумие – хаотическое. Нравственность – Космос, а аморальность – Хаос. И так во всем. Ритмы накладываются друг на друга, перекручиваются, повторяют друг друга. Каждое утро Акбузат спасает Хомай-Солнце, проглоченную Заркумом-рыбой, вероломным служителем мрака-Хаоса, как это было в первый день творения и как это происходит ежегодно в первый день нового года. Ночь – это проглатывание Хомай Заркумом-рыбой, день – освобождение ее Акбузатом. День – когда Неркес выплывает из озера отца Шульгена в образе золотой уточки и озаряет все вокруг, ночь – когда она снова погружается в озеро. Беззаботное ее плавание в озере Хаоса закончилось, когда она встретила творца мира Хаубана. Она полюбила его и подарила Акбузата, вместе с которым и был сотворен мир. Зимой аждаха забирает воду у людей, весной приходит батыр и убивает аждаху, возвращая воду людям. Утки (Неркес) и лебеди (Хомай) прилетают с появлением тепла и Солнца, с разливом рек (всемирный потоп). Их прилет – начало нового цикла, символ победы Космоса, т.е. возвращение Урала или Хаубана верхом на солнечном коне Акбузате. И снова зима и ночь тогда царят в мире, когда солнце украдено злой старухой-мяскай и спрятано ею под землей, а весна и день наступают, когда батыры Айна и Гайна освобождают солнце с помощью оленя (переправляют через реку на рогах оленя). Три ритма: день – ночь, годичный и

¹⁷⁹ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 46.

¹⁸⁰ Герберт Ф. Бог-император Дюны. Роман / Пер. с англ. П. Вязникова. М., 2000. С. 325.

ритм Вселенной - сливаются воедино, воспринимаются как нечто по сути единое. Каждый восход солнца подобен первому дню сотворения мира.

Борьбой Хаоса и Космоса (порядка и беспорядка) пронизано все бытие. Но в этой борьбе на любом уровне полюса имеют разные характеристики.

Силы Космоса – силы добра, никогда не стремятся, в отличие от сил Хаоса, к мировому господству. Силы Хаоса жаждут полного господства. Стремятся восстановить безвременность, когда был Золотой век змеиноного бытия. Силы Хаоса пытаются уничтожить Космос, достичь Конца света, абсолютного торжества черной неопределенности. Понятно, что такие представления в мифах выражены в чувственно-художественной форме. Конец света – это всемирный потоп, вызванный злыми силами, соединение верхнего и нижнего миров. Торжество смерти. Атрибуты конца света, спутники смерти – огонь и вода. (Судя по всему, огонь и вода усматриваются в основе всех форм бытия – с них Вселенная начинает свое существование, ими же и заканчивает.) Нет ни дня, ни ночи, только вечное зарево. Как верно указывает Абдуллин А.Р., в мифах зарево служит демаркационной линией между Хаосом и Космосом¹⁸¹. Но зарево - время и мироустройства. Царь Катил тоже приносил человеческие жертвы огню и воде, пока не пришел Урал-батыр и не уничтожил это хаотическое, разрушающее существо, установив в царстве Катила счастливую жизнь людей.

Земля создается в борьбе, тем самым уже в генетическом начале становится антиномичной, обреченной на постоянную борьбу противоположностей. Наш мир вечного противостояния, неразрешимых противоречий неуклонно движется вперед, наворачивая круги. Давлеткулов А.Х. пишет, что картина мира в башкирской мифологии отличается диалектической напряженностью, ее гармония не пассивна и безжизненна, а возникает как итог столкновения противоположных сил. Далее он утверждает, что в этом есть "глубинное созвучие" с идеями Ян и Инь в китайской философии или даже с "мыслеобразами" Гераклита Эфесского¹⁸². Здесь необходимо сделать несколько принципиальных оговорок. Миф на векторе истории - показатель определенного уровня духовного освоения человеком мира, который на порядок ниже философии. Следовательно, если образы башкирской мифологии "созвучны" философским идеям народов, которые на тысячелетие опередили башкир в своем развитии, необходимо расставить все точки над "и". Три варианта: 1) башкирское мифологическое сознание в своем развитии опиралось на китайские и греческие заимствования. В этом предположении больше проблем, чем позитивных находок. Почему произошло упрощение? Потому что башкиры в своем историческом развитии находились на более низком уровне материальной и духовной культуры? Тогда зачем им надо было заимствовать ненужные абстракции других народов? 2) Духовное развитие всех народов планеты, где бы и когда бы они не жили, проходит одинаковые во многом этапы и содержит схожие мысли. И опять-таки, тогда непонятно - почему

¹⁸¹ См. Абдуллин А.Р. Культура и символ: (На примере анализа древних эпических памятников-сказаний башкирского народа) / Академия наук РБ. Отделение соц. наук. Уфа: "Гилем", 1999.

¹⁸² См. Давлеткулов А.Х. Проблемы художественно-эстетического осмысления истории этноса в башкирском эпосе: Опыт социально-философского анализа. Уфа: БГПИ, 1998.

австралийские аборигены до начала XX века оставались на уровне домифологических типов мировоззрения, хотя их история такая же длинная, как и история китайцев или европейцев? 3) Если это было лишь "глубинное созвучие", а не заимствование, почему из аналогичных мифологических образов у китайцев и древних греков возникла философия, а у башкир нет?

Позволим себе иррациональную гипотезу о возможном наличии у человечества в целом метафизической духовной истории. Планетарная духовность, как и воздух планеты, доступна всем людям и всем народам. Но каждый пользуется ею по-своему в зависимости от обстоятельств, внешних и внутренних. Независимо от антропологических особенностей, расовых различий, этнических характеристик, от географии проживания и других факторов мы все на Земле люди – существа одного вида. И тысячами нитей, видимых и невидимых, мы взаимосвязаны материально и духовно. Не было в далеком прошлом и нет сегодня народов, которые развивались в полной изоляции от того уровня развития, которого люди достигают на векторе исторического времени. Это означает, что на планете поочередно в силу каких-то причин одни народы оказываются в роли доноров для всех, другие - в роли догоняющих, третьи - в роли "топчущихся на месте". Судьба последних трагична. Планетарная судьба не дает им возможности не спеша пройти все ступени развития. Ушедшие вперед бесцеремонно перетаскивают отставших на уже достигнутый уровень материальной и духовной жизни. Классический пример тому – история колонизаций. Из этого следует, что если башкиры были бы изолированы от всех народов, то они когда-нибудь создали бы философию, подобную философии других народов, в этом они ничем не уступают всем остальным народам. Но так случилось, что они оказались в роли отставших. Китайская и древнегреческая философия родились за тысячу лет до того, как у башкир стало формироваться мифологическое мировоззрение. И нет ничего удивительного в "таком глубинном созвучии", о котором пишет Давлеткулов А.Х. Этот параграф академический и никаких политических выводов не содержит. Хотя он очевиден. Нечего сожалеть о том, что не произошло или могло произойти. Чтобы в очередной раз не оказаться в роли отставших или догоняющих, необходимо сегодня смотреть не столько назад, сколько вперед. Так, как это делают восточные государства: усвоив западные технологии на почве собственных духовных ценностей, они превращаются в исторических доноров. Они создают действительно прогрессивную евразийскую духовность, синтезирующую достижения культур Запада и Востока. Но эта другая тема, требующая отдельного исследования¹⁸³.

Вернемся к мифологическим представлениям башкир. Мир - что весы: на одной чаше весов Хаос, на другой – Космос. И они должны быть в равновесии. И в то же время мир – это маятник, на конце которого прикреплены весы. Вроде бы в чашах равный груз, но отклоняется то одна, то другая чаша. Учитывая ритмичность Космоса, конец является и началом. Поэтому эти две битвы часто совпадают. Это время великого противостояния сил Космоса и Хаоса. В битве рождаются новые

¹⁸³ См. Хазиев В.С. Гуманизм евразийской идеи и практики // Евразийское сознание: формирование мировоззренческой парадигмы в образовательном пространстве современной России. Материалы Круглого стола. Часть 1. Уфа, 2002.

миры. Поется же в древнерусской "Книге Велеса": "О те, что пали в бою, те которые шли, вечно живите вы в войске Перуновом!"¹⁸⁴.

Более повседневен и менее значителен легкий перевес сил, как это бывает в мелких стычках со злыми духами и чудовищами. Дивы крадут здесь жен и сестер, змеи норовят проглотить, аждахи скрывают от людей воду... Но есть у людей защитник – батыр. Батыр – защитник Космоса.

Батыр – это человек необычного происхождения, обладающий недюжинной силой, чистым сердцем, благородный, не агрессивный, непримиримый с угнетением, отважный:

"Батыр без лестницы в небо войдет,
Земную глубь без ключа отомкнет"¹⁸⁵.

"Злодеям батыр уступит ли путь,
Их устрашится ль когда-нибудь?"¹⁸⁶.

Нравственно-аксиологическая функция мифов наиболее ярко выражена именно в образе батыров – людей, которые сумели подавить в себе зоологические стимулы и живут по социальным нормам и идеалам.

Батыр неуклонно следует установленным нормам поведения. Он не может допустить нарушения своего кодекса: в противном случае он перестанет быть батыром. Существует несколько моделей поведения батыра в разных ситуациях: он может действовать прямолинейно и открыто, демонстрируя нормы рыцарского поведения. Но батыр может там, где это необходимо для добрых дел и направлено против злых сил, прибегнуть к хитрости, ввести врага в заблуждение. Батыр может обратиться за помощью, если этого требует ситуация¹⁸⁷. Но батыр никогда не пойдет на вероломство, не нарушит данного слова. Его принципы всегда четко очерчены и ясны. Он готов защищать Космос всегда, в любую минуту, отзываясь на любой призыв о помощи, даже не будучи лично в этом заинтересованным. Отношение батыра к матери, жене, брату, сестре, другу, врагу всегда идеальное. Нам кажется, он слишком положителен, но ему нельзя быть другим. Он идеал, образец для подражания – крайняя точка вселенских противоположностей, олицетворение космических сил. Люди должны походить на батыров смелостью и удастью, бескорыстием и честностью, а также умением не поддаваться соблазну. Регулятивная и коммуникативная функции мифов оказываются составляющими педагогической функции. Есть еще одна тема, которую можно обсудить сегодня с некоторой долей юмора: батыр никогда не берет взятки, отказывается от "подарков" Хаоса. Мораль очевидна: если хочешь походить на человека, бери пример с батыра. Самым первым батыром был тот, кто сотворил землю, победив силы Хаоса в борьбе, – Урал-батыр (Хаубан-батыр). Остальные батыры - его прообразы. Батыр не знает или только догадывается о своем предназначении, но живет и действует в соответствии с ним. Батыр управляет Судьбой. Батыр ведом Судьбой, главное предназначение которой - соблюсти ритм. И она действует

¹⁸⁴ Асов А.И. Славянские боги и рождение Руси. М., 2000. С. 418.

¹⁸⁵ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 95.

¹⁸⁶ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос, Уфа, 1987. С. 57.

¹⁸⁷ См. Давлеткулов А.Х. Проблемы художественно-эстетического осмысления истории этноса в башкирском эпосе: Опыт социально-философского анализа. Уфа: БГПИ, 1998.

через игру в случайности, например, через жребий. Тонко зная, что будет, она вертит колесо ритма. Например, как только Шульген нарушил отцовский запрет, то есть встал на путь Хаоса, почти сразу же появилась Хомай, говорящая о бессмертии и тем подстрекающая Урала выступить против смерти, то есть встать на путь Космоса. Но она прилетает не сама, а случайно попадает в руки охотников. Судьба сводит персонажей. Например, она организовала встречу Заркума и Урала, также как и Заркума и Шульгена. Зная предназначение каждого, она предвидит, что каждый из них вынесет из этих встреч. Она везде вовремя, везде успевает. Она подсылает мудрого старика к Уралу, когда тот готов отпить глоток живой воды.

Символ судьбы, бог судьбы - Ворон. "Ворона каркает к несчастью" - говорит одна из башкирских пословиц¹⁸⁸. Ворона – птица-вещун, предупреждающая людей об опасности. В эпосе "Урал-батыр" в начале повествования, когда наивный Урал призывает покончить со смертью (то есть, по сути, покончить с мировым порядком), Ворон говорит практически то же, что и старик-предок в конце повествования: не надо нарушать естественного порядка вещей. Такая строгость к естественному порядку – предвосхищение научного понимания человеком себя и мира, в котором он живет. Башкирские мифы, как и мифы других народов, несут в себе зародыш будущих более содержательных типов мировоззрения – религиозного, философского и научного.

Главное предназначение судьбы – проследить, дабы мир возрождался снова и снова. И жизнь людей служит этому. У одного судьба служит Космосу, у другого – Хаосу. Борьба Космоса и Хаоса происходит в сердцах людей. Чем больше злых людей, тем мир хаотичнее. Закон – опора Космоса, нарушив его, мы привносим в мир Хаос. Если в Космосе происходят нарушения законов (попираются идеи равенства и справедливости), он портится: становится все более хаотичным и злым, пока закономерно не обратится в Хаос – засилье мрака. Злые люди, поддавшиеся влиянию Хаоса, ставшие слугами Смерти, приносящие только горе и слезы, – они нарушают гармонию, они призывают Смерть раньше времени. Но люди, служащие Хаосу, злу, после смерти сами попадают в царство тьмы. Смерть к ним подкрадывается раньше времени и уносит их туда. "В башкирских сказаниях часто встречаются сюжеты, связанные с оставлением умершего на поверхности земли, когда прямо на земле оставляют черепа или моют кости"¹⁸⁹. Если к трупу подлетит птица – радовались: птица унесет душу умершего в рай, зверь подойдет –радовались меньше, грызун подойдет – печалились: мышь – посланник подземного царства.

Впрочем, во многих мифологиях царство смерти находится под землей. Душа умершего человека в плену у сил Хаоса. Их проглатывает див, змей, аждаха: "...водная бездна и олицетворяющее это чудовище – олицетворение опасности или метафора смерти; чрево водного чудовища – преисподняя, выход из чрева –

¹⁸⁸ Башкирское народное творчество. Т. 7. Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Уфа, 1993. С. 9.

¹⁸⁹ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 2000. С. 35.

воскресение (мотив Ионы)"¹⁹⁰. Проглоченные егеты, освобожденные Уралом, будто заново родились. У древних башкир существовало представление о круговороте жизни и смерти. Читаем в одной из сказок: "Без чьей-то смерти никто на свет не родится"¹⁹¹. Человек неотрывен от природы, он часть ее. И потому смерть человека – это прежде всего умерщвление его плоти, остановка сердца, дыхания. А жизнь проявляется выросшей травой на месте его гниения. Так же как и человек мог родиться от рыбы, которую съели, или вовсе не от женщины, а выйти, например, из скалы. Душа женщин обычно превращалась в птиц (лебедь, утка), мужчин – в наземных животных. Есть примеры, когда говорится, что души умерших переселились в деревья. До недавних пор существовало поверье, что первая весенняя трава – это души умерших, вернувшиеся на землю. Круговорот жизни и смерти тоже совпадает со всеми другими ритмами. Иллюстрацией этому может послужить загадка о человеке:

"Утром на четырех ногах,
Днем на двух ногах,
Вечером на трех ногах,
А ночью над ним маяк"¹⁹².

За ритмом смены Жизни и Смерти опять же следит Судьба. И Судьба ревностно следит за ритмом, выступая судьей в поединке противоположностей. Каждая сторона должна побеждать своевременно: в Конце света – Хаос, вначале – Космос. Несвоевременная победа грозит большими несчастьями. Равновесие – мир без крайностей, мир гармонии, меры, оптимального, лучшего, сочетания противоположностей. Порядок соблюден. Если перевешивает одна из сил – несчастье. Если побеждает одна из сил – в любом случае в мире непорядок. Может ли Хаос навечно удержать победу? Нет, из него все равно в определенный момент времени возникнет Космос. Но может ли Космос победить? Нет, в Космосе рождается зло.

Был Порядок сразу после сотворения незапятнан злом. Первые люди на земле не ведали смерти и болезней:

"Не знали, что такое болезни,
Смерть была им неизвестна;
Полагали: для всех на свете
Сами они являются смертью"¹⁹³.

Они жили по гармоничным законам Космоса: не творили лишнюю смерть, жили по правилам. Они единственные спасшиеся после всемирного потопа. В огромном океане Хаоса они жили на острове. Остров как место творения фигурирует в мифах многих народов, например, остров Бен-Бен в египетской

¹⁹⁰ Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1992. Т. 1. С. 240.

¹⁹¹ Башкирское народное творчество. Т. 3. Богатырские сказки. Уфа, 1988. С. 43.

¹⁹² Башкирское народное творчество. Т. 7. Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Уфа, 1993. С. 329.

¹⁹³ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 36.

мифологии. У египтян, живших на берегу Средиземного моря, остров как мифологический образ понятен. Но у башкир, которые в лучшем случае могли увидеть край Каспийского моря, почему остров - место сотворения мира и людей?

"В давнюю пору, давным-давно

Было, говорят, место одно,

Куда никто не ступал ногой

(И на целом свете никто

Не знал, не ведал о суше той).

С четырех сторон обступала

Это место морская вода.

С незапамятных пор проживала

Там семейная чета:

Старик по имени Янбирде

С Янбикою, старухой своей.

Куда б они не желали пойти

Не было преград на их пути.

Как на земле оказались той,

Где мать, отец их, где край родной,

Говорят, они сами забыли"¹⁹⁴.

Кто создал остров, неизвестно. Или сам он выступил из воды, когда Хаос начал отступать? Быть может, Янбирде и Янбика – первая божественная пара: отец-Небо и мать-Земля. Об этом косвенно говорят их имена и «предковый» возраст. У них родились два сына – зло и добро. Зло родилось в образе Шульгена и сразу же родилось добро в образе Урала.

Но только тогда разделились Урал и Шульген, когда последний ослушался наказа родителей не пить кровь:

"Шульген раздумывать долго не стал.

Хоть о запрете отцовском он знал:

С тою раковиной не шутить,

Ни за что из нее не пить,

Все уговаривать брата стал,

Всячески его подстрекал..."¹⁹⁵ (13,37)

¹⁹⁴ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 35.

¹⁹⁵ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 37.

Урал уговаривал брата не нарушать запрета, но Шульген все равно решил по-своему и отпил кровь. Так земля была разделена на сферы влияния Космоса и Хаоса. На земле началась борьба противоположных сил. В сказке «Урал-батыр» Шульгена подговаривает послушаться родителей красивая незнакомая женщина, которая на самом деле была змеем-юхой. Выпив кровь, Шульген теряет человеческий облик и обращается в хтоническое существо (медведя, льва, волка), а затем тонет в озере Шульген. В эпосе же он морально превращается в чудовище. Далее Шульген начинает вносить в мир зло, раздоры, несвоевременную смерть. Урал не нарушил запрет, встав тем самым на сторону Порядка, света, добра. Он бескорыстен, честен, справедлив, разумен, пытается спасти от ненужной смерти. Грехопадение Шульгена и последующее наказание его отцом внесли в мир дисгармонию. Присутствие рядом невидимой смерти взволновало людей. Родители, испуганные перспективой смерти, перестали ходить на охоту, а, узнав о роднике бессмертия, они посылают сыновей искать его.

Наблюдая за миром, Урал видит, что мир состоит из противоборствующих сил. И наивно полагает, что если убить зло, то останется вечное добро – наступит счастье на земле. Движимый этой идеей, Урал идет на поиски Живой воды.

Родник Живой воды занимает особое место в мифологии башкир. Воды его могут даровать вечную жизнь. Это живительный дождь. Это абсолютный антипод смерти, но он надежно охраняется силами тьмы, добывать живую воду надо в борьбе. В погоне за легкостью Шульген выбрал безопасный путь, и этот путь стал дорогой его нравственного и социального падения. Урал, послушный социальным нормам, становится культурным героем, приносящим людям свет разума, понимание добра и красоты. Когда Урал находит, наконец, Живой родник, то узнает от древнего старика закон вечности – круговорота жизни и смерти:

"То, что Смертию мы зовем,
Прозвища злые кому даем, -
Вечности нетленный закон,
Мир от гнильи очищает он,
От больных и увядших трав
Навсегда очищает он.
Освежает он жизни сад"¹⁹⁶.

И это есть добро. Добро – смена ночи и дня, лета и зимы, Космоса и Хаоса.

Итак, мы видим три силы, задействованные в игре под названием Бытие. Это Космос и Хаос, сменяющие друг друга, и Судьба, управляющая этим процессом. Но существует четвертая, движущая сила смены Космоса и Хаоса – Любовь. Любовь в мифологии большинства народов, например, и у греков, и у славян - "это и мужское и женское начало... Это и Смерть, и Жизнь"¹⁹⁷. По

¹⁹⁶ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 124.

¹⁹⁷ Асов А.И. Славянские боги и рождение Руси. М., 2000. С. 398.

древнебашкирским представлениям, именно благодаря любви каждый год, весной, Хомай в облике лебедя прилетает на могилу мужа, принося с собой тепло солнечных лучей. Полюбившая Урала Хомай дарит ему Акбузата и алмазный меч, с помощью которых Урал творит мир. Полюбив Хаубана, Неркес дарит ему Акбузата, поступая вопреки воле отца Шульгена. Любовь – источник созидания, творчества, начинания добрых дел и зачатия детей. Любовь - мощная мироустроительная сила. Есть еще одна мысль, представляющая глубочайшее прозрение. Любовь - та форма космоса, т.е. порядка, которая есть игра. Эта игра, в которой задействованы силы Космоса и Хаоса, конечно же, гораздо тоньше и глубже, чем может показаться. Любовная игра – тоже борьба двух противоположных сил. Но борьба в любви- это не побоище двух стихийных, грубых сил, больше похожее на взаимное членовредительство. Это священный танец, это проблеск огней, это необыкновенно красиво. Всегда и везде в любовной игре Космос и Хаос стоят за спиной жизни растений, животных, людей. В любовной игре они растут и убивают, умирают и воскресают, переплетаются и отторгаются, дабы создать нечто прекрасное или безобразное. И жизнь дают, полную радостей и печалей, и сомнений, и незыблемости. И счастья сладостные мгновения, и высокие минуты страдания. И каждый человек должен стремиться к гармонии и мере, и потому стремиться к Порядку. Потому что Порядок прекрасен, а Хаос безобразен. Жизнь есть высшая форма вселенской любовной игры.

Все, связанное с Космосом, красиво, связанное с Хаосом – некрасиво. Хаос слишком удален от культуры, от разума. И единственное положительное – красивое его качество в том, что он порождает Космос. В башкирской мифологии нравственное и прекрасное мыслятся как единое целое. Чисты сердцем и прекрасны обликом существа Космоса. Они воплощали в себе идеал красоты в представлении древних башкир. Вот так, например, описывается в эпосе "Урал-батыр" Хомай:

"К батыру приблизилась она,
 Красоты безмерной полна:
 Необъятная, как водопад,
 Сбросишь вниз – упадет до пят,
 Монетами унижена вся
 Ниспадающая коса;
 Черных глаз обжигающий взор
 Сквозь ресницы смотрит в упор;
 Над глазами парящие брови
 Улыбаются с любовью.
 А упругая грудь налитая,
 Словно волна речная играет;
 Стан ее тонкий, как у пчелы,
 Своей подвижностью удивляет.
 Голос будто давно знаком –

Переливается серебром"¹⁹⁸.

Прелесть и очарование этих в высшей степени поэтических строк может не оценить и не прочувствовать лишь человек весьма эстетически примитивный. Люди, умеющие так тонко ценить женскую красоту, независимо от их экономических показателей, должны быть отнесены к народам, достигшим самых высоких вершин духовной культуры. Традиционно-марксистская оценка уровня культуры общества по уровню производительных сил явно упрощает суть исторического места народов в планетарной истории человечества. Прочтите еще раз вышеприведенные строки и найдите в мировой поэзии, включая поэзию современных развитых стран, подобные аналоги лирической поэзии. Критерий уровня позитивной эстетики – это точное духовное отторжение уродства. Чтобы понимать и ценить красивое, надо уметь чувствовать прежде всего уродливое.

Космические существа прекрасны, а существа хаотичные - безобразны и душой, и телом. Владыка Катил, творящий зло, обрекавший на смерть десятки юношей и девушек, выглядит соответствующим образом:

"Хребет, как у жирного кабана,
Ноги толстые, как у слона,
С отвратительным животом,
Подобным саба-бурдюку с кумысом "¹⁹⁹.

Если, представив себе такого Катила, вы не улыбнетесь, значит, у вас нет чувства юмора. В этом еще одно гуманитарное открытие башкир эпохи мифологического мировоззрения. Преодолеть уродство, победить зло, разоблачить ложь чаще всего нам помогает смех. Смех – категория синхронная всему позитивному, положительному. Космос через смех побеждает в себе Хаос, а человек – уродство, зло, ложь, слабость, страх, бесчестие и т.д.

Порядок угоден человеку во всем, и он, конечно же, не может оставаться простым наблюдателем. Башкиры с помощью мифов точно определили свою позицию в мироустройстве. Точнее, в мифах нашло отражение осознание ими своей космической позиции. С помощью ритуалов человек вновь обращает Хаос в Космос, продлевает Космосу жизнь. Важнейшие перемены в природе сопровождались соответствующими ритуалами. Аналоги мы можем увидеть в более ранних мифах других народов. Например, "в Египте и Вавилонии праздник Нового года сопровождался сложными тщательно разработанными представлениями. Мимически изображались битвы богов или проводились учебные бои"²⁰⁰. Эти ритуалы не просто символы – они составляли неотъемлемую часть космических событий. Человек действительно принимал участие в этих событиях – в великой битве сил Космоса и Хаоса.

Ритуалы расписывали жизнь человека как сценарий. Только ритуал продляет жизнь Космосу. В нем нет ничего непонятного, непредсказуемого, случайно пришедшего на ум. Жизнь человека – это повторение жизни предков, повторение тех событий, которые происходили в начале времен. В соответствии с

¹⁹⁸ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 83.

¹⁹⁹ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 54.

²⁰⁰ Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсон Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Пер. с англ. Т. Толстой. СПб., 2000. С. 37.

поступками предков конструировалась и сверялась жизнь каждого человека, причем, степень сходства с мифологической моделью являлась критерием оценки пройденного жизненного пути. Здесь надо сказать, что "каждый индивид не буквально копировал поступки культурного героя, а воспроизводил основные этапы его жизненного цикла. Тем самым, поведение мифического героя воспринималось человеком на уровне архетипов, формируя в себе фундаментальные принципы традиционного мироощущения, основанного на единстве Космоса и общества"²⁰¹. Свадьба земная - это прообраз свадьбы небесной - первой божественной пары. И потому эротизм считался мощным магическим культом, участвующим в воссоздании благополучия в Космосе. Символ плодородия и гармонии в целом. Рождение ребенка – рождение мира из Хаоса; не случайно, например, в Бурзянском и Мелеузовском районах повитуху иногда называют "водяная мать", "мать, вырастившая, поливая воду"²⁰², а повитуха говорила о ребенке, например, о мальчике, которого она принимала: "Из земли взятый сын мой стал мужчиной"²⁰³. Особое место среди ритуалов рождения ребенка занимает получение новорожденным имени. Получив имя, предмет выделяется, начинает существовать сам. Давая названия и имена, Бог-творец проясняет, разделяет то, что в Хаосе существовало в неразделенном виде. Когда ребенок рождался, ему обязательно давали, хотя и временное, имя – "пеленочное имя", "пуповое имя". Оно является и своеобразным заклинанием от зловредных духов. Нарекая младенца, повивальная бабка давала им знать, что ребенок уже отмечен ею, а иначе злые духи могут заменить детей на своих уродцев, или ребенок может заболеть... Имя – это амулет, охраняющий человека до конца жизни:

"Этот амулет на каждого надет

И не снимается до скончания лет"²⁰⁴.

В загадках имя - "нарукавник золотой", "медный амулет", "кумган медный". Имя загадывается как то, что в огонь кинешь - не горит, в воду кинешь - не тонет²⁰⁵.

Магическим считалось не только имя, но и любое слово. Древние верили в магическую силу слова: "Если назовешь "клоп" – (в тело) всосется, скажешь "мякина" – высохнет. Назовешь змеей – заставляет плакать, скажешь "плеть" – спокойно лежит"²⁰⁶.

Любое изображение, любой знак также символизирует Космос. Башкирский орнамент почти всегда симметричен (как отдельные элементы, так и вся композиция). В орнаментальных композициях "противопоставления мира: день – ночь, жизнь – смерть, свет – тьма, мужское – женское, левое – правое и т.д. показаны через противопоставления фигур животных. Для того, чтобы

²⁰¹ Котов В. Древность эпоса "Урал-батыр" // Ватандаш. 1997. № 8. С. 173.

²⁰² Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Д. Семейный быт башкир XIX-XX веков. М., 1997. С. 89.

²⁰³ Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Д. Семейный быт башкир XIX-XX веков. М., 1997. С. 89.

²⁰⁴ Башкирское народное творчество. Т. 7. Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Уфа, 1993. С. 328.

²⁰⁵ См.: Башкирское народное творчество. Т. 7. Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Уфа, 1993. С. 329.

²⁰⁶ Башкирское народное творчество. Т. 7. Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Уфа, 1993. С. 15.

противоположности во взаимной борьбе не уничтожили друг друга необходим третий элемент композиции, их разграничивающий – золотая середина, точка отсчета, символическое изображение оси мира"²⁰⁷. Чаще всего это женская фигура (богиня всего сущего), дерево (древо мировое, древо жизни), ромб (символ земли). И, будучи символом Космоса, орнамент обладает магической силой. Назначение орнамента, как знака-амулета, защититься от злых духов. В одежде орнаментом украшались прежде всего края, разрезы, отверстия, через которые могли проникнуть злые духи. В домах тоже украшались прежде всего отверстия: ворота, ставни, наличники окон, края крыш. Это обозначение границ – определение зоны "интимности": ближе могут подойти только те, кому разрешено или ближайшие родные, друзья, любимые. Орнамент текстуален: он сообщает "своим", сведущим, понимающим, что перед ними друг или сородич. Те, кто не умеет прочесть знаки орнамента, выдают себя, их надо опасаться. Прежде чем начать общаться, необходимо совершить определенный ритуал на выяснение намерений "чужого".

Ритуал также средство победы над злом. Нарушение любого ритуала – преступление против народа, потому что от любого ритуала зависит благополучие всего Космоса. Не оттуда ли такая нетерпимость к тем, кто пытается делать по-своему? Проходит много времени, прежде чем люди понимают, что тот, кто нарушает порядок, может служить не Хаосу, а явился как Творец Космоса, но более совершенного.

Любой творец добра космичен, главное, понять, что есть добро.

Древнего человека зло поджидало не только под землей или под водой, но и на земле его всюду окружали злые и добрые духи. Добрые: йорт иясе, ой иясе, абзар иясе... Злые: шурале, пярй, убыр, убырлы карсык, албасты, бисура... Болезни тоже считались злыми духами, поэтому существовали специальные ритуалы, изгоняющие их. Болезни представлялись живыми, иногда даже антропоморфными. Например, лихорадку видели в образе человека в рысьей шапке. Болезни могли принимать вид животных, чаще всего сороки. Существовал такой способ изгнания лихорадки: "Натошак или совсем ничего не поев накануне, больной брал горшок с кашей или чем-нибудь другим съедобным, уходил в поле или за реку, ставил на землю горшок и раскрывал рот. Голодная лихорадка набрасывалась на кашу, а больной тем временем бежал домой и по дороге переходил вброд речку или ручей, чтобы наевшаяся и погнавшаяся по его следам лихорадка, потеряв след, не настигла его"²⁰⁸. Злыми духами всегда пугали детей, когда те не желали слушаться. В современном человеке много от первобытного, как во взрослом - детского. Юха в современном башкирском языке обозначает лицемерного человека, притворщика; убыр – обжору; аждаха – изверга, злодея. "Албасты басыу" говорят о мучительном сновидении. Представления древних о Космосе и Хаосе до сих пор не отпускают нас. "Если рассыпались бусы - к несчастью", - говорят в народе. Если рассыпаются бусы – твои звезды, твой мир рассыпается, ломается. Разрушается Космос и превращается в Хаос. А чтобы

²⁰⁷ Очерки по культуре народов Башкортостана. Учебное пособие по курсу "История, культура и литература Башкортостана / Сост. Бенин В.Л. Уфа, 1994. С. 52.

²⁰⁸ Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М-Л., 1955. С. 323-324.

определенный порядок не нарушался, чтобы бусины не рассыпались, их стали нанизывать на нитку.

До сих пор существует в нас страх перед неизвестностью и любовь к стабильности и определенности. До сих пор мы любим день и боимся ночи, полной тайны:

"И бездна нам обнажена
Со всеми страхами и мглами,
И нет преград меж ней и нами –
Вот почему нам ночь страшна..."²⁰⁹.

Конечно же, мы, современные люди, в отличие от древних, вкладываем в понятия Космос и Хаос немного другой смысл. Но все же принцип противостояния Космоса и Хаоса, возникновения Космоса из Хаоса и обращения Космоса в Хаос проходит через всю нашу жизнь. Зачиная, создавая, обустроивая, человек превращает Хаос в Порядок; разрушая, разбирая, наоборот: Порядок в Хаос. Вокруг каждого, в каждом "свой мир", свое восприятие окружающего, своя интерпретация мира. Творя "свой мир", человек делает его отличным от окружающего, согласно своей личности. У одних "свой мир" беден, у других богат; у одних более хаотичен, у других более космичен. Образец же, некий абсолют – настоящий мир, создание Богов в своей первоизданной порядочности, с еще не попорванными законами, абсолютными истинами. Абсолют, образно выражаясь, душа центра мира. Чтобы постичь Абсолют, надо следовать правилам Космоса, познав Хаос.

Между Абсолютом и Хаосом лежат "свои миры" людей. Ближе к Абсолюту – более космические, а значит, нравственные, дальше от него - более хаотичные, безнравственные, плавно переходящие в Хаос. И опять же, борьба между Космосом и Хаосом за влияние, территорию происходит в душах людей.

"И вечна в нас борьба добра и зла.
Мир – это благоухающий сад,
А существа, живущие там,
Подобны растениям и цветам.
Одни тот сад засоряют собою,
Другие растут, восхищая красою...
То, что на земле остается,
Чем все лучшее создается,
Сада краса и благоухание –
Это добро и благодеяние.
В огне не сгорит – благодеяние,
В воде не утонет - благодеяние,
До неба возвысится – благодеяние,
Останется в памяти – благодеяние,
Оно – голова всех дел,
Для всех живущих на свете людей

²⁰⁹ Тютчев Ф.И. Стихи. Уфа, 1989. С. 82.

Пребудет как мира высший удел"²¹⁰.

Башкирское мифологическое мировоззрение развивалось в русле общечеловеческих ценностей. В нем присутствуют все основные черты духовной жизни людей данного уровня социального развития. И оно потенциально содержит те же возможности, которые были, например, в древнекитайской, древнеиндийской или древнегреческой мифологии. Если бы в результате каких-то природных или социальных катаклизмов культура этих народов пересеклась в глубокой древности, то через несколько столетий из духовной жизни других народов, например, башкир, которые набирали в это время силу на ойкумене, возникли бы те же ценности, получились бы те же результаты. Все обошлось благополучно, и подстраховка истории не пригодилась. И народы, стартовавшие более медленными темпами, различными способами оказались втянуты в исторический процесс в русле передовых народов. Такой внешний и часто насильственный прогресс не обязательно оценивать как нечто негативное, ибо сохраненная сила народов "догоняющих культур" может оказаться зарезервированной историей для более поздних времен и для более исторически прогрессивных целей. Это гипотеза говорит в пользу бережного отношения к "малым народам", социальный потенциал которых должен быть сохранен подобно тому, как экологи стремятся сохранить генотип вымирающих растений и животных. Ибо их историческое предназначение и ценность на сегодня до конца не ведомы. Вероятно, настает пора говорить уже не только об "экологии человека", но и об "экологии народов", которые в результате техногенного развития могут исчезнуть с исторической арены. И их потеря для будущего человечества может оказаться трагической потерей самого жизненно-необходимого звена.

²¹⁰ Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 124-125.

ГЛАВА 5. УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Философия ("метафизика") исторической памяти раскрывает, что историческая память есть форма связи времен, когда прошлое присутствует в настоящем, объединяя прошлое и настоящее в одну целостную жизнь с помощью педагогики. Педагогика превращает дискретные звенья поколений в один общий поток. «Учитель, — пишут авторы учебника «Педагогика», — осуществляет связь времен. Он как бы передает эстафету из настоящего в будущее»²¹¹. Я бы сказал, что из прошлого - через настоящее в будущее. Следует отметить одну особенность в педагогической деятельности: ее фундаментальные истины, идеалы и ценности носят общечеловеческий характер, они не знают расовых, национальных, этнических, конфессиональных, политических и других границ. Историческая память – инструмент педагогики. Без него педагогика пуста и бессодержательна. Но место исторической памяти в педагогике имеет еще одну специфику: педагогика призвана в ходе передачи накопленного опыта творчески гуманизировать историческое наследие, т.е. диалектически связывать "фюзисные" и "метафюзисные" стороны. Говоря языком современной философии науки, связывать в единую нить теоретические и эмпирические достижения практического опыта.

«Педагогика должна знать не только *что* передавать из поколения к поколению, не только *как* это делать, но и знать ответы на вопросы *зачем* и *для чего* ей надо быть хранительницей связи времен, для чего нужна связь прошлого, настоящего и будущего. Неудивительно, что в некоторых странах... педагогические факультеты называются философскими. Философия помогает понять возможные масштабы человеческого бытия в диапазоне от абсолютного Зла до абсолютного Добра (в терминах религии, от Сатаны до Бога), а педагогика должна научить человека выбирать свой личный масштаб жизни и заполнять его истинно гуманитарными ценностями и идеалами, исходя из конкретно-исторических обстоятельств и условий.

Сверхзадачи философии и педагогики совпадают — помочь человеку прожить свою коротенькую и конечную в физическом времени жизнь как бесконечно счастливую, в окружении вечных ценностей общечеловеческой культуры. Философия и педагогика должны научить человека прежде всего познавать и понимать самого себя. Девиз Сократа "Познай самого себя!" должен стать одним из главных принципов педагогики, ибо все, что делает человек в своей жизни, должно служить ему как средство, а сам он не должен быть средством для каких-то даже самых великих целей (И. Кант)»²¹².

§ 1.

ОНТОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА ПЕДАГОГИКИ²¹³

У исламской системы образования те же задачи, что и у педагогики вообще. Она призвана связать поколения на основе гуманистических идеалов и ценностей.

²¹¹ Слостенин В.А., Исаев И.Ф., Мищенко А.И., Шиянов Е.Н. Педагогика. М., 1998. С. 3.

²¹² Асадуллин Р.М., Хамитов Э.Ш., Хазиев В.С. Профессиональная педагогическая подготовка в переломные периоды развития общества. Уфа: Китап, 2001. С. 5.

²¹³ В подготовке материала данного параграфа принимала участие Е.В. Хазиева.

Когда мы будем говорить об онтологии и метафизике, т.е. о философии, педагогике в целом, все выводы будут проецироваться и на современную систему мусульманского образования новой России.

Первое, что нам необходимо выяснить: метафизика – раздел философии, изучающий сущее, которое есть часть бытия, изучаемый другим разделом философии - "онтологией". Поэтому мы можем считать метафизику частью онтологии. Онтология изучает бытие в целом, бытие всего, а метафизика интересуется лишь бытием сущего. Если подниматься до предельных абстракций, то метафизика занимается сущим даже без его бытия, так сказать "сущим в чистом виде".

Из такой трактовки получается, что "метафизика педагогики" есть тот раздел "философии педагогики", где рассматривается "сущее педагогики", или "педагогика в ее сущем", или "педагогика в чистом виде". Философия же педагогики, кроме раздела "Онтология педагогики", частью которой и является "метафизика педагогики", включает в себя такие разделы, как "гносеология педагогики", "социология педагогики", "антропология педагогики", "аксиология педагогики" и другие.

Второе положение, которое необходимо обговорить: метафизика есть учение об умопостигаемой и инвариантной (константной) части мироздания, о том, что остается постоянной в изменяющемся мире и что доступно лишь умозрению, т.е. мышлению. Тогда "метафизика педагогики" есть учение не просто о сущем педагогики, а том, что в педагогике, во-первых, константно (инвариантно) и, во-вторых, доступно теоретическому (в терминах Гегеля – спекулятивному) мышлению.

Предмет метафизики педагогики - то, что остается инвариантным (константным, постоянным, неизменным) при всем многообразном эмпирическом изменении педагогики, и то, что доступно лишь теоретическому мышлению (в терминах античной философии – доступно лишь "умозрению").

Поясним сказанное примерами.

Зенон Элейский еще в четвертом веке до нашей эры в своих знаменитых апориях²¹⁴ показал, что бытие движения состоит как бы из двух частей: внешней, видимой, изменчивой и доступной эмпирическому мышлению (здравому смыслу), а также из внутренней, не видимой глазом, но умопостигаемой (видимой лишь разумом) и константной. Если на движение смотреть глазами и ограничиваться лишь пониманием видимой части, то стрела летит, занимая последовательно каждую точку траектории; Ахиллес в несколько прыжков догонит любую черепаху; любое конечное расстояние исчерпывается движущимся предметом за любое конечное время и т.д. Если же попытаться понять движение умозрительно, т.е. выяснить логику того, что видит глаз, то получается, что летящая стрела в каждой точке траектории движения находится в покое, и сумма покоя дает движение; Ахиллес не сможет догнать движущуюся черепаху, которой он легкомысленно дал некоторую "фору", ибо, чтобы пройти самое маленькое расстояние, сначала надо будет исчерпать неисчерпаемую бесконечность

²¹⁴ "Порос" – бог богатства, а также "путь к выходу". Следовательно, "а-порос" – это дорога без выхода, в никуда, в тупик, проблема без решения.

половинок всех половинок этого расстояния. Апории Зенона известны, и нет необходимости их подробно пересказывать и анализировать. Главная мысль, которая нас интересует для понимания "метафизики педагогики", в том, что сущее (метафизика) движения и его бытие (онтология) различаются. Мало того, они образуют противоречивое единство. Движение по своей природе есть противоречивый объект, содержащий одновременно две взаимоотрицающие и взаимоисключающие характеристики, как, например, магнит или луч света. Они тоже противоречивы по своей природе: первый одновременно заряжен и положительно, и отрицательно, второй есть одновременно и волна, и квант.

И на педагогику можно посмотреть и с внешней (эмпирической) стороны, так сказать, глазами; и на ее внутреннюю (метафизическую) сторону, которую можно лишь понимать, абстрагируясь от чувственно фиксируемых свойств и характеристик. Действительность (как процесс) педагогики антиномична и в этом подобна трактовке движения в апориях Зенона. Если мы смотрим на педагогический процесс и понимаем лишь то, что дано в чувственно доступных характеристиках, – это эмпирическая сторона: цепь взаимосвязанных событий. Если же мы на тот же процесс смотрим как бы умом, пытаясь понять не Историю, а Логику педагогического процесса, то получается нечто иное: перед нами предстает педагогика в логике понятий, в движении понятий, в диалектике мыслей. При этом, как и в апориях Зенона о движении, эмпирическая картина ("фюзис") действительности может не совпадать с теоретическим ("метафюзисом") представлением. Привыкнуть мыслить педагогику в ее метафизическом аспекте трудно, ибо привычный ум человека требует опоры на эмпирические данные, требует постоянной координации с онтологией эмпирического мира. Оставим пока за пределами рассмотрения то, что получается, когда речь идет о метафизике педагогики. Это задача следующего шага. Пока необходимо уяснить простую истину, что *педагогика не исчерпывается одной ее внешней, эмпирической стороной, или онтологией. У нее есть противоречивая внутренняя, сущностная сторона, или метафизика.* Чтобы понять более содержательно онтологию педагогики, необходимо уметь мыслить ее в чисто метафизическом виде, т.е. в логике понятий без примеси фактурно-эмпирических данных. Небольшая попытка такого подхода была предпринята в разделе "Метафизика педагогики" книги "Из мышления о педагогике"²¹⁵. К сожалению, такой материал оказался трудным даже для профессиональных педагогов, которые увидели в таком подходе лишь "схоластическую игру понятиями". Особое затруднение вызывает необходимость мыслить что-то противоречивым, т.е. фиксировать в объекте одновременно два взаимоисключающих параметра. Объективность противоречия – давняя проблема диалектики. Хотя современная наука уже достаточно активно пользуется противоречивыми явлениями и концепциями, споры продолжаются: считать ли противоречие лишь фактом незрелого мышления (логической ошибкой) или же оно может быть объективной характеристикой (свойством, параметром, признаком) события.

²¹⁵ См. Хазиев В.С. Из мышления о педагогике. Уфа, 1998.

При рассмотрении педагогики противоречие, как и в апориях Зенона, возникает не только в единстве внешней и внутренней сторон, но даже лишь одна (внутренняя, метафизическая) сторона педагогического процесса оказывается антиномичной. Метафизика (сущее) объекта антиномична, а внешнее бытие - нет. Это значит, что парадоксальный по своей сущей природе объект может быть дан человеку в эмпирическом опыте без всяких намеков на антиномичность. И субъекту познания потребуются особые усилия абстрактного (теоретического, спекулятивного) мышления, чтобы понять противоречивую природу изучаемого объекта.

Такой сравнительный анализ обязателен, когда мы имеем дело с объектом педагогики – субъектом познавательной деятельности. Даже в этом предложении просматривается намек на то, о чем мы говорим. Ученик – объект педагогики, но он одновременно есть самоформирующийся субъект опять-таки противоречивой деятельности, включающий в себя как познавательную, так и практическую стороны. Это нагромождение противоречий - не хаос мышления или изложения, а реальная суть самой педагогической действительности. Для того, чтобы внятно их познать по отдельности и в целом, необходимо постигать метафизику педагогики в указанных выше смыслах.

Есть и третья сторона дела. Для чего нужна эта метафизика педагогики? Ответ прост: чтобы человек (объект и субъект педагогики) был понят целостным, т.е. в единстве с миром, с Абсолютом. Человек – существо не только социальное, но и космическое, вселенское; существо, включающее в свое бытие не только рациональные, но и иррациональные элементы. Его жизнь не ограничивается лишь погоней за славой, властью и богатством, даже если он этого и не осознает. Джавахарлал Неру в своей комментарии к мысли из "Бхагавадгиты", что "весь мир смертных есть взаимозависимый организм" писал: "Это сознание, что сущность всех предметов одинакова, устраняет преграды, отделяющие нас от этих предметов, и рождает чувства единства с человечеством и природой, единства, лежащего в основе многообразия и разнородности внешнего мира"²¹⁶. **Нужно заниматься метафизикой педагогики, социоантропогенеза и вообще метафизикой чего-то для того, чтобы понимать это единство. Ибо метафизика – это та часть бытия конкретной области (в нашем случае педагогики), которая связывает человека с мирозданием в целом, объясняет его как часть Абсолюта, где есть и трансцендентная (хаотичная) и космическая (упорядоченная) части. Эта тема настолько велика, что приходится и ее выносить за пределы данной работы²¹⁷.**

Найти "золотую середину" в противостоянии традиционной и личностной педагогики можно лишь понимая их философские (метафизические) основания²¹⁸. Современная профессиональная подготовка педагогов не может абстрагироваться

²¹⁶ Джавахарлал Неру. Открытие Индии. М., 1955. С. 92.

²¹⁷ См.: Хазиев В.С. Философское понятие истины. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания. Уфа, 1994.

²¹⁸ См.: Хазиев В.С. Из мышления о педагогике. Уфа, 1998.

от этих проблем реформирования российского образования²¹⁹. Исламские образовательные учреждения, хотя и не имеют в вывесках слово "педагогический", по сути являются педагогическими. Выпускники исламских университетов и медресе как новая генерация исламской интеллигенции будут выполнять в любом случае педагогические функции. Они будут участвовать в создании идеалов и ценностей возрождаемой культуры своих народов, влияя на нее, на культуру, прежде всего, через воспитание детей, через влияние на сознание и чувства своих единоверцев и сограждан.

Четвертый аспект – методологический. Метафизический взгляд на педагогику позволяет глубже понять происходящие эмпирические события, увидеть различие между принципиально важными и второстепенными компонентами, место которых в педагогической практике может быть оценено обыденным сознанием иначе, превратно, ошибочно. Например, так ли уж важны школьные оценки и знания для счастья человека, оценки, которые современная традиционная педагогика рассматривает как абсолютные критерии прилежания ученика и профессионализма его учителя. Даже простое понимание того, что такое "красивая школа", на чисто эмпирическом уровне трактовки недостаточно, поверхностно, если не углубиться в дебри метафизического пласта онтологии школьной жизни²²⁰.

Исходя из такого понимания онтологии и метафизики педагогики, рассмотрим два конкретных примера: что такое "красивая школа" и "всестороннее развитие ребенка".

1. Красивая школа.

Рациональная философия (да и наука) трактует "красоту" как понятие, с помощью которого мы, люди, постигаем некие содержания материального и духовного мира. "Красота здания и стен классов", "красота интерьера", "красота души учеников и учителей", "красота поведения", "красота мыслей", "красота слов", "красота чувств" – везде речь о красоте, которая, во-первых, есть объективный признак чего-то, во-вторых, познана человеком в форме каких-то определений и описаний. И когда говорят о "красивой школе", в рамках такого подхода понимают ее как максимальное количество красивых деталей – вещей, событий, явлений (тех же стен и стендов, спортивных соревнований и концертных номеров, хорошей успеваемости и воспитательных мероприятий, моральной атмосферы в школе и контактов с родителями, гигиены и санитарного состояния, одежды и питания и т.д.). И конкуренция за звание "красивая школа" превращается в бесконечную фантазию и поиск таких деталей, совершенствование степени их красоты (дизайна и эстетичности).

Мы, люди, земные и конечные существа. И от всего этого (конечных вещей и событий) нам никуда не деться. Они – эмпирическая составляющая нашей жизни. Все они, бесспорно, должны быть. Обучение и воспитание детей, несомненно, должны быть эстетичными, нести в себе элементы красоты во всех фрагментах и

²¹⁹ См. Асадуллин Р.М., Хамитов Э.Ш., Хазиев В.С. Профессиональная педагогическая подготовка в переломные периоды развития общества. Уфа: Изд-во "Китап", 2000.

²²⁰ См. Хазиев В.С. Метафизика красоты и красивая школа // Интеграция вузовской науки и производства как важнейшее условие повышения качества подготовки специалистов. Уфа, 2004.

аспектах жизни. Требование полноты в этом плане не только необходимо, но и, действительно, одно из показателей того, насколько красива конкретная школа. Такова практическая сторона дела.

Однако есть и другая – теоретическая ("метафизическая") сторона, без учета которой проект "Красивая школа" будет слишком утилитарным, приземленным, что, в конечном счете, приведет к тому, что "красота" станет синонимом житейской "полезности". Без теоретического (философского) осмысления и без ответа остается главный вопрос: а зачем эта красота вообще нужна? Тем более что во многих случаях как раз в житейском плане она абсолютно бесполезна. Например, зачем красота нужна в школьной столовой? Разве главное не в том, чтобы было чистое помещение и вкусная еда? Зачем еще тратить силы и средства на какую-то красоту в спортзале? И вообще, что это такое – красота? Какое место она занимает в бытии вообще и в жизни людей в частности? Если искать ответы на эти вопросы, мы и выйдем в сферу философского аспекта понимания "красивой школы".

В Древней Греции на общественные праздничные игры города посылали своих наблюдателей "теоросов"²²¹, которые были не участниками и не организаторами, а именно созерцателями, бесстрастными и объективными. Именно такое требование предъявляется для постижения истинной сущности бытия.

Если сказать то же на религиозном языке, созерцание позволяет человеку обнаружить и понять сакральное (божественное, вечное), а не профанное (тварное, конечное) событие.

Философы Древнего мира понимали под созерцанием постижение истин космоса. Созерцание космоса Парменид, а потом и Платон, разделил на две относительно самостоятельные части.

В области переходящего, изменчивого, текущего господствует в основном эмпирическое созерцание – *мнение* (doxa). Хотя здесь все находится ближе к человеку и чувственно осязаемо, истина бытия человеку в этой сфере не дана. Некоторые философы даже считали эту часть бытия иллюзорной.

Тайна (истина, сущность) бытия находится в другой сфере. За Логосом зарезервирована та часть, которая очищена от непостоянного и неопределенного. Здесь властвует интеллектуальное созерцание, теоретическое познание.

Философа интересует то, что в логосе – вечное, неизменное, сущностное основание бытия. В теоретическом созерцании (философствовании) человек не может не искать космоса в себе и себя в космосе. Познающий человек обнаруживает в себе пропорции, присущие сущности бытия вплоть до гармоничного музыкального ряда (пифагореизм), понимает, что человек – микрокосм, формирующийся через мимезис (подражание). И теория (интеллектуальное созерцание) входит в повседневную практику как отражение сущности бытия, как абсолютная истина мироздания, как покой полноты жизни,

²²¹ См.: Snell В. Theorie und Praxis // Die Entdeckung des Geistes. Hamburg, 1955. S. 401 ff; Picht G. Der Sinn der Unterscheidung von Theorie und Praxis in der griechischen Philosophie // Evangelische Ethik. 1964. S. 321.

который позволяет быть справедливым в частных чувствах, мыслях, словах и делах, т.е. быть носителем красоты через строение души по законам космоса. Философская теория соединяет части конечного (тварного) мира в единый космос духовности.

Красота как теория и красота как мнение. В первом мы открываем себя в космосе и космос в себе, во втором случае мы ищем отражение космоса и свое отражение в межчеловеческих отношениях. В первом варианте мы – созерцатель, во втором – практик. Теория красоты и практика красоты – это две величины, два размера бытия человека в мире, а также бытия мира в человеке. В первом случае человек получает наслаждение в справедливости, истине, добре и красоте, во втором – пользу в материальных ценностях, славе, власти.

Нам кажется, что это мы открываем красоту с каждым нашим познавательным шагом, что она раскрывается перед нашим всемогущим разумом. И кажется нам, что "скрытая сущность Вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания, она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы"²²². Представление, что мы субъект, а красота – объект, которому не устоять перед пытливостью ума, лишь "докса", т.е. мнение. Истина в том, что в погоне за красотой не мы ухватываем ее в сущности бытия, а она захватывает нас, чтобы дать нам возможность открыть для себя нас самих. Красота – то звено в цепи сущности бытия, через которое мы, с одной стороны, прикреплены к космосу через подражание (мимезис) ему, а с другой стороны, через красоту мы собираем в единое целое (наподобие космоса) фрагменты своей духовности. Красота – категория, которая позволяет нам открывать (чувствовать и понимать) самих себя в целостности. Красота играет в этом отношении ту же роль, которую сердце - в отношении чувств. "Чувство есть нечто отдельное, длящееся отдельный момент, отдельное вперемежку с другим отдельным, после него и наряду с ним; напротив, сердце обозначает всеобъемлющее единство чувств во всем множестве и во всей длительности их; это основа, которая собирает и содержит, храня в себе, сущность чувств вне мимолетности выхода их в явлении наружу. В своей повседневной жизни мы частичны, выполняем поочередно свои отдельные функции, живем фрагментарно. Целостность бытия остается для многих из нас как отсроченный на бессрочное время идеал. Применительно к нашей теме о проекте "Красивая школа" можно сказать, что красота школе нужна для той же цели. Красота, разлитая по всем фрагментам школьной жизни, есть метафизическая основа цельности школы, которая связывает ее, школу, сначала с обществом и человечеством в целом, а через это с законами мироздания. Утилитарной пользы в непосредственном пользовании красотой нет. В этом смысле красота бесполезна. Она полезна в том смысле, что мы, каждый из нас есть частичка мироздания, космоса, Вселенной. Если человек теряет эту внутреннюю метафизическую связь с сущностью своего бытия, он перестает быть действительным (онтологически истинным) человеком. Потеряв связь с Логосом, он лишается собственного индивидуального логоса. Его жизнь становится лишь

²²² Гегель. Речь Гегеля, произнесенная им при открытии чтений в Берлине 22 октября 1818 года // Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 83.

мнением о жизни, "доксой". С помощью красоты каждый живет как нечто космически целое, доступное интеллектуальному созерцанию, истинно разумное, связанное со своим сущностным началом. Красота дает нашей уединенности (единственности) космическую общность не только с другими людьми, но и с мирозданием вообще. Без красоты человек потерян не только в бесконечных просторах бытия, но, что более всего страшно, в самом себе. Красота, если пользоваться аналогией, подобна берегам, которые объединяют отдельные фрагменты космоса, в метафизический океан бытия. Каждая капля в океане сама по себе, но есть еще вода всего океана целиком. Каждый человек есть маленькая капля в океане бытия, где красота выполняет роль метафизической среды, соединяющей отдельные капли в единое целое. Без этой среды капли, как бы много их ни было, не станут океаном.

"Красота" - не просто понятие человеческого сознания, а одна из предельных категорий устройства бытия. Овладевая красотой, человек возвращается к своему началу, к своему существу – чистому присутствию в социуме и в мироздании. Красота, оставаясь эмпирически (в непосредственной пользе) неуловимой для человека, захватывает его и присутствует в нем в виде одной из "космических мелодий" – настроения. В красоте эмпирический человек, т.е. открывшийся для себя как живое разумное существо, как представитель какого-то народа в конкретно-исторический период его истории, просыпается от этой ограниченности эмпирического бытия (или мнения жизни) для на-строения на космический лад. Красота как возвращение к началу человеческой сущности есть настроение покоя, успокоения, равновесия, энтропии. Настроение стойкости к тревогам жизни обусловлено присутствием красоты в наших повседневных буднях. Заботы и страхи бытия поглощаются присутствием в бытии любого уровня красоты. Из несобственного присутствия в этой конечной жизни мы через красоту приходим к тому основному настроению нашего существа, которое позволяет нам приобрести статус онтологически истинного человека. Красота служит главным источником стабильности, спокойствия нашей духовной и телесной жизни. Если красота как практика есть благообразие устроенности человека в конечном мире, то красота как теория есть поступок – возвращение человека к собственной сущности. Каждый человек, каждая семья, каждая школа, каждый народ, как и все человечество, имеет в разные периоды жизни различное на-строение: героизма, тоски, надежды, воли, памяти и т.д. Эти исторические на-строения служат широким полем бытия, на поверхности которого кипят эмпирические страсти различных индивидуальных и коллективных событий. Ассортимент на-строений так же бесконечен, как и многообразие конечного мира. Красота как единство теории и практики присуща человеку, ибо он - мирообразующее существо, через которое мироздание содержит себя в гармонии (Леонардо да Винчи).

Красоту в качестве абсолютной основы бытия человека невозможно определить через другие категории. В этом статусе она тавтологична: красота есть красота. Попытки определить ее окольным путем через иные понятия уводят от понимания сущности красоты в сторону. Онтологическое разворачивание красоты в структуре мироздания должно быть представлено как добывание красоты из нее

самой, как генетический вывод, как восхождение от абстрактного к конкретному. Красота не привносится извне, она возникает из собственной основы, из самой себя. Применительно к конечному миру – из собственной субстанции.

Красивая школа не может стать красивой путем разукрашивания ее чем-то не присущим самой школе, привнесенным в нее из области политики, права, религии, мифологии, этики, науки, искусства и т.д. Все это должно быть получено в пределах самой школы, из школьной жизни, в тех составляющих элементах, из которых состоит школа как социальный феномен, отличающийся от других социальных институтов. Школьная политика, или политика школы не строится на примере лучших образцов политики правительства или политики как таковой. Школьное право, или правовая школа, это вовсе не есть адаптация правовых норм общества к повседневной жизни школы. Школьная религия, или религия школы, не есть преподавание в школе закона Божия. Школьная этика, или этика школы, не ограничивается требованием соблюдения в школе общественных нравственных норм. Школьная наука, или наука школы, опять же не есть преподавание в школе различных наук или руководство школой на основе научных стандартов. Школьное искусство, или искусство школы не есть бурное развитие в школе художественной самодеятельности и различных кружков художественного творчества. Разумеется, все это присутствует и должно присутствовать в школе. Но это, как мы сказали выше, лишь эмпирическая сторона дела. Теоретическая же состоит в том, что школьная политика, право, мораль, религия, искусство и т.д. – все это станет элементом Красивой школы лишь тогда, когда они, во-первых, будут выработаны на основе реальной, конкретной, действительной жизни школы, а не привнесены в нее со стороны. Во-вторых, будут служить метафизической, в сказанном выше смысле, основой целостности школьной жизни, учителей и школьников. То есть если они (школьная политика, право и пр.) в бурной и кипучей эмпирии школьного бытия служат началом покоя, стабильности, возвращения каждого мгновения, каждой детали к сущности бытия. Все, что есть в школе, будет элементом Красивой школы тогда, когда каждый элемент выполняет две философские функции. Первая функция: каждый элемент школьного бытия, кроме эмпирической своей значимости, служит метафизическим звеном, соединяющим суету конкретной действительности каждодневных забот и хлопот с принципами мироздания (если так понятнее, то с абсолютном, с материей, с Богом, наконец). Вторая – он, этот же элемент школьного бытия, служит тем невидимым для глаза, но всегда доступным для разума основанием целостности, единства жизни каждого школьника, каждого учителя и школы как отдельного социального института. Обе эти функции охраняют от абсолютизации какой-либо крайности. Например, во всем искать полезность или полностью ею пренебрегать. Красота – тот элемент, который присутствует в каждом мгновении и элементе педагогического процесса как неугасающая ностальгия по единству, по целостности, которая разорвана конкретной эмпирической стороной нашей жизни, профанным (дискретным) пространством и временем. Быть целостным – значит, быть миром, а не только его отдельной частью, фрагментом, пусть даже самым значительным. В терминах религии – это ностальгия тварного человека по Богу, по утерянной в Эдеме

райской жизни. Что бы человек ни делал и как бы хорошо ни шли его дела, – все это лишь эмпирическая сторона, лишь одна сторона жизни, бытия вообще. Она, как бы ни была хороша, красочна и полна, все равно недостаточна, чтобы человек был полноценным, истинным, счастливым. В ней не хватает той самой детали, которую привносит красота, – божественного покоя, вечной стабильности, абсолютной энтропии. С помощью красоты человек присутствует в мире как "у себя дома", через красоту он ориентирован в мире вещей и в мире собственной духовной жизни, а не блуждает потерянный в просторах вечности и бесконечности раздробленным на кусочки и испуганным. В теоретическом плане красота есть метафизическая часть нашего бытия, скрепляющая нас с абсолютным, трансцендентом, природой, социумом и каждого из нас с самим собой. Без этого элемента человек останется простым природным существом, деталью мироздания, созданной им для выполнения функции гармонизации бездушной природы. Без красоты человек будет пребывать в жизни лишь в форме эмпирического сна (иллюзии). Все, что он сделает, исчезнет вместе с ним, не оставив даже временного следа. Эмпирическое понятие красоты в каждой точке жизни должно быть дополнено теоретическим ее понятием, т.е. онтологическое бытие – метафизическим содержанием. В понимании античных философов красота была состоянием космоса, естественной частью которого был человек. Но жизнь человека по стандартам космоса могла осуществляться лишь через телесное и интеллектуальное напряжение человека, который должен был сам отрегулировать свою жизнь. На наш взгляд, это правильная позиция. Человек – существо активное. И не просто активное, а разумно активное. Поэтому его практическая деятельность должна включать обязательно теоретические элементы. Односторонний эмпиризм почти всегда приводит, в конечном счете, в тупик, оказывается исчерпываемым вариантом развития человека. Рассмотрим это на конкретном примере одной из долгих иллюзий педагогики – на примере формирования всесторонне развитого человека.

2. Всестороннее развитие человека.

Детям необходимо давать всестороннее развитие, что включает в себя музыкальное, экологическое, коммуникативное, нравственное и так до бесконечности. Истина эта банальная, с которой вероятно никто спорить не будет. При этом предполагается, что речь идет о действительной всесторонности человека, а не только об его эмпирическом аспекте развития.

А зачем? Ответ прост. Чтобы он не был однобоким, духовно бедным, абстрактным, примитивным человеком. Действительно, здесь простота – зло, то самое, что хуже, как говорит народная мудрость, глупости. Чем человек многостороннее, тем лучше. Тем он богаче духовно, и тем он более жизнестойкий практически. Тоже банальность. И спорить тут не о чем. Предельно все очевидно, просто и ясно.

Однако видели ли вы хоть одного абсолютно всестороннего человека, даже не абсолютно, а просто всестороннего? Нет. И не потому, что в нашем мире статусом абсолютного обладают немногие события: например, движение и смерть. Даже простая относительная всесторонность – вещь чрезвычайно редкая. Большинство из нас, ставших "узкими" специалистами в какой-то области, в зрелом возрасте

вспоминают, что они ходили в музыкальную школу, посещали изостудию, кто-то и на балет ходил, и на художественную гимнастику или на дзю-до, и на курсы японского или китайского языков, участвовал в олимпиадах по математике и химии, пробовал себя на эстрадных и театральных подмостках, писал стихи и пр. Вот – всестороннее развитие! Все это ушло и оказалось в основном пустой тратой времени. Милые бабушки и родители обокрали безнаказанно время нашей жизни. Отобрали в погоне за какой-то химерой, существующей лишь в их голове, время нашего детства. Для большинства детей эта погоня родителей за призрачным всесторонним развитием – мучение, каторга, наказание, насилие. Предвижу вопрос: "А на что тогда тратить время детства? Было бы лучше, если бы сидел дома, тупо уставившись на потолок? Гонял во дворе дурной мяч? Или изгалялся по интернету?" Дело не в том – чем ребенку заниматься. А в том, как это делать – насильственно и с отвращением или свободно и с радостью. "Изгалёж" по интернету лучше балетной школы, если первое по свободному выбору и доставляет ребенку радость, а второй по железной воле родителей и сплошное наказание.

Если всестороннего развития невозможно достигнуть, возможно, мы имеем дело с идеалом? Но, возможно, с идолом. Вещи – разные. Кант в своей знаменитой работе "О педагогике" пишет, что идеал, хотя и является образом недостижимого, не следует от него отказываться. Идеалы служат ориентиром в мелкой суете повседневности. Они, как маяки, бросают направляющий луч в судьбе человека. В самом деле, как не упустить возможного шанса, что наш ребенок имеет талант поэта, художника, спортсмена, музыканта, математика, изобретателя и т.д., если не попробовать его потренировать во всех сферах. У него же не написано ни в свидетельстве о рождении, ни на лбу, что перед нами будущая посредственность или гениальность. Это отцу Сократа, Сафрониску, было просто: пошел и узнал у оракула Дельфийского храма, как ему воспитывать сына. Сегодняшние тесты и экспертизы дают лишь вероятностные прогнозы и оценки. Кстати, оракул гласил, чтобы отец не мешал развитию сына, судьба которого predeterminedена богами. В наше время оракулы – мошенники, им доверять нельзя, как и "научной педагогике" со всеми ее тестами и экспертизами. Профессиональные эксперты тоже ошибаются, возможно, не всегда, но бывает: таких примеров множество и в области искусства, и в области науки, и в области спорта и т.д. Оракулы в свое оправдание могут хоть сослаться на случай с Сократом, а у "научной педагогики" нет даже такого единственного примера подтверждения хотя бы какого-либо смехотворно простого прогноза или экспертизы. Вот и служит идеал "всестороннего развития" прикрытием для родителей, надеющихся и желающих выявить, по выражению Паганини, "не коснулся ли крылом ангел", не скрывается ли в ребенке талант или даже гений. Когда годам к 13-14 выясняется, что в семье растет нормальный ребенок, родители, наконец, хоть и разочарованные, успокаиваются, махнув рукой и на гениальность, и на всестороннее развитие. При этом прощения за предыдущие годы издевательства и насилия, конечно, не просят, оправдывая свою неудачу неудачно сложившимися объективными обстоятельствами. Но детям, потерявшим нормальное детство в результате "благих" намерений родителей дать им

всестороннее развитие, от этого не легче. Повзрослев, за это приходится расплачиваться в полной мере. Потерянное детство дает о себе знать и физически, и духовно. Эта область - еще одно из "белых пятен" современной педагогики и психологии.

Величие Сухомлинского-педагога не в том, что он вырастил десяток гениев-математиков, сотни талантливых инженеров, политиков, музыкантов, художников, поэтов, учителей. Кажется, нет ни одного выпускника этой школы, кто чем-то прославился. Сухомлинский заслужил памятник тем, что не лишил в своей школе детей детства, детского счастья жизни.

Примитивно (эмпирически количественно) понятый идеал всесторонности превращает жизнь ребенка в бесконечную линейную последовательность механического накопления всевозможных знаний, навыков и умений. Папа учит ездить на велосипеде и настойчиво хочет, чтобы мальчик обязательно стал олимпийским чемпионом. Мама водит в музыкальную школу, чтобы из мальчика получился Лист или Чайковский. Бабушка – в балетной школе растит Васильева или Нуриева. Дед готовит, как минимум, Мичурина в школе юных натуралистов. Брат готов пожертвовать временем, если из него получится новый Кассиус Клей или Тайсон. Учат, водят, прививают, формируют – и все это "филькина грамота". Никакой всесторонности никогда еще не получалось и, вероятно, не получится. Такова суть и результат эмпирической всесторонней красоты и всестороннего развития ребенка.

С точки зрения формирования всестороннего человека – все пустая трата времени. Во-первых, эмпирическая цепочка почти бесконечная, зависящая лишь от фантазии родителей. Во-вторых, ясно, что *эмпирически* всесторонний человек – идеал, практическая реализация которого не только невозможна, но – и это главное – никому не нужна. Важно другое: чем будет заполнена жизнь человека. Но это "главное" никто не может определить извне. Его определяет каждый человек сам, кто путем "проб и ошибок", кто интуитивно, кто доверившись родителям или книгам. Кто как – но непременно сам. Но есть проблема. Ребенку это сделать самому не под силу. Если ждать, есть риск упустить время. И родители берут на себя непосильную для них ответственность и полномочия, устраивая многолетнюю экзекуцию своему малышу на основе прямолинейно и упрощенно понятого идеала всестороннего развития.

Здесь как нигде и никогда со всей очевидностью выступает порочность и недостаточность эмпиризма, механистической методологии и линейного мышления.

Попробуем посмотреть на дело с иной точки зрения. Рассмотрим всесторонность как состояние не актуальное, а потенциальное. Если трактовать ее как актуальное состояние, получается вышерассмотренная картина, когда простодушные родители, мучительно для себя и малыша пытаются в "конечного ребенка" (конечного в пространстве – физическом и социальном, конечного во времени, ограниченного в материальных и духовных условиях, средствах, обстоятельствах) вместить ("утоптать") бесконечное множество качеств. Идеал всесторонности должен быть не призывом исчерпать неисчерпаемое, а комплиментом человеку, что он – единственное существо на Земле, которое

может реализовать себя в любом конкретном конечном качестве из океана *бесконечных* возможностей как целостного творческого существа. В этом отличие людей от зоологических существ, у которых нет свободы выбора и их качества жестко ограничены биологическими детерминантами, видовыми границами.

Идеал всесторонности должен ориентировать родителей не на мучительство своих малышей в погоне за идолом²²³, иллюзией "дать им все" (вариант – попробовать себя во всем), а на обучение их самостоятельному развитию, самостоятельности. Постоянное на-строение к самостоятельности в жизни и служит в данном конкретном примере возвращением к собственному началу, к сущностному качеству, который в любых конкретных обстоятельствах жизни поможет человеку отнестись к себе справедливо, сделать любую раскладку эмпирических элементов судьбы красивыми. На вопрос: "Зачем нужна эта красота во всем, когда от нее прямой пользы никакой?" – мы можем теперь ответить. "Чтобы быть истинно счастливым, а не иллюзорно, на уровне мнения (doxa)".

Это дело намного тяжелее, чем пичкать ребенка всеми ремеслами и знаниями. Независимо от материального положения и культурного уровня родителей, характера семейных отношений и количества членов семьи необходимо настраивать ребенка самому держать вожжи жизни. Именно от этого зависит то, как он проживет свою единственную и неповторимую жизнь, реализуется в нем его талант и гений (если "ангел коснулся крылом") или нет, а не от количества (многообразия) знаний, навыков и умений. Всесторонность не в актуальном владении всеми качествами сразу (это невозможно уже потому, что они в разном возрасте разные), а в том, что каждый человек в состоянии реализовать разумно с учетом всех моментов то, что ему нужно, можно, доступно, желаемо; то, кем он в данный момент, в данном месте, в определенных условиях и обстоятельствах хочет и может быть или казаться. Всесторонность – это способность самореализовывать собственную сущность сообразно ситуации: времени, места и обстоятельствам на основе того, что отпущено природой (судьбой, "ангелами").

Чтобы ребенок был всесторонним, духовно богатым и жизнестойким, вовсе не обязательно записывать его во всевозможные кружки, студии, школы, курсы и пр. Вы можете заниматься ограниченным количеством дел или даже одним, но научите ребенка делать это самостоятельно, на каждой точке вектора времени жизни оставаясь самим собой. Учите его развивать себя на основе вечных ценностей, среди которых одно из главных мест принадлежит красоте. Не сердитесь, когда он "мешает" вам его учить. Когда не желает слепо и шаблонно повторять за вами ("упрямится"), когда нарочно делает по-своему ("портит"). Хотя понимает и знает, как делать правильно (по-вашему, традиционно правильно). "Оракул" в лице непонятных современной "научной педагогике" механизмов подсказывает ему, чтобы взрослые не мешали ему быть красиво всесторонним, а не просто как механический носитель совокупности разных знаний и умений. Отец великого Сократа, каменотес Сафроникс, послушался оракула, который подсказал ему не мешать ребенку своим "воспитанием". Что из

²²³ Прекрасно о различиях между идолами и идеалами см. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968.

этого получилось, всем известно. Не мешайте ребенку импровизировать, присутствуйте при этом, поддерживайте его, помогайте ему. Чтобы у него получилось "по-взрослому". Детские игры – дело серьезное: становление в ребенке этой самой метафизической красоты. И так во всем: от самых мелких пустяков до глобальных (судьбоносных), по вашему мнению, дел семьи и вашей совместной жизни. В этом и закладывается всесторонность: во всем бесконечном самому нести крест ответственности за себя. Больше никому: родители умрут, соседи ошибутся, друзьям будет некогда, а Бога – нет. Истинное всестороннее развитие – это формирование свободы, которая обеспечит ребенку не только эмпирическую, но и теоретическую (не просто онтологическую, но и метафизическую) *красивую жизнь*.

Идеал линейно (механистически) понятого всестороннего развития наивностью родителей и домашним воспитанием не исчерпывается. При близком рассмотрении явно или скрытно звезда эмпирической всесторонности светит и над системой отечественного образования.

Школьник продолжает судьбу "всесторонне" развитого родителями дошкольника. Идеал реальной школьной практики и педагогики, что бы ни декларировалось словесно, тот же: всесторонне развитая личность, трактуемая еще более специализированно как совокупность максимально большего количества знаний. Олицетворением "всесторонности" становится предельное наполнение ребенка всевозможными знаниями. "Широкая образованность", "энциклопедическая эрудиция" и пр. – голоса из того же хора "всестороннего развития". Сотни дисциплин и миллион разнообразной информации. Чем больше – тем лучше. "Замучаю, но научу, потом еще спасибо скажет", – таков лозунг отечественной школы. "Потом" означает, если эти знания когда-нибудь пригодятся. А если нет? Не знаю, кто и как это подчитывал, но **ходячим (лучше «расхожим»)** мнением уже стало, что получаемые в школе знания на 90% потом оказываются невостребованными. Но критерий профессионального мастерства учителя и показателей школы – количество знаний. Чем их больше, тем ученик ближе к идеалу "всесторонне" развитого человека.

"Красивое знание" – это, по нашему мнению, не максимально большое количество знаний, а знания, которые дадут возможность человеку прожить счастливую жизнь. Счастье – это состояние, когда человек живет в согласии с собой, людьми и с миром. Для этого важно не количество, а качество знаний. Красота – та часть знаний, через которую знание превращает частную деятельность человека в нераздельную составную часть жизни общества и природы, включает человека в бытие мироздания не просто эмпирически, а как сущностную силу, осознающую свое место и значение в космосе. Если "педагогика – это общественный механизм связи поколений на векторе роста в людях гуманистического начала"²²⁴, то красота – необходимая ее составляющая, ибо гуманизм сам по себе красивое качество человека.

Если под красотой представлять готовый набор рецептов, как тот или иной предмет сделать красивым, оставаясь этому предмету внешним и чуждым, то в

²²⁴ Асадуллин Р.М., Хамитов Э.Ш., Хазиев В.С. Профессиональная педагогическая подготовка в переломные периоды развития общества. Уфа, 2001. С. 258.

таким отношении красота будет выглядеть особой отделенной от предметов и событий вещью, природа которой не имеет ничего общего с тем, что она должна сделать красивой. Такая трактовка красоты присуща миру конечных эмпирических предметов, событий и явлений. Но человек – сфера особая, в нем, как мы выше подчеркивали, есть метафизическое космическое начало, по отношению к которому неоткуда взять готовые рецепты красоты, ибо это начало сущности бытия. Здесь красота, чтобы не оставаться за пределами человеческой сущности, чтобы на деле быть красотой человеческого существования и сущности, должна быть внутренне присуща человеческой природе вообще. Дефиниции и дескрипции красоты будут в этом варианте выражением в формах мысли собственного развития человеком в себе человеческого начала, т.е. того, что делает людей людьми во все эпохи и времена. Красота школы, как и красота социума или человека, есть выражение собственного сущностного развития. Метафизическая красота не привносится в школу и в человека извне политиками, реформаторами или мудрыми теоретиками. Красота есть имманентное школе проявление ее собственных сущностных характеристик. Создание красивой школы не означает ее модернизацию по рецептам мудрых теоретиков, которые не переступали порога школы, а теоретическое бытие тех, кто непосредственно в ней работает и живет.

Философия исторической памяти в формировании системы исламского образования направлена на раскрытие ценности человеческой жизни во всей ее полноте и целостности, охватывающей все фундаментальные категории бытия. Конечно же, прежде всего, это истина, красота и добро. Целостный человек, как и целостный мир, должен быть онтологически истинным, красивым и добрым. Высшее предназначение человека именно в этом, привнести в мироздание красоту, истину и добро. В этом смысл его бытия, его жизни. Но чтобы выполнить эту космическую миссию, нужно человеку самому достичь состояния онтологической истинности, т.е. привести свое существование в соответствие с сущностью человека, т.е. с "идеальным" человеком. Такая философия педагогики и должна лежать в основе системы исламского образования новой России.

§ 2.

УМНЫЙ НА ГОЛГОФУ НЕ ПОЙДЕТ...

"... Я всегда во все светлое верил,
Например, в наш советский народ,
Но не поставят мне памятник в сквере
Где-нибудь у Петровских ворот..."
(В.С. Высоцкий)

Историческая память своеобразна. Она порой будто не существует, не явствует, чтобы через некоторое время появиться в живой и в текстуальной памяти. Так бывает с людьми, так бывает и с социальными институтами или даже с их элементами. Имеется в виду религия и система конфессионального образования в целом. Историческая память не исчерпывается простым психологическим феноменом. По форме, может быть, и так. Но по содержанию структура исторической памяти включает, во-первых, разные точки на векторе времени, поэтому она и «историческая». Не потому только, что это воспоминание о прошлом, а потому, что включает ряд

хронологических точек, из которых складывается поток, т.е., собственно, получается история. Интересно то, что историческая память в таком ракурсе рассмотрения обязательно содержит в себе постоянные экстраполяции в будущее. Причем мысль, разум, размышление, сознание «бегает» постоянно «взад-вперед» по времени.

Приведем одно, на наш взгляд, интересное размышление об истории самого мышления. Признание познаваемости мира имплицитно содержит и признание бесконечности и беспредельности гносеологической мощи человеческого разума. Но феномены мышления человека подобны текстам ("файлам"), записанным в определенном формате (PDF, или в WORDe, или RTF и т.д.). Если в конкретном компьютере нет базы, программы, которая может их расшифровать, то текст "не откроется". Если общество в своем развитии не дошло до определенного уровня, то феномен мышления тоже "не откроется". Уровень развития общества есть та объективная программа, на базе которой может раскрыться та или иная возможность, заложенная в бесконечных потенциях человеческого разума. Ни у Будды, ни у Христа, ни у Мухаммеда, при всей их гениальности (даже божественности) вы не найдете ничего, что открылось человеческому мышлению за последние столетия истории человечества.

Для сознания физических преград между временными интервалами не существует. Поэтому сознание, участвующее в формировании исторической памяти, свободно, оно легко гуляет в просторах вечности. Вследствие этого появляются, и это во-вторых, разные уровни содержания исторической памяти: философский, социальный, индивидуально-конкретный. В генезисе исторической памяти нет механического порядка линейной последовательности этих уровней. Они как бы участвуют одновременно. Мысль может скакать по-всякому, выхватывая из разных глубин души любые элементы: чувственные и логические, бессознательные и разумные, иррациональные и рациональные, интуитивные и дискурсивные, вспоминаемые и ощущаемые в данный момент, прогнозируемые фантазией и пережитые в прошлом, воображаемые и наличные. Из этого хаоса материалов, ассоциативно порождаемых разными частями человеческой души, начинает формироваться картина исторической памяти. Но историческая память становится таковой лишь тогда, когда все, возникшее и сформировавшееся в голове (шире – в душе), оказывается включенным в деятельность ассоциированного (живущего в обществе) человека. Историческая память – это часть реальной жизни человека, а не только работа его головы. Во втором случае речь идет о психологическом феномене ассоциативного мышления и переживания, а не о исторической памяти. Чаще всего историческая память начинает формироваться с подсознательных, бессознательных, интуитивных и иррациональных ощущений, переживаний, предчувствований, связанных с конкретным событием, явлением, вещью или человеком. Как историческая память может «жить» в творчестве современных людей и влиять на их деятельность: на их свободный выбор, на

их решения, на их идеалы, цели, надежды, мечты, критерии поступков и т.д., - попробуем показать на одном примере.

Память о В.С. Высоцком тоже не простая. Официальная и неофициальная, быстрая и долгая, живая и документальная, личная и историческая – все перемешалось, чтобы в конечном итоге упорядочить в хаосе бытия какой-то фрагмент соотношения добра, красоты и истины в душах людей. Дурь, зло и уродство присущи всему земному, конечному, торопливому, тварному, дольному. Человек обречен жить в таком мире со своей свободой выбора, волей, разумом, чувством красоты и добра. И в определенном смысле он несет полную ответственность не только за свою судьбу, но и за историческую память: за свои чувства, мысли, слова и дела. Можно прожить по сознательному выбору тяжелую земную жизнь, полную лишений и тягот, чтобы оставить светлую вечную память, которая возродится в исторической памяти отдельного человека, или целого народа, или даже всего человечества. Можно свои мысли, слова и дела приспособить к тому, чтобы сделать свою жизнь легкой и сытой, но ничего не оставить, а хуже того – оставить такое уродливое и злое содеянное, что оно будет еще долгие годы продуцировать зло, уродство и ложь. Историческая память может быть и с нулевым содержанием, т.е. пустой, или даже негативной, индуцирующей зло, уродство и ложь.

Сказанное даже не намек, а прямое предупреждение к участникам исторического события – возрождения и формирования системы исламского образования новой России. Принимая то или иное конкретное, даже, казалось бы, частное решение, необходимо постоянно коситься на вечность, думать об исторической памяти и пользоваться ею. При этом, понятно, нужно оценивать и фильтровать содержание исторической памяти через сито гуманизма.

Памятники ставят героям, но память хранит не только героическое, а всякое: доброе и злое, великое и мелочное, истинное и ложное, красивое и уродливое. Когда как – и непонятно, что она такое и как она работает. Произвольное запоминание иногда бессильно перед трансцендентным, т.е. перед той памятью, которая приходит к нам неизвестно откуда. Она вдруг и неизвестно почему актуализирует вовсе не то, что бы мы хотели вспомнить и вообще помнить. Иногда упорно заставляет нас помнить то, что бы мы хотели стереть не только из памяти, но и из нашей жизни навсегда. То, что хочется помнить, легко забывается и стирается из памяти, а то, что хотелось бы поскорее забыть, так и остается навсегда неизгладимым впечатлением. И последнее прибежище от "даров" такой диверсии, говорят, молитва или раскаяние – кому как удобно. Как бы легко жилось на свете, если бы не иллюзорная панацея этих схем.

Памятники возникают из того же корня, что и живая память. Они тоже бывают разные, из всякого материала и неожиданной формы. Например, кресты с распятым Христом. Возможно, сравнение хромает: В.С. Высоцкий не сын Бога. Эти имена, хотя и сопредельные, но разные. Но этими образами незримо руководит та самая трансцендентная память, перед которой пасует

любая тренированная память со всеми хитрыми ухищрениями мнемотехники. Оставим в стороне общие абстрактные места и внешний декорум, подчеркнем лишь конкретные реалии, чтобы хоть что-то вычленишь и увидеть в свете логического мышления в сути трансцендентной (исторической) памяти.

Имя Владимира Высоцкого запоминается непроизвольно, его специально не стараются запоминать, это имя образует содержание самопонимания и самопознания каждого интеллигентного и думающего человека, кому досталась горестная доля жить в XX веке. В каждом из нас ныне здравствующих живет весь наш век с двумя мировыми войнами, бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки, трагедией Чернобыля, СПИДом, терроризмом, локальными войнами, апартеидом, геноцидом, коммунизмом, фашизмом, экологическими глобальными и множеством личных, конкретных, локальных проблем. Не было пока в истории человечества такого страшного века, как этот прошедший – XX век, и он достался нам. Мы все внутренне испачканы всем выше перечисленным. Каждый из нас то ли депо, то ли питомник, то ли мерило всех этих ужасов последнего столетия. Скрытая ошибка в стремлении искать объяснение всему вне себя. Такой объективистский подход перестает годиться, когда перед нами появляются примеры жизни, подобные судьбе В.С. Высоцкого, который жил в том же веке, что и все мы, но иначе: без накопления пороков эпохи. Он собирал красоту, а не уродство и убожество, как большинство людей. С таким содержанием страшно и невозможно жить, ибо любой думающий человек понимает, что все это результат нашего всеобщего страха перед насилием. Наш духовный страх породил насилие, распространяющее зло во всех его материальных и духовных формах. Чтобы сделать этот век светлым, гуманным, добрым, красивым, истинным, человечеству не хватило героев, пример которых вселял бы в других мужество. Не хватило светлой исторической памяти. Каждый человек, наверно, это понимает, но прячет эту мысль на дне своей памяти, скрывая под наносами потока повседневных деталей жизни, которыми оправдывает и свою лень, и свою глупость.

Когда-нибудь В.С. Высоцкому поставят, возможно, памятник и у Петровских ворот. Трансцендентная память есть не только у отдельных людей, но и у общества, и у человечества. Разве дело в этом? Если о конкретном человеке – В.С. Высоцком – то памятник у него уже есть: нерукотворный. К нему, как сказал другой поэт, никогда не зарастет народная тропа. Этот памятник – имя, которое не надо заучивать и стараться запоминать для какой-то утилитарной пользы, которое не замутит рябь бытовых случайностей. Это имя открывает широкий простор вечности и бесконечности, где дышится и живется немного легче всем обычным людям, задавленным насилием и страхом будней.

Чтобы оставаться человеком в этом подлом мире, необходим источник, из которого можно было бы черпать мужество жить по-людски, не пресмыкаясь. Такой опорой для миллиардов слабых людей являются редкие герои, сумевшие прорвать липкую оболочку обыденности, сумевшие

подняться с колен и взглянуть на звезды. Те, кто не пожелал прожить свою единственную и неповторимую жизнь по шаблону, созданному другими и далеко не лучшими представителями человечества, создают вокруг себя ауру героизма. Мы, восхищаясь ими, приобщаясь к их исторической памяти, сами немножко становимся героями, приобретаем мужество для того, чтобы не пресмыкаться трусливо всю жизнь. Некоторым под воздействием этих примеров удастся совершить даже качественные переломы своей судьбы. Кто-то сказал, что нет судьбы, кроме той, которую мы делаем сами. Это – правда, но не вся. Сказанное относится только к героям. У большинства людей нет судьбы, есть лишь поток сумбурных, случайных событий. Надо быть выше повседневности, чтобы строить свою судьбу. К таким героям принадлежит В.С. Высоцкий, который хотел и стал великим. Его имя хранится не просто в психологической памяти, а в душе и делах каждого, кто желает быть хоть немножко человеком. И памятник ему стоит из более прочного материала, чем гранит и бронза, - из светлого духа в каждом человеке; из духа, который творит жизнь достойную человека, который нельзя запретить под дулом автоматов или разрушить бульдозерами. Его памятник не только нерукотворный, но и не тленный. И благословенно будет его имя, доколь в подлунном мире жив будет хоть один порядочный человек. А зов быть порядочным или хотя бы казаться таким приходит, как и трансцендентная память, из ниоткуда, но ко всем. Поэтому В.С. Высоцкого считают «своим» представители почти всех социальных групп, начиная от рафинированных интеллигентов и заканчивая рецидивистами-уголовниками. Он действительно со всеми, и одновременно он ничей. Он сумел свою судьбу поднять на трансцендентный уровень, откуда к нам, людям, порой помимо нашей воли, слышится голос нашей совести, говорящий нам правду о том, кто мы на самом деле есть вопреки тому, что мы думаем о себе и за кого выдаем себя. Граница этой сферы брезжит на горизонте того, что мы называем духовностью и что зиждется на правде совести. Совесть, видимо, и является ядром, главным элементом исторической памяти. Все наши оправдания собственной трусости жить по-людски есть холостой выстрел в тумане духовности, если не слышен голос совести. Не стоит эхо этого выстрела принимать за дуэль с собственным бессилием и никчемностью. На этом пути не стяжать славы! Реальные герои не оправдываются: они страдают и живут своей собственной жизнью, творят свою судьбу, срывают повязки с глаз слепой богини. Их будут судить не современники и даже не потомки.

Оценки таким людям выносят не современники и даже не потомки, вообще не отдельные люди. Их место и величие определяет История. Самое трудное в этой жизни – стать и быть самим собой, а не выполнять функцию, которую навязывают тебе обстоятельства и сильные мира сего. Жизнь Высоцкого – борьба за право быть ни на кого не похожим, кроме самого себя. И его стремление быть значимой каплей в океане человеческой истории увенчалось успехом. Но за это приходится расплачиваться. И маршрут давно известен: с крестом на Голгофу. В этом ряду распятых Высоцкий не первый, но хочется

верить, не последний. И каждый думает при этом: "Но только не я..." В связи с этим приходит на ум притча о баранах и волках.

БАРАНЫ²²⁵

"Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: так будьте мудры, как змии, и просты, как голуби" (Библия. Евангелие от Матфея. Гл. 10. Ст. 16).

Оказались заблудшие два барана в темном лесу среди волков. Пока хищники не проснулись и пока не рассвело, один из баранов торопливо обломал рога, обточил копыта под когти, а зубы под клыки, наслюнявив, выпрямил колечки шерсти. Закончив перевоплощение, начал зевать, стараясь завывать: "У – у – у – у..." Получилось нечто похожее на "бэу – бэу – бэу...". Под удивленными, злыми и подозрительными взглядами волков он делал вид, что он заболевший волк, потому вид у него немного бараний и голос с хрипотцой. Поверили... кажись... Облегченно вздохнул...

Второй же, прочистив голос, от души заблеял, вслушиваясь и наслаждаясь звонкой мелодией бараньего естества, понимая, что слышит эти звуки в последний раз. Счастливчика загрызли. В пиршестве, скрывая отвращение, участвовал и урчал от показушного удовольствия "умный" баран, который прожил в стае, завывая по ночам на Луну, до старости. Вид здорового волка, естественно, ему не вернулся, и его долго еще считали в стае "паршивой овцой" с отклонениями, которой место не в стае, а в стаде. Многие стало привычным, лишь сны, пожалуй, оставались без изменения – бараньими.

Когда волки стали досажать соседней деревне, на них устроили облаву и перебили. Люди были удивлены: в стае волков оказалось всего один старый волк, а все остальные были подстриженные под волков бараны и козлица.

Трудно быть героем, тропинка на Голгофу не очень-то затоптана, ибо каждому хочется подольше пожить и походить по широким асфальтированным проспектам, искупаться в теплом море и увидеть своих счастливых потомков.

Героизм и состоит в том, чтобы не быть не только бараном, но и волком, а суметь сотворить свою судьбу по законам красоты, доброты и истины. Владимиру Семеновичу Высоцкому это удалось сделать. Тем выше его величие, что он сумел это сделать, во-первых, в подлом веке, во-вторых, в подлом государстве, в-третьих, среди... волков и козлиц.

Ницше делил бытие на Дионисийский и Аполлоновский уровни. Первый - истинный, где нет привычных для Аполлоновского уровня иерархий, систем, порядка, отнимающих у людей необходимость в каждый момент своей жизни самим принимать творческое решение. Второй уровень – мир застывших обломков реальной жизни, где все навсегда заранее расписано для ленивого ума и для душ, не желающих нести ответственность ни за себя, ни за других. Люди (в терминах Ницше "толпа"), образующие "народ", живут в Аполлоновском мире. Политика, право, религия, мораль и так далее – все заранее уже упорядочили и расписали, как человеку правильно жить. Ему не надо себя утруждать поиском истины, они уже даны в готовом виде. Надо лишь заучить и пунктуально выполнять. Такова повседневность обычного человека и банальной жизни. Но

²²⁵ Хазиев В.С. Философские эссе. Уфа, 2003. С. 31.

среди людей время от времени появляются те, кто не желает терять своей дионисийской природы, хотя бы обрекая себя на страдания или даже на смерть. Для толпы они "глупые бараны", не понимающие здравого смысла повседневной жизни, где надо насиловать свое естество для удобства и утилитарной пользы. Ницше называет их "сверхчеловеком". Они творят новый пласт Аполлоновского порядка, который новое поколение "умных баранов" будет принимать за истины последней инстанции, а прежний "сверхчеловек" станет своим для всех представителей толпы народа – от рафинированного интеллигента до уголовника. О причине этого мы уже говорили выше. Высоцкий завоевал право быть самим собой, непохожим ни на кого. Он не принадлежит ни государству, ни народу, ни нации, ни партии, ни отдельному человеку. Поэтому он ничей и общечеловеческий, ибо реализовал естественное право, данное каждому, но реализуемое лишь единицами, – войти в историческую память человечества. Как Дионисийская инструкция звучат слова другого великого русского поэта.

"Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней, верно, нет его"²²⁶.

Может, тогда удастся каждому из нас прожить именно свою жизнь, а не ту, что подкидывает случайность рождения, родителей, образования, политических, правовых и других норм.

Формирующаяся сегодня система исламского образования новой России дала шанс многим современным мусульманским деятелям и светским педагогам, во-первых, прикоснуться к исторической памяти предшественников; во-вторых, и самим стать частью исторической памяти.

§ 3.

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ²²⁷

Если нет любви к детям, педагогический университет уже ничем не поможет...

(Реплика на ученом Совете БГПУ им. М. Акмуллы)

Ясно, что система мусульманского образования новой России в любом варианте будет частью системы образования России в целом. Какими нитями первая будет связана со второй – частный вопрос. А то, что они будут взаимосвязаны, это не вызывает сомнений, ибо исламское образование будет черпать своих учеников и учителей из граждан России. Общий культурный уровень российской педагогики будет влиять на культуру мусульманского образования. Реформирующаяся педагогика России также опирается на историческую память. Вспоминают все: и о том, как учили в Киевской Руси и в Древнем Новгороде, как образование вплеталось в сословные отношения, как влияла церковь на образование и воспитание детей, как Петр I резко повернул образование в сторону Запада, как выпускники Царскосельского лицея повлияли

²²⁶ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин. Соч., в 3-х т. Т. 2. М., 1986. С. 248.

²²⁷ Благодарю за помощь в подготовке данного параграфа свою дочь – Е.В. Хазиеву.

на судьбу России, как пришли в образование разночинцы, как возникло и что означало слово «интеллигент» в России во второй половине XIX века, как ликвидировали в первые годы советской власти безграмотность населения, как создавалась советская начальная, средняя и высшая школа, как пытаются реформировать всю систему российской системы образования сегодня, как должна она выглядеть завтра. Историческая память, действительно, становится «исторической», т.е. охватывает все части вектора времени: прошлое, настоящее и будущее. Время перемен – это «проклятое» время и для системы образования. Страдают все: и дети, и учителя, и родители, и теория, и практика, и материальная база, и духовная жизнь, и, в особенности, гуманистические основы обучения и воспитания. Реформы ломают все, в том числе и гуманистическую суть отношения к ученикам, т.е. самую любовь к ученикам, без которой любая система педагогики будет бесчеловечной.

Демократизация общественной жизни коснулась и системы образования в форме некоторой децентрализации управления и повышения самостоятельности регионов. Делается попытка смонтировать новый каркас, учитывающий специфику как федеральных, так и региональных, местных интересов и потребностей. В согласии с этим позитивным замыслом воцаряется необоснованная уверенность, что достаточно разработать хорошо каждый из компонентов, и система в целом тоже будет хорошо работать. Как ни импозантно выглядит внешняя наполненность новациями, в глубине души брезжит сомнение в возможности действительного качественного обновления образования. Опасения достаточно серьезные и обоснованные. Федеральные, региональные, местные и индивидуальные части могут оказаться объединенными лишь во внешнем, организационном плане, а внутренне, по существу, по собственной идее только случайно конвергентны, а то и вообще принципиально чужды друг другу. Привкус горечи от того, что в очередной раз вверяем судьбу случаю, надеемся "на авось", ощущается многими. Опять незрячие врачуют слепых. Легко же понять, если компоненты просто рядоположены, то этому ряду нет внутреннего предела, и он может продолжаться до дурной бесконечности. Здесь нужно другое мышление, другое видение сути дела.

В предыдущем параграфе говорили об истории развития человеческого мышления. Если схематично построить по принципу от прошлого (простого) к настоящему (более сложному), то развитие сознания человечества выглядит так. Отдельные знания об единичных предметах, событиях, явлениях. Так сказать, "точечные" знания. Далее эти "точки" выстраиваются в ряд. Получается линейное, последовательное мышление. На следующем шаге эти линии начинают переплетаться, сплетаться, получается системно-структурное мышление (видение мира). Далее мышление поднимается до видения в динамичных системах противоречий как "естественных" моментов бытия и познания. Возникает диалектическое мышление, которое упирается в Хаос. Чтобы понять Хаос, нужно МЫСЛИТЬ абсурдно, а не логично. Логика – зона упорядоченного Универсума (на языке античности – космоса). Но в Абсолюте есть и зоны хаотичного. Эти зоны тоже познаваемы разумом. Но по-иному, чем упорядоченная часть мироздания. Абсурдное мышление – это не мышление сумасшедшего, не бред, а

мышление с четко заданной траекторией. Если абсурд есть нарушение правил логики, то логика есть нарушение правил абсурда. Следовательно, абсурдное мышление – это мышление, строго нарушающее правила логического мышления, нарушающее правила логики, так сказать, «зряче», сознательно. Иными словами, абсурдное мышление – это мышление, сознательно и правильно нарушающее правила логики, логического мышления.

При любой новой власти чиновники от образования начнут для демонстрации собственной активности переставлять компоненты по своему произволу. Нужна самодостаточная, живущая и функционирующая по своим законам общественная система образования, пронизанная собственной идеей, которая не может быть пленена суетной неразберихой жизни. Если нет этой глубинной, фундаментальной, мировоззренческой идеи, если нет гуманитарной и гуманистической философии образования, реформирование живого организма может привести к скрытому перелому. Какая же это философия образования и откуда ее взять? Времена философии, которая все объясняла и всем помогала, прошли. Выйдя из проторенной колеи на бездорожье, мы оказались без ориентиров. Нет сегодня единственной верной, единственно научной, единственно истинной философии, которая служила мировоззренческой основой нашей жизни в недавнем советском прошлом. Можно плакать или радоваться, но факт – ее нет. Субъективные попытки политиков и философов предпочесть марксистско-ленинской философии что-то из западной, или прошлой отечественной, или религиозной философии будут успешными лишь в том случае, если их симпатии совпадут с реалиями того мировоззрения, ростки которого уже мощно восходят из складывающейся действительности. Бутафорная, на скорую руку сколоченная из политических лозунгов идеология рынка – это лишь временная философская декорация, только частично и поверхностно отражающая реальный менталитет нашей жизни. Эти разумные основания начинают осознаваться в той мере, в какой они вызревают.

Глаза, привыкшие к темноте, болят от света и на свету не видят. Пора понять: радеть о благе людей, навязывая им насильственно какую-то философию, нельзя. Это ведет к тяжким испытаниям. Философия общества – это философия той конкретной жизни людей, в которой они оказались, осознание ими самих себя, своей ценности, смысла своего бытия и небытия, жизни и смерти в той материальной и духовной сетке координат, в которой они пребывают.

При социализме человек сам собой особенно не интересовался. Зачем? Партия за него думала, государство за него решало, Родина о нем заботилась. Окруженный таким вниманием, он не был нужен никому, даже самому себе. Сегодня ситуация изменилась, стала другой и философия. Не потому, что философы конъюнктурщики, а потому, что философия и есть квинтэссенция своего времени. В это смутное время человек оказался один на один с собой. Сам думай, сам решай, сам выбирай, сам делай. Общий шаблон и квазизабота исчезли. Неожиданно весь мир локализовался в каждом из нас. И каждый мучается одними и теми же вопросами.

- Что мне делать?

- То, что умеешь.

- А что я умею?
- То, что знаешь.
- Что я знаю?
- То, на что способен.
- Но на что я способен?
- А кто это, кроме тебя, знает?

Караул! Спасите! Помогите! Скажите, кто я есть такой?!

Стали искать ответ: кто опять у Маркса, кто у Яхве, кто у Аллаха, кто у западных мудрецов, кто у восточных, кто в мистике и каббалистике и т.д. Смешно, право! История ничему не учит. До чего же сильны стереотипы мышления. Опять то же самое: кто мне даст, кто за меня решит, кто мне укажет, кто мне объяснит... Никто! Сам! А как? Просто. Вот – ты, вот – мир, природный и общественный. Ты кто? Человек – существо разумное, уникальное звено в цепи Вселенной? Вот и оправдывай свою уникальность! И помни, если не найдешь сам своего и для себя правильного решения, ни боги, ни герои, ни президенты – никто тебе не помощники! Фантастика! Парадокс! Но так: именно сегодня человек оказался центральным элементом общества. Философия нашего общества становится философией человека не на словах только, а на деле, становится антропологической философией. Вот это да! Мы-то думали, что философия человека – это ласковая няня, а оказалось, что она – увесистая дубинка. Действительность с такой философией пугает, многие предпочли бы броситься назад. Но в одну и ту же реку, говорил Гераклит, нельзя войти дважды. Возвращение человека в философию нашей жизни оказалось не триумфальным и весьма далеким от праздничного карнавала. Вместо красок рая перед нами разверзлась темная бездна неизвестного будущего.

Вышедший на дорогу должен идти. Тем более и спутник нашелся. Западная философия последние сто лет как раз и ищет человека. Они потеряли человека, по их мнению, в эйфории научных достижений и индустриализации. Увлечшись, перестали видеть особое место человека в мироздании, стали рассматривать его тоже как предмет научного анализа, как сложную, но логическую конструкцию. Обладатель уникального свойства – духа – потерял свою целостность, а вместе с этим и особую значимость и ценность в собственных глазах. Свои ответы на те вопросы, которые мы сегодня с ужасом выкрикиваем, дали разные философские концепции: "философия жизни", экзистенциализм, персонализм и другие течения и школы. Мы можем в этом многому у них поучиться, но отбросим лень ума: готовых рецептов жизни никто и никогда никому не давал и дать не может. Жизнь у всех своя и разная – особенно наша, с нашей странной ни на что не похожей историей и нашей страстью путать историческую память с фантазиями, иллюзиями, утопиями и надеждами. Свою жизнь и самих себя можем понять и изменить к лучшему только мы сами.

Действительность показывает, что апелляция к объективным условиям или оглядка на мировой империализм, на государство или вороватых чиновников бесперспективна, бессмысленна, безрезультативна. Нужно апеллировать к самому себе. Человек, причем каждый, главная решающая сила своей судьбы. Такова

новая парадигма философии действительности, или действительной философии жизни.

Тщетно осаждать в одной маленькой работе философию нашей жизни во всей ее полноте. Жизнь и философы постепенно конкретизируют и детализируют ее. Но пройти мимо одного момента невозможно, тем более, что этот вопрос может послужить направляющим лучом во всех последующих поисках решения проблемы человека.

Философская мысль давно установила, что уникальность человека в универсуме мироздания состоит в том, что он единственное существо, которое само может определить и изменить диапазон, масштаб своего бытия: от Сатаны до Бога, от ничтожества до идеального совершенства, от песчинки до Вселенной. Очень жестко об этом сказал Леонардо да Винчи, один из величайших гуманистов. Человек есть тот единственный элемент, говорил он, с помощью которого природа содержит себя в гармонии. Этот торжественный гимн человеку, его почти божественной роли в мире Леонардо заканчивает следующим абзацем: "Некоторые люди должны называться не иначе как проходами для пищи, производителями дерьма и наполнителями нужников, ибо от них ... ничего другого не видно, ничего хорошего не совершается, а потому ... ничего и не остается, кроме полных нужников"²²⁸. В этом диапазоне от нуля до Абсолюта и выбирает каждый человек свое место в жизни. Что бы он ни делал в жизни, он одинаково может делать это и как "наполнитель нужников", и как звено, которое привносит в бытие, в жизнь истину, красоту и добро. Кем и каким ему быть, каждый решает сам в реалиях той действительности, в которой протекает его жизнь. Учитель он или родитель, президент или дворник, пассажир метро или посудомойка, богач или бродяга – любое дело можно выполнять или как "производитель дерьма", или как творец истины, красоты и добра.

Нам думается, что в основе концепции образования должна лежать именно философия человека, ориентирующая его на понимание возможных границ бытия, в пределах которых он вправе и в состоянии сделать свой выбор. При таком подходе федеральный, региональный и все другие компоненты будут объединены внутренней идеей об абсолютном масштабе бытия и ценности человека, не навязывая, однако, насильственно ему никаких границ. Он, человек, свободен в выборе и сам будет нести ответственность за свой выбор при любых раскладах своей судьбы. Возможно, при такой исходной позиции мы захотим и сумеем выбрать, наконец, человеческий вариант жизни.

Мой учительский стаж позволяет решиться на некоторые вольные и искренние выводы. Слова эпитафии можно было бы написать на баннере-растяжке и повесить над входом в приемную комиссию педагогических учебных заведений.

– Трудно ли быть учителем?

– Нет, если есть любовь к детям.

Тогда это учитель "от бога". Как остроумно предлагал кто-то из моих коллег-учителей, тест на профпригодность учителя может быть очень простым. Надо посмотреть, что скажет человек, которого бегущий ученик случайно столкнет с

²²⁸ Цит. по: Зубов В.П. Леонардо да Винчи. М., 1961. С. 258.

лестницы. Если, скатившись по ступенькам, пострадавший, морщась от боли, первым делом воскликнет, обращаясь к ребенку: "Ты не ушибся?" – то это "наш человек".

К сожалению, Бог не так щедр, как хотелось бы. Как и абсолютный музыкальный слух, талантливый от природы учитель – редкость: возможно, один на тысячу, а то и еще реже. Большинство учителей – той или иной меры ответственности профессиональные работники, т.е. люди работающие, прежде всего, ради куска хлеба, зарабатывающие себе на жизнь. Того, что не дал Бог, обычные учителя стремятся восполнить трудом. Человеческая и профессиональная честь, чувство долга, ответственность, глубокие знания хотя и не могут заменить полноценно талант, но обязательные составляющие профессии учителя.

Не только это. Понимание того, что высшая ценность – это жизнь, а она у каждого только одна, неповторимая и уникальная, является обязательной составляющей "профпригодности" учителя. Относиться с уважением и ценить свою и учеников жизнь, т.е. здоровье и время, – одно из главных требований к профессии учителя.

Вроде так просто! Это наша земля, это наша жизнь, здесь могилы наших предков, здесь будут жить наши дети, внуки, правнуки... Поэтому все, что мы, учителя, делаем, должно служить основой счастливой жизни нас самих, наших учеников и наших потомков.

Это философия. А в повседневной жизни: расписания, уроки, задания, контрольные, "пятерки", "двойки", заседания, совещания, журналы, шум-гам, бегодня, обиды, жалобы, отчеты, недели, месяцы, четверти и пр. В основном – нервы, нервы и нервы...

Но труд есть труд. Надо терпеть и работать.

Но самое главное в работе учителя не физическое и даже не нервное непрерывное напряжение, а творчество. Никакие знания, никакие умения, никакие навыки, никакие компетенции не помогут учителю в самой простой ситуации, если у него нет творческих способностей: чего-то такого, что состоит из смеси интуиции и ЗУН (знаний, умений, навыков), из смеси божественного и человеческого, из смеси таланта и приобретенного опыта, из рационального и интуиции. Новые веяния продолжают влиять на историческую память о системе образования. Вот один маленький фрагмент о том, как философские идеи входят в педагогику.

Понятие "ризома" появилось в философии постмодернизма, введенное в 1976 году Делёзом и Гваттари в совместной одноименной работе. Новое понятие переплетается со знакомыми ранее понятиями "структура" и "система". Ризома характеризует нелинейность в организации материальной или духовной системы, отменяя требование внутренней инвариантности ("генетической адекватности"). Если речь идет о тексте (наиболее предпочтительного предмета постмодернизма), то ризома отрицает традиционное требование семантической центрированности структуры текста. Ризома разрешает интерпретационный плюрализм, признавая полную внутреннюю свободу текста. Правильного на все случаи жизни текста и его интерпретации нет и не может быть. Структура текста каждый раз

разрушается и создается новым читателем соответственно наличным конкретным обстоятельствам как объективного, так и субъективного характера. Ризома – это тот "хаосмос" (еще один термин постмодернизма), из которого каждый раз вырастает "новый старый текст".

Вынесенная в название тема нацелена на поиск основы педагогики, которая имела бы не осевую ориентацию с замкнутыми и статичными линейными структурами, а выростала из "мочковатой системы корешка" (термины постмодернизма). В ризома потенциально содержится бесконечная возможность вариантов развития основы, которая может развиваться куда угодно и иметь какую угодно конфигурацию. Если не быть пристрастным, видно то, чего традиционная педагогика упорно не желает признавать: за всю историю педагогики еще ни разу не удалось получить тот результат, который прогнозировался в начале педагогической деятельности. Напрашивается вывод, что нужно искать новые основы педагогики. Методологическим ориентиром может послужить концепция "ризомы". Объект педагогики необходимо рассматривать как ризома, т.е. как цепь плато, по образному описанию Делеза и Гваттари, которую покидают колонны муравьев, движущихся к новым плато. Каждое плато может быть включено в диалог "учитель-ученик" в любом месте и фрагменте вместе с любым другим. Становление ученика осуществляется и интерпретируется не в форме жесткой линейной структуры, а в форме свободной игры структур. В гуманистической педагогике нет логики жестко векторно ориентированных структур в обучении и воспитании. Любая точка ризомы может быть связана со всякой другой в бесконечном многообразии возможных вариантов конкретных обстоятельств жизни. Педагогика станет не внешней силой, которая из материала природы и культуры лепит человека, а лишь основой, задающей представление о мире, ибо "к росту и развитию способен любой человек"²²⁹ сам. Такая методологическая основа гуманистична по своей сути, ибо имманентно содержит в себе и идею самоценности человека, бесконечности масштабов его развития, и требование предельной его свободы в самореализации при любых объективных обстоятельствах и условиях жизни. Новое философское видение может дать и новые результаты реформирования педагогики. Как известно, взгляд со стороны иногда позволяет лучше видеть не только достоинства, но и недостатки, которых, к сожалению, в традиционной (консервативной) отечественной педагогике еще достаточно.

Учитель постоянно должен быть готов к импровизации. Для этого у него должен быть солидный багаж истинно человеческих качеств: ума, доброты, чувства юмора, интуиции, достоинства, чести, доброжелательности, уважения к другим людям, неформальный интерес к ним и т.д. В качестве примера, иллюстрирующего все сказанное, приведу литературно обработанный пример из личной учительской жизни.

Был в подшефной школе. В темном закутке коридора натолкнулся на двух "петушков", по виду из 5-го или 6-го класса, молча и яростно дерущихся. Точнее, один, ростом и весом побольше, результативно (у противника был расквашен нос,

²²⁹ Маслоу А. Цель и значение гуманистического образования // Здравый смысл. 1998. № 6. С. 29.

кровью испачканы лицо, рукава формы: он рукавом вытирал шмыгающий нос), отбивал наскоки мелюзги-противника, который дрожал и рычал от неудовлетворенной злости. Несмотря на свой жалкий вид именно пострадавший, чувствовался, был инициатором этого кровопролитного побоища.

За воротники растащил в разные стороны. Молча и тяжело дыша, бычась, глянули исподлобья.

- За что воюем? – гаркнул я, сам несколько удивляясь своему тону и нахлынувшему бесшабашному настроению.

Молчат.

- Кто виноват? – принимаю грозный устрашающий вид.

- Он! – яростно тычет кулаком “мелюзга” в сторону “амбала”, вырываясь, чтоб наброситься на противника.

- Суть дела! – приказываю я.

- Человеку в портфель, гад, лягушку засунул! – не то рыча, не то рыдая, заорал малыш и рванулся так, что угрожающе затрещал воротник. Что “человек”, за которого заступился этот симпатичный рыцарь, с косичками, я догадался как-то вдруг и сразу.

- А чего же ты стоишь, – удивленный скорее своим поведением и словами, чем событием, сказал я, – дай этому поганцу как следует, – и отпустил заступника Прекрасной дамы, чуть замешкавшись с освобождением толстяка. Через пять шагов, завернув за угол, я осторожно выглянул, а потом, раскрыв рот от удивления, и вовсе высунулся. Ну и ну! Сникший, косолапая, неуклюже качаясь, виноватый улепетывал, а забияка-мальчуган ускорял его разгон пинками ниже спины.

Этот непедагогичный шаг сначала меня рассмешил. Потом заставил задуматься. Как человек я, безусловно, поступил правильно, а вот как педагог...

Если бы я был учителем в этой школе, то, узнав про мое “соломоново решение”, педсовет, скорее всего, меня бы выгнал из школы “без выходного пособия”, как говаривал мой одноклассник – ныне декан в пединституте. Такова наша действительность. А почему, собственно, эти два варианта поступка должны быть различными?

Высшей степени человеческий поступок, должен быть и в высшей степени педагогичным. Ведь истина всегда одна.

Меня это событие заинтересовало, захотелось узнать его продолжение. Наивно было бы надеяться, что характер маленького человечка, потрясенного такой “непедагогичностью” поступка взрослого человека, тут же переменится. Но урок, что в подлости союзников среди людей не найдешь, что будешь битым и морально, и телесно, не должен был пройти бесследно.

Задним числом для себя решил, что один такой урок стоит сотни словесных внушений, ибо свой жизненный опыт – это уроки, наиболее быстро усваиваемые.

Нашел-таки молодцов, правда, где-то через месяц-полтора, после описанного ЧП. Ответ классной руководительницы на мой вопрос, изменилось ли что-либо в поведении этих мальчиков за последнее время, откровенно меня озадачил.

- Стал по школе шагом ходить.

Это о том, который лягушку в школу принес.

- А раньше?

- Раньше он носился, сшибая всех с ног.

- С чего бы это?

- Не знаю, пугливый он какой-то стал. Раньше он ходил, расталкивая всех; поведение было вызывающее, я бы даже сказала, наглое. Теперь норовит сделать мелкую пакость исподтишка, втихомолку.

Вот тебе и педагогика! Вот тебе и “урок жизни”. Ремесло и хлеб педагога тем и нележки, что результат однозначно непредсказуем, ибо перед тобой всегда, пусть даже пока малюсенькое, чудо природы – Человек. Ну а с ремесленника по чуду спрос особый: он должен быть Чудотворцем, то есть мастером процесса, состояния, динамики, непрерывно текучей и изменяющейся жизни. А потому истинный педагог никогда не должен быть зачарован даже самыми удачно найденными правилами, приемами и решениями, ибо они зачастую теряют свою эффективность вместе с этим конкретным событием. Философский принцип абсолютности движения непосредственно накладывается на профессию учителя. Покой всегда относителен, а абсолютизация его превращает мудрейшие положения педагогики в нелепейшие догмы, вредные и опасные. Для тех, кто имеет дело с людьми, покой и лень души противопоказаны. Выход один: учить тому, как ты сам живешь. Иного не дано. Иное уж не педагогика, а лже-педагогика. Учить одним принципам, а самому жить по иным – дело совершенно бесперспективное. Хочешь, чтобы твои ученики были умными, добрыми и красивыми, стремись сам жить согласно этому! Педагогика бесконечна в своем многообразии, как и жизнь. Мастерство ремесла и состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае найти то единственно верное решение, которое образует осмысленное, доброе и красивое звено в цепочке вверенной тебе другой жизни. Если ты сам чужд тому, чему учишь, то для твоих учеников чужими станут и твои проповеди, и ты сам. Учение превратится в поучение. Таков обреченный на постоянное творчество лик учителя.

Сказанное об отдельном учителе в полной мере относится и к обществу в целом. Яркий тому пример - наша действительность. Благие призывы остаются призывами, если есть люди, которые считают, что законы, правовые и моральные, их не касаются. Растет алчность, которая нас и съест, если не помогут учителя...

§ 4.

АНТРОПОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА АБУ ХАНИФЫ²³⁰

Имам Абу Ханифа²³¹, обучая иджтихаду²³², исходил из своего представления о человеке как существе, сотворенном Аллахом в единстве его тела, чувств и разума. Таким, каким современная педагогическая антропология представляет целостность человека. Историческая память в ее самом простом понимании как воспоминание того, что уже было известно давно, в прошлом, присутствует в

²³⁰ В подготовке этого параграфа принимала участие к.ф.н. Елена Валерьевна Хазиева.

²³¹ Нугманн ибн Сабит аль-Имам аль-Агзам Абу Ханифа (699-767 гг.; по хиджре 80-150 гг.) – выдающийся факих и мухаддис, основатель одного из четырех суннитских мазхабов (школ). Родился и получил образование в Куфе. Среди его учителей были и сподвижники пророка Мухаммеда. Первый систематизатор фикха. Автор трактатов "Аль-фикх аль-акбар", "Муснад аби ханифа" и др.

²³² Иджтихад – деятельность имеющего право самостоятельно решать вопросы религиозно-правового характера, на которые нет прямых указаний в Коране и сунне.

современной системе образования в любых ее формах и уровнях. Возможно, и нет ничего нового на белом свете, чего не было бы раньше и чего бы не знали наши предки. Но это вовсе не аргумент для отказа от творческого подхода к жизни. И в особенности в области обучения и воспитания детей. Знания учителя мало что значат без его живого (разумного и эмоционального) участия. Использование известных истин должно быть у учителя окрашено в свет его личностных характеристик. Объективистский подход в педагогике противопоказан. Творческий подход в деятельности учителя возможен только при наличии у него любви к детям. О единстве любви и творчества в педагогической деятельности мы уже неоднократно говорили выше. Еще раз продемонстрируем это на примере великого мыслителя и учителя Абу Ханифы, на примере целостности его жизни: личности и деятельности.

Если просмотреть метод обучения и воспитания Абу Ханифы в свете современных проблем педагогики, можно отчетливо увидеть позицию, гласящую, что в образовании должны присутствовать и линейное накопление знаний, и обучение молчанию, и очищению сердца слезами, и сосредоточенности в самом себе, и ощущению и осознанию значимости определенной позы, и повторение молитв, и многое другое, что не поддается чисто рациональной систематике. Речь о единстве рациональных и иррациональных элементов жизни и деятельности. Абу Ханифа выдвигал требование целостного рассмотрения человека, когда речь идет о его бытии, т.е. требование не абсолютизировать какую-то одну сторону его жизни, какой бы важной, архиважной, значительной и главной она не была. Здесь явно видно, что всесторонность не исчерпывается многосторонностью.

Современная российская, да и в целом мировая, педагогика оказалась узурпированной наукой, тем течением, которое получило название сциентизма (вариант технократизма). Суть этого направления исчерпывается предельно простыми лозунгами: наука – высшая форма познания, наука всесильна, научное познание исчерпывающе охватывает все бытие, нет ничего, что могло бы быть принципиально недоступно научному познанию! То, что еще не разложено на детали наукой, что ею не объяснено как причинно-следственные связи и отношения, представляется наукой и объясняется ею как "дело лишь времени". Такой подход не допускает, что может быть что-то, чего она не может в конечном счете когда-нибудь объяснить.

В бытии много такого, что системно, упорядоченно и осуществляется по определенным законам и что можно выразить в логике научных понятий. Это так, и мало кто с этим спорит. Но в бытии не меньше и хаотичного, бессистемного, абсурдного, чувственного, подсознательного, что науке совершенно недоступно. Здесь она бессильна. То, что случайно и мимолетно, очевидно, науке не под силу ухватить и разложить "по косточкам", т.е. в систему определенных знаний, истинность которых можно проверить в повторяющихся опытах и экспериментах.

Представители сциентизма про эту область знают. Они пытаются обойти ее, унизив как что-то не заслуживающее познания, как бессмыслицу, бесполезную мелочь, не имеющую значимой ценности и недостойную серьезного внимания. Наука обижается напрасно. Здесь вины ее нет. Просто наука амбициозно ошибается в определении предела своего предмета. Она всесильна и незаменима

езде, где есть порядок, системность, логика – какие угодно по степени сложности. Но в мироздании много такого, что невозможно выразить в форме истинных знаний (законов) науки, их можно познать лишь в форме истинных знаний философии, искусства, религии.

Мы уже неоднократно писали и говорили, что долгое противостояние науки и религии, уходящее корнями вглубь веков, не только не принесло полную победу ни одной стороне, но и славу никому не стяжало. И этот спор (борьба) не закончен. Еще сегодня неизвестно, кто окажется в конечном счете прав. Казавшаяся еще в начале XX века окончательная победа научной позиции сегодня, в начале XXI века уже не так убедительна и сомнительна. Теория коэволюционного развития, возможно, первая сознательная уступка науки, сознательный шаг назад от сциентизма. В ходе этого исторического спора у каждой стороны были свои победы и свои потери.

Человек всегда больше, чем его ум, его сознание, его знания. В нем еще много такого, чего нельзя положить под пресс эксперимента и практического критерия проверки на истинность. Например, милосердие и чувство красоты.

Человеку для счастья нужны многие категории бытия и познания, которые наука выносит за скобки, – доброта, любовь, сострадание, красота, милость, дружба, доверие, честь, совесть, достоинство, долг. Это – правда! Но человек не может жить и без тех истин, или истинных знаний, что дает ему наука. Для полноценной реформы системы образования необходимо произвести ревизию всей истории педагогической культуры человечества, включая и систему религиозного обучения и воспитания. Общечеловеческая историческая память полна не только рациональными достижениями, но там много ценностей и чувственных, и иррациональных, и бессистемных, хаотичных, подсознательных, бессознательных, интуитивных, воображаемых, иллюзорных, мимолетных и т.д.

В основе проекта современной системы реформирования образования должна лежать антропологическая идея, четко обозначенная, как мы выше отметили, у Абу Ханифы, что нет перед человеком роковой альтернативы "знать или верить". Для полноты (целостности) бытия и познания человека педагогике нужны обе стороны.

Если говорить о специальных моментах педагогики Абу Ханифы, необходимо в первую очередь отметить требования к системности образования и воспитания. Это видно из той иерархии детерминантов при разработке большинства вопросов шариата, которую предлагает Абу Ханифа: Коран, сунна, единодушное мнение улемов, суждения по аналогии и собственное решение с учетом конкретных обстоятельств: конфессиональных, моральных, экономических, возрастных, гендерных, семейных, профессиональных, ситуационных и других. Ответ на вопрос должен быть обоснованным максимально полно и системно. И высокий профессионализм (владение в совершенстве арабским языком, знание наизусть Корана и его толкований, хорошее знание сунны и комментариев к ней и др.) обязательное требования к учителю и иджтихаду. Сохранилось предание о том, что Абу Ханифа, узнав, что в одной из мечетей собираются люди, чтобы изучать

фикх²³³, но у них нет учителя, сказал: "Они никогда ничему не научатся, ибо они могут допустить ошибку, но не узнают о ней, и будут идти против истины, считая, что поступают хорошо". В любой системе, в том числе и в педагогической, есть центральный (основной, ключевой) элемент, связывающий в единую сеть все остальные. По мнению Абу Ханифы, в обучении таким элементом является учитель. Он считал, что никто, кроме учителей, не может привить ученикам любовь к знаниям.

Сказанное имеет прямое отношение к современным дискуссиям о сути образования и роли учителя. В силу целого ряда социально-экономических причин роль учителя в современной России оказалась приниженной. Как рациональная реакция на эти "чувствования" униженного положения учителя в обществе послышались голоса о том, что учитель в его прежнем статусе – источник знаний – сегодня не нужен. Даже в этой книге есть отголоски такого настроения, где речь идет о всестороннем развитии человека и красивой школе. Там говорится, что надо учить не сумме знаний, а развивать у ребенка способности к самообразованию, к поиску и усвоению знаний самостоятельно. При этом сторонники этой точки зрения часто ссылаются на доступность знаний в интернете, на развитие дистанционных технологий, на подъем уровня психолого-гносеологических способностей детей раннего возраста и пр. В этой позиции есть, безусловно, положительные, позитивные элементы, отражающие сегодняшнюю социальную и педагогическую ситуацию. Несомненно. Но, безусловно прав и Абу Ханифа. Учитель нужен всегда в любой его роли: источника знаний, организатора, руководителя, проводника и т.д. и т.п. Необходимо учитывать возраст, личность каждого ученика на каждой точке траектории его образования. Кому-то учитель нужен как источник знаний, кому-то, возможно, больше как воспитатель, кому-то как старший друг, кому-то как образец для подражания, но всегда нужен. Человеческий детеныш вне человеческой среды, без учителей, как И. Кант настойчиво подчеркивал в своей статье "О педагогике", никогда не сможет стать человеком. У него в отличие от детенышей других живых существ биологический набор рефлексов не обеспечивает развитие родовых и видовых характеристик социального существа. Учитель – олицетворение социума, источник культуры, педагогическая среда. Как и другие величайшие учителя человечества, Абу Ханифа сам был олицетворением единства учения и собственной повседневной жизни. Уже при жизни ходили легенды о его щедрости, которая свидетельствовала о понимании им несправедливости распределения материальных благ среди людей разного сословия; о его кротости, доказывающей понимание им бренности и суеты земных ценностей; о терпении, сочетающемся с трудолюбием; об искреннем уважении к людям. Даже внешний его облик соответствовал тем идеалам, которым он обучал и по которым воспитывал своих учеников. Имам Абу Ханифа был смугловатым человеком выше среднего роста. Он отличался приятной и внушающей уважение внешностью, имел длинную бороду и носил красивую одежду, чалму и сандалии. Человек, который так внимательно следит за своей внешностью, не может быть

²³³ Фикх – исламский комплекс социальных норм; мусульманское право в широком смысле слова.

безалаберным по отношению к своему внутреннему миру. Неряшливость в одежде нередко сопряжена с таким же отношением к своей душе. Абу Ханифа, вероятно, относился внимательно не только к чистоте и опрятности одежды, но и к своим чувствам, мыслям, словам и делам. Он часто пользовался благовониями, по запаху которых можно было узнать о его появлении. Он отличался крайней худобой, ибо из-за страха перед Аллахом Всевышним и долгого поклонения, как свидетельствовали его современники, на костях его почти не осталось мяса, не говоря уже о жире.

Он имел, как свидетельствуют источники, красивый голос, который для учителя не просто инструмент, а дополнительный источник аргументации истинности излагаемых им положений. Неприятный голос мешает воспринимать мудрость и красоту услышанного. Абу Ханифа как учитель понимал это и, вероятно, постоянно работал над своим голосом. Дикция, умение модулировать свой голос, менять не только громкость голоса, но и изменять регистр тональностей – все входит в требование профессионализма учителя, каким был, несомненно, имам Абу Ханифа.

Ходили легенды и о красноречии имама. Ораторское мастерство – обязательная составляющая часть профессионализма учителя. Для красноречия необходимо множество составляющих элементов: словарный запас, который можно накапливать только через чтение множества различных чужих текстов; лексической грамотности тоже надо учиться; красноречие требует развитого чувства аудитории, ее настроения, т.е. требует несомненных психологических знаний. Красноречие предполагает уверенность в своих знаниях и возможностях; умение владеть собой, контролировать свои чувства и мысли. Красноречие требует четкого осознания цели своего выступления и пути ее достижения. Все это присутствовало в деятельности Абу Ханифы.

Что же касается смерти, то имам всегда учил людей, что смерть в истине лучше пустой жизни. Его жизнь и поступки соответствовали тому, чему он учил. Это видно из множества примеров, описанных его учениками и современниками. Вот рассказ Хафса бин ‘Абд ар Рахмана, являвшегося компаньоном Абу Ханифы, который снабжал его товаром. Хафс рассказывал, что однажды Абу Ханифа, прислав ему товар, предупредил, что в какой-то из одежд имеется недостаток, который он назвал, и велел ему указать на это покупателю, если тот будет продавать её. Хафс продал товар, но забыл указать на этот недостаток и ничего не сказал тому, кто купил у него. Когда же об этом узнал Абу Ханифа, он раздал в качестве саадаки²³⁴ все полученные деньги от всей партии, а было там тридцать тысяч дирхемов. Если вспомнить, что Абу Ханифа в день тратил на еду два дирхема, то розданных денег ему хватило бы на более чем четыре года пропитания.

Личность учителя как системообразующего элемента, по представлениям Абу Ханифы, должна быть безупречной. Один из учеников вспоминал, как Абу Ханифа вышел навстречу своим ученикам и сказал: “Вы принесли радость моему сердцу и развеяли его печаль. Я оседлал для вас фикх и взнуздal его, а вы можете

²³⁴ Саадака – милостыня по спонтанному побуждению.

сесть на него верхом, если пожелаете. И я сделал так, что люди ходят за вами следом, ожидая, когда вы что-нибудь скажете, и подчинил вам их. Нет среди вас никого, кто не годился бы на должность судьи, а десять человек из вас могут стать учителями судей. Я прошу вас ради Аллаха и того великого знания, которое Он вам даровал, не допускайте унижения этого знания! Если кто-нибудь из вас подвергнется испытанию и ему предложат должность судьи, но он будет знать, что есть у него недостаток, который Аллах скрыл от прочих Своих рабов, пусть помнит, что нельзя ему быть судьёй, и не станет благим удел его; если же внутренне он является таким же, как и внешне, то он может быть судьёй и удел его будет благим. И если необходимость заставит его стать судьёй, пусть ни в коем случае не отделяет себя от людей, и посещает общие молитвы, и перед каждой молитвой спрашивает, не нужно ли чего кому-нибудь, а после вечерней молитвы спрашивает об этом по три раза и только потом уходит домой. Если же он заболит и не сможет исполнять свои обязанности, он не должен будет получать своё содержание за время болезни”²³⁵. Эти слова - почти прямая инструкция, как нужно воспитывать и отбирать современных чиновников, которые в большинстве случаев считают, что они не обязаны ничем ни перед своей должностью и работой, ни перед людьми, ради которых существует их должность.

Система обучения, как видим, у Абу Ханифы неразрывно связана с воспитанием. Абу Йусуф, один из лучших учеников Абу Ханифы, сохранил слова своего учителя, который говорил: "Прежде всего, займись поисками знания, затем – приобретением дозволенного богатства, а затем – поисками жены, ибо, поистине, если сначала ты вместо поисков знания займёшься приобретением богатства, то не сможешь искать знание. Богатство будет побуждать тебя покупать рабынь и невольников, и ты погрязнешь в делах мира дольного”. Затем имам сказал ему: “А когда ты приобретёшь богатство, займись делами брака и обращай со своей женой так, как я тебе говорил. Кроме того, тебе следует страшиться Аллаха Всевышнего, возвращать доверенное, проявлять искренность по отношению ко всем людям и не относиться к ним с пренебрежением. Уважай их, поменьше общайся с ними, если только сами они не будут стремиться к общению с тобой, а при встречах с ними разбирай вопросы фикха, и тогда интересующиеся этим займутся постижением знания, а те, которые этим не интересуются, станут чуждаться тебя и при этом они не будут ни сердиться на тебя, ни окружать тебя”. Учись, работай, создай семью, живи в согласии с людьми, честно исполняй свои обязанности – что еще можно сегодня добавить в этот ряд рекомендаций...

Из частных моментов педагогических установок Абу Ханифы можно отметить настойчивое педалирование им мысли, что учить нужно только тех, кто сам желает учиться. Он советовал не говорить "о фикхе с тем, кто не желает постичь его, ибо в противном случае ты только доставишь мучения и этому человеку, и другим своим собеседникам. Не возвращайся к разговору с тем, кто станет перебивать тебя, ибо такой человек лишён любви к знанию и маловоспитан”. И

²³⁵ Цитаты взяты из интернетовских источников, поэтому из-за отсутствия корректных ссылок не имеют точного указания авторов этих работ.

имам часто говорил: “Коран есть слово Аллаха, выше которого тебе не подняться”. Мотивация к получению знаний, по мнению Абу Ханифы, - одна из самых ярких, дарованных Аллахом человеку способностей, каким бы делом он не занимался.

Одни из шейхов аль Бухари – Макки бин Ибрахим – вспоминал: "Я занимался торговлей, и имам сказал мне: “Торговля без знания портит взаимоотношения между людьми”, а потом он наставлял меня, пока я не обрёл знание. И с тех пор каждый раз как я вспоминаю имама и его слова во время своих молитв, я обращаюсь к Аллаху с мольбами даровать ему благо, ибо благодаря ему предомной открылись врата знания". Настоящий учитель должен прививать ученику всеми средствами, профессиональными и личностными качествами любовь к знаниям. Если нет мотивации к постоянному пополнению своих знаний, профессионализма не получится. Накопленные индивидом знания без их творческого развития и пополнения из разных источников быстро устаревают. Только там, где есть постоянная потребность в знаниях, может быть настоящий профессионализм. Для учителя же эта потребность – главная. Учитель с устаревшими знаниями не просто бесполезен, он вреден и опасен. О том, что знания сами по себе благодать и что надо это чувствовать и ценить, Абу Ханифа повторял постоянно: “Приобретающий знание ради мира этого будет лишён благодати знания, которое не утвердится в его сердце и никому не принесёт пользы. Для того же, кто приобретал знание ради религии, оно станет благословенным и утвердится в его сердце, а те, кто будут учиться у него, получат пользу благодаря его знанию”.

Среди педагогических аспектов учения Абу Ханифы необходимо отметить также два взаимосвязанных момента: стремление и умение к постоянному самообразованию и непереносимое сопровождение приобретаемых знаний собственными размышлениями. Знания без размышлений могут привести к непредсказуемым результатам, опасным и вредным как для самого человека, так и для других людей; а размышления без знаний пусты и бесполезны, ибо иногда огромный труд оказывается потрачен на "изобретение велосипеда". Имам Абу Ханифа говорил: “Человек, стремящийся к изучению хадисов, но не способный к размышлению, подобен аптекарю, собирающему лекарства, но остающемуся в неведении о том, для чего они нужны, до тех пор, пока не приходит врач”. Мысли Абу Ханифы, сказанные сыну: “Если человек хочет изучать хадисы, но не стремится к изучению их толкования и познанию их смысла, то усилия его пропадут даром и это принесёт ему вред”, – перекликаются с мыслями другого восточного мудреца – Конфуция, который говорил, что знания без размышлений – бесполезны, а размышления без знаний – опасны.

Сам Абу Ханифа ночи напролет просиживал за чтением Корана. Долгие его размышления над прочитанным потом переходили в процесс обучения, построенные, как сказали бы современные педагоги, на основе личностно ориентированной системы обучения и воспитания. Если продолжить экстраполяцию, то Абу Ханифа строил обучение на основе интерактивной технологии. Режим диалога позволял ему одновременно решать обе главные педагогические задачи: как обучения, так и воспитания. Он предлагал ученикам

конкретный пример, конкретный вопрос для рассмотрения. Каждый ученик мог свободно высказать свою точку зрения, приведя аргументы в поддержку своей точки зрения. В этом пункте явно просматривается дедуктивный подход. То есть каждый ученик искал последовательно возможный вариант ответа на вопрос в Коране (требовалось не просто знание текста, но и понимание смыслов и толкования), потом переходил к суннам и их толкованиям. И так последовательно выстраивал свой аргумент по указанной выше системе. Далее Абу Ханифа анализировал ответы своих учеников, отмечая достоинства и ошибки, в свою очередь подкрепляя их ссылками на Коран и сунну или доводами разума. Неизменно Абу Ханифа одобрял суждения тех, кто находил правильное решение, и поддерживал и направлял усилия всех остальных, выслушивая их с должным уважением. Обсуждение иного вопроса порой длилось несколько дней. На занятиях ученики приобретали не только и не столько сумму знаний (которую, кстати, в основном они должны были приобретать, на языке современной системы обучения, "путем самостоятельной подготовки"), сколько пищу для размышлений.

Разработку положений своего мазхаба Абу Ханифа корректировал по методу обратной связи, то есть постоянно советовался со своими учениками и последователями. Иджтихад Абу Ханифы был основан на исключительной искренности по отношению к Аллаху, его посланнику и всем верующим в целом. Последовательно рассматривая вопрос за вопросом, он всесторонне обсуждал каждый момент, каждый шаг, каждый аргумент, выслушивал мнения всех участвующих в обсуждении, проводил дискуссии, которые продолжались иногда месяцами и более, пока не находил окончательного определения. Только после этого ответ записывался чаще всего кадием Абу Йусуфом, о котором мы выше уже упоминали. Интересен момент, что метод обучения, используемый Абу Ханифой в зрелые годы, как бы повторял путь его собственного становления, когда он многократно ездил в Басру изучать основы религии и участвовал в дискуссиях с безбожниками и впавшими в заблуждение, защищая шариат от сомнительных толкований и заблуждений. Много, по искреннему признанию и благодарности самого Абу Ханифы он получил от своего учителя Хаддама ибн аль Сулеймана, образ которого вдохновлял его на требование высочайшего уважения к учителю.

Технический, индустриальный, научный передний край развития человечества ускоряющимися темпами уходит вперед. Духовное развитие, где находится депо вынесенных наукой за скобки как экспериментально не проверяемых качеств человека: любовь, уважение, смирение, верность, раскаяние, покорность, долг, милосердие, сострадание, честь, терпение, чувство красоты или омерзения к подлости и множество других – явно отстает от этого прогресса. Это отставание грозит привести человечество к трагическим планетарным последствиям. Сила и мощь природы в руках духовно неразвитых людей может обернуться глобальной катастрофой. Проблема ясна. Весь вопрос в том, как ее решить. Один из возможных вариантов сейчас пытается реализовать Россия. И на этом пути достижения величайших мыслителей мусульманского мира, к которым,

безусловно, принадлежит и Абу Ханифа, могут послужить маяком для выбора правильного направления в будущее.

Судьба Нугманн ибн Сабит аль-Имам аль-Агзам Абу Ханифы сложилась весьма поучительно. Образец человека, торговца, ученого, учителя оказался казненным властями как преступник. Что это? Когда случается катастрофа, причину ищут в технике, в погодных условиях и в человеческом факторе. Где причина трагического финала жизни имама Абу Ханифы? На мой взгляд, в "человеческом факторе", когда человек не захотел менять свои убеждения даже на собственную жизнь. В исторической памяти этот шаг Абу Ханифы занимает почетное место рядом с его делами, с его величайшим духовным наследием как образец искренности и честности учителя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

"Историческая память – средство для прыжка с прошлого через настоящее в будущее" – это фраза, которая завершала Введение. Дойдя до Заключения, я надеюсь, стало понятно, что понятие "историческая память" в контексте данной книги - не просто память о происшедших событиях, а высочайшее знание сути мироздания, в котором в силу каких-то обстоятельств возникло то, что мы называем разумом (мышлением, сознанием и другими словами). Правильным путем разума, разумной жизни в последние несколько столетий считали путь науки, научных знаний. Даже две мировые войны, оружие массового уничтожения, нарастающие глобальные проблемы не могут до конца подорвать веру в правильность предельно рационализированного пути развития человечества. Но сомнения нарастают по мере накопления нерешенных проблем, которые начинают казаться совершенно неразрешимыми. Не надо быть фанатичным марксистом, чтобы понять, что век товарно-денежных отношений со всеми их сложнейшими хитросплетениями всех сторон материальной и духовной жизни людей достиг своего пика, исчерпал свои прогрессивные возможности и начинает тормозить развитие разума, разумной жизни на планете. Человечество стоит на пороге открытия новой парадигмы социально-разумного бытия. Будет ли это открытие достигнуто тупым ползучим развитием жизни, через пробы и ошибки, через поисковые тупики, как было с идеей строительства коммунизма, или же найдется гений, на которого снизойдет озарение, в какой точке бифуркации нужно взять правильное направление, – суть уж не так важна. Дело будет заключаться лишь в цене человеческих жертв для нахождения этого пути, но он будет найден. Если, конечно, один из тупиков не закончится глухой стеной полного небытия земной разумной жизни. И этот вариант реален. Для этого и нужен гений, который успеет проговорить правильный новый путь до того, как человечество в слепом поиске не провалится в пропасть трагического небытия. У меня нет даже самой черновой гипотезы новой парадигмы жизни человечества. Коммунизм как идея подавал какие-то надежды, но оказался в том виде, в каком его пытались реализовать в XX веке, лишь одним из тупиков. Значит, не тут надо искать. Коммунизм видел главное зло товарно-денежных отношений в "святости частной собственности". И ошибся. Следовательно, кардинально надо менять не институт частной собственности, а что-то другое в товарно-денежных отношениях. Что именно – подскажет или уже подсказывает сама жизнь. Как всегда, трудно это увидеть первым. Потом будет казаться, что все с самого начало это видели и знали. Но нужен гений, который будет первым голосом, возвещающим, что наступает рассвет. Этот голос и должен содержать в себе ту самую космическую (вселенскую) историческую память, чтобы открыть людям онтологическую истину разумного бытия человечества на новые столетия, а, может, и на тысячелетия, как это было с товарно-денежными отношениями в предыдущие тысячелетия.